

БАЛКАНСКОЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

БАЛКАНСКОЕ
языкознание

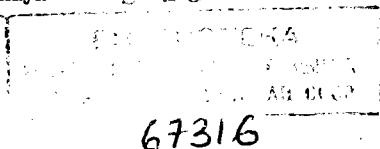
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1973

Статьи сборника посвящены различным вопросам античной и современной балканистики. В них исследуются как частные явления древних и современных балканских языков, так и вопросы формирования литературных языков и связей балканских языков с анатолийскими и балтийскими языками.

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук
проф. С.Б. Бернштейн
кандидат филологических наук
Г.П. Клепикова

4
Б-20

БАЛКАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Утверждено к печати Институтом
славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор издательства А.Н. Знаменская
Технический редактор В.И. Дьяконова

Подписано к печати 16/II - 73 г.
Формат 60 x 90 1/16. Усл. печ. л. 20,75.
Уч.-изд. л. 23, II. Бумага № I.
Тираж 1350 экз. Тип. зак. 118.
Цена I р. 70 к.

Книга издана офсетным способом

Издательство "Наука", 103717 ГСП,
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
I-я типография издательства "Наука",
Ленинград, В-34, 9-я линия, 12.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю.В.Откупщиков. Балкано-малоазийские топонимические изоглоссы	5
В.Н.Топоров. К фракийско-балтийским языковым параллелям . .	30
А.А.Белецкий. Становление новогреческих глагольных парадигм (настоящее и прошедшее длительное время изъявительного наклонения действительного залога)	64
Ю.А.Допашов. К вопросу о типах местоименных повторов дополнения и их употреблении в литературном новогреческом и других балканских языках	81
Т.В.Цивьян. Аппозиция в связи с некоторыми тенденциями развития синтаксических структур новогреческого языка	93
В.П.Гудков. Славянские предлоги болг. към, къде, код, макед. кон, каде, кај, с.-хорв. код, куде и иноязычные балканские соответствия	142
Г.П.Клепикова. Из карпато-балканской терминологии высокогорного скотоводства. П. <i>vatra</i>	149
Г.К.Венедиктов. Фрагменты истории болгарской орфоэпии .	170
Е.И.Демина. Ценный памятник новоболгарской письменности (заметки о Троянском дамаскине ХУП в. и его издании)	211
Р.П.Усиков. Значения и употребление причастий в македонском литературном языке	257
А.В.Десницкая. О предпосылках образования албанского литературного языка	283
И.И.Воронина. Соотношение генитивных и аблативных атрибутивных сочетаний в албанском языке	301
М.А.Габинский. О происхождении старого албанского инфинитива (тип <i>me ba/me bërrë</i>)	310
А.В.Жугра. К вопросу о двух типах будущего времени в литературном албанском языке	324

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник "Балканское языкознание" содержит исследования, посвященные вопросам античной и современной балканистики. В этих исследованиях, выполненных учеными Москвы, Ленинграда, Киева и Кишинева, рассматриваются как частные явления древних и современных балканских языков, так и проблемы языковой интерференции на территории Балканского полуострова.

Балканские языки содержат очень интересные и важные факты для изучения языковых влияний, роли субстрата в формировании "языковых союзов", дают возможность решить многие трудные вопросы типологии, позволяют наглядно показать процесс становления литературных языков. Неслучайно в настоящее время балканское языкознание привлекает внимание лингвистов самых разных специальностей. Много важных факторов и теорий в трудах лингвистов находят специалисты по этногенезу балканских народов.

Сборник "Балканское языкознание" в основном посвящен грамматике балканских языков. Рассматриваются вопросы формирования аналитического склонения, местоименной репризы, инфинитивных конструкций, изучается процесс становления глагольных парадигм и т.д. Несколько статей посвящено проблеме формирования балканских литературных языков.

БАЛКАНО-МАЛОАЗИЙСКИЕ ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

Догреческая топонимика Балкан и Малой Азии уже давно привлекает к себе внимание исследователей. Еще Страбон отмечал, что имеется немало совпадений в топонимике Фракии и Троады (XIII, 590). Эти совпадения объясняются известными фактами миграции племен из фракийско-македонских областей Балканского п-ва в северо-западную, центральную и даже восточную (армяне) Малую Азию. Сведения об этих миграциях нам сохранила античная традиция, что подтверждается рядом совпадений не только в области топонимики, но также и этнонимии: *Μυσοί, Μυρδό-
ves, Βρύχοι, Παίονες, Δάρδαναι* — эти и некоторые другие племена жили как на Балканском п-ове (Иллирия, Македония, Фракия), так и в Малой Азии (главным образом в северо-западной ее части). Общее направление миграции этих племен с северо-запада на юго-восток в настоящее время, кажется, ни у кого не вызывает сомнений. Поэтому балкано-малоазийские топонимические изоглоссы типа *Πέρχαιρος, -ον* (Македония — Троада), *Νέσσος* (Фракия — Троада), *Πατ(ο)νιον* (Иллирия — Вифиния), *Ἐδέσσα* (Эпир, Македония — Фригия), вероятнее всего, обязаны своим происхождением широкой волне переселения племен из центральной и восточной части Балканского п-ова в Малую Азию.

Однако круг балкано-малоазийских топонимических изоглосс отнюдь не ограничивается указанными выше территориями. Большое их количество мы находим также на юге Балканского п-ова (Греция), на Крите и на островах Эгейского моря — с одной стороны, в юго-западной и южной Малой Азии — с другой. Список балкано-малоазийских совпадений в области топонимики приводится в ставшей уже классической статье Дж.Б.Хейли и К.У.Блегена¹. Эти же авторы нанесли соответствующие топонимы ("группа А") на карту, присоединив к ним топонимы с "анатолийскими" суффиксами ("группа В") и с "анатолийскими" корнями ("группа С").

Работа Дж.Хейли и К.Блегена имеет ряд существенных недостатков и пробелов. Прежде всего, авторы исходили из предположения об "анатолийском" происхождении догреческих топонимов Балканского п-ова. Отсюда — односторонний отбор материала, исключение всех тех случаев, когда догреческие топонимы могут быть объяснены из догреческой же (субстратной) апеллятивной лексики, унаследованной греческим языком. В списке балкано-малоазийских топонимических изоглосс отсутствуют ука-

¹ J.B.Haley and C.W.Blegen. The Coming of the Greeks. — AJA, XXXII, 1928, стр.141–159. Список приводится на стр.143 (в части работы, написанной Дж.Хейли).

зания на области, в которых засвидетельствованы топонимы. И если для Греции это отчасти компенсируется наличием карты, то распределение данных топонимов на территории Малой Азии остается вне поля зрения исследователей. Авторы статьи, по существу, интересуют лишь южная часть Балканского п-ова. Северная Греция (Фессалия и, особенно, Эпир) обозначена на карте почти сплошным белым пятном, хотя все три типа топонимов (А, В и С) встречаются здесь значительно чаще, чем это отмечено на карте. Большая часть Иллирии, Македонии и Фракии вообще отсутствует на карте, а южная полоса этих областей, захваченная картой, осталась совсем не тронутой авторами, несмотря на то, что именно в этих областях сосредоточено особенно большое количество топонимов с догреческими суффиксами, а также полностью совпадающих с малоазийскими топонимами. В результате список балкано-малоазийских топонимических изоглосс в работе Дж.Хейли и К.Блегена оказался неполным. Он содержит менее 30 наименований, в то время как действительное количество идентичных догреческих топонимов, встречающихся на Балканах и в Малой Азии (в обоих случаях – включая прилегающие острова), превышает 100.

Попытки картографировать догреческую топонимику Балканского п-ова и Малой Азии предпринимались и позднее. Но при этом обычно на карту наносились лишь топонимы с догреческими суффиксами - $\nu\delta$ -, - $\nu\delta$ - и - $\epsilon\epsilon$ -. Поскольку совпадение 30 (а тем более 100) топонимов никак не может быть случайным, свидетельствуя о том, что одна из групп является "исконной", а другая – "переносной"², имеет смысл привести соответствующий список изоглосс с указанием местоположения каждого топонима с тем, чтобы впоследствии подвергнуть эти изоглоссы анализу³.

² J.W.Haley and C.W.Blegen. Указ. соч., стр.142.

³ В списке приняты следующие условные сокращения: Н – топоним отмечен Дж.Хейли; F – A.Fick, *Vorgriechische Ortsnamen als Quelle für die Vorgeschichte Griechenlands*, Göttingen, 1905; Hux – G.L. Huxley, *Crete and the Luvians*, Oxford, 1961; Kr – P.Kretschmer, *Die Vorgriechischen Sprach- und Volksschichten*, "Glotta", XXVIII, 1940. Впрочем, многие из остальных изоглосс также отмечались в литературе.

Ссылки на Фракию и Македонию иногда даются условно, ибо античные авторы нередко один и тот же топоним называют то фракийским, то македонским. Поэтому в статье иногда приводится конкретное географическое указание (например: Халкидика).

При подсчетах о-в Имброс был отнесен к Фракии, Лемнос и Тенедос – к Троаде, Лесбос – к Мисии, Хиос – к Лидии, Самос, Спорады и Родос – к Карию, Кефалления – к Аккарнии, Закинф – к Элиде, Кифера – к Лаконике и т.д. В качестве самостоятельных областей выделены Эвбея, Крит, Киклады (Балканы) и Кипр (Малая Азия).

1. Ἀβα(ι) Фокида - Кария (Н),
2. Ἀθῆναι Акарнания, Беотия, Аттика, Лаконика (-ᾱ-) - Кария, Каппадокия,
3. Αἰαί Македония, Локрида, Эвбея, Ахайя - Мисия, Киликия,
4. Αἴθερα Ахайя - Киликия,
5. Ἀκανθος Македония - Кария,
6. Ἀκέβα(ι) Македония - Троада,
7. Ἀλαββα Крит - Писидия,
8. Ἀλινδα, -οια Македония - Кария,
9. Ἀλμῆνη Эпир - Пафлагония,
10. Ἀνθανία, -οι Мессения - Кария,
11. Ἀπιθάνεις Фессалия - Троада,
12. Ἀπсара Крит - Ликия (г 36),
13. Ἀρχιλος, -α Фракия - Кария,
14. Ἀρχιββα, -ζα Фессалия - Мисия,
15. Ἀρεβος, -η Фракия, Беотия - Троада (2),
16. Ἀρμενισιν, -έα Фессалия - Армения,
17. Ἀρνα(ι), -η⁴ Македония, Фракия, Фессалия, Беотия, Аркадия - Ликия (2),
18. Ἀρνιββα, -αεος Македония - Кария,
19. Ἀρπηεές, -αεος Фракия - Кария,
20. Ἀεεές, -α Эпир, Фокида - Троада (Н),
21. Ἀωος Иллирия, Фессалия - Кипр, Киликия,
22. Βάρβαλα, -γυλία Македония - Кария,
23. Βερεκυνδος, -οι Крит - Фригия,
24. Βρένθη, -ις Аркадия - Троада,
25. Δαίδαλα Крит - Кария, Ликия,
26. Δίκηη Крит - Троада,
27. Ἐδεбба (вариант: Ἀἰδεбба), Эпир, Македония - Фригия,
28. Ἐρμος Аттика - Мисия, Вифиния, Фригия (Н),
29. Θῆραι, -η Фессалия, Беотия - Троада, Кария, Каппадокия (Н),
30. Θῆρα Киклады⁵ - Кария (2) - Н,
31. Ἰάρδανος Элида, Крит - Лидия (Н),
32. Ἰαβ(ε)δос Ахайя - Кария, Армения,
33. Јεραб(ε)ос Фракия (Дакция) - Кария⁶,

⁴ Топоним встречается и к западу от Балканского п-ова.

⁵ Строго говоря, о-в Фера к Кикладам не относится, но географически он гораздо ближе к ним, чем к материку Малой Азии.

⁶ См.: K.Vlahov. Nachträge und Berichtigungen zu den thrakischen Sprachresten und Rückwörterbuch. "Годишник на Софийския университет", филологически факултет, LVII, 2, 1963, стр. 219-372, а также:

34. Ἰλλυρία(ς) Иллирия - Кария,
35. Ἰκαρία, -ία Македония, Аттика (2) - Кария (F 121),
36. Ἰμβρος Фракия (2) - Кария,
37. Ἰββία, -ίς Иллирия - Троада, Киликия,
38. Ἰετрос, -ία Иллирия, Фракия (Мезия) - 2, Крит - Кария (2) - (F 126),
39. Καρνηβός, Καρναβός Фракия - Ликия, Каппадокия,
40. Κάδμος Эпир - Кария (2) - Н,
41. Καλυδών, -ώνης Этолия (2), Беотия - Троада (2), Кария (2) - (F 64),
42. Καρία Эпир (?)⁷ Мегарида - Кария (Н),
43. Καρνησός(πολις) Крит (ср. Ἀλίκαρνα - Эвбея) - Ἀλικάρνασός Кария,
44. Κάρος Фракия - Киликия,
45. Κάρύα(ι) Лаконика, Аркадия - Кария,
46. Καέταλεια Фокида - Киликия (Н),
47. Καῦρος Крит - Кария,
48. Κελένδερις Арголида - Киликия (Н),
49. Κύνδριον Крит - Кария, Ликия, Пафлагония (F 24, 126),
50. Κορησ(ς)ός, -ία Крит, Киклады - Лидия (Н),
51. Κρῆσα Фракия - Кария, Памфилия,
52. Κύθηρα Фессалия, Лаконика, Крит - Кипр,
53. Κυλλήνη Аркадия, Элида - Лидия,
54. Κύρρα, -η Крит - Кария, Памфилия,
55. Λάχης, -ος Македония - Фригия,
56. Λαχινά(πτρον) Крит - Λαχινά, Кария (F 36),
57. Λαπίθη, -ος Фессалия - Кипр,
58. Λάριε(ς)α Фессалия (4), Аттика, Арголида, Ахайя, Крит (2) - Троада, Мисия, Кария (Н),
59. Λάρυμνα Локрида, Беотия - Кария (Н),
60. Ληδαίος Фессалия, Крит - Кария (ср. F 14),
61. Λένδος Лаконика - Кария (2) - Н,
62. Λύκαετος Крит - Понт (2) - Н,
63. Μαγνησία Фессалия - Лидия, Кария (F 14),
64. Μαλία, Μελία⁸ Фессалия - Мисия, Кария,

J. Sundwall. Kleinasiatische Nachträge. "Studia Orientalia", edidit societas orientalia Fennica XVI, I. Helsinki, 1950, стр. 21.

⁷ См.: Н. Kronasser. Zum Stand der Illyristik. - ББЭ, IV, 1962, стр. 16-18 (и карта на стр. 17).

⁸ О колебаниях в передаче карийского а и е в данном и других топонимах см.: W. Brandenstein. Karische Sprache. - PW, Suppl. Bd. 6, 1935, столб. 141.

65. Μάρπησσα Киклады - Троада (Н),
66. Μίδεια Беотия, Арголида - Ликия,
67. Μίλατος Крит - Кария (2), Мисия, Пафлагония (Н),
68. Μινύα Фессалия - Фригия,
69. Μυχδονία Македония - Вифиния,
70. Μυκαλησός Беотия (2) - Кария (2) - Н,
71. Μύνδος Аркадия - Кария (2),
72. Μύρινα Крит - Троада, Мисия,
73. Μυρία Фракия, Арголида - Мисия,
74. Νάξος, -ία Киклады - Кария,
75. Νέσος Фракия - Троада,
76. Νέββα, Νῆβα Фракия (2), Фессалия, Беотия, Эвбея, Киклады (2) - Кария, Писидия, Каппадокия;
77. Όλυμπος, -η Иллирия, Фессалия, Аттика, Эвбея, Элида, Аркадия, Лаконика (3) - Троада (2), Мисия, Лидия (2), Фригия, Кипр (3), Ликия (Н),
78. Πακτύη(ς) Фракия - Лидия,
79. Παρυγέβος, Παργαίβος Фокида - Каппадокия (Н),
80. Πατά(ο)νισσ Иллирия - Вифиния,
81. Πέρχамος, -ον Македония, Фракия, Крит - Троада, Мисия, Кипр (Н),
82. Περχάδ(ε)ή Аттика - Παρχαεῖς Кария (Кг 251),
83. Πήδαβος Мессения - Троада, Кария (Н),
84. Πίνδαбος Арголида - Мисия,
85. Πιτάνη Лаконика - Мисия,
86. Πιτιά Иллирия, Фракия - Мисия, Кария,
87. Πέδνα(ι) Македония, Крит - Ликия,
88. Πύραμος, -ία Арголида - Киликия,
89. Σαλαμís, -ίν Аттика - Кипр,
90. Σάμος Фракия, Акарнания (2), Элида - Кария (2) - Н,
91. Σαρμῶνισσ Крит - Троада,
92. Σαρπηδών Фракия (2) - Киликия (2),
93. Σίδη, -αι Беотия, Лаконика - Понт, Памфилия,
94. Σίνδος Македония - Σίνδα, -ία Ликия, Писидия,
95. Σκιρῆτις Аркадия - Кария (Н),
96. Σύμ(μ)αίβος, -α Фессалия - Кария (F72),
97. Σύρνος Киклады - Кария,
98. Τάρρα Крит - Лидия (Н),
99. Τερμησός Беотия - Писидия (Н),
100. Τισαρησός, -εῖος Фессалия - Каппадокия,
101. Τράλλεις, -α, -ία Иллирия - Фригия, Кария,
102. Τροιλήν(η) Арголида, Мессения - Кария (F72),
103. Ύηττός Беотия - Ύιεός Кария (Кг 251),
104. Ύμηττός Аттика - Ύμησός Кария (Fux 31),

Данный список в какой-то своей части, видимо, может быть дополнен, а в какой-то — сокращен (там, где совпадения объясняются сравнительно поздней колонизацией). В целом же количество изоглосс, вероятно, должно достигать примерно 100. В список не вошли топонимы, имеющие одну и ту же основу, но различные суффиксы. Например: *Κάρυτος* (Эвбея) — *Κάρυα* (Кария), *Κυλλάνα* (Аркадия) — *Κύλλαντος* (Кария), *Ἀδράνη* (Фракия) — *Ἀδραεῖς* (Киликия), *Μήτην* (Этолия) — *Μήτης* (Кария), *Ὀλυνθός* (Халкидика) — *Ὀλυνθος* (Кария), *Ἀργεῖα* (Фессалия) — *Ἀργεῖα* (Кария) и т.п. Не вошли сюда также топонимы, созданные по догреческим словообразовательным моделям, если эти модели были усвоены греческим языком (например, топонимы на *-εῖεα*, *-έεεα*).

При отнесении того или иного топонима к догреческому субстрату приходится постоянно сталкиваться с серьезными трудностями. Не все приведенные топонимы обладают ярко выраженными догреческими суффиксами. То обстоятельство, что греческий язык усвоил ряд догреческих словообразовательных моделей, нередко затрудняет проведение четкой границы между догреческой и греческой топонимикой. Однако попытки этимологизировать некоторые из приведенных в списке топонимов на основе греческого языка едва ли можно признать убедительными. Так, В.Георгиев возводит *Καλοῦν* к **Καλφ-εῖν* 'l'eau belle'.⁹ Невозможность подобной этимологии станет достаточно очевидной, если мы сопоставим *Καλφ-εῖν*, *Καλφ-δῶς* с *Μακε-δῶν*, *Μακε-δῶς* и с *Μακέτης* (= *Μακε-δῶν*) с одной стороны, а также с *Κάλφ-νδα*, *Κάλφ-μνα* (Кария), *Κάλφ-νδός* (личное имя) — с другой. Перед нами — обычное догреческое суффиксальное образование типа *Ἀσπλη-δῶν* (Беотия), *Σαρπη-δῶν* (Фракия, Киликия), *Μυρρι-δῶν* (личное имя) и т.п.

С греческим *νέεα* 'мета, поворотный столб' явно соотносятся многочисленные топонимы *Νέεα*. Часть этих топонимов, по-видимому, была распространена уже греками. Но сам апеллятив и древнейшие из приведенных топонимов имеют, по всей вероятности, догреческое происхождение¹⁰.

Учитывая приведенный список изоглосс, а также "неполные" изоглоссы типа *Ὀλυ-νθ-ος* — *Ὀλυ-μ-ος*, *Ἀδρα-ν-η* — *Ἀδρα-εε-ός* и т.п., остановимся на некоторых статистических данных. Прежде всего, рассмотренные изоглоссы наиболее часто встречаются в следующих областях Балканского п-ова и Малой Азии (числа обозначают количество встретившихся топонимов):

⁹ VI. Georgiev. La toponymie ancienne de la péninsule Balkanique et la thèse méditerranéenne. — ББЗ, III, 1, 1961, стр. 49.

¹⁰ A. Carnoy. Etyma Pelasgica. — АС, XXIV, 1955, стр. 20.

<u>Балканы</u> (с островами)				<u>Малая Азия</u> (с островами)	
Крит	- 3I	Аркадия	- II	Кария	- 83
Фракия	- 28	Аттика	- II	Троада	- 2I
Фессалия	- 24	Арголида	- IO	Мисия	- 20
Македония	- 22	Иллирия	- IO	Киликия	- I6
Беотия	- I3	Эпир	- IO	Лидия	- I4
Лаконика	- II			Ликия	- II
				Фригия	- IO
Всего на Балканах - I8I				Всего в Малой Азии - I75	

Здесь перечислены лишь те области, в которых встретилось не менее IO изоглосс. С учетом остальных областей соотношение изоглосс на Балканах и в Малой Азии будет равняться 225:213. Небольшое расхождение в числах объясняется тем, что в случае наличия нескольких одинаковых топонимов учитывался каждый из них.

Приведенные цифры позволяют сделать ряд важных наблюдений. Рассматриваемые топонимы наиболее часто встречаются в Кари и на Крите. На Балканском п-ове можно выделить северную область распространения топонимов, в которой западные районы (Иллирия, Эпир) имеют меньше изоглосс, чем восточные. В Македонии, Фессалии и Фракии встречается более 70 топонимов, совпадающих с топонимами Малой Азии (в том числе - 58 полных совпадений). Если учесть, что на карте Дж. Хейли Македония и Фракия вообще остались вне поля зрения, то станет ясным, сколь существенным является отмеченный факт для изучения древнейшей топонимики Балкан и Малой Азии.

В качестве важного очага изоглосс рассматриваемого типа можно выделить также небольшие по занимаемой площади области центральной Греции - Аттику и Беотию (24 топонима). С этой областью мы еще встретимся в ходе дальнейшего исследования.

На территории Малой Азии отчетливо вырисовываются два основных центра топонимов, совпадающих с балканскими: I) северо-запад (Мисия, Троада) - 4I топоним; 2) юго-запад (Кария и прилегающие к ней Лидия и Ликия) - IO8 топонимов. К северо-западной области следует присоединить также топонимы Фригии, и возможно, Киликии (26 топонимов). Миграция фригийцев из Европы в Азию, как известно, шла именно через области Троады и Мисии, а Киликия, по свидетельству античных авторов, была в глубокой древности заселена выходцами из Троады, где жили троянские киликийцы Her. VII, 91; Strabo, XIV, 667-668, 676; Plin. V, 26 и др.).

Что касается Кари и соседних с ней Лидии и Ликии, то совершенно ясно, что "эпицентром" рассматриваемых топонимов является здесь Кария. Эта маленькая страна имеет в IO раз больше балкано-малоазийских

топонимов, нежели обширная Каппадокия. Характерно, что на юго-западе Малой Азии подавляющее число изоглоссы мы находим в прибрежных областях и на островах. Поскольку побережье Лидии и прилегающие к нему острова в древности занимали лелеги и карийцы^{II}, доминирующее положение Кари в топонимике этой малоазийской области не вызывает сомнений. Расположение основной массы балкано-малоазийских топонимов на островах Эгейского моря и в прибрежных районах Малой Азии (на Балканах эта их особенность не так ярко выражена) свидетельствует о том, что народ, распространявший данные топонимы, был морским народом^{I2}.

Для выявления характера балкано-малоазийских топонимических связей очень важным представляется вопрос о конкретной географической направленности изоглоссы. Ссылки на Балканы или Малую Азию в о о б щ е едва ли могут принести большую пользу. Необходимо выяснить, какие именно области Балканского п-ова имеют наиболее тесные топонимические связи с конкретными областями Малой Азии. Поскольку абсолютно наибольшее число рассматриваемых изоглосс находится в Кари, имеет смысл начать именно с карийско-балканских изоглосс.

Здесь в первую очередь следует отметить многочисленные карийско-критские изоглоссы (18 примеров). Это никак не может считаться неожиданным, ибо проникновение карийцев на малоазийский материк с Крита и островов Эгейского моря (еще до Троянской войны) подтверждается как античной традицией, так и данными археологии^{I3}. Неожиданно другое:

^{II} Страбон (XIV, 632) со ссылкой на Ферекида говорит о том, что карийцы и лелеги некогда занимали лидийское побережье вплоть до Фокеи. Они же жили раньше в Эфесе (Strabo, XIV, 640), на Хиосе (Paus., VII, 4, 8), на Самосе (Strabo, XIV, 637).

^{I2} H. Lorimer. *Homer and the Monuments*, London, 1950, стр. 3.

^{I3} "The more convenient hypothesis is the one which, following the Greek traditions, regards the Carians as a people of the Cretan and Achaean world who moved into Caria under pressure of Greek expansion" - J. M. Cook. *Greek Settlement in the Eastern Aegean and Asia Minor*, Cambridge, 1961, стр. 23. Раскопки в Милете показали, что уже в XVI в. до н.э. здесь существовало критское поселение, но даже в самых ранних слоях не было обнаружено никаких следов, которые указывали бы на связи с внутренней Анатолией; см.: C. Weickert. *Neue Ausgrabungen in Milet*. "Neue deutsche Ausgrabungen in Mittelmeergebiet und im vorderen Orient". Berlin, 1959, стр. 181, 193. Нет в этих областях связей с поздними хеттскими государствами и в последующую - гомеровскую эпоху: G. Hanfmann. *Archaeology in Homeric Asia Minor*. - *AJA*, LII, 1948, стр. 147.

В то же время, близость критской и карийской топонимики была уже давно отмечена исследователями. См., в частности: A. Fick.

обилие изоглосс, связывающих Карию с областями, расположенными к северу от центральной Греции. Приведем некоторые цифры, иллюстрирующие количественные соотношения между отдельными "пучками" карийско-балканских топонимических изоглосс: Кария — Фракия (12), Фессалия (10), Беотия (8), Аттика (7), Македония (7), Аркадия (6), Илирия (6). Остальные области имеют меньшее количество совпадений с догреческой топонимикой Крии.

Из семи приведенных областей четыре находятся на севере. Беотия известна своими древними этническими, культовыми и топонимическими связями с Фессалией и Фракией¹⁴. То же самое можно сказать и об Аттике¹⁵. Приведем несколько примеров из области топонимики. Во Фракии имеется топоним Βοιωτία, город Θῆβαι в Греции встречается только в Фессалии и в Беотии, река Ἀριεῖς — только во Фракии и в Беотии, Μεσσαῖον — гора в Македонии (Фракии) и в Беотии (ср. также древнее название Беотии: Μεσσαῖα). Два беотийских топонима Μυκάλη, ληβός, не засвидетельствованные более нигде в европейской Греции, явно связаны с именем фессалийской героини Μυκάλη. Наконец, племя миниев (Μινῆαι), согласно сообщениям античных авторов, переселилось в древности из Фессалии в Беотию¹⁶. Таким образом, можно предпола-

Указ. соч., стр.126, где приведено восемь примеров с крито-карийскими изоглоссами.

¹⁴ О фракийцах в Беотии писали Эфор, Страбон и другие древние авторы (Strabo IX, 401). В частности, у Страбона мы читаем: τὸν τε ἑλίκωνα κατέρωθεν τοῖς Μούσαις Θράκες οἱ τὴν Βοιωτίαν ἐπεκίησαντες (X, 471). В Фессалии и в Беотии существовал культ Зевса Карийского (Phot.), чтимого также и в Крии.

¹⁵ τὴν μὲν γὰρ Ἀττικὴν οἱ μετὰ Εὐμόλπου Θράκες ἔχον (Strabo, VI, 321). Культ Зевса Карийского, помимо Крии, Фессалии и Беотии, засвидетельствован также и в Аттике (в Афинах; см.: Her. V, 66).

¹⁶ Предположение А.Хойбека (A.Heubeck, Praegraeca, Erlangen, 1961, стр.21) о малоазийском происхождении миниев явно несостоятельно. Оно базируется на весьма шаткой, хотя и модной в последние годы гипотезе о хетто-лувийском догреческом субстрате в языке и топонимике Балканского п-ова. Ссылка А.Хойбека на сообщение Геродота (IV, 145-146) о вытеснении миниев пеласгами с о-ва Лемнос, о их последующем переселении в Лаконику и Трифилию и об участии их в колонизации о-ва Фера абсолютно ничего не доказывает. Лемнос, как известно, расположен между Троадой и фракийской Халкидикой — вблизи фракийских островов Имброс и Самофракия. Принимать минийцев за выходцев с малоазийского материка у нас нет ровно никаких оснований. Античная традиция считала лемноских миниев потомками аргонавтов, прибывших сюда из Фессалии (Her. IV, 145; ср. также Σ Apol.Rhod.,

гать, что карийско-беотийские и, отчасти карийско-аттические изоглоссы тесно примыкают к совпадениям между фрако-македоно-фессалийской и карийской топонимикой.

Связи между указанными областями не ограничиваются одними лишь топонимическими совпадениями типа "Ἰμρρος (Фракия - Кария), Ἀκαυδος (Македония - Кария), Μαχυνεία (Фессалия - Кария) или Ὀλυνθ-ος (Халкидика) - Ὀλυνθ-ος (Кария), Ἀρχι-66-α (Фессалия) - Ἀρχι-λ-α (Кария) и т.п. Связи эти проявляются и в антропонимике: Θυβείος 1) город в Македонии, 2) карийское личное имя из Миласы (Ditt. sig. I, 95, строки 42, 45); Πανύαβος река в Македонии - Πανύαβις известное карийское имя; фессалийский топоним Φαῦτος, будучи сопоставленный с личным именем Φαῦλλος, не может быть отделен от известных карийских имен на -υβείος, -υλλος (ср., например, Ὑβέωλλος и Μαῦβέωλος, где объединены оба суффикса); этноним Θεσσαλοί по своей словообразовательной структуре очень близок (если не идентичен) древнему названию карийцев - Μάτρωλοι (Siv.)¹⁷; название фракийского острова Ἰμρρος можно сопоставить с карийским личным именем Ἰμρραβις¹⁸; личное имя Νάετης (-ας) засвидетельствовано только в Карии и во Фракии¹⁹; с ним можно сопоставить название фракийского города Νάετος; родосский топоним Βρυγίν-δαρα (Βρυκίνδαρα) представляющий собой композит, неразрывно связан с Македонией в обоих своих компонентах (ср., например, македонские топонимы Βρυγίν и Γάδαρα. Список приведенных примеров можно было бы продолжить и далее. Однако перейдем к рассмотрению некоторых формальных изоглосс в топонимике тех же самых областей.

Наиболее распространенный из догреческих топонимических суффиксов -66- чаще всего встречается в Карии (42 топонима). С привлечением смежных областей Лидии, Ликии и Писидии эта цифра может быть увели-

I, 230 и др.). Фракийский "эпицентр" лучше всего объясняет наличие миниев в Фессалии (город Μινία), Беотии (орхоменские минии), на Пелопоннесе (ср. сообщение Страбона - VI, 321 - о древнем вторжении фракийцев во главе с Пелопсом на этот полуостров) - с одной стороны, во Фригии (город Μινία) - с другой.

I7 О колебаниях между α и ω в греческих передачах карийских имен, а также в самих карийских надписях см.: Ю.В. О т к у щ и к о в. Карийские надписи Африки. Предварительные результаты дешифровки. Л., 1966, стр.29-30.

I8 P.Kretschmer. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896, стр.304.

I9 См.: II, 867 (предводитель карийцев); Quint. Smyrn., I, 281 (милетец); D.Detschev. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957, стр.331; К.Влахов. Указ. соч., стр.254 (фракиец).

чена до 72. Здесь опять основная масса топонимов оказывается расположенной на островах и в прибрежных районах, большая часть которых ранее была заселена карийцами и делегами.

Второй по значимости массив -εε- топонимов находится на северо-западе Малой Азии (Троада, Мисия) - 20 топонимов. С учетом известного факта переселения части киликийцев из Троады в Памфилию и Киликию (см. выше)²⁰ это число возрастет до 31. Следовательно, два отмеченных очага -εε- топонимов, явно тяготеющих к северо-западному и юго-западному побережью Малой Азии, в сумме составляют более 100 примеров - гораздо больше, чем во всех остальных (значительно более обширных) областях Малой Азии. Важно отметить, что ареал -εε- топонимов в Малой Азии почти во всех деталях совпадает с ареалом балкано-малоазийских топонимических изоглосс.

На Балканах (включая Крит и прочие острова) наибольшее количество -εε- топонимов засвидетельствовано во Фракии (24)²¹, на Крите (17), в Фессалии (15), Аттике (12), Македонии (11), Беотии (10). Иначе говоря, перед нами - те же самые области, в которых наиболее часто встречаются топонимы, совпадающие с малоазийскими. И опять наиболее мощный их слой мы наблюдаем на севере (Фракия, Фессалия, Македония - всего 50 топонимов).

Примерно с той же самой картиной мы столкнемся, если будем рассматривать топонимы с суффиксами -vδ- и -vδ̄-. О том, что это, по сути дела, один и тот же суффикс, встречающийся на Балканах преимущественно в форме -vδ-, а в Малой Азии -vδ̄-, писал еще А.Потт²². Здесь опять на первом месте оказывается Кария - 25 топонимов, причем ни одна другая область на Балканах или в Малой Азии не имеет и десяти топонимов этого типа. Вот соответствующие цифры: Аркадия, Фракия - по 7, Лидия - 6, Арготида, Аттика, Киклады, Македония, Фригия - по 5, Крит, Писидия, Троада, Фессалия - по 4. Интересно отметить, что в таких областях, как Иллирия, Эпир (северо-запад), Дорида, Фокида, Мегарида (центральная Греция), Ахайя, Мессения (Пелопоннес), вообще не засвидетельствовано ни одного топонима с суффиксом -vδ- (-vδ̄-). Вместе с тем фрако-македоно-фессалийская область опять содержит наи-

²⁰ Ср., например, *Λυρὴ γαῖς* - 1) прежнее название о-ва Тенедос, 2) город в Троаде - с одной стороны, 3) город в Памфилии или Киликии - с другой.

²¹ Обратный словарь фракийской ономастики К.Влахова (Указ. соч., стр. 323-367) содержит более 200 имен с суффиксом -ε(ε)-. Однако не все примеры здесь достаточно надежны и далеко не все относятся к топонимике.

²² A. Pott, *Die Personennamen und ihre Entstehungsart auch unter Berücksichtigung der Ortsnamen*. Leipzig 1853, стр. 491 сл.

большее (на Балканах) количество $-\sqrt{\delta}$ -топонимов (16). На востоке же Кария, Лидия и Ликия имеют этих топонимов больше (34), чем все остальных области Малой Азии.

В отличие от $-\epsilon\epsilon$ -топонимов, мы можем выделить на Балканах еще один район распространения догреческих $-\sqrt{\delta}$ -топонимов — Аркадию и Арголиду. В этих двух областях центрального и северо-восточного Пелопоннеса встречается 12 $-\sqrt{\delta}$ -топонимов, в то время как в Ахائه, Лаконике и Мессении, вместе взятых, — всего 1.

Распределение топонимов в других догреческих суффиксами $[-\mu-, -\nu-, -\mu\nu-, -\lambda-, -\rho-, -\delta(\omega\nu)]$ дает примерно ту же самую картину: Фракия, Македония и Фессалия. — 26,

Кария, Лидия, Ликия — 26 (в том числе Кария — 18),

Троада, Мисия — 12,

Крит — 10.

Таким образом, по всем приведенным показателям (по топонимическим и антропонимическим совпадениям, по догреческим словообразовательным моделям) Кария и (в меньшей степени) прилегающие к ней районы Малой Азии наиболее тесно связаны с фрако-македоно-фессалийской областью Балканского полуострова²³.

При анализе многочисленных топонимов с ярко выраженными догреческими суффиксами (в первую очередь $-\epsilon\epsilon$ - и $-\sqrt{\delta}$ -, $-\sqrt{\delta}$ -) приходится сталкиваться с серьезными, подчас — непреодолимыми затруднениями. Прежде всего, топонимы с данными суффиксами встречаются не только на Балканах и в Малой Азии, но и далеко за их пределами: на Пиренейском п-ове; в Центральной Европе, в Месопотамии, в Африке и т.д. В качестве курьеза Ф. Шахермайр приводит ряд $-\mu\delta$ -топонимов даже из экваториальной Африки: Uganda, Wagunda, Ruanda, Kirundu²⁴. Совершенно очевидно, что исходить в анализе древнейшей балкано-малоазийской топонимики из одних только суффиксов, объявляя их "средиземноморскими", "хетто-лувийскими" или еще какими-нибудь, было бы серьезной ошибкой. Однако не

²³ Разумеется, какая-то часть этих совпадений объясняется сравнительно поздней колонизацией фракийских и карийских областей с территории южной части Балканского п-ова. Кроме того, следует учитывать возможность древней (догреческой) карийской колонизации некоторых фракийских земель (ср., например, Καρῶν λιμήν и город Καρία на берегу фракийского Понта — Arrian. Peripl., 24, 3; Мелл., II, 2 и др.). Однако эти изолированные факты никак не могут объяснить всей совокупности изоглосс, связывающих Карию с фрако-македоно-фессалийской областью Балканского п-ова.

²⁴ F. Schachermeyr, Prähistorische Kulturen Griechenlands. — PW, XXII, 2, 1954, столб. 1510 (со ссылкой на В. Бранденштейна).

менее шаткой является позиция тех исследователей, которые чрезмерно увлекаются этимологизацией догреческих топонимов. Поскольку даже в хорошо известных нам языках далеко не все слова имеют достаточно надежную этимологию, а топонимы — и того менее, этимологизация собственных имен всегда считалась занятием, хотя и увлекательным, но в высшей степени рискованным. В случае же с догреческим топонимическим субстратом нам приходится иметь дело с топонимами не известного языка, что многократно увеличивает степень риска при анализе.

Когда мы не знаем языка и не знаем значения того апеллятива, который лег в основу топонима, всякие попытки этимологизации останутся произвольными, ибо они будут опираться лишь на звуковые совпадения²⁵ и не могут быть проверены с помощью иных критериев. В этом отношении показателен опыт этимологизации догреческих топонимов на базе греческого (В.Георгиев) или хетто-лувийского языка (Э.Ларош, Л.Палмер, В.Георгиев и др.). Примеры типа приведенной выше "греческой" этимологии топонима *Καλὺδών* 'прекрасная вода' по своему "народно-этимологическому" характеру совпадают с "хетто-лувийскими" этимологиями типа *Кар-ουра* 'великий Кар' (подобно утаритскому *Maššana-ura* 'великий Masna').²⁶ Здесь также суффиксальная часть топонима была истолкована как самостоятельно значимое слово. С таким же успехом можно было бы, например, карийский топоним *Κόλουρα* истолковать как 'великий кол' или, исходя из греческого языка, связать его с апеллятивом *κόλουρος* 'бесхвостый'. Однако оба эти объяснения были бы в равной мере несостоятельными, ибо наличие в Малой Азии топонимов типа *Κόλου-ρ-α* (Кария) и *Κόλου-εε-α* (Пафлагония), *Τέρμε-ρ-α* (Кария) и *Τερμη-εε-ός* (Писидия), отличающихся друг от друга не более, чем *Николино* и *Никольское*, заставляет видеть в *Καρου-ρ-α* обычное суффиксальное образование, а не композит.

²⁵ Эти совпадения всегда могут оказаться случайными. Л.Згуста в одной из своих работ приводит курьезный случай с мужским именем из Киликии — *Μονωμερις* (L.Zgusta. Some Principles of Work in the Field of the Indigenous Anthroponymy of Asia Minor. — AION, sezione linguistica, VI, 1965, стр.94). Подобного рода примеры встречаются совсем не так уж редко. В греческих памятниках из Египта античной эпохи можно найти имена *Κέλλερ*, *Περό*, *Σανταίτζε*, *Πετεφι* даже *Μαω* (F.Preisigke. Namenbuch enthaltend alle griechischen, lateinischen, ägyptischen, hebräischen, arabischen und sonstigen semitischen und nichtsemitischen Menschnennamen. Amsterdam, 1967, стр. 170, 307, 362, 317, 210). Вряд ли, однако, кто-нибудь решится сделать из этого выводы, связанные с вопросами древнейшего этногенеза.

²⁶ Л.А. Гиндин. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967, стр.112.

При анализе балкано-малоазийских догреческих топонимов с суффиксами -*ee-* и -*v̥-* уже давно были отмечены совпадения с догреческими же апеллятивами. Поскольку эта важная особенность нередко обходится молчанием при исследовании "анатолийских" топонимов Балканского п-ова, приведем некоторые примеры:

1. Ἀκανθες (Фракия, Кария) - ἄκανθος 'акант' (бот.),
2. Ἀψινθες (Фракия) - ἄψινθος 'полынь',
3. Κήρινθες (Эвбея) - κήρινθος 'керинт' (бот.),
4. Κισσός (Македония) - κισσός 'плющ',
5. Κυπάρισς (Фокида) - κύπαρις 'кипарис',
6. Λέβινθες (Спорады) - λέβινθος (мн.ч.) 'горох',
7. Ὀλύνθες (Фракия) - ὀλύνθος 'зимняя фи́га',
8. Ὑάκινθος (Аттика) - ὑάκινθος 'гиацинт'.

Иногда суффиксальным топонимам соответствуют бессуффиксные догреческие апеллятивы:

- Θρέωνδα (Ликия) - θρέων 'тростник, камыш',
 Πριναεός (Кария) - πριῦνος 'каменный дуб' (бот.),
 Σικύνθος (Спорады) - σικύα 'тыква'.

Приведенный список наглядно свидетельствует о том, что догреческая топонимика была неразрывно связана с догреческой же апеллятивной лексикой. Не может быть случайным и тот факт, что в значительной своей части апеллятивы, совпадающие с догреческими топонимами, относятся к одной и той же семантической группе слов (названия растений). Как известно, мощный слой догреческой апеллятивной лексики, охватывающий самые различные семантические слои, не может быть истолкован на основе греческого, хетто-лувийского или какого-нибудь иного известного нам языка. Следовательно, -*ee-* и -*v̥-* топонимы также принадлежат не известному нам языку или группе близкородственных языков²⁷.

²⁷ Несовместимость догреческой апеллятивной лексики с хетто-лувийскими языками — наиболее веский аргумент против гипотезы о хетто-лувийском догреческом субстрате на Балканах. Это понимают даже сторонники данной гипотезы. Характерно, что сам ее автор, пытавшийся истолковать линейное письмо А как лувийское, — Л.Палмер — в последнее время с большой осторожностью говорит о своей идее, называя ее "только рабочей гипотезой" (L.R.Palmer. *Linear A and the Anatolian Languages*. — *Atti e memorie del 1° Congresso internazionale di micenologia*. Roma, 1968, t. I, стр.339). В своем выступлении на I Международном конгрессе по микенологии в Риме Л.Палмер не без самокритичного юмора говорил: "Our knowledge of Luvian is so defective that using it to pin down Linear A is like carrying water in a sieve", добавив при этом, что "the attempt is still vainer if it turns out that there is no water" (там же, стр.336).

Попытки объяснять этимологию отдельных догреческих топонимов Балканского п-ова предпринимались неоднократно. Наиболее распространенные примеры этого рода обычно не выходят за рамки стандартных сопоставлений на уровне 'народной этимологии': Παρνητός, Παρνασσός - Parnassā (Каппадокия) - к хетто-лувийскому parna- 'дом, строение' → 'храм'. Это объяснение, встречающееся в работах Э.Лароша, Л.Палмера и других исследователей, иногда считается бесспорным доказательством анатолийского происхождения соответствующего греческого топонима²⁸. Однако, во-первых, топоним Parnassā по-видимому, представляет собой заимствование в хетто-лувийском²⁹. Во-вторых, точка зрения Л.Палмера, согласно которой лувийцы дали имя горе Парнас по храму, где находились их религиозный центр, сохранившийся и у греков³⁰, - это всего лишь объяснение, данное ad hoc. Раскопки в Дельфах не содержат ни малейших следов лувийской культуры³¹. Археологи вообще довольно единодушно отрицают возможность наличия хетто-лувийского субстрата на Балканах³², что лишает реальной основы этимологии, подобные изложенной.

В настоящее время едва ли кто-нибудь сомневается в том, что -ḫa- и -ḫa- топонимы могут иметь различное происхождение. Поэтому все попытки "коллекционировать" эти топонимы или этимологизировать

- 28 G.L.Huxley. Указ.соч., стр.26; Л.А.Г и н д и н. Указ.соч., стр.148.
- 29 A.Kammenhuber. Zur hethitisch-luvischen Sprachgruppe. - KZ, LXXVI, 1959, стр.13.
- 30 L.R.Palmer. Mycenaeans and Minoans. New-York, 1962, стр.242.
- 31 G.E.Mylonas. The Luvian Invasions of Greece. "Hesperia", XXXI, 1962, стр. 295. Там же автор говорит: "The linguistic evidence for the Luvian origin of the Middle Helladic invaders is not corroborated by archaeology".
- 32 См., например: F.Schachermeyr, Zum Problem der griechischen Einwanderung. "Atti e memorie del 1° Congresso internazionale di micenologia". Roma, 1968, t. I, стр. 305-306; G.E.Mylonas. Указ. соч., стр.288-290 (керамика, архитектура, характер погребений и другие археологические данные - все говорит против этой гипотезы); E.Vermeule. Greece in the Bronze Age. Chicago, 1964, стр.62, 334 и др. ("the chronological difficulties of relating Luvian to a third - millennium language in Greece are plain even to optimists" - стр.62); решительно против гипотезы Л.Палмера-А.Хойбека высказался Э.Грумах в последней из своих работ (E.Grumach. The Coming of the Greeks. "Bulletin of the John Rylands Library", LI, I, 1968, стр.77, 78 и др.). Той же точки зрения придерживается видный хеттолог-лингвист А.Камменхубер: "Nichts spricht... zugunsten von luv. Sprache als Substrat unter dem Griechischen Griechenlands oder Kretas". A.K[ammenhuber]. Luvii. "Der kleine Pauly", t. III, Stuttgart, 1968, столб. 794-795.

их на основе какого-то одного известного нам языка едва ли могут дать положительные результаты. Необходимо найти критерии, на основании которых мы могли бы определить, к какому именно географическому ареалу относится догреческая топонимика Балканского п-ова, где находятся границы этого ареала.

В качестве такого рода критериев и тесно связанных с ними методов исследования можно предложить следующие: 1) ограничить рамки исследуемого материала теми областями, в которых наиболее часто встречаются не только одни и те же суффиксы, но и одни и те же топонимы; 2) выявить ареал, на котором чаще всего встречаются однокорневые топонимы с типичными догреческими суффиксами ("чередования" типа *Пѣра-6-ос*, *Пѣра-вд-ос*, *Пѣра-г-ос*, *Пѣр-вд-ос*); 3) сопоставлять суффиксальные топонимы не с апеллятивами того или иного известного языка, а с теми простыми топонимами, которые явились для них производящей основой; здесь необходимо будет выявить наиболее распространенные догреческие словообразовательные модели, которые функционировали в области топонимики.

Первое методическое положение основано на том, что едва ли на двух территориях, имеющих, например, *-66-* топонимы с суффиксами *ра* *з* *н* *о* *г* *о* происхождения, могут встретиться в большом количестве полностью совпадающие между собой географические названия (отдельные случайные совпадения при этом, естественно, не исключены).

Второй методический прием позволит еще более строго ограничить ареал исследуемых топонимов, ибо, если наличие одного или двух одинаковых топонимических суффиксов на разных территориях еще может быть случайным, то пять-семь суффиксов, последовательно присоединяемых к одним и тем же топонимическим основам, свидетельствует о едином происхождении анализируемых топонимов.

Наконец, последний — третий — критерий даст возможность, не прибегая к рискованным этимологическим догадкам (количество которых практически почти безгранично), выявить весьма существенные ареальные и словообразовательные закономерности догреческой топонимики³³.

Все эти методические посылки легли в основу при отборе топонимического материала, использованного в настоящей работе.

Рассмотренные выше балкано-малоазийские изоглоссы дают достаточно ясное представление об ареале, на котором была распространена древнейшая догреческая топонимика Балканского п-ова.

³³ Например, мы не знаем этимологии топонима Москва, но мы можем твердо установить, что топоним Новомосковск образован на его основе. Для исторической топонимики важна не только классификация топонимов (например, на *-ск*), но и выявление словообразовательных связей типа Москва — Новомосковск, Черкассы — Новочеркасск и т.п.

Анализ суффиксальных образований, засвидетельствованных в топонимике Балкан и Малой Азии, показал, что самыми распространенными суффиксами, участвующими в "чередованиях", здесь были -εε- (включая -ττ-), -νδ- (и -νδ-), -ν-, -ρ-, -λ-. При рассмотрении этих "чередований" типа Πάεεα-λ-α: Πάεεα-νδ-α (Кария) выявились следующие статистические данные (таблица).

Таблица "чередований" суффиксов
в топонимике Балканского п-ова и Малой Азии

	-εε-	-νδ-	-ν-	-ρ-	-λ-	Всего
-εε-	✱	Ι3	ΙΙ	Ι0	6	40
-νδ-	Ι3	✱	9	2	3	27
-ν-	ΙΙ	9	✱	Ι	3	24
-ρ-	Ι0	2	Ι	✱	Ι	Ι4
-λ-	6	3	3	Ι	✱	Ι3

Территориально топонимы с "чередующимися" суффиксами распределяются следующим образом:

1. Кария - 26	5. Фракия - 7
2. Фессалия - Ι2	6. Арголида - 6
3. Крит - 7	7. Лидия - 5
4. Мисия - 7	8. Троада - 5 и т.д.

Здесь опять Кария и Лидия дают 3Ι случай, Фессалия, Фракия и Македония - 2Ι, Троада, Мисия - Ι2, Крит - 7. Таким образом, перед нами тот же самый ареал, с которым мы уже неоднократно сталкивались при иных аспектах исследования. И опять Кария в Малой Азии, фрако-македоно-фессалийская область на Балканах - вот два наиболее отчетливых очага концентрации анализируемых топонимов.

Наконец, соотношение простых и производных топонимов (третий критерий) можно проиллюстрировать следующими примерами:

1. Ἀρα(ι) (Фокида, Кария) - Ἀρα-εεός (Фригия),
2. Ἀλός (Фессалия, Локрида) - Ἀλι-νδα (Кария),
3. Ἀεεα (Македония) - Ἀεεη-εεός (Кария),
4. Ἀψος (Иллирия) - Ἀψινδус (Фракия),
5. Βάρδος (Иллирия) - Βάρδα-εα (Кария)
6. Βέραι (Фракия) - Βέραι-εεός (Кария),
7. Δᾶλος (Киклады) - Δᾶλα-νδα (Каппадокия)
8. Θῆραι, -η (Фессалия, Беотия, Троада, Кария) - Θῆραι-εα (Ликаония),
9. Θρύεν (Элида) - Θρύα-νδα (Ликия),
10. Ἰμβρος (Фракия, Кария) - Ἰμβρα-εεός (Самос),

11. *Κάως* (Эгейские о-ва) – *Καω-εως* (Кария),
12. *Κινδύη* (Кария) – *Κινδύα-εως* (Киликия),
13. *Κορόπη* (Фессалия) – *Κοροπα-εως* (Ликаония),
14. *Κύδρα* (Эпир) – *Κύδρα-ρα* (Фригия),
15. *Κύρρα* (Крит) – *Κύρρα-σα* (Кария),
16. *Λέβα* (Македония) – *Λέβι-νδος* (Кария),
17. *Μάχαρα, Μέχαρα* (Иллирия, Македония, Фессалия, Мегарида) – *Μάχαρ-εως, Μέχαρ-εως* (Киликия),
18. *Νάρ, Ναρίς* (Иллирия) – *Νάρα-σα* (Кария),
19. *Νεμέα* (Локрида, Арголида) – *Νεμε-εως* (Кипр),
20. *Οινίη* (Аттика, Арголида и другие области Греции) – *Οινέα-νδα* (Ликия),
21. *Πάββα* (Фракия) – *Πάββα-νδα, Πάββα-λα* (Кария),
22. *Πεῖρος* (Ахайя) – *Πειρω-εως* (Мисия),
23. *Πέρχη* (Памфилия) – *Περχα-εως* (Аттика), *Πέρχα-μος* (Македония, Фракия, Крит, Троада, Кипр),
24. *Πίνδος* (Эпир – Фессалия) – *Πίνδα-εως* (Мисия),
25. *Πιτῆα* (Иллирия, Фракия, Мисия, Кария) – *Πιτῆα-εως* (Писидия),
26. *Πλαίσι* (Эпир – этноним) – *Πλάρα-σα* (Кария),
27. *Πριήνη* (Кария) – *Πριαν-εως* (Крит),
28. *Πρίνς* (Арголида) – *Πρίνα-εως* (Кария),
29. *Σάρδος* (Иллирия), *Σάρδεις* (Лидия) – *Σαρδη-εως* (Троада), *Σαρδή-νη* (Лидия),
30. *Σάρων* (залив у Аттики, Арголиды и Мегариды) – *Σαραν-εως* (Кария),
31. *Σίνδος* (Македония), *Σίνδα* (Писидия) – *Σινδη-εως* (Кария),
32. *Τάρρα* (Крит) – *Ταρρα-εως* (Писидия),
33. *Τεχέα* (Аркадия, Крит) – *Τεχη-εως* (Кипр),
34. *Υβρα* (Аттика) – *Υβρα-νδα* (Кария).

Приведенные примеры в двух-трех случаях, быть может, представляют собой результат случайного звукового совпадения. Но в целом наличие явной словообразовательной связи между простыми и производными топонимами представляется несомненной. При этом в подавляющем большинстве случаев, как видно из таблицы, простые топонимы находятся на западе, а производные – на востоке. Это наблюдение подтверждается не только сопоставлением чисто топонимического материала, но также привлечением данных антропонимики (*Ἀκάλη* – дочь Миноса – *Ἀκαλη-εως* город Ликии) и материала глосс (*ἄκαρ* 'стены', критская глосса в Et. M. – *Ἀκαρ-εως* город Ликии).

И опять (в который уже раз) обращают на себя внимание тесные связи между топонимикой Кари и областей, расположенных к северу от Греции (включая Иллирию, Македонию, Фракию, а в самой Греции – Эпир

и Фессалию). В приведенном списке эти изоглоссы составляют около трети всех примеров.

Рассмотренные факты позволяют сделать ряд предварительных выводов, связанных с распространением анализируемых топонимов, а следовательно, и носителей соответствующего языка или языков. Прежде всего, уже давно было замечено, что племена, распространявшие *-ε6-* и *-υ6-* топонимы, не могли быть неолитическими племенами. Это не могут быть и народы среднеэладского периода, которые не достигали Крита. Отсюда — довольно определенный вывод археологов о том, что *-ε6-* и *-υ6-* топонимы были распространены народами раннеэладского периода³⁴. Поскольку раннеэладская культура распространялась с севера на юг, из области Дуная — через материковую Грецию — на Киклады и Крит³⁵, а позднее — под давлением греческих племен — носители этой культуры или их потомки были вытеснены в Малую Азию³⁶, становится достаточно ясным значение рассмотренных выше балкано-малоазийских изоглосс, а также основной ареал "эгейских" топонимов и общее направление их распространения с Балкан в Малую Азию, а не наоборот, как это принято в большинстве работ, начиная с А.Фика и кончая самыми последними исследованиями³⁷. Приведенный топонимический материал было бы трудно истолковать как-нибудь иначе³⁸.

В заключение следует остановиться на некоторых словообразовательных моделях, типичных для догреческой топонимики Балканского п-ова. Прежде всего, топонимы с суффиксом *-ε6-* во многих случаях представляют собой производные с индоевропейским суффиксом **-i-* от основ на *-k-*, *-(h)-*, *-s-*. Некоторые — во многом удачные — примеры подобного

³⁴ J.B.Haley and C.W.Biegen. Указ. соч., стр.149; H.Lorimer, Указ. соч., стр.3.

³⁵ F.Schachermeyr. *Hethiter und Achäer*. Leipzig, 1935, стр.8-9.

³⁶ Эти сведения античных писателей также подтверждаются данными археологии (см. сноску 13).

³⁷ См.: A.Fick. Указ. соч., стр. 126. О распространении топонимов с запада на восток в последнее время писал, кажется, только Ч.Стар (Ch.G.Starr. *The Origins of Greek Civilisation*. London, 1962, стр. 29), опиравшийся не на лингвистические, а на археологические и исторические аргументы.

³⁸ Отдельные попытки связать топонимику Кари с фрако-македоно-фессалийской областью предпринимались еще в древности. Так, например, Страбон ссылается на предание о том, что карийский город Траллы был основан фракийскими траллами (XIV, 649). Он же писал, что карийские магнеты происходят от магнетов из фессалийской области *Μαγνησία* (XIV, 647).

словообразования приводит в своих работах В.Георгиев. Однако, как мне кажется, он излишне подчеркивает "греческий" характер этих образований. Поскольку язык, который В.Георгиев называет "пеласгским", по его собственным словам, очень близок к греческому, едва ли в тех случаях, где мы имеем дело с моделью, близкой к греческому языку, нужно безоговорочно признавать ее "чисто греческой". Рассмотрим некоторые примеры.

Топоним Παρνηβός уже неоднократно сопоставлялся с Πάρνης, Πάρνηδος (Атика), причем общность происхождения этих топонимов почти ни у кого не вызывала сомнения. Этой простой констатацией факта дело обычно и ограничивалось. Между тем указанные топонимы интересны во многих отношениях. Археологические раскопки на Парнете показали, что в пещере Пана имеется керамика III тысячелетия до н.э.³⁹ Там же, на Парнете (как и на Парнасе), существовало святилище Аполлона, эпитет которого Παρνήδιος невольно заставляет задуматься. В самом деле, одна и та же основа Παρνηδ- с суффиксом -ι = (-i-) может дать варианты Παρνηδ-ιος и *Παρνηδ-ι-ός > Παρνηβός. Та же самая модель может быть отмечена у апеллятива βυδ-ι-ος > βύδιος 'глубокий' и βυβός 'глубина', причем мы здесь встречаемся с тем же самым распределением мест тона⁴⁰. Таким образом, ничего общего с хетто-лувийским parna- 'дом' топоним Παρνηβός не имеет. Его словообразовательные корни находятся на Балканах, а не в Малой Азии, и объяснять его следует на основе догреческого субстрата (близкого к греческому языку), а не на основе анатолийских языков.

Аналогичного типа образованием является также топоним Περωβός (Мисия) ← *Πειρα(ν)δ-ι-ός (ср. мифологическое имя Πείρανδος- сын Аргоса и Эванды)⁴¹. Из других примеров того же типа отметим следующие: Ίαβός (Ахая, Кария) < *Ίακ-ι-ός (к Ίακός 'ионийский')⁴², Κίλιββα (= Κιλικία) < *Κιλικ-ι-α,

39 J. Wiesner. Parnes. -PW, Bd. XVIII⁴. Stuttgart, 1949, столб. 1664.

40 Колебания в огласовке корня βαδ-, βυδ- быть может, объясняются влиянием догреческого субстрата. Ср. топонимы Ἀραβός (Фригия) и Ἀρυβός (Аролида).

41 Факультативность -ν- в суффиксе -νδ- видна из таких примеров, как κόρυ-ν-ος и Τρι-κορυ-νδ-ος, ἔλμυ-ν-ος и ἔλμυ-νδ-ος (род. п. ед.ч.) и т.п. Близкая словообразовательная модель широко представлена в крито-микенских текстах: za-ku-to, но za-ku-si-jo, ko-ri-to, но ko-ri-si-jo и др.

42 Объяснение В.Георгиева (из Dat. Plur. *Ία(φ)αβι - VI Georgiev. Указ. соч., стр.45) неубедительно по фонетическим (долгота α) и словообразовательным причинам.

Λῆσβα (Арголида) < *Λῆβ-ι-α (к Λῆβη 'Лета')⁴³,
Λυμησβός (Ликия) < *Λυμᾱκ-ι-ος (к Λύμαξ, -ακος река в Арка-
дии; ср. также глоссу Гезихия λύμακες·πέτραι).

В некоторых случаях мы можем обратиться, видимо, даже к апеллятив-
ной лексике:

Κύλισος (Крит) < *Κυλικ-ι-ος (к морфологическому имени Κύλιξ
и, быть может, к апеллятиву κύλιξ 'чаша')⁴⁴,

Κερησβός (Беотия) < *Κερακ-ι-ος (ср. Κέραξ, -ακος город в Ил-
лирии) или < *Κεραε-ι-ος (к Κέραεος 'вишневое дерево')⁴⁵,

Λαρνασβός (старое название Парнаса) < *Λαρνακ-ι-ος (к λάρναξ
'ящик, гроб, ковчег')⁴⁶,

Λισβός (Иллирия, Фракия, Крит) < *Λιδ-ι-ος (к λίθος 'камень',
ср. апеллятив λισβός 'гладкий'),

Μυρμησβός (Троада) < *Μυρμηκ-ι-ος (к Μύρμηξ скала у побережья
Фессалии и, видимо, к апеллятиву μύρμηξ 'муравей')⁴⁷,

Μύλασβα (Кария) < *Μυλακ-ι-α (к μύλαξ, -ακος 'скала, камень'),

Πιδосβός, Πιδάсба (Кария) < *Πιδак-ι-ος (к πῖδαξ, -ακος 'ис-
точник')⁴⁸,

Πссба (Элида) < *Πικ-ι-α (ср. апеллятив πссба и лат. pīx, pī-
cis 'смола'),

Σφηττός (Аттика) < *Σφηκ-ι-ος (ср. апеллятивы σφήξ, -ηκός 'оса'
и σφηκ-ιον 'сотовая ячейка у ос')⁴⁹.

Приведенные примеры отнюдь не являются исчерпывающими. Но они пока-
зывают с достаточной наглядностью производный характер балкано-мало-

⁴³ Иначе объясняет В.Георгиев (там же, стр.44).

⁴⁴ См.: A.Nehring. Griechisch τίταξ, τιτήνη und ein vorgriechisches
k-Suffix. "Glotta", XIV, 1925, стр. 170 и сл. Обращает на себя
внимание наличие широкого слоя -сб- топонимов, соотносимых с то-
понимами и апеллятивами, имеющими основу на -к-.

⁴⁵ Ср. VI. Georgiev. Указ. соч., стр.44.

⁴⁶ A. Nehring. Указ. соч., стр. 185; ESchwyzer. Griechische Gram-
matik. I. München, 1939, стр.497.

⁴⁷ Догреческое происхождение апеллятива μύρμηξ 'муравей; подводная
скала' определяется не только наличием суффикса -к-, но также
его чередованием с суффиксом -δ(ων): μυρμη-δών·ζυνοικία τῶν
μυρμηκῶν (Гезихий) и большим разнообразием фонетических и морфо-
логических вариантов этого слова (μύρμος, βύρμαξ, βόρμαξ, ὄρ-
μικας).

⁴⁸ VI. Georgiev. Указ. соч., стр. 42.

⁴⁹ Там же. Я.Фриск об апеллятиве пишет: "nicht sicher erklärt"
(Hj.Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg,
1954 и сл. т.II, стр.831).

азийских -66- топонимов, производящая основа которых засвидетельствована в топонимике тех же самых областей Балкан и Эгейды, а также в догреческой апеллятивной лексике, сохранившейся в греческом языке. При обращении к апеллятивам мне невольно пришлось прибегнуть к этимологии, ибо всякое сопоставление апеллятива с топонимом представляет собой этимологическое истолкование последнего. Разумеется, мы не можем говорить о полной надежности этимологических толкований во всех приведенных случаях. Важно здесь другое: принципиальная возможность реконструировать словообразовательные модели, лежащие в основе -66-топонимов. А действительное их этимологическое происхождение могло быть и иным, ибо апеллятивы могли сохранить не те значения, которые были использованы при формировании топонима. Кроме того, нужно всегда считаться с возможностью наличия омонимов и действия народной этимологии.

И все же многие из приведенных реконструкций могут одновременно рассматриваться и как этимологии соответствующих топонимов. Возьмем для примера карийский топоним *Μύλασσα*, возведенный мною к *μύλα* 'скала, камень'. В.Георгиев объясняет этот топоним иначе: возводит к *μύλη* 'мельница'⁵⁰, считая его греческим. Однако, во-первых, в греческом языке нет словообразовательной модели типа *μύλη* → *Μύλασσα*. Во-вторых, предложенная В.Георгиевым этимология не подкрепляется никакими аргументами реального характера. В то же время из описания Миласы у Страбона (XIV, 658) мы узнаем, что этот город был расположен у подножья огромной скалы, где находились каменоломни великолепного мрамора. Первая и наиболее бросающаяся в глаза достопримечательность города — это гигантская скала, нависающая над городом, в связи с чем Страбон пишет: *θαρμάζειν δ' ἔστι τῶν ὑπερβολόντων οὕτως ἀλόγως τὸ κτίσμα ὁρῶν καὶ ὑπερτεξίῳ κρημνῷ* (XIV, 659). Таким образом, перед нами — не чисто теоретическая реконструкция, а этимология, подтверждаемая реалиями.

Итак, подведем некоторые итоги. Основным очагом распространения анализируемой балкано-малтазийской топонимики явились центральные и северные области Балканского п-ова. Распространителями этой топонимики были носители раннеэладской культуры. Основная волна миграции раннеэладских племен шла с севера на юг. Позднее по этому же пути двигались греки, постепенно вытесняя своих предшественников с материковой Греции на острова, а затем — в Малую Азию. Этническая и языковая принадлежность этих догреческих племен не может быть установлена с достаточной достоверностью. По-видимому, это были разные племена, говорившие на сравнительно близких языках. Греки их называли иногда общим именем *Πελαεγροί*. Едва ли мы вправе поэтому говорить о "языке пеласгов" как каком-то едином языке. Не случайно и создатель

⁵⁰ VI. Georgiev. Указ. соч., стр.45.

теории догреческого "пеласгского" языка В.Георгиев вынужден признать, что "мы ничего не знаем о языке пеласгов"⁵¹.

Судя по ареалу балкано-малоазийских топонимических изоглосс, а также топонимов с догреческими суффиксами -*ee*-, -*vd*-, -*v*-, -*m*-, -*e*-, -*λ*- и т.д., в составе раннеэлладских народов, оставивших нам эти топонимы, видное место занимали карийцы и племена фракийского происхождения⁵². Если внести эту поправку в понятие "пеласгский язык", то можно согласиться с выводом В.Георгиева и А.Ван-Виндекенса о тесных связях фрако-фригийского и "пеласгского" языков, к которым, кстати, и В.Георгиев (в некоторых своих работах) склонен также присоединить еще карийский и термилский (правда, он делает это в очень осторожной форме)⁵³.

Вторая крупная волна миграции, исходящая из того же общего центра на Балканах, была направлена не на юг полуострова, а на юго-восток — в Малую Азию (армяне, фригийцы и другие народы, перечисленные в самом начале настоящей статьи). Какая-то (сравнительно небольшая) часть балкано-малоазийской топонимики в центральных областях Анатолии обязана своим происхождением этой второй волне миграции. Но основной массив изоглосс здесь падает на северо-западную часть Малой Азии (Троада, Мисия), послужившую своего рода "плацдармом" при проникновении армяно-фригийских племен в глубинные районы Анатолии.

Разумеется, в Анатолии существовали -*ss*- и -*nd*-топонимы, не связанные по своему происхождению с миграцией балканских племен. В данном случае неважно, заимствованы ли эти анатолийские образования из хетто-лувийских языков⁵⁴ или же нет. Важно другое: в древнейших каппадокийских табличках из Культепе (начало II тыс. до н.э.) мы находим

⁵¹ В. Георгиев. Вопросы родства средиземноморских языков. — ВЯ, 1954, № 4, стр.60.

⁵² Ср.: *Σάρες* фракийский и карийский, *Ἰμβρος* у побережья Фракии и *Ἰμβρος*, *Ἰμβραβός* (а также антропоним *Ἰμβραβός* и эпитет карийского Гермеса *Ἰμβραβός*) — в Карию, глоссу *κλαβριβός* 'фракийский и карийский танец', — не говоря о многих других фракийско-карийских изоглоссах, отчасти уже приведенных выше.

⁵³ В. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 281 и сл.; A.J. Van Windekens. Le nom des *Γίγαντες*. ВЗНГ, VII, I, 1956, стр. 59 и сл.; он же. Contributions à l'étude de l'onomastique pélasgique. Louvain, 1954, стр.25.

⁵⁴ Эту точку зрения наиболее детально обосновывает Э. Ларош (E. Laroche. Notes de toponymie anatolienne. Gedenkschrift P. Kretschmer, 1957, II, стр. I-7.; он же. Comparaison du luvite et du lycien. — BSLP, 55, 1960, стр.156 и др.).

несколько -ss- и -nd- топонимов (Ninassa, Palissa, Ussa, Hudurunda),⁵⁵ но они не совпадают с топонимами, засвидетельствованными в греческих (и отчасти в римских) источниках на Балканах и на западе Малой Азии. В то же время *Κνωσ(ε)ός, Τυλλισός, Παρνασσός, Κυπαρισός, Κόρινθος, Ορμανθος, Ζάκυνθος* и другие догреческие топонимы широко представлены в крито-микенских текстах середины II тысячелетия.⁵⁶ Если учесть, что подавляющее большинство городов на побережье Кари и Ликии, составляющих самую значительную часть рассматриваемых балкано-малоазиатских изоглосс, было основано в Азии в более позднее время⁵⁷, то распространение анализируемых топонимов с запада на восток станет еще более очевидным.

Нахождение нескольких топонимов, которые гипотетически сопоставляются с догреческими, в лувийских (начиная с XIII в. до н.э.) и, особенно, в хеттских иероглифических текстах (X-VIII вв. до н.э.) никак не может служить основанием для того, чтобы считать соответствующие догреческие топонимы топонимами хетто-лувийского происхождения. Поздние хетто-лувийские примеры вполне могут отражать малоазиатскую топонимику балканского происхождения, а более ранние – быть результатом случайного созвучия или явиться отражением общей унаследованной доиндоевропейской топонимики.⁵⁸ К тому же такие сопоставления, как хетто-лув. Kuriwanda, Millawanda – *Κόρινθος, Μίλατος*⁵⁹, неоднократно подвергались критике, в том числе со стороны видных специалистов-хеттологов (Ф.Зоммер и др.). А изолированный характер этих сопоставлений не идет ни в какое сравнение с тем обилием топонимических – четко ограниченных территориально – балкано-малоазиатских изоглосс, которые послужили основанием для изложенных выше выводов.

⁵⁵ J.Mellaart. The End of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean. - *AJA*, LXII, 1958, стр. 22 и примеч. 150.

⁵⁶ M.Ventris and J.Chadwick. Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, 1956, стр.139-150.

⁵⁷ J.Mellaart. Указ. соч., стр.22; Ch.G.Starr. Указ.соч.,стр.29.

⁵⁸ Характерно, что по подсчетам хеттологов более половины неситской (хеттской) лексики представляют собой заимствования из доиндоевропейского субстрата (И.М. Дунаевская. О характере и о связях языков древней Малой Азии. - ВЯ, 1954, № 6, стр.77). В области топонимики этот процент, разумеется, еще выше.

⁵⁹ VI.Georgiev. La toponymie.... стр.41.

Принятые сокращения

Журналы и периодические издания

- БЕЗ - Балканско езикознание. Българска Академия на науките. Отделение за езикознание, литературознание и изкуствознание. София.
- AC - *L'antiquité classique*. Bruxelles.
- AION - *Annali dell'Istituto Orientale di Napoli*.
- AJA - *American Journal of Archaeology*. Baltimore, USA.
- BSLP - *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*.
- BzNf. - *Beiträge zur Namenforschung*. Heidelberg.
- KZ - *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*. Göttingen.

Места издания журналов

- "Glotta" - Göttingen.
- "Greece and Rome" - Oxford.
- "Hesperia" - Baltimore, USA.

Прочие сокращения

- PW - (Pauly-Wissowa) - *Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft*, neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll. Stuttgart.
- Der kleine Pauly - *Lexikon der Antike auf der Grundlage von Pauly's Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft unter Mitwirkung zahlreicher Fachgelehrter bearbeitet und herausgegeben von K. Ziegler und W. Sontheimer*. Bd. III, Stuttgart, 1968.
- Σ Appoll Rhod. - *Scholia in Appollonium Rhodium*. Ed. Wellauer. - Leipzig, 1828.
- Arrian. Peripl. - *Arriani Periplus maris Euxini*. In *Arriani Scripta Minora*. Ed. R. Hercher-A. Eberhard, Leipzig, 1885.
- Her. - *Herodoti Historiarum libri IX*. Vol. I - II. Lipsiae, 1878 - 1886.
- Il. - *Homeri Ilias*. Ed. G. Dindorf, Lipsiae, 1890.
- Mela - *Pomponius Mela. De chronographia libri tres*. Ed. C. Frick, Leipzig, 1935.
- Paus. - *Pausaniae Descriptio Graeciae*. Rec. J. Schubart. Lipsiae, 1881- 1883.
- Phot. - *Photii Lexicon*. Ed. S. A. Naber. Leiden, 1864 - 1865.
- Plin. - *C. Plinii Secundi Naturalis historiae libri XXXVII*. London, 1947 - 1952.
- Strabo - *Strabonis Geographica*. Rec. A. Meineke. Vol. I-III, Lipsiae, 1866.

К ФРАКИЙСКО-БАЛТИЙСКИМ ЯЗЫКОВЫМ ПАРАЛЛЕЛЯМ

В последнее время возникла не только возможность, но и потребность в рассмотрении подобных вопросов. Такая возможность открылась благодаря новому обширному собранию фракийского языкового материала, его дифференциации (различение собственно фракийского и дако-мизийского) и более углубленной интерпретации на фоне развивающихся исследований древнейших языков Балкан, Малой Азии (и отчасти Италии)¹. Потребность же в изучении фракийско-балтийских

¹ Собрание фракийской лексики, преимущественно ономастического характера, содержится в кн.: D.Detschew. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957; ценное дополнение к ней: K.Vlahov. Nachträge und Berichtigungen zu den thrakischen Sprachresten und Rückwörterbuch. - "Топишник на Софийския университет, ист.-филол. фак-т", LVII, 2, 1963, стр.221-372. Из исследований в области фракийского и дако-мизийского см. прежде всего: Д.Дечев. Характеристика на тракийския език. София, 1952; В.Георгиев. Тракийският език. София, 1957; О н ж е. Тракийски, дакийски, фригийски и тяхното отражение върху днешните балкански езици. - "Българска етимология и ономастика". София, 1960, стр.776 и сл.; О н ж е. Albanisch, Dakisch-Mysisch und Rumänisch. - БЕЗ, II, 1960, стр.1 и сл.; О н ж е. Sur l'ethnogenèse des peuples balkaniques. Le dace, l'albanais et la roumain. - "Studii clasice", III, 1961, стр.23 и сл.; О н ж е Zur dakischen Hydronymie. - "Acta Antiqua", X, 1-3, 1962, стр.155 и сл.; О н ж е. Die dakischen Glossen und ihre Bedeutung zum Studium der dakischen Sprache. - БЕЗ., VIII, 1964, стр.6 и сл.; Н.Бариć. Poreklo Arbanasa u svetlu jezika. "Lingvističke studije". Sarajevo, 1954, стр.7 и сл.; И.И.Руссу. Limba traco-dacilor. București, 1967; О н ж е. Die Beziehungen der rumänischen Sprache zum karpatisch-balkanischen Substrat. - "Revue de linguistique", VIII, 1963, стр.253; G.Reichenkron. Das Dakische (rekonstruiert aus Rumänischen). Heidelberg, 1966; С.Погирц. Considérations sur les éléments autochtones de la langue roumaine. - "Revue roumaine de linguistique", XII, 1967, стр.19 и сл. Полную библиографию см.: Ž.Velkova. Die thrakische Sprache (Bibliographischer Anzeiger, 1852-1965). - БЕЗ., XII, 1967, стр.155 и сл. Из работ по иллирийскому и мессапскому см.: А.Майер. Die Sprache der alten Illyrier. I. Einleitung. Wörterbuch des illyrischen Sprachreste; II. Etymologisches Wörterbuch des Illyrischen. Grammatik der illyrischen Sprache. Wien, 1957, 1959; H. Krahe. Die Sprache der Illyrier. I.

языковых отношений возникла как из попыток уяснения места фракийского языка среди других индоевропейских², так и —главное— из открытия многочисленных следов балтийско-й³ гидронимии и топонимии на широких пространствах, примыкающих к историческому ареалу балтийских языков (восточнославянские земли, территории к западу от Вислы и др.)⁴, или соответствий между балтийскими и балкано-адриатическими гидронимическими и топонимическими фактами⁵. Исследование сходств

Die Quellen, Wiesbaden, 1955; II. C. de Simone. Die messapischen Inschriften; J. Untermann. Die messapischen Personennamen. Wiesbaden, 1964; O. Parlangeli. Studi messapici. Milano, 1960; O. Haas. Messapische Studien, Inschriften und Kommentar, Skizze einer Laut- und Formenlehre. Heidelberg, 1962; C. de Simone. Die messapische Sprache (seit 1939). — "Kratylos", VII, 1962, стр. II3 и след. О фригийском: O. Haas. Die phrygischen Sprachdenkmäler. Sofia, 1966; R. Gusmani. Studi sull'antico frigio. La popolazione, le glosse frige presso gli antichi. — "Rendiconti dell'Istituto lombardo di scienze e lettere" (= RIL), 92, 1958, стр. 835 и сл.; O. H. J. Le iscrizioni dell'antico frigio. — RIL, 92, 1958, стр. 870 и сл.; O. H. J. Monumenti frigi minori e onomastica. — RIL, 92, 1958, стр. 904 и след.; O. H. J. Il frigio e le altre lingue indoeuropee. — RIL, 93, 1959, стр. 17 и след.

² Учитывая характер фракийских языковых остатков, можно сказать определеннее — речь идет об отношении фракийской ономастики к "центрально-европейской" (в смысле, придаваемом этому понятию Г. Краэ) и балкано-малоазиатской ономастике.

³ О понятии "балтийский" в применении к гидронимии периферийных по отношению к Прибалтике областей см. в других работах автора.

⁴ См.: В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962; О. Н. Трубачев. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968; H. Schall. Die baltisch-slavisches Sprachgemeinschaft zwischen Elbe und Weichsel. — "Atti e memorie del VII Congresso Internazionale di Scienze Onomastiche", Vol. VII. Firenze, 1963; O. H. J. Baltische Dialekte im Namengut Nordwestslawiens. — KZ, 79, 1964 и др.; В. Н. Топоров. К вопросу о топонимических соответствиях на балтийских территориях и к западу от Вислы. — "Baltistica", 1, 1966, стр. 103 и сл.; O. H. J. О балтийских элементах в гидронимии и топонимии к западу от Вислы. — "Slavica Pragensia", VIII, 1966, стр. 255 и сл.; O. H. J. О балтийском элементе в гидронимии Верхнего Нарева. — "Studia linguistica slavica baltica Canuto-Olavo Falk sexagenario a collegis amicis discipulis oblata". Lund, 1966, стр. 285.

⁵ Из работ, посвященных этому вопросу, кроме старых исследований Басанавичюса, см.: H. Krahe. Vorgeschichtliche Sprachbeziehungen von den baltischen Ostseeländern bis zu den Gebieten um den Nordteil der

балтийских водных и местных (а иногда и личных) названий с соответствующими иллирийскими и фракийскими должно осветить один из важных вопросов индоевропейского диалектного членения и истории территорий между Балтийским морем и Балканами (и Италией)⁶. Последняя книга И.Дуриданова — существенный вклад в эту проблематику. Им приведено весьма значительное количество соответствий между фракийскими и дакийскими названиями, с одной стороны, и балтийскими, с другой. Большинство соответствий совершенно очевидно и не вызывает никаких сомнений, ср. Βατκούνιον — ЛИТ. Batkūnai; Δίγγιον — пр. Dinge; Καβύλη — пр. Cabula; Μάρκελλαι — ЛИТ. Markėlis; Purdae — пр. Purde; Σάρτη — ЛИТ. Sařtė; Scretisca — ЛИТ. Skrėtiškė; Κερση — пр. Kerse; Πυτρος — ЛТШ. Putre; Sautes — ЛТШ. Sautte; Σπαρκή — пр. Sparke; Βολαυσον — пр. Bolausen; Brucla — ЛТШ. Brukle; Galtis — ЛИТ. Galtai, пр. Galten; Γένουκλα — ЛТШ. Dženuklis; Drasdea — пр. Drasda; Μαίβα — ЛТШ. Maĩvis; Ρεσιδύναι — пр. Resedynen; Στένδα — ЛТШ. Stende; Γετηνοί — ЛИТ. Getėnai; Burtinus — пр. Burtin; Gerulo — ЛИТ. Gerulis; Mamutzis — ЛТШ. Mamwtze; Putina — ЛТШ. Puttin; Σκάρη — пр. Skabe; Σύρμος — ЛИТ. Surmai и др. Тем не менее существует еще достаточно большое количество соответствий между фрако-дакийскими и балтийскими названиями, причем некоторые из них (не отмеченные И.Дуридановым) не менее убедительны, чем приведенные выше. Для более полной и точной оценки подобных соответствий необходимо указание на те случаи, когда данная параллель выходит за пределы балтийского и фрако-дакийского материала. Чаще всего к таким параллелям подключаются иллирийские названия⁷. Поскольку существуют и специальные иллирийско-

Adria—"Akad.d. Wiss. u. Liter. Abhandl. d.Geistes- u. Sozialwiss. Kl. Mainz", 1957, № 3, стр.103 и сл.; K.Kasparsons. *Myrica*. - FBR 18-20, 1938-1940; G.Alessio. *Un' oasi linguistica preindoeuropea nella regione baltica?*—"Studi Etruschi", 19, 1946-1947, стр.141; В.Н. Т о п о р о в. Несколько иллирийско-балтийских параллелей из области топонимстики. "Проблемы индоевропейского языкознания". М., 1964, стр.52 и сл.; I. Duridanov. *Thrakisch-baltischen Sprachbeziehungen*. Sofia, 1969.

⁶ Есть серьезные основания полагать, что пренебрежительно-отрицательное отношение к ранней историографической традиции, сообщавшей о связях прусов с Римом, будет пересмотрено; об этом см. в другой работе автора.

⁷ К сожалению, существует немало названий, которые трактуются то как иллирийские, то как фракийские. Вместе с тем существует большое количество несомненных сходств, ср. (фрако.) Abre=: (иллир.) Abroi; Apuli: Apuli(a); Benni: Bennis; Bila: Bilios; Brend=: Brendice; Bubentis: Bubent=: Buzos: Buzos; Dardanis: Dardani; Daunion: Dauni;

балтийские параллели (к которым фракийские названия не подключаются), то с необходимостью возникает задача существенно более точной дифференциации иллирийского и фрако-дакийского элементов⁸ как на местах их исторического расселения, так и там, где отмечена ономастика, сходная с иллирийской или фрако-дакийской. Следующей задачей можно было бы считать дифференциацию (ареальную и языковую) балтийских названий с точки зрения их связей (преимущественных) с иллирийской или фрако-дакийской ономастикой.

В настоящей работе указывается ряд новых соответствий между балтийскими и фрако-дакийскими ономастическими элементами. Из-за недостатка места здесь приводится примерно половина таких соответствий (А - К); остальные параллели будут приведены в другой публикации; то же относится к сопоставлению апеллятивной лексики (прежде всего - названия растений) и особо выделяемых теонимов. Более подробные сведения о сопоставляемых названиях см. в цитируемых источниках. В ряде случаев (обычно без оговорок) было сочтено возможным сравнивать личные имена с местными или водными, но при этом всегда речь идет о личных именах, соотносимых внутри данной традиции с местными именами (обычно в словообразовательном плане). Наконец, еще одно замечание. Хотя и не всегда, но во многих случаях вкратце сообщаются наиболее четкие параллели из других языков, территориально близких к фрако-дакийскому ареалу (прежде всего - из языков Малой Азии). Нередко фракийские ономастические элементы оказываются как бы посредниками между балтийскими и малоазиатскими. Учитывая правдоподобные соображения об индоевропейской прародине, соединение двух цепей соответствий - балто-фракийской и фрако-малоазиатской - на Балканах можно рассматривать как весьма показательный факт.

Derzenus: Derzines; Ditus: Ditus; -gentus: Gentius; Langaros: Longaros; Malva: Malvesa; Rigasis: Rigias; Sita: Sita; Terpylos: Terponos; Tiuta: Teuta; Triballi: Tribulium; Zaca: Zaca; Ziles: Ziletes и др., см. I.I. Russu. Limba traco-dacilor, стр. 156-157.

⁸ Об их отношении друг к другу см.: I.I. Russu. Limba traco-dacilor, стр. 154-157 ("Raporturile lingvistice între illiri și traci"); О н ж е. Illyrische Studien. III. Die sprachliche Stellung der Illyrier. - "Revue de linguistique", 1961, N 1, стр. 63 и след.; V. Georgiev. Thrace et illyrien. БЕЗ, VI, 1963, стр. 71 и след.; О н ж е. La toponymie ancienne de la péninsule balkanique et la thèse méditerranéenne. Sofia, 1961, стр. 32 и след. и др.

^{Ἄβρ.} ^{Ἄβρο.} ^{Ἄβρου} = содержится в ряде простых и сложных слов, являющихся именами мест и людей: *Abrenus*, *Ebrenus*, *Hebrenis*, *Εβρενις*; *Ἀβρ-δρος*, *Ἀβροδρος*; *Ἀβρο-ζέλμης*, *Εβρου-ζέλμης*, *Ebria-zelmus*; *Ἀβροζеος*; *Ἀβρου* = *πολις*, *Abru-polis*, *Efri-poris* (личные имена); *Ἀβρο-λέρδα*, название горной чащи на Тундже (ср. *Theoph. Chr.* 470, 48: *ὅς τοῦ δαδέος Ἀβρολέρδα*; *Ibid.* 470, 20: *ὥς τοῦ τυμνοῦ Ἀβρολέρδα*); *Ἀβруτος*, *Abrutus*, *Abrittus*, *Ἐβριττος*, название места в Нижней Мезии (теперь — *Abtat*), откуда этноним *Abritani*, *Abretteni*. См.: *Detschew. Thr. SR.* 2-3. Обращают на себя внимание дублеты с *Е-* в первом слоге: помимо уже приведенных см.: *Εβρυζениς*, *Εβρυτελμис* и, может быть, даже *Ἐβρος*, *Hebrus*, *Ebrus* (ср. *Hdt.* 7, 59: *ποταμὸς μέγας Ἐβρος*; *Ibid.* 14, 4, 6: *Ebrum fluvium Thracia fundit* и др.); *Εβρηΐς*; См.: *Detschew. Thr. SR.* 162-163; к этимологии см.: Дечев. Хар. тр. ез. 21. Мена *е* : *а* во фракийских словах хорошо известна, см.: Дечев. Хар. тр. ез. 29-30 (ср. сходные балтийские факты); *spiritus asper* также может быть лишен этимологического значения. Этимология Д. Дечева (из и.-евр. ^{*ay/e/r} = 'влажный, мокрый', ср. др.-сев. *aurigr*, *aurr*, др.-греч. *ἄνδυρος*, *ἐπιδύρους τοὺς χεῖμαρρους ποταμούς* Гесикий), видимо, ошибочна. Следует заметить, что ей соответствует фрак. *Ἀῦρδα*, приток Истра (*Hdt.* 4, 49), см.: *Detschew. Thr. SR.* 39 (формы с *α* отсутствуют); напротив, многочисленные примеры *Ἀβρ* нигде не имеют варианта *Ἀυρ* (в отличие от таких случаев, как *Ἀβλου-ζελμис* при *Αυλου-ζελμис*). В том, что касается консонантизма, фракийские формы следует трактовать одинаково с иллир. *Ἀβροι*, этноним, фриг. *Ἀβρόστολδα*, название места, или мизийск. *Abretteni* (*Plin. NH*, 5, 123), *Abritani* (*GR* 172, 18) и видеть в них продолжения и.-евр. ^{*abhr}-. Если это так, то напрашивается сравнение с лтш. *Abra* и его производными, обозначающими обычно 'луг, болото, лес, холм, реку': *Abras dīkis*, *Abras=iēlinis*, *Abras=kakts*, *Ab-raskalns*, *Abraslauks*, *Abras=leja*, *Abras=mežs*, *Abres=purvs*, *Abrupe*, *Abrupji*. Характерно вхождение *Ab-* в состав сложных слов, как и во фракийском, со сходной семантикой, ср. *Ἀβρο-λέρδα* и *Abras=leja*, *Abres=purvs*, *Abras=dīkis*, *Abraskalns* и *Abras=mežs* (фракийское слово обозначает горную чащу); к этимологии *λέρδα* см.: *Duridanov. Thr.=D. St.* 14 (лит. *Lėvuč*, лтш. *Lēvenis*, пр. *Liwencz*, *Le-wencz*). Показательны примеры употребления сходных формантов при корне *Ab-* : *=n-*, ср. к фрак. *Abrenus*, *Εβρενις* и под. лтш. *Abrene*, *Abrenes*, *Abrienas*, *Abriēnieši*, *Abriņa*, *Abriņas*, *Abrines*, *Abriņš*, *Abriņi*, *Abriņas-grāvis*, *Abriņlaūks*, *Abriņ=kalns*, *Abriņ=kalns*, *Abrenes=kalni*, *Abriņ=kapi*, *Abriņ=pļava*, *Abriņ=ast(e)*, *Abriņ=priedes*, *Abriņ=strautiņš* (ср. и здесь нередкую приуроченность *Ab-* к обозначению холма, го-

ры); лит. *Abryna*, пр. *Aberninen*; -t-, ср. при фрак. *Abrittos*, *Abrita-ni*, *Abretteni*, лтш. *Abrite*; -u-, ср. при фрак. *Ἀβρου-*, *Ἀβρυ-*, *Ebrus* и под. лтш. *Abraua*, *Abrauiņa*. О балтийском материале см.: Gerullis, Apr. ON. 7; LUEV 1; Endzelins. LV I: 1, 2-3. Вероятна связь названных наименований в лтш. *abra*, *abriņa* 'квашня' (как нечто связанное с трясинами?). О фракийском *Ααρ-* см.: Russu. LTD 89, 228.

Αἰσά (Steph. Byz. 54, 11: *Αἰσά, πόλις Θράκης προσε-χῆς τῇ Πάλλῃνῃ. Αἰσάϊος*); *Αἰσ-ηπος* ил.м.21; в 825: *ἕδωρ μέλαν Αἰση-ποιο*; ср. также: Strab. 13, I, 9; помимо названия реки, это слово употребляется и как личное имя, ср.: ил. з 21: *μετ' Αἰσηπον*); *Aesepus* (Plin. NH 5, 141; *amnis Aesepus*; Val. Flacc. 3, 420; *Aesepia* *flu-mina*); *Aesius*, река в Вифинии (см.: Plin. NH 5, 148); вероятно, сюда же *Aesyros* (см.: Plin. NH 5, 148) и некоторые другие. Заслуживают внимания *Αἰσας ποταμός* в Умбрии (Strab. 5, I, 11; ср. *Aesis*. Liv. 5, 53, 3). См.: Detschew. Thr. SR 7, 10. Из балтийских параллелей ср. лит. *Aisė*, *Aiseta*, *Aisetas* (LUEV 1-2); с -n-: *Aisėny kaimas* (LATS 611); лтш. *Aiši*, *Aiša*, *Aišate*, *Aišpūrē*, *Aišpūri* (возможно, из * *Aišpurvi*, ср. *Eisurw*), *Aišlejas*; с -n-: *Aiširi*, *Aišinš*, *Aišine*, *Aišinu-sils*; с -t- *Aišāte* и др. (Endzelins. LV I: 1, 6-7, 268); пр. *Aysen*; с -n-: *Aysnithen*; с -l-: *Aisolin*, *Aisoliten* (Gerullis. Apr. ON 8). Учитывая, что фрак. -ηπος, -epus принадлежит к семье -apa, -απα (=απα), -απιον, -επα-, -οπα-, -ωπεα и под. (см.: Burdapa, Βουρδ-απα-ηπαί, Ζελδ-απα, Μεσο-απιον и др.), связанной с и.-евр. **ap*- 'вода', 'река' (ср. пр. *ape*, *arus* и др.) или **ab*- (ср. др.-ирл. *abann*, лат. *amnis* и др.), следует обратить внимание на такие соответствия, как *Αἰσ-ηπος*, *Aesepus* и лит. *Aisė upė*, лтш. *Aiša upė*, пр. **Ais-* и *ape* (лтш. *Iesn=upė*, *Iesnupes* едва ли сюда относятся ввиду соответствия с лит. *Iešnālis upė*, ср. *Iešnālis ežeras*). Не исключено, что к словам того же корня относится фрак. *Εισηνός*, эпитет Аполлона (ср. *Ἀπόλλωνι Εισηνώ*, а также *Θεῷ Εισηνώ*), сопоставимый внутри с *Eisad-* в *Εισαδραλκис* (личное имя), а вне - с таким же словообразовательным типом в лит. *Aisėny* (*kaimas*). Ср. также пару *Aesyros* - лит. *Ėisra* (формант -r-).

Apilas (Plin. NH 4, 33: *fumen Apilas*); *Ἀπουλον*, *Apulum*, *Apula*, *colonia Apulensis*, производные на -l- от *ap-*, ср. *απα*, см.: Detschew. Thr. SR 19; иначе - Russu. LTD 90-91. Ср.: *Apuli*, *Apulia*. В Италии (илирийского происхождения, см.: Krahe, Spr. III. 112; Glotta 20, 1932, 191 и сл.). Из балтийских соответствий ср. пр. *Appelowe* (ср. *Appol*), см.: Gerullis. Apr. ON 10; Апелка (басс. Днепра), см.: Топ.-Труб. ЛАВП, 176; может быть, *Oplick*, *Uplik* (озеро в басс. Наревы), см.: Zwoliński. NW 195 (ср. лтш. *Upeikiai*). Дальше отстоят лит. *Upāle*, *Upālis*, *Upēle*, *Upēlis*, *Upėūkās* и др. (см.: LUEV 178-179).

Ἀρρετις, замок в Дакии, см.: Detschew. Thr. SR. 21. Возможно, сюда же *Ἀρρετιοι*, деревня между Никомедией и Никеей (*κώμη Ἀρρετιῶν*)

Ἀρρελή (πόλις Σικελίδας καὶ) Ἀρρελὰ (πόλις Περιοικῆ Steph. Byz. III, 3,5). Ср. кельтское местное название *Arbatilicus pagus* (Holder. AC I, 181). Не исключено, что с этими названиями связано пр. *Areboten, Arobiten* (о них см.: Gerullis. Apr. ON 10) или даже лит. *Arbatinė* (LUEV 8), переосмысленное в народно-этимологическом духе. Если это так, то можно реконструировать общее сравниваемым языкам название, состоящее из корня **Arb-* и суффикса *-at/-ot-*. Ἀρνη (Steph. Byz. 123, 18: Ἀρνη, πόλις Βοιωτίας ..., δευτέρα πόλις Θεσσαλίας ..., τρίτη Μεσοποταμίας, τέταρτη τῆς Ἑρδαινίων πρὸς τῇ Θράκη. τὸ ἔθνικόν Ἀρναῖος, см.: Detschew. Thr. SR 25 (ср. также *Kal-arnai, Kal-arnos*). Ср. пр. *Arnaw* (**Arne* + суффикс *-av-*), а также личное имя *Arn-like, Arneke*, см.: Gerullis. Apr. ON 11; Trautmann. Apr. PN.13; лит. *Arnėny, Arnionių kaimas*; лтш. *Arnika, Arnika-tilis, Arniku-kakts, Añnikaiši*, возможно, *Ārnas-gzgrs, Ārni, Ārnis, Ār-pakrūmi, Ārpi, Ārniši, Ārnikas, Ārniški, Ārnišēni* и др. (если только последние не связаны с финно-угорскими источниками, ср. финск. *aarnio-metsä*, эст. *Aarna* и др.), см.: Endzeļins. LV I: 1, 42, 70. Это сравнение тем показательнее, что есть и другие словообразовательные параллели от этого корня: ср. *Arine* (Rav. IV, 14), река в Дакии; Ἀρῖνδ, замок в Нижней Мезии (см.: Detschew. Thr. SR 25) — лит. *Arina, Arinas* (LUEV 8) (сравнение указано В: Duridanov. Thr. -D. St. 17), лтш. *Ārinās-kalns, Āripi, Āripi* (вариант — *Ārni*, см.: Endzeļins LV I: 1, 69, 70; дальше — пр. *Aryngine*, озеро, см.: Gerullis. Apr. ON 11; сюда же лув. *Arinna* и, возможно, лик. *Arñna, Ἀρνδ, Ἀρνε-ди*, где предполагается синкопа *-i-*, см.: P.Kretschmer, "Glotta", 28, 1939, 115.

Ἀρτάνης, 1) река в Вифинии; в ее устье — замок Ἀρτάνη (Scyl. 92: μετὰ δὲ Μαρμαρινόνους εἰσὶ Θράκας Βιδυνοὶ ἔθνος, καὶ ποταμὸς Σαγγάριος καὶ ἄλλος ποταμὸς Ἀρτάνης; ср. Arr. Peripl. P. Eux. 12, 3-4; Ptol. 5, 1, 5; TP 9, 9; GR 530, 1: Arcene (=Artane); 2) правый приток Истра (Hdt. 4, 49: εἰς δὲ Θρηκίης καὶ Θρηκίων τῶν Κροαύων ῥέοντες Ἀρτύς καὶ Νόης καὶ Ἀρτάνης ἐκδιδούσι εἰς τὸν Ἰστρον; Ἀρτυνίς, озеро в Вифинии (Steph. Byz. 150, 3: ἡ λίμνη ἢ περὶ Κυλικὸν Ἀρτυνίς, ἢ πρότερον Ἀρτυνίς; Plin. NH 5, 142; in stagno Artynia). См.: Detschew. Thr. SR 28-29. Едва ли стоит отделять от этой группы слов *-arta, -артда, -артда* в *Vi-arta, Vi-артда, Ви-артда* (Detschew. Thr. SR. 59-60), а также другие словообразовательные типы: Ἀρτάδιον τεῖχος, Ἀρτάδιον τεῖχος (название города вблизи озера Ἀρτυνίς); Ἀρτάκη, Artace (название горы), Artaceon (название области); Ἀρτάκιοι, Ἀρτάχοι (племенное название); Ἀρτισκόс (река в районе Одрисы); Artia (личное имя, о нем см.: Russu. LTD 91 и т.д.). Во всех этих примерах содержится корень **Art-*, как и в мес-сапск. *Artas* (личное имя, ср. перс. Ἀρτάιος, а также многочисленные иранские имена с начальным элементом *Arta-*, см.: Justi. IN 31 и

сл.), ДАЛМ. Artanus (См. Krahe. LAIPN 10), ФРИГ. Αρτα, КИЛИК. Αρ-
της. Из балтийских соответствий более других убедительны те, кото-
рые содержат словообразовательный формант -n-, ср. ЛТШ. Artigu =
-lauks (: Αρτλνγς, Artane); -l-, ср. ЛИТ. Artelės kaimas (LATS,
622), ЛТШ. Artala-kains (: Artila); хотелось бы думать, что сюда же
можно отнести пр. Arkeliten (из *Arteliten, по диссимилиации и в связи
с и > ki, ср. nokis > clokis и др.), подвергшееся переосмыслению в
духе народной этимологии, или название озера в басс. Нарева, лежа-
щее в основе немецкой передачи Ortelspurgische Sehe (См.: Zwoliński.
NW 205); -u-, ср. пр. Artucke (Trautmann. APR. PN 13, ср. Artix,
Artymme); ЛИТ. Artavà (: Αρτυνιδ); сюда же может быть, ЛТШ. Ąrtav-
-kains, которое, однако, отождествляют с Artala-kains (Endzeļins. LV
I : 1, 70. Может быть, того же корня Орча, река в басс. Березины
(*Art-ia?).

Βάντιοι, название племени (Steph. Byz. 158, 1: Βάντιοι, ἔθνος Θρά-
κης, Ἐκδοκίος. Ввиду Βαντίδ в Иллирии (Olyb. 5, 108, 3; ср.
также Steph. Byz. 157, 17; Βαντίδ, πόλις Ἰταλίδας; Liv. 27, 25,
13: Bantia) не исключено, что речь идет об одном и том же этническом
образовании, см.: Detschew. Thr. SR 42. Из ближайших соответствий
ср. пр. Banetin (при пр. Banow; ЛИТ. Banė, Banaičių kaimas, Banionių
kaimas, Baniškų kaimas, LATS 635; ЛТШ. Baņi, Baņa, Banas-eļle, Baniš-
ķu-purvs, см.: Endzeļins. LV I : 1, 83, 85), а также ЛТШ. Banīte,
Banits; может быть сюда же личные имена - пр. Bantiko (ср. ЛТШ. Ban-
tik), Bantun, ЛИТ. Benėtin? См.: Trautmann. Apr. ON 17. Обращают на
себя внимание гидронимы с Ban- в басс. Вислы. См.: Топоров. Илл. -С.
53. Фракийские примеры могут быть увеличены за счет Βάνες, замок в
Дакии, Βανίσσι, название племени, сопоставимых с пр. Banse, Bansen
(о них см.: Gerullis. Apr. ON 16). Любопытно обратное соотношение:
фрак. Ban-t- - пр. Ban-ēt-, но фрак. Ban-es-, пр. Ban-s-. Впрочем,
пр. Banse, Bansen может соответствовать ЛИТ. Banžė (*bang'h-).

Βαστα, Βαστο-, Ουστο-, -bastā, -bastas, -bastos в Βαστα-κίληδα,
Βαστο-κίληδα, Ουστο-βαλλος, Σερν-βαστα, *Ζηρο-bastas, соот-
ветственно *Σερο-bastas, *Tasi-basta, Σουδ-bastas, Βί-bastas, см.:
Detschew. Thr. SR 45; ср. также личные имена Βαστας, Βαστος; Βασ-
τίδ, может быть, Βίστης, Βιστα и под. (едва ли верна этимология -
Дечев. Хар. тр. ез. 25; Detschew. Thr. SR 71; Георгиев. Тр. ез. 60).
Вероятно, с этими словами связаны Бостя, Бастова, Бастовка в басс.
Днепра (ср. ЛТШ. Basta-rags, Basta-kains, см. Endzeļins. LV I : 1, 87;
Басьце, Baszczai, деревня в Сувалки, см.: Сп. Сув. г.) и - с другим
вокализмом - ЛИТ. Bėstupis; Бесте (см.: Спрогис. ГСМЗ 22), Besčių
kaimas (см.: LATS 644); ЛТШ. Beste, Bestes, Bestes-kains, Bests-kains
(см.: Endzeļins. LV I : 1, 100); верхнеднепровские гидронимы с Бест-
(см.: Топ.-Труб. ЛАПН 177); Beste к западу от Вислы (см.: Топоров,

"Slavica Pragensia", VIII, 1966, 258). Но особенно показательны фракийско-балтийские параллели с формантом -n-, ср. эпитет Диониса Tasiasten (CIL 3, 703, 704) или же название Ζηρορδστηνῆς (ZDB 55, Sp. 369) и, может быть, Βιστωνία λίμνη; Βιστωνία, Bistonias; Bistonias, Bistonies (см. Detschew. Thr. SR. 72) при лит. Bestinis, Bestinēlis, Besūnka (см.: LUEV 18), ср. Bastūnų kaimas (LATS 639); лит. Bestenica, Bestnieki (Endzelīns. LV I: 1, 100); верхнеднепровские Большая Бестань, Бестенка, Бественка (ср. Bestwińskie Stawy, см.: Zwoliński. HW 3), Бестрень, Бестренка и др. К -r- ср. лит. Bestreigiskės kaimas (LATS 644); Bestrowka в басс. Вислы (см. Zwoliński. HW 94); сложное интерпретация Βίστρος (ср. Гесикий: Βίστρος Θράκιον ὄνομα; Βίστρος, ἥρωα Θράξ. Θεόμου -ος λέγει Βιστύναν) или Βάστειρα, Μάστειρα, местное название (см.: Harpokr. и Suid.). Тем не менее, не исключено, что и -r- был общим фракийскому и балтийскому формантом при корне Bast-, Best-. 0 =basta во фракийском см.: Russu. LTD 163, 166 (едва ли верно отделение =basta в сложных топонимах от антропонимического Βάστας); ср. также: =bostes, Russu. LTD 96.

Βεβρυκες. Bebryces, племенное название (Apoll. Rhod., Plin. NH); о нем см.: Thomaschek. Thr. I, 35; Георгиев. Тр. ез. 59; Russu. LTD 93. Ср. болг. Беброво. Того же происхождения, что и известные "центральноевропейские" гидронимы типа Bebronna, Bebronica, Bibracte и т.п. Особенно обильны соответствия в балтийских областях, см.: Gerullis. Apr. ON 18, 20; LUEV. 15-16; Endzelīns. LV I: 1, 93-94; Arumaa, -Festschr. Vasmer, 48-49; Sc.-Sl 11, 1965, 157 сл.; Топ.-Труб. ЛАВН 176-177; Топоров, - "Slavica Pragensia" VIII, 1966, 257. Среди этих соответствий особенно показательны те, что имеют вокализм -e- и формант -k- как, например, лит. Bebrūkas, Bebrūkas (есть и Babrūkas, Babrukiškių kaimas, см.: LATS 629); ср. Bobrek, озеро в басс. Нарва, см.: Zwoliński. HW 194 и др.; Бобруйка, Бобрець и др.).

Βίλλαιος, Βιλλεος, река в вост. Вифинии (ср. Steph. Byz. 703, 10; 625, 2), см. Detschew. Thr. SR 68-69. Сюда же относили личные имена из Эпира Βιλληνός, Βιλληνή (см.: Thomaschek. Thr. II, 2, 94; АЕМ 14, 1891, 114, 2), а также лат. Bili(ien)us, Billienus, Billius (см.: Schulze. ZGLN 104, 279, 403, 423) и макед. Βιλλεδς (см. ÖJh. 16, 1913, 235). Ряд соответствий может быть продолжен пр. Bylien (при Bylow, см.: Gerullis, Apr. ON 20), Bylenne (ср. Billote и др.; см.: Trautmann, Apr. PN 19); лит. Biliakiemio, Bilėnai, Bilionių kaimas, Bilūnų kaimas, Bilūniškių kaimas (ср. Biliškių kaimas, Biliuškių kaimas и др.), см. LATS 646; лит. Bīle, Bīles, Bīlis, Bīļas, Bīļēni, Bīļiņi, Bīļene, Bīļenes-pļava, Bīļēnu-puvs, Bīļīte (см.: Endzelīns. LV I: 1, 110); особенно характерны формы с показателями -i- и -n-.

Βορκιά (см.: Passio S. Alexandri, ИзвБАИ 8, 1934, 156, 19 : ἐν τῷ πρῶ τινὶ λεγομένῳ Βορκιά), см.: Detschew. Thr. SR 76; может быть,

сюда же эпитет Геры Βορκηιδίς [ср. Изв. БАИ 11, 1937, 287: Νεώ Ηρωι Βορκηιδίς (Горна Оряховица)]? Допустимо сравнение с пр. Barken, Borken (Gerullis. Apr. ON 16); ЛИТ. Barkai, Barkelių kaimas, Barkių kaimas, Barkišio kaimas, Barkūnų kaimas и др. (СМ.: LATS 637); ЛТШ. Barkas-pjava (СМ.: Endzeļins. LV I, 1, 86); возможно, Борча, Борчанка в басс. Днепра (если из *Bark-iā, *Bark-iān-; СМ.: Топ.-Труб. ЛАВП 177, где предполагается иное объяснение), Barczynka в басс. Вислы (СМ.: Zwoliński HW 36). Из личных имен СМ.: пр. Barke, Barcke, Barkint (СМ.: Trautmann. Apr. PN 17). Правдоподобна связь фракийских и балтийских названий того же корня, но с вокализмом -e-, ср. Βερκιδιον, замок около Наиссоса; Berecyntion, название гор; Berecyntai, фригийское племя; Βερεκκας, личное имя из Фессалии (СМ.: Detschew. Thr. SR 53; Russu. LTD 94) при пр. Berkiten (СМ. Gerullis. Apr. ON 19); ЛИТ. Bėrkina, Bėrkiskė (СМ. LUEV 17), Berkinėnų kaimas (ср. Berekšniškės kaimas), СМ. LATS 642; ЛТШ. Bērcēni, Bērcu-pjava, Bērkani, Bēркуški (СМ.: Endzeļins. LV I: 1, 102).

Bitalcosta, Bitalcostu, местное название (ср. CIL 6, 2772 и 32660), СМ.: Detschew. Thr. SR 72; 0 -costa-, -costu- СМ. ниже. Не исключено, что в первом члене слова Bital находится тот же элемент, что и в иллир. Βουτελι. (при Butua), легшем в основу макед. Битоль (о нем СМ.: Vasmer, - ZfslPh 4, 1927, 93 и сл.; ZfslPh 9, 1932, 141 и сл.). Трубачев, НШ 193; - "Baltistica" IV, 1, 44 правильно указал на связь с Бутельский, в басс. Днестра (ср. Бутывли), однако упустил из виду пр. Buteliten (СМ.: Gerullis. Apr. ON 24), личные имена пр. Butele, Butil (СМ.: Trautmann. Apr. PN 22); ЛИТ. Buteliūnų kaimas (СМ.: LATS 656). Если предположение относительно Bital верно (ср. u > i во фракийском), то для фракийского, иллирийского и балтийского можно восстановить *But-el-.

Βράχυλος, место около Паройкополиса (Hierocl. 639, 6: ἐπαρχία Ἰλλυρικοῦ, 2 Μακεδονία Βράχυλος), СМ.: Detschew. Thr. SR 84. Ср. ЛИТ. Brag-iankis (СМ. LUEV 21); ЛТШ. Braga-pjava, Bragi-pjava; Bragis, Bragi, Brağa-lanka, Brağa-lankas-dikis, Brağu-piacis, Brağu-pjavas, Bragene, Bragiški и др. (СМ.: Endzeļins. LV I: 1, 123). Не исключена связь с ЛИТ. Bražiukas, Bražuolė; ЛТШ. Braža, Braži, Bražciems, верхнеднепровскими Брожа, Браженка; СМ.: Būga, - TŽ 1, 1923, 21-22; Endzeļins. LV I: 1, 126; Топ.-Труб. ЛАВП 178.

Βρυγιάς, Brugiada, Βρύγιον (Steph. Byz. 187, 8: Βρυγιάς, πόλις Μακεδονίας, τὸ ἐθνικὸν Βρύγιος (Steph. Byz. 187, 9: Βρύγιον, πόλις Μακεδονίας, τὸ ἐθνικὸν Βρύγιος καὶ Βρυγιεύς); Βρύγες, Βρύγδι, Βρύγοι, Βρύγοι; Βρίγες, Brigae, Βρίγοι (Scymn. 434: Βρύγοι ῥέταροι; Strab. 7,7,8: τῆς γῆς Ἐπιδαμνίου καὶ τῆς Ἀπολλωνιάς μέγροι τῶν Κερδυνίων ὑπερικοῦσι Βυλλιόνες τε καὶ Ταυλάντιοι καὶ Παρδύνοι καὶ Βρύγοι; Steph. Byz. 187, 17: Βρύξ, τὸ ἔθνος, καὶ Βρύγδι.

τοῦ Βρύξ τοῦ θηλυκὸν Βρυγία καὶ Βρύχη-
 ίς ... и др.), племенные названия, зафиксированные как на Балканах, так и в Малой Азии; Βρυγηίδες νῆσος (ср. Apoll. Rhod. 4, 330, 470), два острова в Адриатическом море. См.: Detschew. Thr. SR 91-92; Russu. LTD 96. Ср. лит. Brūgis (СМ. LUEV 22); лтш. Bruža-birze, Bruža-kalns, Bružu-leja, Bruže-ne, Bruženes-pļava, Bruženieki, МОЖЕТ БЫТЬ, Brūža-pļava, Brūža-kalns, Brūža-kakts Brūža-līcis, Brūža-purvs, Brūža-vieta, Brūža-dīķis, Brūžu-lauks, Brūžu-tilts; Brūžkalni, Brūž-gzērs, Brūž-upe, Brūžupe, Brūžupis; Brūžitis; Brūzene, Brūzenes-birzs, Brūžūzni, Brūzuzni, Brūžiesi; Bruzeli, Bruzenieks и др. (СМ.: Endzelīns. LV I : 1, 133-134, 135, 137; Pīķis. LVV I : 1, 135, 137, ср. лит. Bružai, Brūžikas, см. также Vanagas, - "Baltistica", III: 1, 1967, 112). Сравнение ряда приведенных балтийских названий с фрак. Βρυζος См.: Duridanov. Thr. -D. St. 75. Ср. Haas. Phr. Spr. 1966, 19.

Βύραδι (Steph. Byz. 188, 5: Βύραδι, πόλις κατὰ Πευκετίους, τὸ ἐθνικὸν Βυραδίος. εἰσι δ' ἔθνος Θράκικόν. τὸ ἐθνικὸν οἱ Βύραδι), Βου-
 ραδ, Βουραδ, личные имена (может быть сюда же Βωραδα) См.: Detschew. Thr. SR 79, 94; ср. Βυραδ, Βυραδέ, Βυρων (СМ. Bechtel. PN 484). Ср. пр. Bubain, Bubeinen (СМ.: Gerullis. Apr. ON 23); лит. Bubā, Būbinas, Būbinālis (СМ.: LUEV. 22); Bubių kaimas, Bubiškių kaimas, Būbiniškių kaimas, Būbily kaimas, Būbelių kaimas, Būbėnų kaimas (СМ.: LATS 651); лтш. Bubbe, Bubas-kalns, Bubzemnieki, Būbene, Būbenes, Būbulis, Būbuj-kalniņš, Būbuline, Būbulīene и др. (СМ.: Endzelīns LV I : 1, 138). Об иллир. Buban, Bubant См. Mayer. Spr. III 99; Топоров, Илл. -Б. 54.

Burgaena (CIL 3, 729), личное имя, Βυργινος (JG 12, 71, 79), личное имя, Βουρχειλος (ADB 34, II, 69), личное имя. См.: Detschew. Thr. SR. 80-81, 96. Видимо неотделимо от иллир. Burgenae, местечко на Дунае, Burgenis, Burgenas, Burgentas (СМ.: Mayer. Spr. III. 101); об их связях с балтийскими словами см.: Топоров. Илл. -Б. 54. Ср. пр. Burgin, Burgelin (СМ. Gerullis. Apr. ON 24); лит. Burgenai (=Burgeny kaimas), Burgaičių kaimas (LATS 655; LKK IV, 225), Burgaičių ežeras, Burgālis, Burgēlis, Būrgis, Būrgupelis (СМ. LUEV 23-24; ср. Спрогис. ГМЗ 32), лтш. Buŕģis, Buŕģi, Buŕģeji, Būrdzani, Buōrdzeņi (Endzelīns. LV I : 1, 147); ср. Burgale, Burgel <Napergel> в басс. Вислы? (СМ.: Zwoliński. NW 277). К этимологии см.: Савукина, - ЛКК IV, 225 (лит. buŕģe 'вязкое место', 'болото'). Для фракийского, иллирийского и балтийского реконструируется общая форма *Burg-en-; для фракийского и балтийского - *Burg-el-.

Burd-, Burdo-, Burdi-, Burto-, Βουρδ-, Βουρτου- в Burdapa (название деревни со святыней Νύμφαι Βουρδαπηναί), Βουρδ-επτω, Burdip-ta, Burdenis место на левом берегу Гебра (TP 8, 3 : Burdenis), Βουρδδ-
 μινδ (название замка), Βουρδ-αληνός (этническое название от

Burdapa или Βούρδαπες), Βούρδιζος (Burtudizos, Βουρδίζος, Bur-didizon, Burtizon), Βούρδαπες, Βυρδιών и др.; см.: Detschew. Thr. SR 81, 83, 96. Ср. пр. Burdeyn, Burden, Burdayn (см.: Gerullis. Apr. ON 24); лит. Burdiškių kaimas (см.: LATS. 655); лтш. Burdinca (см.: Endzelīns. LV I: 1, 147). Показательны названия с формантом -n- и, возможно, сложные слова типа Burd-apa; пр. *Burd-ape.

Gabranus название реки (Histria 4, 1916, 558 Nr 16: /ad confluentes ruvorum Picusculi et Ga[brani, inde ab im]o Gabrano ad capud eiusdem), см. Detschew. Thr. SR 97. Ср. болг. Габрово, Габрит или название Чешского леса у Страбона и Птолемея - Γαβρίτα ὕλη. Из балтийских языков сюда относится: пр. Gobrio, Chobar (позднее Gubir, Guber-Fluß), которые (вопреки Gerullis. Apr. ON 43; к пр. gubas, pergubons) восходят к *Gabr- (ср. особенно в соседстве с губными согласными: Palwythen и Pollwitten, Kamstigall и Komstegallen, Chucunbrasth, Sogobrost, см.: Gerullis. Apr. ON 214); лит. Gābrio; Gabriškių upė (см.: LUEV 41), Gabrielių kaimas, Gabrieliškio kaimas, Gabriškės kaimas (см.: LATS 689-690), имя Gabrys и др.; лтш. Gabris, Gabri, Gabriki, Gabrikas (Endzelīns. LV I: 1, 287), Gabrelīn и Gobrowo, в басс. Вислы (см.: Zwoliński. HW 139, 274). Но особенно показательны образования с формантом -n- ср. лит. Gabrinė (название болота) и, конечно, лтш. Gabrani, Gabran (Endzelīns. LV I: 1, 287).

Γεδινά, местное название (Acta SS. Julii 4, 376: ἐν τόπῳ ἐπιλεγμένῳ Γηδινά...), см.: Detschew. Thr. SR 105. Ср. пр. Gedden, Gedawin (Gerullis. Apr. ON 38); лит. Gedin-miškė, Gėdupis, Gedūtis (LUEV 44), Gedūnų vienkiemis, Gedarinių kaimas, Gedaičių kaimas, Gedeikių kaimas, Gedikų kaimas, Gedučių kaimas (LATS 696; Gedūniškės; лтш. Dzėdūnas, Dzėdūnes, Dzėdūne, Dzėduonas, Dzėd=upė (Endzelīns. LV I: 1, 250); ср. также многочисленные личные имена этого корня в прусском: Gedine, Gedenne, Godune, Gedaute, Gedaw, Gedeyko, Gedele, Gedete, Gedike, Gedil, Gedim, Gedithe, Gedute, Gedebuth, Gedegaude, Gedekant, Gedilige (Trautmann. Apr. PN 29-31). Показательны образования с формантом -n- (ср. Γεδινά : Gedine и др.).

Gegulus, Gegalus, личные имена; см.: Detschew. Thr. SR 100; возможно, сюда же апеллиатив γαγγύλα, γαγγύλα (ср. Du Gange 223; pica, graculus, monedula: Βιδυνοὶ γὰρ καὶ Θράκες καὶ Λυδοὶ γαγγύλας καὶ κολοιοὺς καὶ τρυγόνας καὶ χερσαίους ἐχίνους ἐσθίουσιν). Ср. пр. Gaygelyth (см.: Gerullis. Apr. ON 34); лит. Gegulė, Gaigālis, Gaigālnis, Gaigalupė (см.: LUEV 41, 44; ср. Giēglaitis), Gegeliškių kaimas, Gaigalių kaimas, Gaigalų kaimas (см. LATS 690-691, 697); лтш. Gaigala, Gaigale, Gaigalas, Gaiguļi, Gaigali, Gaigalava, Gaigaleņa, Gaigulene (см.: Endzelīns. LV I: 1, 288); ср. среди апеллиативов - пр. gegalis, лит. giėgals (устар.), gaigalas лтш. gaigals, gaigulis, слав. gogolь и др. В качестве параллели ср. название города во Фракии Gaganae (Gazana)

при лит. *gagonas* с корнем, родственным анализируемому (ср. русск. диал. гагана). К употреблению в качестве антропонимов ср. пр. *Gaygis* (Trautmann. Apr. PN 28), лит. *Gaigalaitis*, слав. Гоголь и т.п.

Gelbes река в Вифинии (см.: Plin. NH V, 143), см.: Russu. LTD 107. Ср. пр. *Galbokaym* (позднее — *Galben*), Gerullis. Apr. ON 35; лит. *Galbà* (LUEV 42), *Gelbutiškių kaimas* (LATS 698), лит. *Dzėlbi*, *Džalbi*, *Dzalbes-gzėrs* (Endzelīns. LV I: 1, 250).

Gerastus (Cod. Just. I, 5, 1 и Cod. Theod. 16, 5, 1; Imp. Constantinus A. ad Dracilianum Pp. k. Sept. Gerasti (COOTB. Gerasto) Constantio A. VII et Constantino consss.), см.: Thomaschek. Thr. II, 2, 88 и Detschew. Thr. SR 102; ср. также название предгорья и портового места Γέραιος, Γέραιος. Odys. . 177; Hdt. 8,7; Steph. Byz. 203, 5. Видимо, сюда же следует отнести элементы =geri, =gerri, =gerum,

=γεραι, =γεραι, =γερναι, =gere в сложных названиях Bette-gerri, Γεῖλα-γερναι, Di-gerri, Δί-γεραι, Dru-geri, Zy-gere, Cele-geri, Cuntie-gerum, Pyro-geri, 'Ραλλι-γεραι, Tugu-gerum (к этимологии — Detschew. Thr. SR 102: и.-евр. *gher-; др.-греч. γαῖα, γαῖον, Γεραι, Gerrahe (Dion. Per. 320f... πρὸς δὲ νότον Γέρραι καὶ Νάριχ' ὥστε ἐρυμν...; Avienus, Descriptio orbis terrae 45f: hae gentes Istrum... Medii de parte diei per dumosorum reptantes dorsa iugorum Gerrahe habitant, Gerrahe attingunt oppida late Norica, et immodicae rursum loca pingua glebae Pannonia exercet), а также Γαρησχός, местное название, Garresci, этноним (ср.

Strab. 7 frg. 21: τῶν δὲ συνοικισθεῖσων ἢν Ἀπολλωνία καὶ Χιλλοστρά καὶ Θέραι καὶ Γαρησχός..., ср. 7 frg. 36; Ptol. 3, 12, 22: Ὀρρηλίδας. Γαρησχός. Plin. NH 4, 35; Garresci); Detschew. Thr. SR 99 (Thomaschek. Thr. II 2, 87: Визант. Γαρέλλας, Γαρίελλας. Ср. пр. Geria (Gerullis. Apr. ON 40); в конечном счете, не исключено отнесение сюда пр. Goryn- = *Garyn, пр. Golwen при galwo, Galwonen); лит. Garūnupis (при Garnūpis), Gerūpė, Gerupys (см.: LUEV 43, 46), Gariūny kaimas, Geručiy kaimas, Geruliy kaimas и др. (LATS 694, 699, 700); Garūliai, Garupys, Garkains, Garipievė; лит. Garais, Garena pjava, Gargėrs, Garais=kakts, Garais=kains, Garkalna=rijas, Gares=lauks, Garais=valks, Garatila=kains, Gara=birze, Garā=danga, Garā=duobe, Garā=kaĩve, Garā=iāma, Garā=pjava, Garie=kaĩni, Garuo=druvu=kains, Garuom=trauts, Garanci, Garažči, Garaste, Garaste, Gerausis, Garuozis, Garaūši, Garākas, Gargėžė, Gargėžeri, Gargruoda, Gar=kains, Garpalte, Gar=sils, Gar=pjavas, Garfirumi, Garūdens, Garain=pjava, Gargnais=kains, Garene, Gareniskis, Gariške, Gariškiu=kains, и многие другие (см.: Endzelīns. LV I: 1, 298-302, ср. также Dzeriš-kains; Dzeriš-grava, Dzeriš-valks и др. Там же. 255). Обращает на себя внимание то, что Gar-, Ger- и во фракийском и в балтийском часто обозначает возвышенную местность или же вступает в связь со словами 'холм', 'гора' и под. Названия того же

корня находятся и между Прибалтикой и Балканами, ср. Горынь (более архаичный вариант - Горина, ПСРЛ т. II), в басс. Припяти, Джурень (вариант - Джурин, Дзурын, Džuryń, Džuryn), в басс. Днестра, Герыня, басс. Днестра. (см.: Маштаков, Днепр. 161; Маштаков. ДБ 13, 21; Трубачев. НПУ 233-235, 251, 252; Трубачев, - "Baltistica" IV : 1, 1968, 46) [ср. также: Goryń, Goryńskie Jez., Gorynsche See, в басс. Вислы, см.: Zwoliński, NW 268]. Трубачев правдоподобно связывает эти названия с иллирийским элементом, ср. Γερρουν, Gerunium (см.: Mayer. Spr. III. 110, 151), и восстанавливает исходную форму *Gerūn- с первоначальным значением 'источник' (и.-е. *g^her- 'пожирать', 'жерло', 'горло'). Любопытно, что формант -n- выступает в связи с этим корнем и во фракийском (=Γερρυνοί) и в балтийском (Garūnupis [ср. Горынь], если только эта форма достоверна; Goryn [= *Garyn], Gariūņ kaimas, Garena pļava, Garene, Garenīškis, Garainā pļava, Gargnais=kalns, Garaņci, Ca-fanci, Gareņci и др.). Характерно, что, как и иллирийский, поздне-фракийский знал переход ū > i. Таким образом, приведенные балтийские названия (как и те, что отмечены в басс. Днепра и Днестра) имеют параллели не только в иллирийском, но и во фракийском. Не менее интересно параллель между Gerastus (=sta, ср. -sk- в Γερραστός, Garesci) и ЛТШ. Garaste, Garaste; сюда же хотелось бы отнести Гариста, Гараставка, в басс. Сожи, остававшиеся неясными (см.: Топ.-Труб. ЛАП. 182). Из личных имен. ср. Gerstote, Gerstut (=sta), Gerune, Garune (=un-), Garene (=en-), Garuke, Garute, Geruthe и др. (см.: Trautmann. Apr. ON 28, 32). О суффиксе -sta см. H. Krahe, Über einige Gewässernamen mit -sta Suffix, -BNF 10, 1959, 1 и сл.; Gerullis. Apr. ON 257; Топ.-Труб. ЛАП 166; Russu. LTD 169 (фраг. Bemastes, Rabeston, Rubusta, Tiristasis В ТОПОНИМИКЕ, Cozistes, Degistion, Diastes, Dizastes, Dringistas, Medistas, Patumastes, Pisosta, Romaesta В АНТРОПОНИМИКЕ); Mayer. Spr. III. (ИЛЛ. Arinistae, Bigeste, Βράτιστα, Δαμάστιον, Deramistae, Δυέσται, Έρμώστος, Έρεστηδών, Euristum, Γαλλίστης, Jadestae, Josista, Ladesta, Narestini, Όφελέστας, Palaeste, Παρνούσται, Penestae, Perustae, Πευκεστοί, Pirustae, Ramista, Segestica, Senista, Scunasticus, Τανυρίσται, Τεδίδωτον, Volustana) и др. О корне *Ger- см. V. Putanec. La racine illyrienne *ger 'montagne, forêt' dans la toponymie. - "VII Congresso Internazionale di Scienze Onomastiche. Riassunti". Firenze, 1961, 138 и след.; Russu. LTD 108.

Gestistyrum 'locus possessorum', ВАРИАНТЫ - Getystyrum, Getistirum (ср. Acta SS Oct. 9, 555, 22 Oct., a. 304: in villa quae sermone patrio Gestistyrum, interpretatione vero Latinae linguae locus possessorum vocatur...), см.: Detschew. Thr. SR 103 (ср. Thomasnek. Thr. II, 1, 8). Ср. пр. Gestalieye (?) (см.: Gerullis. Apr. ON 41); ЛИТ. Gestupis, (ср. Gāstupis, Gāstamas, Gāstaminas, см.: LUEV. 43, 47), Gastypio vienkėmis (см.: LATS 695); ОТНОСЯТСЯ ЛИ СЮДА ЛТШ. Gastis, Gastin-kalns

и под. (см.: Endzelīns. LV I : 1, 303), верхнеднепровские гидронимы типа Гастига, Гостена, Гостинка, Гастомля и др. (см.: Arumaa, - "Scando-Slavica" 6, 1960, 144 и след.; Топ.-Труб. ЛАВП 217) или Gostyna, Gostynia, Gostyc(zy)n, в басс. Вислы (см.: Zwoński. HW 3, 252), сказать трудно. Ср. также личные имена - пр. Gesteke, Gastuno (Trautmann. Apr. PN 28, 32), лит. Gostikaitis, Gestule и др. С ними, возможно, сопоставимы фрак. имена Γδοταις (IRE 2, 267: Ψυχὴ γυνὴ Γδοται, χιτρε и др.), γδοταις, -gasteus, γδοταιρ в Συρ-γδοταις, Sur-gasteus, Συρ-γδοταιρ (Detschew. Thr. SR 100, 471-472). Γεῦδαις, Γεῦδος, Geudos, река в Вифинии (ср. Nonn. Dionys. 11, 37; 17, 35; 43, 417: Γεῦδαις; Plin. NH 5, 148: sunt in ora [Bithyniae] amnes... Geudos), см.: Detschew. Thr. SR 105 (см.: Thomaschek. Thr. II, 2, 100); Russu. LTD 109, ср. пр. Gaudyn, Gaudithen, Gaudiken (см.: Gerullis. Apr. ON 37); лит. Gaũdupis (см.: LUEV 43), Gaudaičių kaimas, Gaudučių kaimas, Gaudikių kaimas, Gaudikaičių kaimas (см.: LATS 695), Gaũdulė, Gaũdiškiai; лтш. Gaũdiņi, Gaũduli, Gaũdēksnis, Gaũdēksu-ceļš (Endzelīns, LV I : 1, 303). Из личных имен ср. пр. Gaude, Gawde-lin, Gaudenne, Gaudesse, Gaudete, Gawdike, Gaudil, Gaudinis, Gaudois, Gawdieth, Gawdawe, Gawdeways, Gawdewil, Gawdewine, Gawdewis (Trautmann. Apr. ON 29).

Gildoba (Acta SS Nov. 2, 155: in Tracia civit. Gildoba), Detschew. Thr. SR. 106. Едва ли верна интерпретация Дечева - *Gildava (ср. также Duridanov. Thr.-D. St. 23-24, 90: сопоставление с пр. Gillaw, Gelauwen, Gilge; лит. Gilija, Gil-upis, Gil-upys, Gylė, Giluvė; лтш. Dzīluonis, Dzijaune и т.д. - ср. пр. gillin, лит. gilūs, лтш. dziļš); скорее - суффиксальный элемент -b- как в Scoroba (гора в Вифинии), Astibos, Carrabia Entribai; Nastabus и др. (ср. иллир. Acrabanus, Arabona, Berebis, Bilubium, Cucubis, Leusaba и др.). Что касается первой части слова, ср. пр. Gelditen или Gildestabe, Gildistabe (Gerullis. Apr. ON 39, 41); лит. Gėlda, Geldėnu upėlis, Gėdupė, Gėdupis, Gėdupis (LUEV. 44-45); Geldy vienkiemis, Geldony kaimas (см.: LATS 698), Geldai; лтш. Dzēlda, Dzēlde, Dzēldus, Dzēdienieku-ciems или Dzīdene, Dzīdiņ-kalns (Endzelīns. LV I : 1, 251, 257; ср. лит. Gilda). Трудно сказать, относятся ли сюда формы с вокализмом -a-: пр. Galdow (= *Galdow); лтш. Galdupes, Galdupeji, Galdarijas-kalns, Galdā-pļava, Galdū-kalns, Galdene, Galdēni, Galdīni, Galdinīca и др. (см.: Endzelīns. LV I : 1, 292). К этим названиям следует отнести и Жалдыбка в басс. Днепра (о ней см.: Топ.-Труб. ЛАВП 187, 237), весьма напоминающую Gildoba или Gėdupė, а также Golda (Gōda) и Golden See (Goldenischki), в басс. Нарева (см.: Zwoński. HW 179, 187); ср. также Gietdarskie Jez. 249; Gelnówka, Gelnówianka 143; ср. также на поморско-польских территориях: Gildnica (< *Gild-, ср. Gōd -ap-), Gylnich (1255) [= Giel-nica < *Gildnica] или в Белоруссии Hořdow (1581), Hořdowice, Hořdowicze

(см.: Rudnicki, "Onomastica" 9, 1964, 193-195). Вероятно, сюда же кельт. Geldūba (нем. Geldapa), ср. Plin. NH 19, 90: Siser et ipsum Tiberius princeps nobilitavit, flagitans omnibus annis e Germania. Gelduba appellatur castellum Rheno impositum, ubi generositas praecipua; Tac. H.4, 26: Loco Gelduba; 4, 32: Gelduba in castra; 4, 35: Cohortes Geldubam perrexere, manentibus, ut fuerant, castris, quae relictorum illic militum praesidio tenebantur; 4, 36: Vocola Geldubam atque inde Novaesium concessit. Civilis capit Geldubam; 4, 58: Apud Geldubam; IA 255, 3: Gelduba leg. IX. ala [ср. Lacomblet N 83 (грамота от 904 г.): Geldapa]. 0 кельтск. Gelduba см. Holder. AC I, 1994. Фрак.-оба и кельтск. -uba содержат ряд неясностей в их интерпретации. Тем не менее, едва ли можно пройти мимо -уб(ка) в Жалдыбка, а также - далее - балт. -ур-, -ар-, связанных с обозначением реки, воды. Вместе с тем следует помнить о таких примерах, как фрак. Ζῆλδολ при Ζῆλδολα, Ζέλδεια (место между Дуросторумом и Маркианополисом; см.: Detschew. Thr. SR 173, 180), ср. b: p.

Γόνδρι, племенное название (Steph. Byz. 210, 11: Γόνδρι, Θράκιον ἔθνος. λέγεται δὲ παρ' Ἡρωδιανῶ Κίνδρι καὶ 'Ρόνδρι, Herodian. 2, 487, 19: Κίνδρι καὶ 'Ρόνδρι), см.: Detschew. Thr. SR 107. Уже Thomaschek. Thr. II, 2, 88 сопоставлял с лит. gañdras 'аист'. Использование названий животных и особенно птиц для личных имен, родов, племен хорошо известно у фракийцев и иллирийцев, см. выше Gegolus, Gegalus и др. Поэтому напрашивается сопоставление с лит. Gandry kaimas, Gandrinės kaimas (см. LATS. 693), Gandrā-kainis; лтш. Gañdre, Gañdras-ceļš, Gañdra-uõzuola-laņka (Endzeļins. LV. I : 1, 269), причем в балтийской традиции также широко распространено наименование людей по птицам (и другим животным). ср. пр. Warnike и под.

Gordion, Mane-gordum, местные названия во Фригии, и Zerdo-, Zerde, Ζερδ-, место около Старой Загоры, где находилось святилище Аполлона (Ἀπόλλωνι Ζερδηνῶ), см.: IGB 1742-5 (Russu. LTD 109, 128), ср. Ζαρδονηλος, личное имя (см.: Detschew. Thr. SR 176) и др. Предполагается отношение дублетности - *gherdh-: *gherdh-. То же в балтийской гидронимии и топонимии. Ср. Gārdupis, Gārduva, Garduvā, Gārdinas, Gārdena, Gardēliai (см.: LUEV. 43), Gardēny kaimas, Gardēs kaimas, Gardiškės kaimas, Gardino vienkiemis (см.: LATS 694); лтш. Gařdas, Gardanjur, Gardes-tiļts, Gardupe, Gardenas upīte (см.: Endzeļins. LV. I : 1, 297); ср. Гордота, басс. Угры (и названия того же корня на славянских землях и в форме соответствующих языков); Gardeja и др. (см.: Zwoliński. HW. 270), но : пр. Sardengodi, Sardotlawken (см.: Gerullis. Apr. ON 152); лит. Žařdupis, Žařdupė, Žardėnas (см.: LUEV. 202), Žardinų kaimas, Žardelių kaimas, Žardiškių kaimas и др. (см.: LATS. 1016); может быть, сюда же верхнеднепровская Жердь, Жердянка (ср., однако, Топ.-Труб. ЛАВП. 188) и личное имя пр. Gerdate,

Gerdite, Gerdis (см.: Trautmann, Apr. ON 31). См. -n- как слово-образовательный формант в сравниваемых названиях.

Gudila, Γουδίλας, имя вождя гетов (Iord. Get, 65: Philippus quoque, pater Alexandri Magni, cum Gothis amicitias copulans Medopan Gudilae regis filiam accepit uxorem), см.: Detschew, Thr. SR 108, 249. Трудность в объяснении зависит от варианта этого имени - Κοδήλας (ср. Athen 13, 557d: Κοδήλας ὁ τῶν Θρακῶν βασιλεὺς ἔργων Μέναν τὴν θυγατέρα καὶ δῶρεν πολλὰ). Thomaschek, Thr. II, 2, 50 видит в Gudila результат переделки по готским образцам. Вместе с тем возможно и иное объяснение - влияние форм типа фрак. Kodos, Kódων, Kodinās, Kodinā, Kodins или Kwēlās (Herodian 1,55 L), Kwēlā (IG 7, 3352) и под. В таком случае Gudila находит соответствие в лит. Gudē-lupis, Gudēliū ēžeras (см.: LUEV. 54), Gudeliū kaimas (см.: LATS 713); лтш. Guddel, Gudeliškes-ceļš, Gudeliški, Gudeļi, Gudēji, Gudeju-kruogs (см.: Endzeļins. LV I : 1, 336); в Гжелка, Гжолка, Агжелка, басс. Днепра (*gud/i/-el-, см.: Топ.-Труб. ЛАВП 175) и др. Помимо показателя -l- этот корень присоединяет и другие (например, -n-). Из личных имен ср. пр. Guddene, Gudeike (Trautmann, Apr. PN 36, ср. Gaudil, Gaudel, Gawdil) и многочисленные литовские антропонимы на Gud- (Gudelis). К фрак. -ll- ср. Artila, Benilos, Bithylos, Cozellās, Didila и др.

Δαβρεϊδας, антропоним (ср. "Athena" xxv, 1913, 431, № 2: Δαβρεϊδας Ὀνομάστου, Πράξινός Δαβρεϊου, Δαβρεϊδας), ср. Δαβρεϊδας Πισίδης (Syringes, p. 155, № 740, 263, № 1173), Dobrates (ILS 9276) и др. См. Russu, LTD 100. Корень без расширения -r-, вероятно, представлен в Δαβρεϊς, Δάβρωνος, Δαβρεϊς (Dablis, Dablae) и др.; см. Detschew, Thr. SR 109-110; Russu, LTD 100. Ср. лит. Dābrupis, Dabručlis, Dabrūotas (см.: LUEV 26), Dabriškių vienkiemis (см.: LATS 664); лтш. Dabras, Dabrs, Dabra, Dabras-kalns, Dabris, Dabrene, Dabrenes-pļava, Dabrēni (см.: Endzeļins. LV I : 1, 188). Вероятно, сюда же Добрелина, басс. Березины (см. Топ.-Труб. ЛАВП 184), предполагаемая *Dabr-els, как и фрак. Δαβρεϊδας; Добрейка, Добричь, Добречка и др. в басс. Днепра или Dobrin в басс. Вислы менее ясны; то же относится к пр. Dobrin (Dabrin, Dobringe) и Dobirsiken (см., однако, Gerullis Apr. ON 29). Названия с Dab- в балтийском достаточно многочисленны, ср. лит. Dabintà, Dabintupys, Dabiñcius, Dābikinė и др. (см.: LUEV 26); лтш. Dabas, Dabes, Dabes-purvs, Dabaicēni, Dabeikas, Dabna и др. (см.: Endzeļins. LV I : 1, 188); ср. Дабужа, басс. Днепра (см.: Топ.-Труб. ЛАВП 183); из личных имен ср. пр. Dabote, Dabutte, Dabune (см.: Trautmann, Apr. PN 22). О близких образованиях (с -r-) в иллирийском см.: Топоров. Илл.-δ. 54-55.

Δαυλῖς (Thuc. 2, 29, 2-3... ἐν Δαυλίᾳ τῆς Φωκίδος... πολλοὺς δὲ καὶ τῶν ποιητῶν ἐν Ἀηδῶνος μνήμῃ Δαυλίᾳ ἢ ὄρνις ἐκωνόμεσται;

Strab. 9, 3, 13: Δαυλίς πολίχνην, ὅπου Τηρέα τὸν Θρακὴν φάσι
 δυναστεῖν ὅτι ... Paus. 10. 4, 8-9: ... ἐν τῇ Δαυλίδι ... (др.);
 см.: Detschew, Thr. SR 122, 499. К сѹффиксу ср. фрак. Carsidos, Cusi-
 des, Melgidis, Zercedis и др. Ср. лит. Daulia, Dauliupys (см.: LUEV
 28), Daulios vienkiemis, Daulionių kaimas, Dauliūnų kaimas, Dauleniškių
 vienkiemis (LATS 670); не ясно, как трактовать Dule в басс. Вепша
 (Zwoliński. HW 135). Ср. также илипр. Δαύληα, Δαυλία (см.: Mayer.
 Spr. III. 115).

Δάυνιον τεῖχος, место на Проπονтиде у Перинтоса (Steph. Byz.
 222, 2: Δάυνιον τεῖχος, πόλις Θράκης, ср. Steph. Byz. 221, 17:
 Δάυνιον, πόλις Ἰταλίας. τὸ ἐθνικὸν Δάυνιοι, καὶ Δαυνία τὸ θηλυ-
 κίν; Dauni в Южной Италии, Pomp. Mela 2, 59; Apulia Dauniorum cogno-
 mine. Plin. NH 3, 103 и др.); см. Detschew. Thr. SR 122. Несомнен-
 но присутствие этого названия как во фракийской, так и в илирийской
 областях (см.: Mayer. Spr. III. 115; Krahe. Spr. III. 70, 103, 113:
 от *dauno- 'волк'. Не исключена связь с лит. Daūnupis, Daūniškis (см.:
 LUEV 28), Dauneikių kaimas, Dauniškio kaimas, Dauniūnų kaimas (см.:
 LATS 671), ср. Daūniškis (см.: Savukynas, LKK 5, 1962, 193); лтш.
 Daūnāi (см.: Endzelīns. LV I : 1, 199); показательное личное имя
 пр. Daunothē (см.: Trautmann. Apr. PN 23; ср. илирийские факты).

Δέρρη, название замка (см.: Proc. ae. 4, 11); см.: Detschew. Thr.
 SR 123; Joki ERL 13, 287 (едва ли верно: из *dheubr-, ср. ст.-сл.
 дѣбрь и др.), см. ниже о Δορερος. На основании балтийских (и ряда
 других) примеров разумнее исходить из достаточно широко распростра-
 ненных в топонимии и гидронимии корней *Dabr-, *Debr-, *Dubr-. По-
 этому Δέρρη можно сопоставить с лит. Debrėstis, Debrėstas (см.:
 LUEV 28), Debrupinių kaimas (см.: LATS 671), может быть, Дебрия, Де-
 берка, Дебрица и др. в басс. Днепра (см. иное объяснение -Топ.Труб.
 ЛАВП 217-218) или Debrz, Debrza и др. в басс. Вислы (см.: Zwoliński.
 HW 53, 55, 102).

Derzenus антропоним (Histria 4, 1916, 617, № 24: cura(m) (a)gen-
 tibus Sulpicio Narcisso et Derzeno Aulupori magistratis); Derzizenus, ант-
 ропоним (CIL 16. Dipl. 83); Δερζειλας, антропоним (JG 12, 8, 529);
 Δερζειλάτης, Δερζειλας; Δερζис, теоним (KDP 666: θεὸς ἐπηκόω Δερ-
 ζει Ἀτλιος Διογένης ἱππικὸς εὐεξήμενος ἀνελύηκα); Derzus, антропо-
 ним (см.: Histria 7, 1923, 74, № 52). См.: Detschew. Thr. SR 127.
 С иным вокализмом ср. Δερζελάας, Δερζελάεια. Из балтийских соответст-
 вий, ср. лит. Dergintas, Dėrgionių ežeras (см.: LUEV 29; Savukynas,
 LKK 5, 1962, 194), Dėrgionių vienkiemis (см.: LATS 674); лтш. Dėr-
 zes, Dėrdziņu-ciems, Dėrdžāna-pļava, Dėrdžu-purvs, Dėrdžanu-ezers (см.:
 Endzelīns. LV I : 1, 209); ср. также Держа, в басс. Волги (недалеко
 от Ржева), Держна, Держина, Держенка и др., в басс. Днепра (см.:
 Топ.-Труб. ЛАВП 183); Derazina, в басс. Нарева (см.: Zwoliński. HW

164; Топоров. БНар. 290). С вокализмом -а- ср. пр. Dargen, Dargow, Dargowayn, Dargels (CM.: Gerullis, Apr. ON 26); лит. Dargė, Dargaitė, Dargėlė, Dargiōji, Dargupė, Dargupys, Dargūžis (CM.: LUEV 27), Даргуя (CM.: Спрогис. ГСЖЗ 90), Dargių kaimas, Dargalių kaimas, Dargaičių kaimas, Dargenų kaimas, Darginių kaimas, Dargiškės kaimas, Dargiškių kaimas, Dargūžių kaimas (LATS 667); лтш. Dardzēni, Dardzeites-kains, Dargainis, Dargaiša-pjāva (Endzeļns, LV I : 1, 196); ср. в басс. Днепра Дорготня, Даргомисль, Дорогань, Дорогонка, Доржавец и др. (CM.: Топ.-Труб. ЛАВП 184); Dargowo, в басс. Вислы (CM.: Zwoliński, HW 229) и др. Из личных имен ср. пр. Darge, Dargals, Dargel, Dargil, Darguse, Dargute, Dargots, Dargenne, Dargebuth (Trautmann, Apr. PN 22-23). Весьма показательны такие словообразовательные параллели, как Derzenus - лит. Dergiōnių, лтш. Dērdzāna (ср. Dardzēni), Дерезна (пр. Dargenne) или Δερ(ε)λς - пр. Dargels (ср. личные имена: Dargil, Dargals, Dargel), лит. Dargėlė, Dargalių.

Δερνος (AB 29, 1934, 167, № 3); Δερνολος (AM 10, 1885, 317, № 5), антропонимы, CM.: Detschew Thr. SR. 128, вместе с дак. Dierna (Δίερνδ. Ptol. III, 8, 4; Tierna. Tab. Peut. VIII, 3-4; Ζέρνγς. Proc. ae. IV, 6, 5 и др.), должны быть сопоставлены с пр. Derne, Dernen, ятв. Dērna и др. О сопоставлении с Dierna CM.: Duridanov, Thr. -D. St. 27-28. Важны и примеры с вокализмом -а-: пр. Darnynnen (CM.: Gerullis, Apr. ON 26).

Didila (CIL 13, 8524; ED 1, 1923, 209), личное имя, CM.: Detschew, Thr. SR 131; ср. также Dida, Διδας, Δειδας; Διδας, Δειδας. Сопоставляемые названия известны и в других языках, ср. илипр. Didas, Didius, Didia (Mayer, Spr. III. 121), фриг. Δειδων. BCH 25, 1901, 329; Δειδως (Petrrot, Expol. archéol. 105), венетск. Dida (Krahe, LAPN 42), Didius, Didienus (Schulze, ZGLE. 483; ср. Liv. 40, 21, 9 и др.: Didas) и др. Однако наиболее показательны названия этого корня с показателем -l-, фрак. Didila при лит. Didelės pievos, Didala, Dideliškis; лтш. Didel-mežs, Didel-lauks, Dideliški, Didų, Diduline (Endzeļns, LV I : 1, 212); ср. также кельтск. Didalus (CM.: Holder AC I, 1282). На связь с лит. didis указал Дечев.

Δίγγιον, замок недалеко от Гебра (Proc. ae 4, 11); CM. Detschew, Thr. SR 131; Russu, LTD 104 (к этимологии CM. также: Thomasschek, Thr. II, 2, 72; Jokl, ERL. 13, 292; Дечев. Хар. тр. ез. 72). Ср. пр. Dingē (CM.: Gerullis, Apr. ON 28); лит. Dzingiškių kaimas, Dzingeliškių kaimas (CM.: LATS 685); лтш. Diņdze, Diņdži, Dindzēni, Dindzāni, Diņga-pjaviņa, Diņgas, Diņgaskalni, Dingi, Dīng-upīte (CM.: Endzeļns, LV I : 1, 214). Ср. также личные имена пр. Dyngē, Dyngele, Dingete, Dingone, Dingocz, Dyngyn (CM.: Trautmann, Apr. PN 24-25); лит. Dingatis и др.

Διτς, Διτς; Ditugentus; Διτουπιδις; Διτύριστος Proc. hist. arc. 6-2; γεωργοὶ νεκνίδι τρεῖς, Ἰλλυριοὶ γένος, Ζίμαρχος τε καὶ

Διτύριστος καὶ Ίουστίνος ὁ ἐκ Βεβερίανης) *Μυλλ.* CM.: Aristoph. Ran. 608), антропонимы. CM.: Detschew. Thr. SR 143-144. Ср. также Иллир. Diteius, Ditiones, Ditijs, Dito, Dituеius; Ditus, Dita (CM.: Mayer. Spr. III. 124-125; Krahe, LAIPN 43-44), которые (вопреки Krahe Spr. III I, 71) не хотелось бы интерпретировать как *ditus 'второй' или (вопреки Дечев. Хар. тр. ез. 35) как *dhod-, от *dhē-, ввиду ряда сходных примеров из других языков, для которых данные этимологии яв-но неудовлетворительны; фрит. Διτιζήλη κλήσιν ἀπὸ Φρυγῶν γένουε (Tzet. Chil. 3); кельтск. Ditu-genius (Holder. AC I, 1288; ср. фрак. Ditugentus? Из балтийских примеров ср.: пр. Dittussen (CM.: Gerullis. Apr. ON29); лит. Ditupe (CM.: LUEV 31), Dituvo kaimas, Dituvelės kaimas (CM.: LATS 678), Ditava, ср. также личные имена пр. Ditte, Dytenne, Dittiko (CM.: Trautmann. Apr. PN 25); балтийские параллели к фракийским впервые указаны Duridanov. Thr. -D. St. 77, 90 (здесь же предложена этимология: из и.-евр. *dei-: *dī-, *dita(s) 'светлый', ср. алб. ditë 'день').

Δόβερς, Δόβερ, Doberus, Domeros название города; Δόβηρες, Doberi, его жители (Thuc. 2, 98, 2: τὸ δὲ ὄρος / τὴν Κερκίνην / τῆς Ὀβη-
σῶν διόντες ἐν δέξῃ μὲν εἶχον Πάριον, ἐν Ἀριστερῇ δὲ Σιν-
τοὺς καὶ Μαιδούς. διελαθόντες δὲ αὐτὸ ἀφίκοντο ἐς Δόβηρον τὴν
Παιονίην; ср. Strab. 7 frg. 36: περὶ τὸν Δόβηρον; Ptol. 3, 12, 25:
Παιονίης· Δόβηρος; Steph. Byz. 234, 23: Δόβηρος, πόλις Παιονίης, οἱ πο-
λίται, Δόβηρες; Hdt. 5, 16; 7, 113: Δόβηρος) и др.; CM.: Det-
schew. Thr. SR 144. По-видимому, правильно указание на связь с лит.
dubaras, dauburà, др.-русск. дѡбрь (Joki. ERL 13, 286). Mayer, Spr.
III. 126 относит Δόβηρος к иллирийским элементам (ср. в схолиях к
Феоокриту: δύβρις· ὁ δὲ λέγει); если это так, ср. балтийские параллели,
указанные - Топоров. Илл.-б. 54-55. Однако, учитывая u > o и тенден-
цию к прејотации u (ср. Diur- : Δουρ-, διουρδ- : δουρδ- и др., CM.:
Дечев. Хар. тр. ез. 33), во фракийском, вполне закономерно видеть в
Δόβηρος (ср. топоним Διόβωρος, Διόβουρος, ср. Hierocl. 639, 4:
ἐπαρχία Ἀλλυρικῶν Μακεδονία· Διόβωρος) фракийское продолжение
*Dubē-. В таком случае ср. пр. Dobrin (впрочем, двузначное; см. вы-
ше, а также Топоров, "Slavica Pragensia" VIII, 1966, 258-259) при Do-
ben, Dobenicken, Dauben (CM.: Gerullis. Apr. ON 26, 29); лит. Dubri-
us, Dubreika, Dubūriai, Duburiai, Duburio, upėlis, Duburis, Duburys; Dau-
burys при Dubė, Dubėlė, Dubėlis, Dubija, Dubikė, Dubinė, Dubingà, Du-
bis, Dubysa, Dubioji, Dubulė; Dauba, Daubas, Daubėlė, Daubinis, Daubū-
lis, Daubupis, Daubūtė и т.д. (CM.: LUEV 27, 33-34); лтш. Dubras,
Dubrene, Duburs, Duburi, Duburis, Dubure, Duburene; Dauburs, Dauburi
при Dubas, Dube, Dubis, Dubi, Dubuleja, Dubeja, Dubekals, Dubekānis,
Dubelis, Dubēna-dījis, Dubēni, Dubenes, Dubenājs, Dubiks, Dubiški, Du-
bulis; Dauba, Daubas, Daube, Daubele, Daubipa-purvs (Endzelīns. LV

I : 1, 197, 231-234); верхнеднепровские Дубречь, Добрейка, Добречка, Добрижа при Дубосыня, Добсыня (см.: Топ.-Труб. ЛАВП 184-185); Daub, Dauba, басс. ВИСЛЫ (см. Zwoński. HW 232). Те же отношения в апеллятивах: ЛИТ. dūburas, dūburys, dauburà, daubūrys, ЛТШ. dubra при пр. padaubis, ЛИТ. dubuõ, dūgnas (из *dūbnas), dubà, duobà, duobẽ, ЛТШ. dubens, dibens и т.д. Что касается семантики, ср. определение **Δόβη-ρος** как **φρικαλέον υἱότος** (Addaios. Anthol. Pal. 9, 300).

Δορπανεύς, Dorpaneus, Diurpaneus, **Δορπανεύς**, антропонимы (ср. Тас. у Oros. 7, 10, 4: quanta Diurapanei Dacorum regis cum Fusco diuce proelia), см. Detschew. Thr. SR 150. Ср. пр. Dorpine (см.: Gerulias. Apr. ON 30); ЛИТ. Durpyño upėlis (см.: LUEV 37). Реконструируется фрак.-балт. *Durp- с суффиксом, содержащим -n-.

Δουδής, dudīs, Δυδής; Duda, антропонимы; ср. **Δουδουπης**. См.: Detschew. Thr. SR 151. Ср. **Δουδής**, **Δουδ** (в частности, в Ликии и Фригии), см.: Sundwall. LN 67; Kretschmer. Einl. 337; Haas. Phr. 111; КЕЛЬТСК. Dudenis, Dudio, Dudistius (см.: Holder. AC I, 1364). Из балтийских примеров ср. ЛИТ. Duducių kaimas, Dudunėlių kaimas (см.: LATS 681; может быть, dādiškās, см.: LUEV 27). Dudiėnų kaimas; ЛТШ. Dudas Dudėni, Dude, Dudeji, Dudeliškās, Dudališkās (см.: Endzeļins. LV I : 1, 234); может быть, сюда же Дужа (*Dud-ja), в басс. Днепра (другое объяснение - Топ.-Труб. ЛАВП 186), гидронимы на *Dud- в басс. Вислы. Показательны названия с элементами -i- и -n-. Нельзя ли видеть в **Δουδουπης** параллель к ЛИТ.-ЛТШ. Dud- & upė (пр. *Dud- & ape)?

Drobeta, Drobetae, **Δροβαγίς**, Drubeta, Drubetae, название места; Drobetenses, жители этого места. См.: Detschew. Thr. SR 158. К суффиксу ср.: Arsietai, Piretus, Zareta и др. (ср. ИЛЛИР. Aleta, Angeti(i)us, Basoretenses, **Βρέρετα**, Brigetio, Buzetius, Dassaretae, **Δάρετα**, Deretini, Foretani, Kabaletus, **Κερκέτιον**, Clambetae, Laidietis, Persetis, Piretis, **Ξέρετος**, Scelepete, Sciaietis, Spaneta, **Σπερέτιον**, Veneti, Venetus, Volsetis и др.; ср. пр. Algetos, Banetini; ЛИТ. Aiseta, Alseta, Vereta; ЛТШ. Nęřęta, Vęřęta; верхнеднепр. Несета, Скверета, Кичета, Верепета и др.; см. Топ.-Труб. ЛАВП 133). Дечев. Хар.тр. ез. 41 предполагает метатезу (Drobeta из и.-е. *derbh-, ср. русск. дерба и т.д.), для чего, кажется, нет серьезных оснований. Скорее всего, речь идет о *Drub-. В таком случае ср. ЛИТ. Drubėngis, Drubinga (см.: LUEV 32), Drublionių kaimas (см.: LATS 680), Drubliek-nis; ЛТШ. Drubeņu-sils, Drubeži, Drubazas (см.: Endzeļins. LV I : 1, 229). Полезно иметь в виду *Drab-. ср. фрак. **Δράβος**, местное название (Strab. 7 frg. 52: μετὰ δὲ Κερβίδιν Δράβος καὶ Λίμνη...); **Δραβήκος**, Daravescos (ср. Thuc. 1, 100, 3; 4, 102, 2 и др. Steph. Byz. 238, 1: **Δραβήκος**, **Θράκης χωρίον**, **Θουκυδίδης** ἂν τὸ δ' ἐθνικὸν **Δραβήκος**), впрочем, двузначные, (хотя визант. **Δράβη** скорее гово-

РИТ за *Drab-, чем Drav-); Пр. Drabnow, Drabenow (См.: Gerullis. Apr. ON 30); ср. ЛИЧНОЕ ИМЯ Drabilge (См.: Trautmann. Apr. PN 26); ЛИТ. Drabužis, Drabužaitis (См.: LUEV 31), Drabužininkų kaimas, Drabužiškių vienkiemis (См.: LATS 679); ЛТШ. Drabas, Drabis, Drabenes, Drabepi, Drabėgu-purvs, Drabiņas, Drabini и др. (См.: Endzelīns. LV I: 1, 222); *Dreb-, ср. ФРАК. Drebias, АНТРОПОНИМ (ср. CIL 3, 13768 и др.); ИЛИР. Δρεβελδος (Mayer. Spr. III. 129); ЛИТ. Drebūlė, Drebulinė (См. LUEV 32), Drebulių kaimas, Drebulinės kaimas (См.: LATS 679); ЛТШ. Drebji, Drebene, Drebėji Drebejnietki, Drebuij, Drebuiėni и др. (См.: Endzelīns. LV I: 1, 224).

*Εδεσσα, *Εδεσα, Edessa, название города (Strab. 7, 7, 4: εἰς *Εδεσσαν; 10, 1, 15: διὰ τῆς Μακεδονίας περὶ *Εδεσσαν; Steph. Byz. 260, 20: *Εδεσσα, πόλις Συρίας, διὰ τὴν ὑδάτων ῥύμην ὠνο κληθεῖσα ἀπὸ τῆς ἐν Μακεδονίᾳ; Just. 7, 1, 7: Caranus urbem Edessam non sentientibus oppidanis propter imbrum et nebulae magnitudinem gregem caprarum imbrem fugientium secutus occupavit); *Εδεσσαῖος, *Εδεσσαῖος, Edessaeus, ЭТНОНИМ. См.: Detschew. Thr. SR 164-165. Уже Thomaschek. Thr. II, 1, 5 сравнивал с βένυ 'вода', что, видимо, правильно, несмотря на сомнения Дечева, основанные на том, что и.-евр. mediae дают во фракийском соответствующие *tenues*. Однако количество исключений достаточно велико, чтобы признать соображения Дечева более вескими, чем сумму аргументов в пользу предложения Томашека. Что касается сохранения -d-, вместо ожидаемого -t-, то это может быть объяснено, как во многих других случаях, влиянием соответствующего древнегреческого слова (ср. ὕδωρ). Связь с водой подтверждается иноязычными переводами (теперешнее название Эдессы - Воден) и контекстами типа Steph. Byz. 260, 20 (см. выше), ср. др.-греч. ὕδωρ 'вода' (см.: Георгиев. Тр. ез. 69-70). К суффиксу ср. Cerbesion, Οδηεσσός, может быть, Ordessos (Hdt. IV, 48) (ср. выше Panysos, Marisos, Ambason и др.); ср. также ИЛИР. Voltimesis, Remesiana (и большое количество названий с суффиксом -est-) или ЛИТ. Bradesa, Kerbesas, Lankesa, Pelesa, Raudesa, Vilkesa и др.; ЛТШ. Laucese; Верхнеднепр. Лучеса, Волчеса и др. (См.: Топ.-Труб. ЛАВН 155-156). Весьма показательны, что в балтийском сходный суффикс -asa- соединяется с тем же корнем *Ved-, *Vad-, ср. Ведоса (см.: Спрогис. ГСЖЗ 37); Верхнеднепр. Ведоса, вариант - Вадоса; ср. также Водса басс. Днепра (*Vadsa или *Vadusa, см.: Топ.-Труб. ЛАВН 168, 180). К варианту Вадоса ср. ФРАК. *Οδησσος, *Οδεσσός, Odessos, *Οδησσόπολις, *Οδυσσός, *Οδυσσα(υ)πολις, Odyssa, Odissos (ср. Ptol. 3, 10, 3; Strab. 7, 6, 1; 7 frg. 48; Diodor 19, 73, 3; 20, 112, 2; App. Illyr. 30; Steph. Byz. 483, 12; Plin. NH 4, 45 и др.), название города; Οδησι(σ)ται, *Οδησι(σ)εῖται, *Οδυσηνοί, Odessitani, Odyssitani, название жителей (см.: Detschew. Thr. SR 335-336). Вместе с тем корень *Ved-, *Vad- част в

балтийских гидрониммах и с другими суффиксальным оформлением, ср. пр. Wadangen, Wadekin, Wadunethen; лит. Vada, Vadaksnis, Vadaksta, Vadaksis, Vadaktis, Vadas, Vadavė, Vādė, Vadeikio rāvas, Vadinis, Vadokšnas, Vadrė, Vaduvā, Vadvā, Vedeikis, Vedreikė, Vėdrupys и др. Весьма важная балто-фракийская параллель.

Ζηλδαπ, Ζηλδαρ, Ζέλβεπ. место между Дуросторумом и Маркианополисом (ср.: Theophyl. Simoc. 2, 10, 10, p. 90, 13; ἐπὶ Ζηλδαρ ἐπὶ τε Αἶμον τὸ ὄρος; Hieroc. 637, 7: ἐπαρχία Σκυδίας Ζέλβεπ и др.), см.: Detschew. Thr. SR 173. Сюда же, видимо, Saldaecaputenus, Saltecaputenus (гибридное фракийско-латинское образование; его объяснение см.: Георгиев. Тр. ез. 57, 61: 'золотой, желтый источник', ср. болг. глава в значении 'источник'; Saldaecaputenus, эпитет, образованный от местного названия, глоссой к которому являются болг. Глава Панега, источник на реке Златна Панега); **Σαλδηνός, Σολδηνός** (эпитеты Асклепия, Гигеи и Артемиды); **Σαλδῆνιοι**, дакийское племя (см.: Ptol. 3, 8, 3; Joki. ERL 13, 284 сравнивает с соврем. Slatina, из и.-е. *sal-d- 'соль'); **Σαλδορυσηνός, Σαλδορυσσηνός, Σαλδοοισσηνός, Σαλδοουισσηνός, Σαλτορυσηνός, Σαλτορυσσηνός, Σαλτωουσσηνός, Σαλδορουνυσηνός** (эпитет Асклепия из Глава Панеги) и др. (ср., однако, иллирийские названия на **Σαλδ-**, Sald-, см.: Mayer. Spr. III. 289). См.: Detschew. Thr. SR 412-413. Во втором члене слов **Ζηλδαπ, Ζέλβεπ** скрывается название реки, воды; в первом же следует, вероятно, исходя из семантического глоссирования и некоторых других фактов, видеть фракийское продолжение и.-евр. *šhel-t-, *šhol-t-, ср. болг. злато, польск. złoto, русск. золото, лит. žėltas, лтш. zēlts, пр. sealtmeno (ср. параллельный корень, отраженный в лит. geĩtas и т.д.; см.: Fraenkel. LEW 145; Otrębski, -LPasn. 9, 12). Если эти соображения верны, ср. лит. žėltupė, žėltupys (в конечном счете и žaitupis; žaitūtis, žaitinys), LUEV 202-203 (ср.: žalteiny kaimas, žaltyny kaimas, žaitvario kaimas, LATS 1016); лтш. Zeltupe и др. В таком случае восстанавливается и для фракийского и для балтийского сложное название, восходящее к *šhelt- (*šholt-) & *ap- (*up-); ср. лтш. Dzeļtupis (из *šhelt & up- см.: Endzelīns. LV 1: 1, 252).

Ζρελινός, этноним (см.: Detschew. Thr. SR 177); сюда же, вероятно, **Ζρελδιουρδος, Ζρελδουρδος, Ζρελсουρδος, Zbeltiurdos** и др., теонимы (ср. REG 26, 1913, 235, г из Бузаджилара: **Δι Ζρελδιουρδου**] **Μοκλорис δῶρον** и др.). Ср. лит. žibā, žibālė, žibulė, žibiky upis (см.: LUEV 204), žibinty kaimas, žibučių kaimas, žibininky kaimas, žibečių kaimas, žibuliy kaimas, žibakiy kaimas (см.: LATS 1019, ср. žaibga - los kaimas, žaibiškiy kaimas). Особенно показательны названия с элементом -i-. Что касается апеллятивной лексики, ср. лит. žibė, žibėti; žiėbas, žiėbti; žaĩbas, žaĩbti (см.: Fraenkel. LEW 1285, 1303-1306); лтш. zibenis, zibenis, zibēt, zibināt, zibinēt и др.; а также - к **Ζρελ-**

Διουρδος - СЛОЖНЫЕ СЛОВА ТИПА ЛИТ. *žaibólaidis, žaibogaudis*. Не исключено, что фрак. *Zβδική* (см.: Detschew. Thr. SR 177) сопоставимо с ЛИТ. *žibikų, žibakių* (-k-); Duridanov. Thr. D. St. 32 правильно сравнивает фрак. *Zburulus* с ЛИТ. *žiburiai*, жем. *Жибурнишкя* и под.

Ζειδα, Ζείρα, Ζεισοις, Ζισειδος, Ζισια; *Zizo*, антропонимы (см.: Detschew. Thr. SR 178-179). Не исключено сопоставление с ЛИТ. *žiezūlis, žiezūlna, žiezūnys, žiezūlinis, žiezmuo* (см.: LUEV 205; ср. *žiežti* и др.).

Ζελμουττα, антропоним (см.: Detschew. Thr. SR 181); сюда же *-βελμυς, -βελμια, -zelmis, -βελμος, -σελμια, -σελμιος, -selmius* в многочисленных именах типа *Άρε-βελμια, Άλλου-βελμια, Άργο-βελμια, Διδ-βελμια* и под. Сопоставимо с ЛИТ. *želmenā, žėlmenys, žilma, žilmas, žilmaitis* (см.: LUEV 203, 205), *želmenų kaimas, želmeniškių kaimas* (см.: LATS 1017), с которыми уже сравнивали фрак. *Zilmissus*, см.: Duridanov. Thr. -D. St. 33.

Zorte, Zortha, антропонимы (ср. CIL 6, 15659: *Claudia Zorte*; CIL 6, 22649: ... *Volusia Zortha*), Detschew. Thr. SR 193-194. Вероятно, вариант *Ζορδ-* в *Ζορδηςιοσος, Ζορδετων*. Ср. характерные варианты - Жортайка, Жерты, Жерт (при Жердь, Жердянка) басс. Березины (см.: Топ.-Труб. ЛАВП 188: балтийские по происхождению названия).

Καλπας, Καλπης, река в Вифинии (Ptol. 5, 1, 3: *Καλπα ποταμόν ἔκροαται*; Starb. 12, 3, 7: *μεταδὲν δὲ Χαλκηδόνος καὶ Ἡρακλείδας βέουσι ποταμοὶ πλείους, ὧν εἰσιν ὁ τε Υἱλλίς καὶ ὁ Καλπὰς καὶ ὁ Σαρδελίος*; Apoll. Rhod. 2, 659: *ἄδυρρεῖοντα τε Καλπην*); *Καλπη*, Calpas, город в устье этой реки (ср. Xen. Anab. 6, 3, 24: *εἰς Καλπησιν ἡμὲν* и *τὴν ἐπὶ Καλπησιν ὁδόν*; Steph. Byz. 349, 18: *Καλπη πόλις Βοθυνῶν*; Plin. NH. 6, 4: *portus Calpas*; Solin; 43, 1: *in ora Pontica post Bospori fauces et Rhesum postumque Calpas Segaris fluvius ortus in Phrigia* и др.), Detschew. Thr. SR 224. Сюда же первая часть этнонима *Καλπαπουρεται*. Ср. карийские гидронимы *Καλπης (Καλπιας)*, см.: Sundwall. LN. 108, а также галатский топоним *Καλπιτος* (см.: Holder. ASJ, 705). Наиболее убедительны балтийские соответствия, ср. ЛИТ. *Kaipė* (см.: LUEV. 66), *Kaipiškių kaimas* (см.: LATS 742); ЛТШ. *Kaipra-dīķelis, Kalpa-leja, Kaipa- pjava, Kalpi, Mež-kalpi, Kaipu-dīķis, Kaipu-pjava, Kalp-ezērs, Kalp-pjava, Kaipriņš, Kaipriņi, Kalpuōne, Kaipes* и др. (см.: Endzeļins. LV I : 2, 25, с неверной этимологией). Не сюда же ЛИТ. *Колпъ, Колпита* и т.д. (иначе: Топ.-Труб. ЛАВП 191); *Koipino* (см.: Zwoliński. NW. 154)? Не вполне ясно, как объяснять пр. *Kaipor-nen* (при *Caporne*), см.: Gerullis. Apr. ON 57.

Carbilesi, Carbileti, племенное название (Plin. NH 4, 40: *amnem Strymonem accolunt laevo latere Digerri Besorumque multa nomina ad Mestum amnem ima Pangaei montis ambientem inter Haletos, Diobessos, Carilesos*; Plin. NH 4, 40: *Odrysarum gens fundit Hebrum accolentibus Carbi-*

letis... (Detschew. Thr. SR 227). Не вполне ясно, относится ли сюда же *Karberos*, название замка (см.: Proc. ae. 4. II), сопоставляемое некоторыми с *Carbilesi* (Tomaschek. Thr. II, 2, 84). Ср. пр. *Karben*, *Carbeyne* (Gerullis. Apr. ON 56: к лит. *kirba* 'болотистое место'); лтш. *Karbes* (см.: Endzeļins. LV I : 2, 85); ср. *Karbin*, в басс. Вислы (см.: Zwoliński. HW 230: *Korbania*, *Karbayn*, *Corbeline*). Возможно, к этому же корню (но с вокализмом -e-) принадлежат *Cerbatis* (Plin. NH 4, 44: *Thracia... ubi Hister amnis immergitur, vel pulcherimas in ea parte urbes, Histropolin Milesiorum, Tomos, Callatim quae antea Cerbatis* [вариант - *Cerbētis*] *vocabatur Heracleam*), Detschew. Thr. SR 240 (ср. *Ἰρος Κερράδ*... ДН 329, № 24, 6), а также ряд балтийских примеров (см.: Duribanov. Thr. -D. St. 38, 91), ср.: лит. *Kerbėšas* (см.: LUEV 72), *Kerbelių kaimas* (к -l- ср. еще, может быть, *Kerblo-nių kaimas* при фрак. *Carbilesi*), *Kerbušių kaimas*, *Kerbedžių kaimas*, *Kerbedelių kaimas*, *Kerbediškių kaimas* (см.: LATS 754); лтш. *ķerba*, *ķerbele* (-l-), (см.: Endzeļins. LV I : 2, 208; с нулевым вокализмом ср. лит. *Kirbulių kaimas* (-l-), *Kirbaičių kaimas* (см.: LARS 758); лтш. *ķirba*, *ķirbas-purvs*, *ķirbe*, *ķirbas*, *ķirbas*, *ķirbas-pļavas*, *ķirbu-purvs*, *ķirbes-pļavas*, *ķirbis*, *ķirb-purvs*, *Kirbel* (-l-), *ķirbēni*, *ķirbalas-purvs* (-l-, которое незачем объяснять из *ķirba+bala*, как предлагает Endzeļins. LV I : 2, 225).

Καρδίη, *Καρδίδα*, *Cardia*, название города (нат. 6, 34: *τῆς δὲ Χερσονήσου πλὴν Καρδίας πόλιος τὰς ἄλλας πλὴν ἐχειρώσαντο οἱ Φοίνικες*; 7, 58: *Καρδίην πόλιν*; 9, 15: *ἐκ Καρδίας πόλιος* и др.); *Καρδιηνοί*, *Καρδιανοί*, *Cardianus*, соответствующий этноним Demosth. 23, 181: *Καρδιανῶν πόλιν* и др.), см.: Detschew. Thr. SR 228-229; ср. ире 2, 451, 22 (из Танаиса): *[Στρα]τόνε[ι]κος Καρδίου*; ире 4, 468, 5 (из Феодосии): *Καρδιο[υ]*; Steph. Byz. 358, 1: *Καρδισσός, πόλις Σχινδίδα*; Steph. Byz. 375, 15: *Καρδαμύλη*, город в Лаконии и на Хиосе; Sundwall. LN 268: *Καρδαρά*, место в Исахии. Ср. лтш. *Kaĩdes*, *Kaĩdi* (сравнение с эст. *kard* излпине, см.: Endzeļins. LV I : 2, 50), *Kardel*, *Kardūna-darzs*, *Kārdina* (видеть здесь заимствование из немецкого не обязательно, см.: Endzeļins. LV I : 2, 51), *Kaĩdoni*; лит. *Kardūnėlis*, *Kardėliškė*, *Kardonėlis* (?), см.: LUEV 68.

Careta (CIL 13, 8593: Th. Julius Carētis...), антропоним; см.: Detschew. Thr. SR 229. Ср. лит. *Karetėlė*, *Karatėlė* (см.: LUEV 68), *Karatiškių kaimas* (см.: LATS 746); лтш. *Karētesdzijums* (с ошибочным объяснением - Endzeļins. LV I : 2, 51), *Karāt-kalns*, *Karat-kalniņš*, *Karts-kaln*, *Korat-kolš*, *Karatavas-kalns*, *Karatevas kalns*, *Karativīši*, *Karatuvi*, *Karātava*, *Karātavu kalns*, *Karatevas kalns*, *Karātuves kalns*, *Karātivu*, *Karātuves* (см.: Endzeļins. LV I : 2, 49-50). Не ясно в этой связи личное имя пр. *Karioth*, *Kariote*, *Kariotas* (см.: Trautmann. Apr. ON 43). Видимо, существует связь между **Kar-et-* и **Kar-t-*, ср.

φрак. Kάρτουλα, Kάρτηλεις, -κάρτης в Ζημω-κάρτης (СМ.: Detschew. Thr. SR 233); ЛИТ. Kartena; Kartenalė, Kārtupis, Kařtupis и др. (СМ.: LUEV 70); ЛТШ. Kartei-plava, Kař-medis и др. (СМ.: Endzeļšns. LV I : 2, 53, 92); пр. Ketene, Kerthin, Kerthen (СМ.: Gerullis. Apr. ON 61); возможно, сюда же Картель, басс. Днестра (иначе - Топ.-Труб. ЛАВП 190); Kortenicz (stagnum. 1314. Cod.Brand. 18, 102; теперь Körtnitz-See), СМ.: Топоров, - "Slavica Pragensia", VIII, 260.

Κάρκος, Керхѣс, антропонимы, СМ.: Detschew. Thr. SR 230. Ср. пр. Karke, Korkyn (Gerullis. Apr. ON 56); ЛИТ. Kařkės upėlis (СМ.: LUEV. 68), Karkiškų kaimas, Karkučių kaimas (СМ.: LATS 747), Karkiai; ЛТШ. Kařkaspūrs, Karkas, Karkis, Kařkėns; Kařki, Kařkėni (СМ.: Endzeļšns. LV I : 2, 52, 89); Kark, Kark-See, Karcken, в басс. Нарва (СМ.: Zwolinski. NW 204); видимо, сюда же пр. Karcus (СМ.: Gerullis. Apr. ON 60); ЛТШ. Keřkėni, Keřkėni (?) (СМ.: Endzeļšns. LV I : 2, 209), возможно, сопоставимые как с фрак. Керκίνη, гора в Македонии (Thuc. 2, 98, 1: ... διὰ Керκίνης ἐρήμου ὄρος), СМ.: Detschew. Thr. SR 241, так и с иллир. Керкѣтион ὄρος (mons Cercetius, Cercetii), СМ.: Mayer. Spr. III. 188; Топоров. Илл.-б. 55, если только они не связаны с названием дуба. Ср. гидро-топонимический корень *Krak- в балтийском, СМ.: Топоров, - "Slavica Pragensia", VIII, 260.

Κάρπισ, название реки; Κάρπος, Carpus, антропонимы; Κάρπονδιδμον, местное название; ср. далее Κάρποι, Κάρπιδνοί, Κάρπισίδι, Κάρπο-δάκτι, Carpi; Κορπίλοι, Κορπίλοι, Corpili и др.; СМ.: Detschew. Thr. SR 230-232, 254. Ср. иллир. Κάρпис (Ptol. II, 11, 3), Carpius, Carpus (Mayer. Spr. III. 180); Топоров. Илл.-б. 55. Ср. пр. Carpaw (СМ.: Gerullis. Apr. ON 57); ЛИТ. Kārpis, Kārpiskis (СМ.: LUEV 69), Karpenų kaimas, Karpiniškės kaimas, Kapiškų kaimas (СМ. LATS 747); ЛТШ. Kārpa, Kārpas-valks, Kařpas-ēzērs, Kařpu-dīķis, Kārpene, Kařpēns, Kārpine, Karpig-upite, (Endzeļšns. LV I : 2, 90); возможно, Karpa, в басс. Нарва (СМ.: Zwolinski. NW 168); Топоров. БНар. 293; ср. также Топоров, "Slavica Pragensia", VIII, 258. Вокализм -е- засвидетельствован в пр. Kerpow, Kerppen (СМ.: Gerullis. Apr. ON 61); ЛИТ. Kėrpis (СМ.: LUEV 73); ЛТШ. Keřpis, Keřpa-purvs, Keřpi, Keřpe, Keřpukains, Keřpu-mežs, Keřpele, Keřpule, Keřpelenes (СМ.: Endzeļšns. LV I : 2, 209).

Καυκοήνσιοι, Caucensis, дакийское племя (Ptol. 3, 8, 3); ср. -сауса в Bau-cauca (ср. также Καυκωνες. Hdt. I, 147; 4, 118; Strab. 7, 7, 1-2; 8, 3, 11; 12, 8, 3; γ 366 и др.). СМ.: Detschew. Thr. SR 235-236. Ср. пр. Kaukenynen, Kaukelanke, Kaukaliskis, Kavken, Kaukeyne, Kaukone (СМ.: Gerullis. Apr. ON 58, 59); ЛИТ. Kaukėnės ėžeras, Kaukičio ravelis, Kaūkragis и др. (СМ.: LUEV 71), Kaukinų kaimas, Kaukinės kaimas, Kaukiškės kaimas, Kaukų kaimas, Kaukaragių vienkiemis и др. (СМ.: LATS 750); ЛТШ. Kaukani, Kaūkėni, Kaukales, Kaūkas;

καῦκας и др. (см.: Endzelīns, LV I : 2, 62). Характерны названия, где с корнем *Kauk- соединяется показатель -n-.

Κίβυρις, Κίβηρις, место около Херсонеса (Proc. ae. 4, 10, 20; Agath. 302, 3). Сопоставимо (корень и показатель -i-) с лит. Kiburiškė (см.: LUEV 74), Kiburių kaimas (LATS 757); лтш. Kiburis, Kibur-tschinkal, Kiberes, Kiberis, Kiberi, Kiberkalns, Kiber-leja (Endzelīns, LV I:2, 217, 220); ср. личное имя пр. Kyburs, Kibar (см.: Trautmann, Apr. PN 55); не относится ли сюда неясное речное название Чибриж в басс. Десны (*Kibr-)? Вместе с тем, отмечены названия и без элемента -r- или с другими словообразовательными формантами; ср. пр. Kibiten, Kybeken (см.: Gerullis, Apr. ON 62); лит. Kibėnūs, Kibėnėliai (см.: LUEV 74), Kibiškio kaimas, Kibyslių kaimas, Kibučių kaimas, Kibų kaimas и др. (см.: LATS 756-757); лтш. Kibes-kalns, Kibji, Kibis, Kibes, Kibben, Kibiku-purvs и др. (см.: Endzelīns, LV I 2, 217), ср. Чибих, вариант Чибриж.

Κικονες, Cicones, племенное название; Κικονία, название области, Κικονάδος, Κικόνιος, Adj. (ср.: il. в 846; Od. I 165; Hdt. 7, 110; 7, 108; Strab. 7 frg. 44, 58; Steph. Byz. 298, 8; Plin. NH 4, 43 и др.), видимо, сюда же Cicanus, эпитет Аполлона (CIL 6, 32546; ED I, 1923, 239). См.: Detschew, Thr. SR 244-246 (ср. личные имена пиндийск. Kikos, Kikkos, см.: Sundwall, LN 105, и др.). Ср. пр. Kike, Kyske, Kickel, Kyckelen, Kickenyn, личные имена (см.: Trautmann, Apr. PN 44); пр. Kikiten, Kykywinne, Kykoiten, Kykoth (см.: Gerullis, Apr. ON 62); лит. Kikežeris (см.: LUEV 74), Kikonių kaimas, Kikiškių kaimas (см.: LATS 757); лтш. Kika-kalnis, Kika, Kikis, Kikas-kalns, Kiks-purvs, Kikas, Kiku-straits, Kiknīte, Kikupis, Kikaiņi, Kikani, Kikēni, Kiklene Kikulas, Kikuta, Kikutaine, Kikutire, Kikuoti и др. (см.: Endzelīns, LV I: 2, 218-220); возможно, Кичета, басс. Днепра (см.: Топ.-Труб. ЛАВП 190); Kikoł, в басс. Вислы (см.: Zwolinski, HW 241). Обращают на себя внимание образования с показателем -n-.

Κίπινε, название замка (in regio Aquensis. Proc. ae. 4, 4), см.: Detschew, Thr. SR 247. Κίπ- (может быть Kipene-?) сравнимо с пр. Kipin, Kuryten (см.: Gerullis, Apr. ON 63), лтш. Kipāri, Kipēni, Kipenes, Kipenes-upite, Kipens, Kipen-gals, Kipen-purvs, Kipenieši, Kipīši, Kipīts, Kipatas Kip-kalni, Kipas, Kipe, Kipis, Kipji, Kipja-dīkis, Kipri, Liē (1)-kipis и др. (Endzelīns, LV I : 2, 224); может быть, сюда же Чеперка в басс. Припяти (из *Kip-er-; иначе - Топ.-Труб. ЛАВП 212). Ср. также личное имя пр. Kypenes, Kypenne, Kipenne, Kypens, может быть, и Kypgrun (ср. Чеперка выше), см.: Trautmann, Apr. PN 45). Показательная устойчивость элемента -n- в балтийских названиях (как и во фракийском).

Κοῖλλ, Coila, Coela, Colla, Cuila, Cuela, Culla, Caela, Coelos, - город и гавань у Херсонеса (теперь Киша); Κοιλάνοι, Coelani,

этноним; *Κοιλάνη*, эпитет божества (ср.: Ptol. 3, 11, 9; Plin. NH 4, 47; Pomp. Mela 2, 26; Hierocl. 634, 3 и др.). См.: Detschew. Thr. SR 250. Если это название фракийское (ср. в Эвбее *Κοῦλα*. Hdt. 8, 14; Strab. 10, 1, 2; в Аттике *Κοῦλη*. Aeschin. 3, 187; в Фесс. Coele. Liv. 32, 4, 3), то -ο-, вместо -α-, легко может объясняться следованием одноименным греческим названием (ср., однако, фрак. -*κάλλα* в *Τωνκάλ-λα*; см.: Detschew. Thr. SR 221, 531). Может быть, откуда же фрак. -*κει-λς*, -*κειλς*, -*κελς*, -*κελος*, -*κίλς*, -*κίλις*, -*κίλος* в *Βόστο-κειλς*, *Βόστακίλς*, *Βευθυ-κειλς*, *Βί-κίλις*, *Γενι-κειλς*, *Διον-κειλς*, *Σι-κίλος* и др.; см.: Detschew. Thr. SR 237-238) из **Keil-*, **Kil-*. Ср. пр. *Saylkaym*, *Calickaym*, *Kayliwen* (см.: Gerullis. Apr. ON 53; может быть, откуда же *Cello*; *Kylien*, *Kilieytigin*, *Kilgeneynen*?); лит. *Kailinių kaimas* (см.: LATS 738), *Kālinē*; лтш. *Kailals-purvs*, *Kailā-sala*, *Kailās-vaļgas*, *Kaiļi*, *Kaļenes*, *Kailiņ-kalns*, *Kaļiene* (см.: Endzelīns. LV I : 2, 5); ср. также лит. *Kilupis*, *Kilūzių ežeras*; лтш. *Kila*, *Kil-upe*, *Kilupnieki*, *Kilupa-pļava*, *Kilurpi*, *Kiluri*, *Kil-upene* и др. (ср. *Ильир*. Cilles, Mayer. Spr. III. 190?).

Κοσσίντης, *Cosinto*, *Cositon*, река и стоянка около Абдеры (Ael. de nat. anim. 15, 25; *λόγος ἔχει τοὺς ἵππους τοὺς πίνοντας ἐκ τοῦ Κοσσίντου ποταμοῦ | ἔστι δὲ οὗτος ἐν Θράκη | δεινῶς ἐκδηριοῦσθαι*... и др.); см.: Detschew. Thr. SR 255 (едва ли прав Tomaschek, Thr. II, 2, 100). Из балтийских параллелей ближе всего названия с суффиксальным -n-, ср. лтш. *Kasenes-purvs* (см.: Endzelīns. LV I : 2, 56); пр. *Kasschunen*, *Cassunen* (см.: Gerullis. Apr. ON 57), с другим вокализмом — пр. *Kessionithen* (при *Kessiten*, см.: Gerullis. Apr. ON 61); лит. *Kesinė*; лтш. *Keselenes pļava* (см.: Endzelīns. LV I : 2, 210); откуда же, видимо, Касинка, Косина, в басс. Днепра (иначе — Топ.—Труб. ЛАВП 190). Из названий того же корня, но с другим словообразовательным оформлением ср.: пр. *Kasewolk*; лит. *Kasikas*, *Kasikėnų kaimas*, *Kėšė*, *Kesiaĩ*; лтш. *Kasis*, *Kęsa*, *Kesis*, *Kesele*, *Keseles*, *Keseji*, *Keselis*, *pļava*, *Keseliški* и др. (ср. личное имя пр. *Kasutte*).

Costas, *Castus*; *Casta*, антропонимы (ср.: CIL 6, 2495; 3, 7565; 6, 2737; 10, 3409); -*costa*, -*costu* в *Bital-costa*, *Bital-costu*, местное название (ср. CIL 6, 2772; 6, 32660); *Costobocae*, *Costoboci*, *Castabocae*, *Κοστωῶκοι*, *Κόστωροι* (?), *Κοιστωῶκοι*, *Κοστωνῶκοι*, название племени. (ср. Adj. *Coisstobocensis*). См.: Detschew. Thr. SR 72, 255-256. Ср. карийск. *Κωστωρῶλον* (ср. *Κοστωλλιος*), килик. *Κωστωρῶλλ*, *Κωστωλλί*, лик. *Κωστωρῶς*, лидийск. *Κωστωλλος* (см.: Sundwall. LN 59, 98), кельтск. *Castilla*, *Castulon*, *Castus* (см.: Holder. AC I, 836), лат. *Castenus*, *Casticus*, *Casticus* (см.: Schulze. ZGLE 289). О названиях этого корня на юге Балканского п-ова и в Малой Азии подробнее см.: Л.А. Г и н д и н. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М. 1967, 148-151. Возможно, что балтийские назва-

ния можно рассматривать как соответствующие названным. Ср. пр. *Cos-tos*, *Costus* (см.: Gerullis. Apr. ON 71); лит. *Kastinė*, *Kastynė*, *Kastinis*, *Kastinūkas* (см.: LUEV 71), *Kesčių kaimas*; лтш. *Kastes-upe*, *Ķesti*, *Ķestēn-purvs*, *Ķestavas-kalns* и др. (см.: Endzelīns. LV I : 2, 56, 211); возможно, Коста, в басс. Днепра (см.: Топ.-Труб. ЛАВП 191); *Kostka* (?), в басс. Нарева (см.: Zwoliński. HW 204) и др. Любопытно наличие большого числа названий с элементом *-r-* ср.: лтш. *Kasteris*, *Kastires-ezeri*, *Ķesteris*, *Ķesteri*, *Ķestēr*, *Ķestēra-pļava*, *Ķestēra-purvs*, *Ķesterātis-upīte*, *Ķesterene*, *Ķesterenes*, *Ķesterītis* и др. (см.: Endzelīns. LV I : 2, 56, 210-211), лит. *Kastriškių kaimas* (см.: LATS 749); ср. верхнеднепровск. Костря (ср. еще Коста, Костынь, Костанка и др.; о них см.: Топ.-Труб. ЛАВП 218; менее ясны *Kostrzynek* и *Kostrzeniczny*, в басс. Вислы; см.: Zwoliński. HW 160, 212; ср., однако, **Kostr-* и *Kost-ūn* с возможностью более старого **Kostr-ūn-*). Исключе-но, видимо, соотнесение этих названий с фрек. *Kastrod-* в *Kastrodhordal*, название замка (ср. лат. *castrum*). Зато обращает на себя внимание, что балтийские названия характеризуются часто показателем *-r-* в соответствии с *-i-* ряда других языков.

Cotia, *Κοτιουα* (ср. CIL 6, 2933; IRE 2, 29 с, 77); *Κοτις*, *Κοττις* (ср. REG 15, 1902, 32; IRE 2, 27); *Cotiso* (ср. Hor. carm. 3, 8, 18; Suet. Vita Aug. 63, 2; Flor. epit. 4, 12, 18); *Κοτιων*, *Κοττιων* (ср. IRE 2, 76); *Κοτος* *Cotus* (ср. RA 1915, 2, 200, № 146; Lucil. 16, 7M; Caes. B. civ. 3, 4, 3; 3, 36, 4); *Κοττις*, *Cottus* (ср. IRE 2, 432, 2-6; CIL 6, 32624); *Κοτυφος*, *Κοτειφος* (ср. IG 9, 2., 532; 18, 9, 2, 594; BCH 10, 1886, 439, № 3, 19); *κοτυγίλλους* (ср. Thead. 6, 2, 8, 4); *Κότυς*, *Κοττώ*, *Coto*, *Κοτυτ(τ)ώ*, *Cotyto* (ср. Strab. 10, 3, 16; Aeschin. 57; Schol. Theocr. 6, 40a; Iuv. Sat. I, 2, 91); *Cotys* (Demosth. 23, 8; 13, 129; Liv. 42, 29, 12; 42, 51, 10); *Κοτυς*, *κοτυτ(τ)ρίς* (Theocr. 6, 40) и др. — все личные имена. См. подробнее: Detschew. Thr. SR 256-262. Балтийские соответствия многочисленны, но их привлечение должно осуществляться с максимальной осторожностью из-за того, что поздние названия "кошки" и "котла" сильно повлияли на старые, весьма широко распространенные названия с *Kat-*; ср. *Cerullis*. Apr. ON. 57-58; LUEV 70; LATS 749; Endzelīns. LV I : 2, 57. Во всяком случае, пр. *Kath*, *Kattiten*; личные имена пр. *Katell*, *Kathenyn*, *Kattucke* (см.: Trautmann. Apr. PH 43); лтш. *Kastes-tīrelītis*, *Katēni* и др. (см.: Endzelīns. LV I : 2, 57-58); верхнеднепровск. Катыня, Катынка; *Kotynia* в басс. Вислы (см.: Zwoliński. HW 259) и др. должны считаться вне подозрения. Похоже, что, наряду с *Kat-* существует иной вид того же корня; ср. пр. *Kethen* (иначе — *Gerullis*. Apr. ON 61); лит. *Ketūnka* (см.: LUEV 73), *Ketūny kaimas*, *Keterių kaimas* (см.: LATS 755, 756); лтш. *Ķetes*, *Ķetes*, *Ķetiški*, *Ķeternieki*, *Ķetumi* и др. (см.: Endzelīns. LV I : 2, 211); может быть,

Четовка, в басс. Днепра (ср. пр. Ketave ЛИТ. Ketaviškės; см.: Būga, - tž 2, 1924, 114; Топ.-Труб. ЛАВП 212); Czetna, в басс. Нарева (см.: Zwoliński. NW 210) и др. Характерны названия со словообразовательными элементами -u/-v- (Χοτυς - Ketave, Четовка, Катыня, Ketūnka и др.), -t- (Κοτυτιώδ - Kattiten) и -r- (Κοτυριλλουα - Keteriū, Kēternieki, ЛИТ. Katrā, Katrėlka, ЛТШ. Katras-ceļš, Katras-kalns, Katrinās-ceļš, Katriņas-upe, Katriņa, Katriņ-kalns и др.

Κρίσος, Grisia, Gresia, 'речное название' (совр. Kōrös; ср. Const. Porphyrog. de admin. imp. 40: οἱ δὲ ποταμοὶ εἰσιν οὗτοι... Ποταμός. τρίτος ὁ Μορήθης, τέταρτος ὁ Κρίσος; Iord. Get. 113: iuxta flumina Marisia, Miliare et Gilpil et Grisia). см.: Detschew. Thr. SR 267; ср. Κρίσα в Фокиде, Трое, Эоллии (Steph. Byz. 385, 4) и др. Может быть, сюда же Κριασιμος, личное имя. Thomaschek. Thr. II, 2, 100, правильно указал на связь с индоевропейским словом для 'черный' (ср. Fekete-körös, досл. 'Черный Körös', где Fekete стоит в отношении глоссы к Körös); см. также: Георгиев. Тр. ез. 62, 72. Однако в речных названиях чаще используется этот корень с -n-, ср. др.-инд. Kṛṣṇā, пр. Kirsna, ЛИТ. Kirsna и т.п. Что касается форм без -n-, то здесь Κρίσος объединяется с пр. Kirsey, Kirsieyten, Kirsiten, Kirsappen (иначе - Gerullis. Apr. ON. 63-64); личное имя пр. Kirsuthe, Kirsute (см.: Trautmann. Apr. PN 46); может быть, ЛИТ. Kiršiai; ЛТШ. Kirši, Kirši, Kiršitis, Kirš(u)-purvs, Kirš-jora (ср. ЛИВСК. jbra 'озеро'), Kirš-kalni (ср. с с -n-: Kirsene, Kiršanū-kalns, Kiršīnē, ЛИТ. Kiršinas), см.: Endzeļins. LV I : 2, 227; Черхавка, в верховьях Днепра (из *Kirsava, ср. *Kirsva / *Kirsus / *Krisus см.: Трубачев. НПУ 90; "Baltistica" IV : 1, 1968, 37); возможно, Череса, Череска, в басс. Припяти (*Kirsā); особенно показательно название озера в басс. Вислы Czerśkie, вариантом которого является Czarne (см.: Zwoliński. NW 224), ср. там же (250) Czerska Struga с вариантом Czernica (ср. болг. чер).

Κύδρος, название реки (Hesych. Miles. FGh 390, F 1, 3: φασὶ μὲν Ἀργείους πρῶτους πηλιδόδαι τὰς οἰκίσεις ἐν ἐκείνῳ τῷ χωρίῳ, ἐν ᾧ Κύδρος τε καὶ Βελγύσης ποταμοὶ τὰς διεξόδους παύονται. см.: Detschew Thr. SR 270. Может быть, сюда же Κύδρι, название города (ср. также Σκύδρι, Scydra); Strab. 7, 7, 9; Κύδρι δὲ Βρυγῶν (πόλις), см.: Detschew. Thr. SR 462. Ср. Иллир. Κύδρι (πόλις τῶν Δευρρόπων), см.: Mayer. Spr. III. 199 (но и: Σκύδρι); см. также: Топоров. Илл.-б. 55. Из балтийских параллелей убедительнее других - пр. Codrynē (= *Kudr-), Kudyr (см.: Gerullis. Spr. ON 67); ЛИТ. Kūdrā, Kūdrėlė, Kūdrėlis, Kūdriai, Kūdriūkas (см.: LUEV 81); Кудра, Кудрас, Кудре, Кудрос, Кудри (см.: Спрогис. ГСЖЗ 154), Kudrēs vienkiemis, Kudrių kaimas, Kudrų kaimas, Kudriškių kaimas, Kudrėnų kaimas, Kudrėnėlių kaimas (см.: LATS 769; ср. Kudariškių kaimas, Kudirku kaimas, Kudirka?); ЛТШ. Kūdras-purvs, Kūdras, Kūdr-bedres, Kūdr-

purvs, Kūdrēji, Kūdāīši (см.: Endzeļins. LV I : 2, 185). Без атемен-
та -n- ср., с одной стороны, фрак. Κούδητος, река около Аддеры
(scyl. 67: Ἀβερρόπολις, Κούδητος ποταμός καὶ πόλις Δικαία καὶ
Μαρόνεια), см.: Detschew. Thr. SR 262 (ср. кирик. Кудеис, личное
имя, см. Sundwall. LN 118 и кельтск. Cuda река, см.: Holder. AC I,
1187), а с другой стороны, пр. Cudyn, Coddin, Kodyen (*Kudīn-), Codyn-
ten, Coditten Cudewyn, Cuydewin см.: Gerullis. Apr. ON 67, 75); лит.
Kudaičių kaimas, Kudelionių kaimas, Kudiškių vienkiemis, Kudžionių kai-
mas (см.: LATS 769), Kūdlankis (см.: LUEV 81), Kūdabalė; лтш. Kūda,
Kūd-upe, Kūdupji, Kūd-upe, Kūdali, Kūdum-mūiza, Kūdēni, Kudeņu-kalns,
Kudinava, Kudeļ-pūrvs, Kudeiki и др. (см.: Endzeļins. LV I : 2, 161,
185); может быть, Кудепь, в басс. Великой (иначе - Vasmer, - СВРАУ,
Phil.-hist. Kl. 1934); Кудь на Верхней Волге; Kudda (fluvius. PUB
5, 31, flumen Chūdda. PUB 5, 124; Kuddow. EO=ON I, 16; II, 26),
см.: Топоров, "Slavica Pragensia", VIII, 260. То же соотношение в лич-
ных именах, ср. пр. Codruno, Kōdrawe, Kwdrow, Kvdrawe, Kvdir, лит.
Kudrus, но Cudenne, Kudyn, Cudikyn (см.: Trautmann. Apr. PN 47, 49).
Κυρίδων, название замка Proc. ae. 4, 11); Κυρικηνς, эпитет
бога (KIP 304); -κυρηνοί; -κυρος, -χορος, -Κυρι, Κυρ-, -κυρος в Βλη-
κυρος, Κυρι-δων, Δειδι-κυρος и др. см.: Detschew. Thr. SR
264, 271. Ср. писидийск. Κυρους, кирийск. Κυροπολις, лидийск. Κυ-
ρος и др. (см.: Sundwall. LN. 124 и др.). Ср. пр. Curow (см.: Ger-
ullis. Apr. ON 76); лит. Kurys, Kurėny, ėžeras, Kurionų upėlis (см.:
LUEV 84), Kurėjų kaimas, Kurėnų kaimas, Kurinių kaimas, Kurynės kai-
mas (см.: LATS 774), Kūris, Kūrā; лтш. Kuriņas, Kūra, Kūras, Kūra-
pļava, Kūri, Kūru-kalns, Kūres, Kūr-būda, Kūrāni, Kūrēni, Kūrēņ-pļava,
Kūrinieks, Kūriņš, Kūriņi, Kūrītis и др. (см.: Endzeļins. LV I :
2, 179, 189); может быть, Корейка (вариант - Курейка), в басс. Днепра
(см.: Топ.-Труб. ЛАП 191); Kur, в басс. Вислы (см.: Zwoliński. HW
216).

Κυρμιλνι (вариант - Σκυρμιλνι, ср. ндт. 4, 93), племенное
название, ср. Σκύρμος, город Steph. Byz. 579, 14. Σκύρμος, πόλις
ἐν τῇ Δολιωνίδι Κυβίκου πλησίον οἱ πολλοὶ δι Σκυρμιοι); Κυρμιληνος,
эпитет Аполлона (ср. KDP 236, из Езерово). см.: Detschew. Thr. SR
271, 463. Ср. лит. Kūrmė, Kūrmežeris, Kurminė, Kūrmis (LUEV 84), Kur-
mių kaimas, Kurmiškių kaimas, Kurmėnų kaimas, Kurmėgalos kaimas, Kur-
melių kaimas, Kurmelėnų kaims, Kurmaičių kaimas (LATS 775); лтш. Kurma,
Kuřmāle, Kurme, Kuřmis, Kuřmji, Kurmelīški, Kuřmene, Kūrmenīte, Kūrme-
ri, Kurmiški, Kuřmītis и др. (см.: Endzeļins. LV I : 2, 180). К Sk-:
К- ср. Σκύδρι : Κύδρι

(Продолжение следует).

П р и н я т ы е с о к р а щ е н и я .

- Arumaa, Festschr. Vasmer - P.Arumaa, Das ostslavischen Gewässernamen mit I'-epentheticum "Festschrift für Max Vasmer". Wiesbaden, 1956, стр. 47 и сл.
- AEM - Archäologisch-epigrafische Mitteilungen aus Österreich-Ungarn. Wien.
- БЕЗ - Балканско езикознание. София.
- Bechtel, PH - F.Bechtel, Die griechischen Personennamen. Berlin.
- BNF - Beiträge zur Namenforschung. Heidelberg.
- CIL - Corpus Inscriptionum Latinarum. Berlin.
- Дечев. Хар. тр. ез. - Д. Дечев. Характеристика на тракийския език. София, 1952 (=D. Detschew, Charakteristik der thrakischen Sprache).
- Detschew, Thr. SR - D.Detschew, Die thrakischen Sprachreste. - "Schriften der Balkankommission. Linguistische Abteilung". XIV. Wien, 1957.
- Du Cange - C.Du Cange, Glossarium mediae et infimae latinitatis. Niort, 1883-1887, vol. I-X.
- Duridanov, Thr.-D.St. - I.Duridanov, Thrakisch-Dakische Studien. Erster Teil, Die thrakisch-und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen. Sofia, 1969.
- Endzelīns, LV. - J.Endzelīns, Latvijas PSR vietvārdi. I daļa, 1. sējums, Rīgā, 1956; 2 sējums, Rīgā, 1961.
- EOsON - R.Trautmann, Die Elb- und Ostseeslavischen Ortsnamen. I-III. Berlin, 1948-1956.
- Эпигр. прин. - В. Бешевлиев. Эпиграфски приноси. София, 1952.
- ERL - Ebert Reallexikon der Vorgeschichte. Berlin.
- Fraenkel, LEW - E.Fraenkel, Litauisches etymologisches Wörterbuch Bd.I-II. Heidelberg-Göttingen, 1962.
- Георгиев. Тр. ез. - В. Георгиев. Тракийският език. София, 1957.
- Gerullis, Apr. ON - C.Gerullis, Die altpreuussischen Ortsnamen. Berlin-Lepzig, 1922.
- Haas, Phr. - O.Haas, Die Phrygischen Sprachdenkmäler. Sofia, 1966.
- Holder, AC - A.Holder, Altceltischer Sprachschatz. Bd. I-III. Leipzig, 1891-1896.
- Изв. БАИ - Известия на Българския археологически институт. София.

- Justi, JN - F. Justi, Iranisches Namenbuch, Marburg, 1895.
- Krahe, LAIPN - H. Krahe, Lexikon altillyrischer Personennamen, Heidelberg, 1929.
- Krahe, Spr. III. - H. Krahe, Die Sprache der Illyrier, Erster Teil: Die Quellen, Wiesbaden, 1955.
- Kretschmer, Einl. - P. Kretschmer, Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache, Göttingen, 1896.
- LATS - Lietuvos TSR administracinis-teritorinis suskirstymas, Vilnius, 1959.
- LKK - Lietuvių kalbotyros klausimai, Vilnius.
- LUEV - Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas, Vilnius, 1963.
- Маштаков, Днепр. - П. Л. М а ш т а к о в. Список рек Днепровского бассейна, СПб., 1913.
- Маштаков, ДБ. - П. Л. М а ш т а к о в. Список рек бассейна Днестра и Буга (Южного), Пр., 1927.
- Mayer, Spr. III. - A. Mayer, Die Sprache der alten Illyrier, Wiesbaden, 1955.
- Ojh. - Jahreshefte des Österreichischen archäologischen Instituts, Wien.
- Plakis, LVV - J. Plāķis, Latvijas vietu vārdi un latviešu pavārdi, I-II, Rīga, 1936-1939.
- ПСРЛ - Полное собрание русских летописей.
- PUB - Pommersches Urkundenbuch, I-VII, Stettin, 1868-1936.
- Russu, LTD - I. I. Russu, Limba traco-dacilor, București, 1967.
- Спрогис, ГСЖЗ - П. Я. С п р о г и с. Географический словарь древней жомойтской земли XVI столетия, Вильна, 1888.
- Сп. Сув. г. - Э. А. В о л ь т е р. Списки населенных мест Сувалкской губернии как материал для историко-этнографической географии края, СПб., 1901.
- Sundwall, LN - J. Sundwall, Die einheimischen Namen der Lykier nebst einem Verzeichnisse kleinasiatischer Namenstämme, - "Klio", XI, Beiheft, Leipzig, 1913.
- Thomaschek, Thr. - W. Thomaschek, Die alten Thraker, "Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien", Wien, 1893-1894.
- Топоров, Илл.-б. - В. Н. Т о п о р о в. Несколько илирийско-балтийских параллелей из области топонимстики. "Проблемы индоевропейского языкознания", М., 1964.

- Топоров. БНар. - В.Н. Т о п о р о в. О балтийском элементе в гидронимии Верхнего Нарева. "Studia linguistica slavica baltica", 1966, стр.285 и сл.
- Топ.-Труб. ЛАВН - В.Н. Т о п о р о в, О.Н. Т р у б а ч е в. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Trautmann. Apr. ON. - R.Trautmann. Die altpreussischen Personennamen. Ein Beitrag zur baltischen Philologie. Göttingen, 1925.
- Трубачев. ННУ - О.Н. Т р у б а ч е в. Названия рек правобережной Украины. М., 1968.
- ТЗ - Tauta ir Žodis. Kaunas.
- Zwoliński. HW - Hydronimia Wisły. Część. I. Wykaz nazw w układzie hydrograficznym, pod redakcją P.Zwolińskiego. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1965.

Сокращения, используемые при цитировании первоисточников, раскрыты в книге Detschew. Thr. Sh.

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГРЕЧЕСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ПАРАДИГМ

(настоящее и прошедшее длительное время изъявительного наклонения действительного залога).

Парадигмы всех классов новогреческих глаголов (за исключением цаконского диалекта)¹ восходят к хорошо известным парадигмам "общего диалекта" эллинистической и римской эпох, являясь закономерным продолжением их на новой ступени развития.

Сопоставляя греческие парадигмы эллинистической и римской эпох с парадигмами современной эпохи, можно по-разному оценивать значительность происшедших в течение примерно 500 лет морфологических изменений. Нам кажется, что греческие языковеды, рассматривая эти изменения, так сказать, "изнутри", склонны преуменьшать значительность этих изменений, как, например, М.А.Триандафиллидис в "Историческом введении" к своей "Новогреческой грамматике", § 55².

В оценке морфологических новшеств "нового языка" почтенный ученый как будто впадает в противоречие: в § 54 (стр.54) он пишет, что: "И в глаголе изобилуют новообразования", а в § 55 (стр.54-55): "Оценивая в общем греческий язык в его развитии с древнейших времен, мы видим, что он консервативен в своих изменениях, что особенно заметно во многих его говорах(*ἰδιώματα*) и дальше: "Морфология не обнаруживает коренного обновления". В приводимых ниже примерах глагольных форм он упоминает лишь формы настоящего времени изъявительного наклонения действительного залога простых тематических глаголов(*τρέχω*) прошедшего неограниченного, или аориста(*ἔγραψα*) этого же класса глаголов и настоящего времени и т.д. тематических слитных глаголов с α-основой(*πηδῶ*) а также их повелительное наклонение(*πήδα!*).

Действительно, наиболее значительные изменения наблюдаются не в пределах упомянутых парадигм, а прежде всего в следующем: (1) парадигмы глагола бытия ДГ *εἰμί* и ГГ *εἶμαι*³; (2) парадигмы всех про-

1 H. Pernot, Introduction a l'étude du dialecte tsakonien (Collection de l'Institut néo-hellénique de l'Université de Paris, LII) Paris, 1934, стр. 216-286.

2 М.Τριανταφυλλίδης Νεοελληνική γραμματική, α' τ., 'Ιστορική εἰσαγωγή, Ἀθήνα, 1938, стр. 55.

3 Ср.: А.А.Белецкий. Глаголы существования и становления в новогреческом языке. "Slavica", VI, 1966, стр.31-34 (к сожалению, довольно много опечаток).

чих атематических глаголов, сохранивших свои основы в новогреческих простых тематических глаголах, например, ДГ $\tau\acute{\iota}\theta\eta\mu\iota\sim$ НГ $\theta\acute{\epsilon}\tau\omega$, ДГ $\delta\acute{\iota}\delta\omega\mu\iota\sim$ НГК $\delta\acute{\iota}\delta\omega$, НГД $\delta\acute{\iota}\nu\omega$, ДГ $\delta\epsilon\acute{\iota}\kappa\nu\upsilon\mu\iota\sim$ НГК $\delta\epsilon\acute{\iota}\kappa\nu\acute{\upsilon}\omega$, НГД $\delta\epsilon\acute{\iota}\chi\nu\omega$ или ДГ $\acute{\iota}\sigma\tau\alpha\mu\alpha\iota$, ПК $\acute{\epsilon}\sigma\tau\eta\kappa\alpha\sim$ НГ $\theta\acute{\epsilon}\tau\epsilon\kappa\omicron\mu\alpha\iota$, $\theta\acute{\epsilon}\tau\epsilon\kappa\omega$ (3) в парадигмах прошедшего длительного (Π) всех классов глаголов (как в активе, так и в медиопассиве) и особенно в тематических классах (α, ε); (4) устранение синтетических парадигм так называемых перфекта ($\pi\alpha\rho\alpha\kappa\epsilon\acute{\iota}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$) и плюсквамперфекта ($\acute{\upsilon}\pi\epsilon\rho\sigma\upsilon\nu\tau\acute{\epsilon}\lambda\iota\kappa\omicron\varsigma$) и в образовании соответственных аналитических парадигм (ср. $\acute{\epsilon}\chi\omega$ $\chi\rho\acute{\alpha}\psi\epsilon\iota$, $\acute{\epsilon}\acute{\iota}\chi\alpha$ $\chi\rho\acute{\alpha}\psi\epsilon\iota$, $\acute{\epsilon}\acute{\iota}\nu\alpha\iota$ $\chi\rho\alpha\mu\acute{\mu}\epsilon\nu\omicron$, $\acute{\eta}\tau\alpha\nu\epsilon$ $\chi\rho\alpha\mu\acute{\mu}\epsilon\nu\omicron$) (5) появление новых парадигм будущего времени путем редукции синтаксической модели: личная форма глагола $\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega$ 'хочу, желаю' + союз $\acute{\iota}\nu\alpha$ 'чтобы' + личная форма любого глагола в "подчинительном наклонении" ($\acute{\eta}$ $\acute{\upsilon}\pi\omicron\tau\alpha\chi\tau\iota\kappa\acute{\eta}$ $\acute{\epsilon}\chi\kappa\lambda\iota\sigma\iota\varsigma$) с основой настоящего времени (δ $\mu\acute{\epsilon}\lambda\lambda\omega\nu$ $\acute{\epsilon}\xi\alpha\kappa\alpha\lambda\omicron\upsilon\delta\eta\tau\iota\kappa\acute{\omicron\varsigma}$) или с основой прошедшего неограниченного (δ $\mu\acute{\epsilon}\lambda\lambda\omega\nu$ $\sigma\tau\iota\chi\mu\alpha\acute{\iota}\omicron\varsigma$), ср. $\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega$ $\acute{\iota}\nu\alpha$ $\chi\rho\acute{\alpha}\phi\omega\sim$ $\chi\rho\acute{\alpha}\psi\omega>$ $\theta\acute{\epsilon}$ $\nu\alpha$ $\chi\rho\acute{\alpha}\phi\omega\sim$ $\chi\rho\acute{\alpha}\psi\omega>$ $\theta\acute{\alpha}$ $\chi\rho\acute{\alpha}\phi\omega\nu$ $\chi\rho\acute{\alpha}\phi\epsilon$ (6) исчезновение неопределенного наклонения ($\acute{\eta}$ $\acute{\alpha}\pi\omicron\rho\acute{\epsilon}\mu\phi\alpha\tau\omicron\varsigma$) и ограничение, а затем и устранение форм причастий кроме адвербиализированной формы ($\acute{\eta}$ $\acute{\epsilon}\pi\iota\rho\eta\rho\mu\alpha\tau\iota\kappa\acute{\eta}$ $\mu\epsilon\tau\omicron\chi\acute{\eta}$) с основой настоящего времени (например, $\chi\rho\acute{\alpha}\phi\omicron\nu\tau\alpha\varsigma$) и формы причастия перфекта пассива без перфектного удвоения (например, $\chi\epsilon\chi\rho\alpha\mu\acute{\mu}\epsilon\nu\omicron\varsigma>$ $\chi\rho\alpha\mu\acute{\mu}\epsilon\nu\omicron\varsigma$); (7) исчезновение древнего синтетического желательного наклонения ($\acute{\eta}$ $\acute{\epsilon}\upsilon\chi\tau\iota\kappa\acute{\eta}$) в результате вытеснения его формами подчинительного наклонения с предваряющей их частицей ДГ $\acute{\alpha}\phi\epsilon\varsigma$ (A2 императива от $\acute{\alpha}\phi\acute{\eta}\rho\eta\mu\iota>$ $\acute{\alpha}\phi\acute{\eta}\kappa\alpha>$ НГ $\acute{\alpha}\varsigma$ (ср. русск. пусть, пускай), т.е. образования нового аналитического желательного наклонения; (8) сложение новых аналитических парадигм потенциального наклонения ($\acute{\eta}$ $\delta\upsilon\nu\eta\tau\iota\kappa\acute{\eta}$) по моделям: частица $\theta\acute{\alpha}$ (см. 5) + Π ($\theta\acute{\alpha}$ $\acute{\epsilon}\chi\rho\alpha\phi\alpha$, $\theta\acute{\alpha}$ + ΥΣ), например: $\theta\acute{\alpha}$ $\acute{\epsilon}\acute{\iota}\chi\alpha$ $\chi\rho\acute{\alpha}\psi\epsilon\iota$, $\theta\acute{\alpha}$ + Α, $\theta\acute{\alpha}$ $\acute{\epsilon}\chi\rho\alpha\phi\alpha$ (эта последняя может определяться как собственно потенциальное реальное, что-то вроде русского 'я наверно написал'), а также условного неосуществимого (по терминологии М.А.Триандафилиди: $\acute{\eta}$ $\acute{\epsilon}\chi\kappa\lambda\iota\sigma\eta$ $\tau\omicron\upsilon$ $\acute{\alpha}\pi\rho\alpha\chi\mu\alpha\tau\omicron\pi\omicron\acute{\iota}\eta\tau\omicron\upsilon$) по модели: частица $\nu\acute{\alpha}$ + Π ($\nu\acute{\alpha}$ $\acute{\epsilon}\chi\rho\alpha\phi\alpha$, $\nu\acute{\alpha}$ + ΥΣ), например, $\nu\acute{\alpha}$ $\acute{\epsilon}\acute{\iota}\chi\alpha$ $\chi\rho\acute{\alpha}\psi\epsilon\iota$ (возможность слияния конечного гласного с начальным в беглой речи вроде $\nu\acute{\alpha}\chi\rho\alpha\phi\alpha$ и т.п. здесь не принимается во внимание); (9) ослабление значения слогового приращения как показателя Π и Α за исключением ударенной позиции, например, $\acute{\epsilon}\chi\rho\alpha\phi\alpha$, $\acute{\epsilon}\chi\rho\alpha\phi\alpha$, в постепенном исчезновении количественного приращения, связанного с изменением качества монофтонгов и древних дифтонгов (процесс, задержанный воздействием НГК на НГД), например, $\acute{\alpha}\chi\acute{\alpha}\pi\eta\sigma\alpha$, вместо $\acute{\eta}\chi\acute{\alpha}\pi\eta\sigma\alpha$, $\alpha\acute{\upsilon}\xi\eta\sigma\alpha$, вместо $\eta\acute{\upsilon}\xi\eta\sigma\alpha$; напротив, в византийской димотике и димотике эпохи туркократии в качестве слогового приращения часто появляется [i̯], ведущее свое начало от древнего количественного приращения, ср. формы, построенные по образцу $\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega>$

ἦδελα в "Эротокрите": ἦβραζε, ἦγραφεν, ἦλεγε, ἦπασκεν, ἦπρασε, ἦτρεμε и т.п.; (10) сближение парадигм прошедшего длительного (Π) и прошедшего неограниченного (Α) и их аналогическое изменение, особенно в области так называемых слитных (или акротонических) тематических глаголов с древними основами α, ε (Πδα, Πδε, Αδα, Αδε) в отличие от древних глаголов с основой [q], которые перестали в подавляющем большинстве быть слитными путем введения в парадигму назального суффикса, например, φαυερῶ, φαυεροῖς > φαυερώνω, φαυερόνεις (или φαυερώνω, φαυερώνεις); (11) контаминация в парадигме прошедшего неограниченного (Α) пассива и медиопассива личных окончаний древнего аориста пассива и аориста актива атематических глаголов типа ἔδθηκα, ἔδωκα, ἦκα (ср. также ἔστην ~ ἔφάνην и т.п.), поддержанную формами их перфекта актива τέδθηκα, δέδωκα, εἶκα, ἔστηκα, а также перфекта глаголов типа πέπαυκα, πεποίηκα и т.п. с результатом, например, ἔστηκα + ἔστάθην = НГД στάθηκα и т.д., хотя в некоторых современных диалектах сохраняются более древние парадигмы прошедшего неограниченного пассива, как например, румейское (УССР, Донбасс): [!ста-тза] = НГД στάθηκα; (12) значительные изменения произошли также в парадигмах настоящего (Ε) и прошедшего длительного (Π) медиопассива и собственно пассива всех глагольных классов, хотя они в основном затронули формы личных окончаний, а не их отношение друг к другу (ср. 10), за исключением совпадения 3 и 6 лиц в Π (ρ, τρ). Процесс литературной унификации (нормализации) этих парадигм еще продолжается в современной димотике, как можно видеть, например, в параллелизме форм Π6: γραφόταν(ε) по образцу Π3 ~ Π6 ἦταν(ε), γράφονταν и γράφοντουσαν и т.п. Перестройка парадигмы глагола бытия (ср. 1) привела к совпадению Ε3 и Ε6, Π3 и Π6, а также к факультативному совпадению Ε4 и Π4 (εἵμαστε ~ ἡμασθε или εἵμασταν ~ ἡμασταν), что оказывается более неудобным, чем совпадение Ε3 и Ε6, Π3 и Π6. Одним из наиболее показательных следствий аналогического выравнивания парадигмы является также "восстановление" древнейшей формы личного окончания Ε2 (ρ, τρ): * -εβαί > -η или -εἰ > НГ -εβαί.

Разумеется, эти общие наблюдения не являются исчерпывающим перечнем существенных изменений, которые претерпели парадигмы греческих глаголов, фиксированные в двух хронологических секциях, расстояние между которыми соответствует приблизительно 2.000 лет.

В нижеследующем разделе нашего обзора мы сосредоточим внимание на двух сериях парадигм, а именно на серии Ε(α) и Π(α) всех классов глаголов, кроме глагола бытия ДГ εἰμί ~ НГ εἶμαι и прочих древних атематических (αθ) глаголов, о судьбе которых речь шла в (2).

ЕД. Когда мы принимаем во внимание только графическую форму парадигм **ЕД. ΕΔα, Εδε**, нам кажется, что изменения в НГ сравнительно с ДГ ничтожны, тем более, если на первое место поставить парадигмы "строгой катаревусы" (*ἡ αὐστρηρὰ χαδαρεύουσα*). Однако такой вывод основан исключительно на зрительном восприятии и для не-фонетистов подкрепляется видимой невозможностью слухового восприятия древнегреческих парадигм.

В общем виде фонетические различия между парадигмами **ДГЕД** и **НГЕД** можно представить следующим образом:

ДГ 1. [грап ^х о:] >	НГК 1. [!гзрафо]
2. [грап ^х эйс]	2. [!гзрафис]
3. [грап ^х эй]	3. [!гзрафи]
4. [грап ^х омэн]	4. [!гзрафомэн]
5. [грап ^х этэ]	5. [!гзрафэтэ]
6. [грап ^х у:си]	6. [!гзрафуси]

(Схема \ - намекает на древнегреческое музыкальное ударение: в данном случае - на относительную высоту первого от начала слога и понижение ее в последующих слогах; буква п с диакритиком ^х обозначает смычный глухой придыхательный в отличие от щелевого, или ффрикативного, губно-зубного глухого новогреческого φ; двоеточие после знака гласного обозначает долготу).

К этим фонетическим различиям прибавляются значительные морфологические различия, когда мы принимаем во внимание, кроме НГК, другие, так сказать, естественные разновидности (фазы) современного новогреческого языка, например:

НГД 1. [!гзрафо] ~	НГ Сартана 1. [!гзрафту]
2. [!гзрафис]	2. [!гзрафтс]
3. [!гзрафи]	3. [!гзрафт]
4. [!гзрафумэ]	4. [!гзрафтум]
5. [!гзрафэтэ]	5. [!гзрафтит]
6. [!гзрафун(э)]	6. [!гзрафтни]

Наиболее существенным новшеством НГД парадигмы можно считать превращение личного окончания - **βι<ν>** в факультативный элемент, а затем появление на его месте бывшего "вторичного" окончания - **ν** (позже - **νε**; ср. и. - е. * - *nti* ~ * - *nt* > * - *n*).

Превращение **Ε6 - βι<ν>** в факультативный элемент наблюдается, например, в памятниках критской литературы поздней эпохи энеотократии (XVII в.) "Жертва Авраама" и "Эротокрит"⁴. Став факультативным, **Ε6**

⁴ Здесь ссылки на издания: *Ἡ Θυσία τοῦ Ἀβραάμ, κριτικὴ ἐκδόσις Γ. Μέγα, ἀναθεωρηθεῖσα, Ἀθήναι, 1954 καὶ Βιττέντζου Κορνάρου*

-**σι**<**ν**> вступило в отношение взаимозаменяемости с **πб** и **Аб** - **ν**, которое в своей конечной позиции тоже оказалось факультативным, как [н] в **Е4**, **П4**, **А4** всех классов и **П3**, **А3**.

Таким образом, личное окончание **Εδб** приобрело формы: - **ου** (например, Ж 1, 2, 3, 4, 527, 528, 579, 638, 651, 660, 675, 799; Э 60, 231, 232, 595, 596, 687, 694, 719, 720, 723, 724), - **νε** (Э 693) ~ - **ουσι** (Э 660, 771), - **σι** (у полуслитных, например, Ж 1028 **κλαῖσι**, Э 850 **καῖσι**), - **σιν** (у них же, например, Э 325, 597), - **σινε** (у них же Э 218 **λέσινε**), - **ν** (там же **λέν**). Факультативный характер этих окончаний и соответственно их параллелизм наглядно обнаруживается в таких случаях, как Э 687 **δέν ἔχου** ~ Э 693 **δέν ἔχουνε**, Э 218 **λέσινε**, **λέν** ~ Э 325, 597 **λέσιν**.

Полная серия окончаний **Εδб** может быть представлена следующим образом: [-си], [-син], [-синε], *[-усинε], [-усин], [-уси] < [-у] > [-ун], [-унε]. В этой серии левая ветвь в НГД оказалась регрессивной, а правая - прогрессивной. В территориальных диалектах и в настоящее время представлены обе ветви. Вымершим, очевидно, является "фокус" этой серии [-у].

Окончание [-н<ε>] в **Εδб**, аналогией для которого могло служить **Πδб** оказалось необходимым в **Е** ввиду слабости противопоставления **Εδ1** ~ **Εδб** например, **ἔχω** ~ **ἔχου**, которые четко противопоставлялись в **Е** во всех классах глаголов. Как известно в **Πδ** и **Αδ** (в отличие от **Аб**), в ДГ такое противопоставление отсутствовало в результате древнего фонетического развития на почве греческого языка: ИЕ **Π1*-m** > ДГ **Π1*-n**, ИЕ **Π6*-nt** > ДГ **Π6*-n**.

Εθα - **Εθε**. О судьбе древней парадигмы **δο** уже говорилось выше (ср. 10). Глаголы **Εθα** и **Εθε**, имеющие общую акротоническую схему ударения, унаследованную НГ от ДГ, естественно, должны были сблизиться. В этом сближении активную роль, очевидно, играли глаголы **Εθα** и это привело к вытеснению и частичному (а в некоторых современных НГ диалектах - и к полному) уподоблению глаголов **θε** глаголам **θα**. Однако и глаголы **θα** испытали преобразующее воздействие глаголов **θε**, что еще больше сблизило оба класса, которые в современном НГД различаются только формами **Е**. Полное совпадение этих классов в парадигме **Π** было в значительной мере поддержано также их полным совпадением в парадигме **Α**.

Не будем здесь останавливаться на вопросе о фонетических различиях парадигм ДГ **θα**, **Εθε** и НГК **Εθα**, **Εθε**, а сосредоточим внимание на соответственных парадигмах ДГ ~ НГД с учетом также некоторых НГ диалектов.

Ἐρωτόκριτος, ἀνατύπωση ἀπὸ τὴν ἐκδόσιν Στεφάνου Ἀ. Σανδουχίδου, Εἰσαγωγή Λίνου Πολίτη, Ἀθήναι, 1952; сокращения : Ж - "Жертва Авраама", Э - "Эротокрит".

- ДГЕ 1. $\xi\rho\omega\tau\tilde{\omega}$ >
 2. $\xi\rho\omega\tau\tilde{\alpha}\varsigma$
 3. $\xi\rho\omega\tau\tilde{\alpha}$
 4. $\xi\rho\omega\tau\tilde{\omega}\mu\epsilon\nu$
 5. $\xi\rho\omega\tau\tilde{\alpha}\tau\epsilon$
 6. $\xi\rho\omega\tau\tilde{\omega}\sigma\iota\langle\nu\rangle$

- НГДЕ 1. $\langle\acute{\epsilon}\rangle\rho\omega\tau\tilde{\omega}$
 2. $\langle\acute{\epsilon}\rangle\rho\omega\tau\tilde{\alpha}\varsigma$
 3. $\langle\acute{\epsilon}\rangle\rho\omega\tau\tilde{\alpha}$
 4. $\langle\acute{\epsilon}\rangle\rho\omega\tau\tilde{\omega}\mu\epsilon, -\tau\tilde{\alpha}\mu\epsilon$
 5. $\langle\acute{\epsilon}\rangle\rho\omega\tau\tilde{\alpha}\tau\epsilon$
 6. $\langle\acute{\epsilon}\rangle\rho\omega\tau\tilde{\omega}\nu\langle\epsilon\rangle, -\tau\tilde{\alpha}\nu\epsilon$

- ДГЕ I. $\phi\iota\lambda\tilde{\omega}$ >
 2. $\phi\iota\lambda\epsilon\tilde{\iota}\varsigma$
 3. $\phi\iota\lambda\epsilon\tilde{\iota}$
 4. $\phi\iota\lambda\tilde{\omega}\mu\epsilon\nu$
 5. $\phi\iota\lambda\epsilon\tilde{\iota}\tau\epsilon$
 6. $\phi\iota\lambda\tilde{\omega}\sigma\iota\langle\nu\rangle$

- НГДЕ I. $\phi\iota\lambda\tilde{\omega}$
 2. $\phi\iota\lambda\epsilon\tilde{\iota}\varsigma$
 3. $\phi\iota\lambda\epsilon\tilde{\iota}$
 4. $\phi\iota\lambda\tilde{\omega}\mu\epsilon$
 5. $\phi\iota\lambda\epsilon\tilde{\iota}\tau\epsilon$
 6. $\phi\iota\lambda\tilde{\omega}\nu\langle\epsilon\rangle$

Как видно из приведенных парадигм, наименее устойчивым компонентом оказался НГДЕ6, преобразование которого также было связано с возникновением факультативности 6 - $\sigma\iota\langle\nu\rangle$ и сближением парадигм $\theta\alpha$ и $\theta\epsilon$. Нам не представляется сейчас возможным установить относительную хронологию (или топологическую датировку) двух определяющих преобразование парадигм $E\theta\alpha$ и $E\theta\epsilon$ процессов: (1) их взаимопроникновение и (2) отпадение окончания 6 - $\sigma\iota\langle\nu\rangle$.

Вероятно, сперва образовались такие формы Б6, как $\tau\iota\mu\tilde{\omega}\sigma\iota, \pi\epsilon\tau\tilde{\omega}\sigma\iota$ (Ж 858), а затем уже - $\sigma\iota\langle\nu\rangle$ стало факультативным, например, Ж 1052 $\mu\epsilon\lambda\epsilon\tau\tilde{\omega}$ ($\nu\tilde{\alpha}$ $\kappa\acute{\alpha}\mu\omega\tau\tilde{\omega}$)³ 239 $\theta\omega\rho\tilde{\omega}$, θ 214 $\kappa\rho\alpha\tau\tilde{\omega}$, θ 417 $\tau\upsilon\rho\alpha\nu\tilde{\nu}\tilde{\omega}$, θ 421 ($\nu\tilde{\alpha}$ $\tau\tilde{\omega}\tilde{\nu}$) $\gamma\rho\omega\kappa\tilde{\omega}$, θ 544 $\acute{\alpha}\gamma\alpha\pi\tilde{\omega}$, θ 594 $\mu\iota\lambda\tilde{\omega}$, θ 724 $\beta\alpha\sigma\tilde{\tau}\tilde{\omega}$ и т.п. Так же, как у Б в этом классе $E\theta\alpha, E\theta\epsilon$ существовали "гиперболические" окончания Б6, например, Ж 1028 $\gamma\epsilon\lambda\tilde{\omega}\sigma\iota\nu\epsilon$. После отпадения 6 - $\sigma\iota\langle\nu\rangle$ образовалось слабое противопоставление прежде четко коррелировавших $E\theta\alpha 1, E\theta\epsilon 1$ и $E\theta\alpha 6, E\theta\epsilon 6$. $\langle\acute{\epsilon}\rangle\rho\omega\tau\tilde{\omega}, \phi\iota\lambda\tilde{\omega}$ Оно было усилено тем же 6 - $\nu\langle\epsilon\rangle$. Полная серия окончаний $E\theta\alpha 6, E\theta\epsilon 6$ может быть представлена такой же схемой, как $E\theta 6$ [см. (9)], но при этом [-у, -у-] должно быть под ударением. Одновременно (или вслед за ним) со сближением $E\theta\epsilon 6$ и $E\theta\alpha 6$ произошло уподобление $E\theta\epsilon 4$ и $E\theta\alpha 4$ при отпадении конечного - ν , прошедшего через стадию факультативности. Таким образом, парадигмы $E\theta\epsilon$ и $E\theta\alpha$ различались еще в Е 2, 3, 5. Дальнейший процесс их сближения далеко продвинулся в общегреческой димотике (например, ДГ $\pi\omega\lambda\tilde{\omega}, \pi\omega\lambda\epsilon\tilde{\iota}\varsigma$ и НГД $\pi\omega\lambda\tilde{\omega}, \pi\omega\lambda\tilde{\alpha}\iota$ и т.п.), но полностью не завершился даже в территориальных диалектах⁵.

Так, в румейских говорах Донбасса при колебаниях между парадигмами $E\theta\alpha$ и $E\theta\epsilon$, например:

⁵ A. Thumb. Handbuch der neugriechischen Volkssprache. Grammatik. Texte. Glossar. Strassburg, 1910, стр. 167-168.

Чердаклы

Харахла

1. [пра!ту]
2. [пра!тао]
3. [пра!та]

1. [пра!ту]
2. [пра!тис]
3. [пра!ти] и т.д.

В НГД (*περπατῶ* < ДГ *περιπατῶ*) сохраняется более древняя парадигма:

1. [зу]	<	НГД 1. ζῶ
2. [зис]		2. ζῆς
3. [зи]		3. ζῆ
4. [зум]		4. ζοῦμε
5. [зит]		5. ζῆτε
6. [зун]		6. ζοῦν(ε) ⁶

Особого упоминания заслуживают "новые полуслитные" (или гемиакротонические) глаголы, которые можно в основном отнести к двум типам:

(1) ἀκού(χ)ω и (2) λέ(χ)ω

В НГД сравнительно с ДГ они имеют в Е следующую парадигму:

ДГЕ 1. ἀκούω >	НГДЕ 1. ἀκού(χ)ω
2. ἀκούεις	2. ἀκοῦς
3. ἀκούει	3. ἀκούει
4. ἀκούομεν	4. ἀκοῦμε
5. ἀκούετε	5. ἀκοῦτε
6. ἀκούουσ(ν)	6. ἀκοῦν(ε)

ДГЕ 1. λέ(χ)ω >	НГДЕ 1. λέ(χ)ω
2. λέχεις	2. λές
3. λέχει	3. λέει
4. λέχομεν	4. λέμε
5. λέχετε	5. λέτε
6. λέχουσ(ν)	6. λέν(ε) ⁷

В диалектах число их, очевидно, несколько больше, чем в общегреческой димотике. Альберт Тумб различает первично не "гаммированные" полуслитные типа ἀκούω, χρούω, χλαίω, φταίω (< πταίω) и первично "гаммированные" с факультативной гаммой [rз] типа πά(χ)ω, τρώ(χ)ω, λέ(χ)ω ⁸.

Возникновение этих типов связано с фонетическим развитием новогреческого [rз], а следовательно, со "спирантизацией" древнегреческих звонких смычных β, γ, δ > [в, rз, дз], может быть, параллельной, хотя хронологически не одновременной "спирантизации" древних глухих

⁶ Факты румейских говоров цитируются по рукописным материалам экспедиций филологического факультета Киевского государственного университета 1953–1963 гг.

⁷ А. Thumb. Указ. соч., § 251, стр. 168–169.

⁸ Там же.

смычных придыхательных φ, χ, ϑ [$\text{п}^{\text{х}}, \text{к}^{\text{х}}, \text{т}^{\text{х}}$] > [$\text{ф}, \text{х}, \text{т} \text{з}$]. Дальнейшее ослабление звонких щелевых (фрикативных, спирантов) могло привести к их полной редукции, наблюдающейся в ряде диалектов и спорадически в литературной димотике⁹.

Из новообразований этого типа отметим глагол [!дзугзу] НГД $\delta\acute{\iota}\nu\omega$ в румейских говорах Донбасса, ср. в понтийских говорах: 1. $\delta\acute{\iota}\chi\omega$, 2. $\delta\acute{\iota}\varsigma$, 3. $\delta\acute{\iota}$, 4. $\delta\acute{\iota}\chi\omicron\mu\epsilon\langle\nu\rangle$ или $\delta\acute{\iota}\chi\omicron\mu\epsilon\varsigma$ и т.д.¹⁰

Харахла Е 1. [!дзугзу] 'даю'

2. [!дзуйс]

3. [!дзуй]

4. [!дзугзут]

5. [!дзуйт]

6. [!дзугзни]

Вокализм [!у] в корне этого глагола является, очевидно, румейским нововведением в результате сближения двух глаголов:

Е 1. [!кругзу] 'бю' $\sim$ Е 1. * [!дзигзу] > [!дзугзу] 'даю'

П 1. [!экругза] П 1. [!эдзугза]

А 1. [!дока] А 1. [!дзока]

Параллельная "фреквентативная" форма П 1 [!докишка] = [!экругза] - о ней см. ниже. А 1 и т.д. [!дока], очевидно, происходит от * [эн!дока] < $\epsilon\nu\kappa\epsilon\delta\omega\chi\alpha$. Кроме того, следует учесть семантическую близость этих глаголов с основными значениями 'даю', 'бью', 'наносу удар, ударяю'.

II. Прошедшее длительное

ПД. Переходим теперь к обзору изменений парадигмы **ПД(а)**, которая, естественно, сближалась с парадигмами **АД** и **Аб**. Еще в ДГ между **ПД** и **АД** различие заключалось не в личных окончаниях, а в основе: в **ПД** - основа **ЕД**, в **АД** - своя простая (безаффиксная) основа, ср. ДГ $\mu\alpha\nu\delta\acute{\alpha}\nu\omega\varsigma \epsilon\mu\acute{\alpha}\delta\omicron\nu$, НГД $\mu\alpha\delta\alpha\acute{\iota}\nu\omega\varsigma \epsilon\mu\acute{\alpha}\delta\alpha$. Следующий шаг развития - это сближение **ПД** и **Аб**. Нежелательной особенностью парадигм **ПД** и **АД** было совпадение **ПД1-ПД6, АД1-АД6**, которого не было в **Аб**. С ослаблением и последующей факультативностью [н] в **П6, Аб** и "мобильностью" **б - б<и>** энтропия парадигм **П, АД** и **Аб** захватила именно это **б**, очевидно, уже после того, как **Аб** оказал влияние на **П** и **АД**.

Сначала сравним древние и новые парадигмы **ПД** и **АД**.

ДГП 1. $\epsilon\chi\rho\alpha\phi\omicron\nu$ >	НГДП 1. $\epsilon\chi\rho\alpha\phi\alpha$
2. $\epsilon\chi\rho\alpha\phi\epsilon\varsigma$	2. $\epsilon\chi\rho\alpha\phi\epsilon\varsigma$
3. $\epsilon\chi\rho\alpha\phi\epsilon\langle\nu\rangle$	3. $\epsilon\chi\rho\alpha\phi\epsilon$

⁹ Там же, §§ 22, 23, стр. 17, 18.

¹⁰ $\text{A.}^{\text{a}}\text{A. Παπαδοπούλου Ἱστορικὴ γραμματικὴ τῆς Ποντικῆς διαλέκτου, Ἀθήναι, 1955, стр. 88.}$

4. ἔχραφομεν
5. ἔχράφετε
6. ἔχραφον

4. <έ>γράφαμε
5. <έ>γράφατε
6. ἔχραφον или <έ>γράφανε

1. ἑμάνθανον
2. ἑμάνθανες
3. ἑμάνθανε(ν)
4. ἑμανθάνομεν
5. ἑμανθάνετε
6. ἑμάνθανον

>

1. <έ>μάθαινα
2. <έ>μάθαινες
3. <έ>μάθαινε
4. <έ>μαθαίναμε
5. <έ>μαθαίνατε
6. <έ>μάθαιναν или <έ>μαθαίνανε

- ΠΑΘ 1. ἑμαθον >
2. ἑμαδες
 3. ἑμαδε(ν)
 4. ἑμάδομεν
 5. ἑμάδετε
 6. ἑμαδον

- ΗΓΔΑΘ 1. ἑμαθα
2. ἑμαδες
 3. ἑμαθε
 4. <έ>μάθαμε
 5. <έ>μάθατε
 6. ἑμαθαν или <έ>μάθανε

Формы ΠΘб, ΑΘб без конечного [н] часто встречаются в "Эротокрит-те", как например, 39 ὀρίζα, 81 λέγα, 144 ἐπλέγα, 131 ἐκάνα, 132 ἐβάνα, 371 ἐμπαῖνα, 382 βγάνα, 401 ἐσφάζα, 402 ἐβράζα, 535 ἐστέχα, 575 ὀλπίζα, 572 χάνα (или там же Α: 8 φέρα, 70 ἐχιάνα, 571 πέβα, 571 ποδάνα, 598 εὐρῆχα, 600 κάμα, 850 ἀκούθα).

Факультативным, конечно, как видно из приведенных примеров, становится слоговое приращение в неударенных слогах [э] в отличие от [ʼэ]. О появлении приращения [и] в глаголах, основа которых начинается согласным, уже упоминалось выше (9).

Проникновение окончания б-σι(ν) в парадигмы ΠΘ и ΑΘ можно проиллюстрировать следующими примерами: Π - Ж 832 ἐστάζαθιν, 1012 χλαίχαςι, 9 29 ἐλέχαςι (ср. 61 λέχαν), 131 ἐτρέχαςι, 433 εἵχαςι (ср. 577 εἶχαν), Α - 9 601 εἵπαςιν (του το). Все эти формы уже обнаруживают воздействие Αб на ΠΘ и ΑΘ. Таким образом, сложилась парадигма ΠΘ и ΑΘ, аналогичная парадигме Αб как по размещению ударений, так и по форме личных окончаний:

- ΗΓДΠΘ 1. ἔχραφα ~
2. ἔχραφες
 3. ἔχραφε
 4. <έ>γράφαμε
 5. <έ>γράφατε
 6. ἔχραφαν или <έ>γράφανε

- ΗΓДАб 1. ἔχραφα
2. ἔχραφες
 3. ἔχραψε
 4. <έ>γράφαμε
 5. <έ>γράφατε
 6. ἔχραφαν или <έ>γράφανε

Воздействие парадигмы Αб на Πθα и Πθε было еще более глубоким, а процесс сложения этих парадигм оказался более запутанным и не завершился полностью даже в современной общегреческой литературной димотике, не говоря уже о пестроте форм территориальных диалектов.

Напомним, что в ДГ парадигмы *πθα, πθε, πθο* (речь идет об аттическом и эллинистическом общем диалекте) стали отличаться от *πθ* в результате слияния гласных (*συνάϊρεσις*) так же, как *Εθ* и *Εθα, Εθε, Εθο*.

Процесс сложения новых парадигм *πθα* и *πθε* отчасти отражен в литературных памятниках византийской эпохи и эпохи туркоκραтии.

Сопоставим последовательно ДГ парадигмы *πθα* и *Αεθα, πθε* и *Αεθε* с соответствующими им парадигмами НГД.

ДГπθα 1. ἐνίκων ∼	ДГАεθα 1. ἐνίκηθα
2. ἐνίκας	2. ἐνίκηθας
3. ἐνίκα	3. ἐνίκηθες(ν)
4. ἐνικῶμεν	4. ἐνικήσαμεν
5. ἐνικᾶτε	5. ἐνικήσατε
6. ἐνίκων	6. ἐνίκησαν

ДГπθε 1. ἐφίλουν ∼	ДГАεθε 1. ἐφίληθα
2. ἐφίλεις	2. ἐφίληθας
3. ἐφίλει.	3. ἐφίληθες(ν)
4. ἐφιλοῦμεν	4. ἐφίλησαμεν
5. ἐφιλεῖτε	5. ἐφίλησατε
6. ἐφίλουν	6. ἐφίλησαν

Взаимодействие этих парадигм можно представить в следующей схеме:
πθα > < *πθε, πθα* > < *Αεθαε, πθε* > < *Αεθαε*. Оно в конечном счете привело к образованию НГД парадигм и парадигм современных диалектов.

В общегреческой димотике наиболее распространенными парадигмами оказались:

НГДπθα 1. νικοῦσα ∼	Αεθα 1. νίκηθα
2. νικοῦσες	2. νίκηθες
3. νικοῦσε	3. νίκηθε
4. νικούσαμε	4. νίκησαμε
5. νικούσατε	5. νικήσατε
6. νικοῦσαν или νικούσανε	6. νίκησαν или νίκησανε

НГДπθε 1. φιλοῦσα ∼	Αεθε 1. φίληθα
2. φιλοῦσες	2. φίληθες
3. φιλοῦσε	3. φίληθε
4. φιλούσαμε	4. φίλησαμε
5. φιλούσατε	5. φίλησατε
6. φιλοῦσαν или φιλούσανε	6. φίλησαν или φίλησανε

Смысловое значение ДГ *φιλῶ* 'люблю' и НГД *φιλῶ* 'целую'. Слоговое приращение в этих парадигмах, будучи неударенным и пройдя стадию факкультативности, отпало в современной димотике.

Приведенные здесь парадигмы могут считаться нормальными для НГД. Наряду с ними, чаще всего в художественной литературе и особенно в поэзии, встречаются в Пθα еще "гаммированная" парадигма:

НГДПθα 1. ἀγάπαχα 2. ἀγάπα(χ)ες, 3. ἀγάπα(χ)ε, 4. ἀγαπάχα-με, 5. ἀγαπά(χ)ετε или ἀγαπάτε, 6. ἀγάπαχιν или ἀγαπάχανε."

Так как современные парадигмы Пθα и Пθε являются наиболее видоизмененными сравнительно с древнегреческими, постараемся проследить их сложение, насколько нам позволяют литературные памятники и записи территориальных диалектов. Первым шагом преобразования ДГ парадигм Пθα и Пθε можно считать ослабление конечного [н] в личных окончаниях 1, 4, 6. Что касается 3, то его уже не было в исходных ДГ парадигмах в отличие от Αβ3. Одновременно с ослаблением и превращением в факультативный элемент конечного [н] происходил процесс сближения парадигм Пθα и Пθε и прежде всего их 1 и 6 лиц.

Если бы мы попробовали восстановить парадигму Пθε (наиболее пеструю, как нам кажется) в хронологическом пределе XVII в. где нибудь в городе Кандии (Ираклион), то результат восстановления можно было бы подытожить следующим образом:

- *Пθε 1. <έ>κράτου<ν><α>
2. <έ>κράτεις, - τειες, - τας
3. <έ>κράτει. - τειε<ν>, - τα<ν><ε>
4. <έ>κρατού<σας>με<ν>
5. <έ>κρατεῖτε, - τᾶτε
6. <έ>κρατούσα<ν><ε>

Для 1 ср. формы: Э 169 κράτου, Э 655 (νὰ τὸ) μπόρου, Э 656 (νὰ τοῦ) ἐσυχνοδώρου, Ж 379 ἐδώρου, Ж 402 ἐκράτουν, Ж 897 (νὰ σοῦ) ζήτουνα.

Для 2 ср. формы: Э 364 ἐδώρεις, Э 806 πορπάτειες, Ж 758 πεθύμας.

Для 3 ср. формы: Э 97, 152 ἐδώρει, Э 90 ἐκράτει, Э 91 δώρειε, Э 829, 921 μίλειε, Э 830 ἐγλυκοφίλειε, ср. также Пθα 3: Э 95 ἐνίκα, Э 96 ἐχροίκα, Э 104 ἐκέντα.

Для 4 и 5 ср. ниже формы из диалектографических материалов.

Для 6 ср. формы: Э 857 πεθύμου, ἐχροίκουνε, Э 46 πεθυμοῦσα, Э 113 μπορούσα, Э 834 ἐμιλοῦσα, Э 623 μιλοῦσα, Э 498 κρατοῦσα, Э 144 ἐζούσανε, Э 37 βομπροπατούσανε (βομπρο- то же, что бемпро-, ср. βέμπρος = κολληχας, συνεργάτης, συνεταῖρος, φίλος) также Пθα 6: Э 55 γελοῦσα, Э 849 ἐπερνοῦσα, Э 402 ἐσπούσανε и т.п.

Очень похожую на эту восстанавливаемую парадигму мы находим в современных говорах острова Крита, ср., например;

11 Νεοελληνική γραμματική (τῆς δημοτικῆς), [ὑπὸ μίᾳς Ἐπιτροπῆς με πρόεδρο καὶ εἰσηγητὴ τὸν κ. Μανόλη Τριανταφυλλίδη], Ὁργανισμός Ἐκδόσεως Σχολικῶν Βιβλίων, ἐν Ἀθήναις, § 902, стр. 338.

1. ἐκράτουνα, - τουμε
2. ἐκράθειες (= ἐκράτειες)
3. ἐκράθειε (= ἐκράτειε)
4. ἐκρατούσαμε
5. ἐκρατεῖτε
6. ἐκρατούσανε ¹²

Несколько отличается от этой парадигмы *πθα*, например:

1. ἐσκόρπουμε	1. ἐγέλουνα
2. ἐσκόρπας	2. ἐγέλας
3. ἐσκόρπα	3. ἐγέλα
4. ἐσκορπούσαμε	4. ἐγελούσαμε
5. ἐσκορπαῖτε	5. ἐγελαῖτε
6. ἐσκορούσανε	6. ἐγελούσανε ¹³

В приведенных здесь парадигмах ясно намечена та перестройка, которая завершилась в общегреческой димотике и в основу которой легли формы 4 и 6. Очевидно, они раньше всех прочих усвоили соответствующие личные окончания *Ασ* 4, 6. Этому могло способствовать также влияние формы 6 *ῥθαν*, которая не была еще вытеснена 6 *ῥταν*. Можно предпологать, что первой окончание 6 - *σα(ν)<ε>* присвоила себе именно 6 *πθαε*, а вслед за ней уже 4 *πθαε*. После этого они были взяты за основу дальнейшей перестройки парадигмы.

В другом направлении шла перестройка, следы которой сохранились в современных территориальных диалектах, где за основу были взяты древние формы *πθαε* 1, 6, ср. *ἐκράτων > ἐκράτουν<α>*, *ἐγέλων > ἐγέλουν<α>*.

Таковы, например, понтийские и румейские парадигмы *πθαε*.
Понт. 1. ἐτίμανα

2. ἐτίμανες
3. ἐτίμανε<ν>
4. ἐτίμαναμ, -με, -μεν, -μες
5. ἐτίμανετε, -τεν, -τιν, -τινε
6. ἐτίμαναν

Также и *πθε*: 1. ἐφίλεινα, или ἐφίλενα, или ἐφίλνα и т.д. ¹⁴

Очень близки к этой румейские парадигмы *πθα* и *πθε*: Харахла Е 1
[py'ly] < ἐρωτῶ, [fly] < φιλῶ.

¹² См.: Γ. 'Ε. Παγκάλου *Περὶ τοῦ γλωσσικοῦ ιδιώματος τῆς Κρήτης*, τ. α': *Εἰσαγωγή-Γραμματική*, ἐν Ἀθήναις, 1955, стр. 321-322, 345-346.

¹³ Там же.

¹⁴ 'Α. 'Α. Παπαδοπούλου *Ἱστορικὴ γραμματικὴ τῆς Ποντικῆς διαλέκτου*, стр. 72-77.

- Πδα** 1. [!ротана]
2. [!ротанис]
3. [!ротанин]
4. [!ротанам]
5. [!ротанит]
6. [!ротанан]

- Πδε** 1. [!филна]
2. [!филнис]
3. [!филнин]
4. [!филнам]
5. [!филнит]
6. [!филнан]

Неударенное [и] в окончаниях 2, 3, 5 может приближаться к [ə]; фонема [л] соответствует фонеме, обозначаемой буквой λ в НГ.

Далеко не такой "выравненной", как румейская, оказывается парадигма **Πδε** салентинского диалекта на юге Италии:

1. [э!филонэ] < *ἐφίλου(ν)ε>
2. [э!фили] < ἐφίλα(-ς)
3. [э!фили] < ἐφίλει
4. [эфи!лусамо] < ἐφιλούσαμε
5. [эфи!лусато] < ἐφιλούσατε
6. [эфи!лусанэ] < ἐφιλούσανε¹⁵

В современных территориальных диалектах отмечены пережитки древнего прошедшего длительного с суффиксом - <ι>εχ-.

В парадигмах **Πδ** и **Πδαε** территориальных диалектов Македонии, Малой Азии (теперь представлены в Греции), острова Кипра и Юго-восточной Украины (Донбасс) сохраняются и получили дальнейшее развитие и распространение суффиксные формы, иногда противопоставляемые формам, образованным непосредственно от основы Е без суффикса [-<и>ск-] ~ [-ишк-]¹⁶. В редких случаях этот суффикс усложняет основу **Еδ**. Так, например, в румейских говорах:

Аргин **Еδ**

1. [!пину]
2. [!пинис]
3. [!пин]
4. [!пинум]
5. [!пинитин]
6. [!пинун]

Стила **Еδ**

1. [пи!нэск]
2. [пи!нэшчис]
3. [пи!нэшч]
4. [пи!нэскуп]
5. [пи!нэшчит]
6. [пи!нэскуп]

В унаследованном из ДГ глаголе **ЕΙ** εὐρίσχω> НГД **ЕΙ** βρίσχω суффикс -εχ- естественно сохраняется и в **Πδ**, например:

Аргин **ЕΙ** [!вришку] ~ - Π [!эвришка],
Стила **ЕΙ** [вриск] ~ - Π [!ивриска].

¹⁵ G. Rohlfs, Historische Grammatik der unteritalienischen Gräzität.

München, 1950; парадигма также цитирована у Т. Пангало, стр. 345-346.

¹⁶ E. Schwyzler, Griechische Grammatik auf der Grundlage von Karl Brugmanns Griechischer Grammatik, Bd. I. München, 1953, стр. 707-712.

Простое

1. [!эпина] < ἐπίνα
2. [!эпинис]
3. [!эпинин]
4. [!эпинам]
5. [!эпинитин]
6. [!эпинан]

Нет соответствия

Суффиксное

1. [!пинишка]
2. [!пинишкис]
3. [!пинишкин]
4. [!пинишкам]
5. [!пинишкитин]
6. [!пинишкан]

Суффиксное

1. [!пиниска]
2. [!пинишчис]
3. [!пинишч]
4. [!пинискам]
5. [!пинишчит]
6. [!пинскан]

Такое же противопоставление простого Пθ и суффиксного Пθ в других глаголах, как, например, Аргин Εθ1 [му!лону] 'прячу', < НГД *μουλλώνω* или *μουλλώνω* (*λουφάζω, ζαρώνω* *ἐκ φόβου*). Пθ1 [му!лонишка], Εθ1 [ску!тону] 'убиваю' < НГД *σκοτώνω*. Пθ1 [!скотуна] < Пθ1 [ску!тонишка], Εθ1 [шинди!шэну] 'разговариваю' < НГД *συντυχαίνω* < Π *συντυχάω* - Пθ1 [шин!дишина] < Пθ1 [шинди!шэнишка], ср. еще Чермалык Ε1 [шин!шэну], Π1 [шин!дишина], Α1 [шин!дишикса], Сартана Ε1 [зди!шэну], Π1 [!здишана], Α1 [!здишикса].

В северогреческих говорах существуют такие же осложненные формы Π. О них Анфим Пападопулос в своей "Грамматике северных говоров новогреческого языка" упоминает лишь мимоходом: "В некоторых говорах это время образуется посредством фреквентативных окончаний (=суффиксов - А.Б.). Так, в Адрианополе *πλένου-ἐπλινίσκα*, Энос *λέγου-ἐλίγισκα*, Вельвендос *πιθαίνου-πέδνισκα*, откуда и Ε *πιθνίσκου*, Серры *ίπλυνέσκα, ίρραφτέска*. В Мелениконе посредством - *иска* образуется Π глаголов на - *αίνω*¹⁷. Следует еще обратить внимание на то, что в территориальных диалектах сближение форм внутри отдельных парадигм привело к возникновению не закрепившихся в общегреческой димотике аналогических новообразований.

Так, в говорах Эпира по образцу Π6 *ἔγραφαν* сложилось Π4 *γράφαμαν*, ср. <ἔ> *γράφαμε(ν)* > *γράφαμι*, а затем по образцу этого Π4 *γράφαμαν* возникли формы Π5 *γράφαταν* или *γράφитαν*, ср. <ἔ> *γράφατε* > *γράφατι* или *γράφити* < <ἔ> *γράφετε*¹⁸.

¹⁷ 'Α. Α. Παπαδοπούλου Γραμματική τῶν βορείων ἰδιωματικῶν τῆς νέας ἐλληνικῆς γλώσσης, ἐν Ἀθῆναις, 1927, стр. 89.

¹⁸ Там же, стр. 89.

Формы вроде Π *ἐχέλουμε* или *ἐχελούμουνε* на Крите (Прина Мирамбеллу) скорее являются результатом внешнего воздействия, чем внутрипарадигматической эволюции, например, обратной атракции 4 по отношению к 1. Такая форма, как Π4 *ἐχελούμουνε*, очевидно, предполагает воздействие на первоначальную форму Π *ἐχέλων > ἐχέλουν*¹⁹ со стороны Π *ἤμουν < ἤμην < ἦν*, вообще весьма влиятельного глагола бытия¹⁹.

Несомненным результатом внутрипарадигматической атракции являются формы такого типа, как ПЗ *εἶχε* + П6 *εἶχανε* = ПЗ *εἶχενε* и П2 *εἶχες* + ПЗ *εἶχενε* = П2 *εἶχενες*²⁰.

Изучение парадигм Εα и Πα, начиная от ДГ и кончая НГД и современными диалектами, позволяет вполне убедительно определить движущие силы рассмотренной эволюции:

1) воздействие фонетических изменений (ослабление и отпадение носовых сонорных, редукция гласных в неударенных слогах) на соотношение в парадигме морфологических компонентов;

2) взаимодействие отдельных парадигм в пределах морфологической системы (в данном случае – системы спряжения глаголов), которое мы называем сближением (или атракцией) парадигм с общим основанием (например, Π, Α *ῥ*, Α*ς*);

3) сближение форм внутри одной и той же парадигмы или внутрипарадигматическая атракция форм;

4) экстрасистемные факторы изменений, которые здесь не рассматривались и которые предполагают внешнее воздействие (контакт, интерференцию, влияние) на определенную лингвистическую структуру (язык, диалект, идиолект) со стороны иных структур (ср. общие черты системы спряжения балканских языков, такие, как вытеснение конструкции с инфинитивом конструкциями с личными формами, соединенными модальными частицами или союзами).

* * *

Все транскрибируемые здесь фрагменты новогреческих текстов (преимущественно отдельные словоформы или аллолексы) заключены в квадратные скобки. Наша упрощенная фонологическая транскрипция (фонематическая, или фонемная) основана на обычном русском письме с использованием знаков "ер" – ѣ и "ерь" – ѣ. Из них первый обозначает щелевое (фрикативное) произношение соответственного знака, например, [αɛ] = [ɛ], [τɛ] = [ɛ], [ɾɛ] = [ɾɛ], а второй – палатализацию согласных, напри-

¹⁹ Γ. Ξ. Παγκάλου *Περὶ τοῦ γλωσσικοῦ ἰδιώματος Κρήτης*, стр. 321–322

²⁰ Там же.

мер: [кѣ], [хѣ], ср. [кѣѣ!рос], [!хѣри] = *χαῖρος, χέρι*. Для последовательности транскрипции не используются йотированные лигатуры русского письма "я, е, ю, ё" = йа, йэ, йу, йо, ср. еще йи.

Слововое (динамическое), а также количественное (квантитативное) словесное ударение обозначается восклицательным знаком, предшествующим ударенному слогу: [!эвришка] или [!ивриска].

Эта транскрипция используется преимущественно для румейских текстуальных фрагментов, для которых фонологическая транскрипция на основе латинского письма, требующая много видоизмененных или дополнительных знаков или надстрочных диакритических знаков, оказывается очень громоздкой и практически неудобной.

П р и н я т ы е с о к р а щ е н и я

ДГ	- древнегреческий (в основном - аттический диалект и общий диалект эллинистической эпохи, эллинистическое койне.
НГ	- новогреческий (в основном имеется в виду современный греческий язык).
НГК	- так называемая катаревуса (<i>ἡ καθαρὴ ῥῆσις</i>) современной эпохи.
НГД	- общегреческая димотика (<i>ἡ δημοτική</i>) современный греческий разговорный и письменный (литературный) язык.
и.-е.	- индоевропейский язык.
Э	- "Эротокритос" Видзендзо Корнаро (XVII в.).
Ж	- "Жертва Авраама" - анонимное произведение критской литературы XVII в.
Аргин	- село Комсомольское, бывш. Большая Каракуба, Старобешевского р-на Донецкой области УССР.
Сартана	- поселок Приморское, г.Жданов (Мариуполь), Донецкой области УССР.
Стила	- село Старобешевского р-на Донецкой области УССР.
Харахла	- село Куйбышево, бывш. Малоянисоль, Володарского р-на Донецкой области УССР.
Чердаклы	- село Кременевка Володарского р-на Донецкой области УССР.
Чермалык	- село Заможное, Приморского р-на Донецкой области УССР.
Е	- настоящее время (<i>ὁ ἐνεστώς</i>).
Π	- прошедшее длительное время, или имперфект (<i>ὁ παρατετικός</i>).
Α	- прошедшее неограниченное время, или аорист (<i>ὁ ἀόριστος</i>).
ΠΚ	- прошедшее совершенное время, или перфект (<i>ὁ παρακείμενος</i>).
ΥΣ	- давнопрошедшее время, или плюсквамперфект (<i>ὁ ὑπερβυντέλικος</i>).

- М** - будущее время (*ὁ μέλλων*).
α - действительный залог, или актив (*activum, ἡ ἐνεργητικὴ φωνή*).
т - средний залог, или медиопассив (*medium, ἡ μέση φωνή*).
ρ - страдательный залог, или пассив (*passivum, ἡ παθητικὴ φωνή*).
αθ - атематический глагол.
θ - тематический глагол.
θα - глагол с тематическим гласным - α -,
θε - глагол с тематическим гласным - ε -,
θο - глагол с тематическим гласным - ο -.
Αθ - аорист тематических глаголов.
Αθ - сигматический аорист.
1 - первое лицо единственного числа.
2 - второе лицо единственного числа.
3 - третье лицо единственного числа.
4 - первое лицо множественного числа.
5 - второе лицо множественного числа.
6 - третье лицо множественного числа.
∞ - противопоставляется или противостоит; употребляется наряду с чем-либо.
<> - угловые скобки заключают в себе факультативный элемент.

К ВОПРОСУ О ТИПАХ МЕСТОИМЕННЫХ ПОВТОРОВ ДОПОЛНЕНИЯ
И ИХ УПОТРЕБЛЕНИИ В ЛИТЕРАТУРНОМ НОВОГРЕЧЕСКОМ И
ДРУГИХ БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Местоименные повторы дополнения (—МПД)¹ в балканских языках в последнее время все чаще привлекают внимание исследователей как в плане изучения отдельных балканских языков, так и в плане балканистики. За последние десять-пятнадцать лет по различным вопросам МПД в балканских языках были опубликованы работы следующих авторов: Ф.Асан, Р.А.Будагова, О.Бухольц, Г.Вальтера, З.Голомба, И.Зайдель-Слотти, П.Хр.Илиевского, Й.Йордана, И.Котяну, А.Минчевой, И.Младенова, П.Новака, Х.Ожеховской, К.Попова, Й.Русек, Н.Сараманду, Г.А.Цыхуна и др.².

МПД — общебалканское явление. Оно имеется в пяти современных литературных балканских языках: албанском, болгарском, македонском, новогреческом и румынском³.

¹ Называем так явление, традиционно именуемое репризой имени, объединяя под этим термином собственно репризу, пролептическое употребление кратких форм личных местоимений (антиципацию) и удвоение местоимений. В качестве общего названия для всех этих типов конструкций, эквивалентного нашему, в зарубежной литературе в настоящее время получил распространение термин "удвоение дополнения" (*redoublement du complément, Verdoppelung des Objektes*) особенно среди болгарских исследователей ("удвояване на допълнението").

² Из-за недостатка места мы не перечисляем здесь все работы. Вообще следует сказать, что история изучения этого явления в балканских языках накопила уже достаточно интересного материала для того, чтобы стать предметом специального рассмотрения.

³ Конструкция (по сообщениям некоторых авторов, только с удвоенным местоимением) встречается в ряде сербохорватских диалектов. Многие исследователи считают ее заимствованием из соседних языков (см.: P.ivić, *Die serbokroatischen Dialekte. Ihre Struktur und Entwicklung*, I, 's - Gravenhague, 1958, pass.) Она употребляется также в других — небалканских — языках, в частности, в романских. (Из последних работ см., например, В.Г. Гака. К вопросу о местоименной репризе в романских языках. В сб.: Исследования в области латинского и романского языкознания. Кишинев, 1961, стр.98-122).

Неоднократно указывалось на наличие этой конструкции в кельтских языках; высказывалось даже предположение, что она распространилась именно из кельтских языков.

Впервые на общебалканский характер МПЦ указал Франц Миклошич⁴, а сообщения о наличии конструкции в отдельных балканских языках делались еще раньше⁵. Однако в настоящее время это явление не может считаться сколько-нибудь полно исследованным не только с общепалканистической точки зрения, но и в плане изучения отдельных балканских языков⁶. Имеющиеся работы не содержат полных описаний синхронного состояния МПЦ, не говоря уже об исторических исследованиях, в связи с чем затрудняется их сопоставительное изучение.

В поле зрения исследователей до сих пор чаще всего оказывались румынский⁷, болгарский и македонский языки.

Что касается грамматик, то в них или вообще ничего не говорится о повторах (что особенно характерно для новогреческих и албанских грамматик), или же содержатся, как правило, самые общие сведения: факт наличия конструкции, иногда с попыткой объяснить причины ее употребления и несколькими примерами. Всякое описание и систематизация

Некоторые исследователи считают МПЦ широко распространенной типологической чертой, сопоставляя их с известными явлениями целого ряда языков. Еще в свое время И. Ксиландер сравнивал МПЦ в албанском с таким же, по его мнению, явлением в баскском языке (J. Ritter von Xylander. *Die Sprache der Albanesen oder Schkipetaren*. Frankfurt a. Main, 1835, стр. 76-77).

Существует точка зрения, согласно которой МПЦ в балканских языках рассматриваются как объектное спряжение глаголов (З. Голомб, Г. А. Цыхун — для македонского, Г. Вальтер — для большинства балканских языков) — категория, присущая ряду языков и входящая, с этой точки зрения, в целый круг однородных явлений.

Из всего этого видно, какой интерес представляет данное явление для сравнительно-типологического языкознания.

⁴ Fr. Miklošich. *Die Sprache der Bulgaren in Sietenburgien*. "Denkschr. der Kais. Akad. der Wiss. Philos.-hist. Cl., VII, 1856, стр. 146; О н ж е. *Die slavischen Elemente im Rumänischen*. "Denkschriften...", XII, 1862, стр. 7-8.

⁵ См., например, грамматики, на которые ссылается Ф. Миклошич. Добавим, что для албанского еще раньше, чем у Г. Хана, см. у И. Ксиландера (цит. место), который впервые и определил это явление в албанском как МПЦ.

⁶ Г. А. Цыхун. Синтаксис местоименных клитик в южнославянских языках. Минск, 1968, стр. 26.

⁷ Румынский привлекался также в связи с изучением МПЦ в романских языках.

материала в связи с употреблением повторов, их типами и т.д. отсутствуют даже в наиболее полных грамматиках⁸.

Вообще надо сказать, что при изучении этого явления, на наш взгляд, уделяется недостаточное внимание исследованию конкретного языкового материала, выявлению тех факторов, которые определяют употребление повторов с точки зрения синхронии языка, установлению тенденций и закономерностей развития данного явления. Имеющиеся работы часто носят очень абстрактный характер, представляя собой попытки решить проблему с помощью чисто теоретических методов.

Одним из основных и наиболее трудных является вопрос о функциях МПЦ. Существуют принципиально разные точки зрения, причем не только, так сказать, в междзыковом плане, что могло бы иметь под собой вполне реальную основу, но и в рамках изучения отдельных языков. МПЦ трактуются то как явление чисто стилистическое, то как грамматическое, то как стилистико-грамматическое, то, наконец, как абсолютный плеоназм. Кроме того, в рамках этих определений имеются также совершенно разные точки зрения.

Не меньшие разногласия среди исследователей вызывает и вопрос о происхождении конотрукции. Одни исследователи возводят ее к разным субстратам новобалканских языков, другие считают ее заимствованием из какого-либо новобалканского языка или небалканского языка, третьи — параллельной инновацией и т.д.

Одной из причин, затрудняющих изучение повторов в балканских языках, очевидно, следует считать очень распространенное среди грамматистов, можно сказать, кочующее из грамматики в грамматику, по сути дела, априорное мнение, согласно которому МПЦ в современных литературных балканских языках рассматриваются как явление чисто стилистическое, служащее для выражения эмфазы и т.п., хотя что такое эмфаза, какова ее природа — это, в сущности, сказать трудно.

Некоторые грамматисты подчеркивают простонародный, разговорный характер конструкции и советуют избегать ее употребления там, где это возможно, не замечая при этом, что этой оговоркой они признают ее право на литературность.

Для албанского, македонского и румынского, где имеется категория обязательных повторов, ошибочность подобных точек зрения особенно очевидна.

⁸ Исключение в этом смысле, пожалуй, составляют только академические грамматики румынского языка; попытка наиболее полного изложения материала предпринята в последнем издании: *Gramatica limbii române*, vol. I. *Morfologia*. București, 1966, стр. 144–147; vol. II. *Sintaxa*, 1966, стр. 157, 167–168.

Можно сказать, что сопоставительное изучение МПД в балканских языках только еще начинается. Как замечает П.Новак, балканистика довольствовалась до сих пор лишь грубым сопоставлением; основой изучения балканизмов должно быть их подробное и всестороннее сопоставление как необходимый этап между их обнаружением и объяснением их происхождения⁹.

* * *

Ниже мы рассмотрим вопрос о том, какие основные структурные типы МПД имеются в литературном новогреческом и других балканских языках и как они употребляются. Акцентирование внимания именно на новогреческом в данном случае представляется целесообразным потому, что из всех балканских языков новогреческий, собственно, является единственным, который в связи с этим вопросом еще не рассматривался, в то время как по другим языкам соответствующие сведения уже имеются в литературе. Материалом для наблюдений по новогреческому языку послужила художественная проза XX в.

Давая характеристику употребления повторов в отношении нормы современного литературного языка, мы привлекаем три момента: возможность, характер (факультативность, обязательность) и частотность употребления. Сведения о частотности употребления различных типов повторов основаны на простых наблюдениях.

Местоименный повтор¹⁰ дополнения представляет собой совместное употребление имени существительного (полного личного местоимения и

⁹ P. Novák. K zdvojování předmětu v albánštině. - Sborník slavistických prací věnovaných IV mezinárodnímu sjezdu slavistů v Moskvě. Praha, 1958, стр. 27.

¹⁰ Термин "повтор" здесь чисто условен, ибо, как мы уже говорили, он охватывает разные конструкции: собственно повтор и пролептическое личное местоимение (антиципацию). В качестве начальной точки отсчета в обоих случаях берется именное дополнение (будем так называть всякое повторяемое дополнение в отличие от краткого личного местоимения, когда не нужно проводить разграничения в зависимости от того, какой частью речи оно выражено) с учетом того, что в ряде таких конструкций, употребляемых в балканских языках, краткое местоимение является грамматически обязательным по отношению к именному дополнению (причем в числе этих конструкций имеются как конструкции с собственно повтором, так и с антиципацией дополнения - ср. МПД в македонском и повторы косвенного дополнения в албанском), в то время как последнее, наоборот, никогда не является обязательным по отношению к краткому местоимению.

т.д.) и краткого личного местоимения для обозначения одного (прямого или косвенного – адресата действия) объекта при одной и той же глагольной форме, например, новогреческое: *Τὴν ἱστορίαν αὐτὴ τὴν ἡμέραν μὴνάχα ἐγὼ μὲς στὴ Μεγαρχία*. 'Эту историю (букв.: эту историю ее = вин. п.) в дивизии знал только я' (*Μεγ.*). *Μὰ γιατί, δὲ μοῦ λές, τοῦ ὅτι τοῦ ἀνθρώπου ὁ θεὸς τὸ κεφάλι*; 'Но зачем, скажи мне, бог дал человеку голову (букв.: ему дал человеку)?' (*Καζανт.*). *Τὰ γὰρ πάντα τὰ ταξιδάκια ἀπὸ τὰ νιάτα μου*. 'Я (их) любил путешествия с юности' (*Ἐφτ.*). *Τῆς Λένας τῆς ἄρεζε τώρα ἡ ζωγραφική*. 'Лене (ей) нравилась теперь живопись' (*Ἀλεξ.*). *Τὸν ξέρεις καλὰ αὐτόν*; 'Ты хорошо (его) знаешь его?' (*Μόσχ.*). *Ἔχω τὸν Πήγασο, ἕνα ἄλσχο φτερωτό, ποὺ τὰ κύματα δὲν τὸ φτάνουν*. 'У меня есть Пегас, крылатый конь, которого волны (его) не достают' (*Μ. - Τηλεχδ.*).

В современном литературном новогреческом языке МПД – явление распространенное. Если говорить о языке художественной литературы, то следует, очевидно, признать, что конструкция стала общеупотребительной, несмотря на то, что у отдельных авторов она встречается довольно редко. Таких авторов сравнительно мало. У большинства же авторов она употребляется достаточно часто как в диалоге, так и в авторской речи.

Следует сказать, что, давая общую характеристику этого явления, необходимо рассматривать некоторые типы МПД отдельно, поскольку они имеют разное употребление. В этой связи, прежде всего, следует указать, что все МПД делятся на два типа в зависимости от позиции повторяемого дополнения по отношению к глаголу: 1) повторы с постпозицией дополнения (в этом случае имеем антиципацию, или проlepsis дополнения) и 2) повторы с препозицией дополнения (в этом случае имеем собственно повтор). В новогреческом языке так же, как и в других балканских (и небалканских) языках, эти два типа повторов различаются по своему употреблению, а именно повторы второго типа – с препозицией дополнения – всегда характеризуются большей регулярностью (частотностью)^{II} употребления по сравнению с повторами первого типа – с постпозицией дополнения.

В новогреческом языке, в частности, собственно реприза (у всех авторов без исключения) употребляется во много раз чаще, чем антиципация. Можно даже сказать, что реприза употребляется практически почти всегда, т.е. является почти грамматически обязательной. Случаи ее отсутствия вообще очень редки (может быть, 5% или немного больше, а

^{II} При характеристике употребления разных типов повторов имеется в виду не абсолютная, а относительная частотность их употребления: число повторов по отношению к числу позиций, в которых они возможны.

может быть и меньше), в том числе и у тех авторов, которые избегают почти вовсе антиципации или употребляют ее значительно реже, чем другие. Абсолютное количество конструкций с репризой может быть совсем невелико, но это зависит не от того, что автор не употребляет вообще репризу, а от абсолютного количества конструкций с препозицией дополнения, употребляемых данным автором.

Антиципация же в новогреческом, так же как и в других языках¹², употребляется значительно реже, чем реприза: может быть, в новогреческом она будет составлять в среднем около 10%, может быть, немного меньше – без подсчетов сказать трудно. Что можно сказать без сомнения, так это то, что она употребляется относительно редко, но не настолько, чтобы считать ее необычной, неупотребительной, отклонением от нормы и т.п. Самое главное, что она так же, как и реприза, встречается у всех (или, во всяком случае, у большинства) авторов. Очевидно, можно говорить о том, что в то время как собственно реприза в новогреческом является почти правилом, антиципация выступает как относительно редкая факультативная конструкция.

МПД наиболее употребительны в разговорном языке. Это видно уже из того, что в языке персонажей художественных произведений, особенно драматических, язык которых очень близок к разговорному, конструкция употребляется намного чаще, чем в авторской речи. И наоборот, чем дальше язык художественного произведения от разговорного языка, тем меньше в нем конструкций с повторами. На это уже неоднократно указывалось и для других балканских и небалканских языков.

Рассмотрим теперь в общих чертах структуру отдельных типов МПД и их употребление.

В новогреческом языке так же, как и во всех других языках, МПД употребляются только при наличии глагола. При абсолютно употребленном дополнении повтор невозможен. Глагол является постоянным компонентом конструкции, наряду с повторяемым дополнением и кратким личным местоимением.

Нужно отметить два основных момента в связи с характеристикой глагольного компонента конструкции:

1. Возможность употребления повтора не зависит от лексического значения глагола.

2. Повтор может быть употреблен, в принципе, при любой глагольной форме, сочетающейся с дополнением¹³.

¹² Антиципация в македонском и при косвенном дополнении в албанском так же обязательна, как и реприза.

¹³ П.Новак говорит, что в албанском языке повторы употребляются только при финитных формах глагола (Указ. соч., стр.28), но он ошибается. Это видно уже из того общего рассуждения, что в албанском

Вторым компонентом конструкции является дополнение, выраженное именем существительным, полным личным местоимением и т.д. В новогреческом регулярные повторы употребляются только при существительном в определенной форме или эквивалентных ему частях речи. Существительное в неопределенной форме, а также эквивалентные ему в смысле выражения неопределенности другие части речи (вопросительные, неопределенно-личные местоимения и т.д.) и неартикулированные существительные, как правило, не повторяются.

Μὰ πτεῖλ'ς κανέναν πὸς χωρὶς νὰ φέρ' τὸν παπᾶ, νὰ τὸν μεταλάβῃ τὴν χερσ... 'Пошли кого-нибудь в деревню за священником, чтобы он (его) исповедал старика...' (Χριστ.). Τό παιδί φέρτε ἀμέσως. 'Ребенка приведи (его) тотчас же' (Κερν.). Μὰ τὴ μοναχὴ τῆς τῆν κατόλαβε καλὰ, ἀμὰ κίνησε τὸ ραπτόρι. 'Но свое одиночество (его) она по-настоящему поняла, едва отошел пароход' (Αλεξ.). Μὴν τὸ βοληπεῖς αὐτό... ' (Его) не говори это еще раз...' (Γριέ.). Χέν ἔχω παρὰ τὴ ζωὴ μου, καλέ μου κύριε. Κι αὐτὴ τὴ χρωστῶ πτὴ μητέρα μου. 'У меня нет ничего, кроме жизни, господин. И ею (ею) (=н.-греч. вин.п.) я обязан моей матери' (Μ.Πηλιδ.). Τῆς Λένας τῆς ἄρεζε τώρα ἡ ζωγραφικὴ. 'Лене (ей) нравилась теперь живопись' (Αλεξ.).

Ср. Εἶχε καὶ μιὰ ἀρχοντοπούλα πτὴ μάτε... 'Была у него и барышня на примете...' (букв.: имел и барышню на примете)' (Εφτ.). Ἐργαλεῖα θὰ βρῆτε κεῖ... 'Инструменты найдете там...' (Με.). Τί γυρεύεις ἐκεῖ μέσα; 'Что ты там ищешь?' (Καζανт.). Στεφάνι δὲ βάλανε. 'Венец вы не надевали'. (Αλεξ.). Λέξη δὲν ἄκουγες. 'Слова (=н.-греч. вин.п.) не было слышно (букв.: слово ты не слышал)' (Εφτ.).

языке, как известно, повторы косвенного дополнения всегда обязательны (о чем, кстати, говорит и сам П.Новак), откуда следует, что они обязательны и с нефинитными глагольными формами, которые употребляются с дополнением. Такими формами являются причастие в сочетаниях с *duke*, *pa*, *për të*, гегский инфинитив. Например: *Na mori gjumi, -tha kapedani për t'iu larguar kësj bisede...* 'Теперь - спать, сказал капедан, чтобы уклониться от этой беседы...' (букв.: чтобы от нее уклониться от этой беседы = алб. дат. п.)' (Ag.). ... e me u vue zjarrin sarajeve të tij! '... и поджечь его дворцы (букв.: и им положить огонь его дворцам)!' (Алиб.).

При этих формах глагола регулярно употребляются также повторы прямого дополнения: *Pa, -tha ajo, pa e ngritur kokën.* 'Да, - сказала она, (ее) не поднимая голову' (Brah.). *Ai u fut në shkëmb, eci në errësirë, duke e kërkuar vendin me shkop.* 'Он скрылся в скале и пошел в темноте, (его) отыскивая путь палкой' (Bedo). *E si me e harrue atë ditë?* 'Да и как (его) забыть тот день?' (Алиб.).

В других балканских языках повторы также употребляются регулярно только при определенном имени существительном, за исключением албанского, где, как мы уже отмечали, при косвенном дополнении повторы всегда обязательны. Эта черта МПД объясняется, очевидно, лексико-грамматической природой личных местоимений, несовместимой с понятием неопределенности. Однако эта преграда между личными местоимениями и существительным в неопределенной форме в данном случае не является принципиально важной и может преодолеваться под давлением других факторов, как это и произошло в албанском с повторами неопределенного имени существительного – косвенного дополнения.

В виде исключения в албанском встречаются также повторы неопределенного существительного – прямого дополнения¹⁴, особенно когда оно находится в препозиции к глаголу: *Një dhëmb të mirë do ta hajë sot kapedani ynë.* 'Хорошую зубочку получит сегодня наш капедан (букв.: хороший зуб его съест, где *ta* - *të* + *e* "его")' (Ag). *Ishte duke e ndezuar një duhan Shukua, kur u dha në derë e shoqja.* 'Шукуа как раз (ее) закуривал папиросу, когда в дверь ввалилась его жена' (Bedo). *Miti s' e priste kurrë një sjellje të tillë.* 'Мити (его) не ожидал никогда такого обхождения' (Alib.). *Ku e mbaj dot unë një përgjegjësi kaqë të madhe?* 'Куда мне (ее) нести такую большую ответственность?' (Buxh.). *Unë e kam pak duhan në shami...* 'У меня есть немного табаку в платке...' (букв.: я его имею немного табаку = алб.вин.п.)' (Dushi). *Dhjetra njerëz i mbledhi Gryka e Lepushës...* 'Десятки людей (их) собралось Ущелье Лепуши...' (Bedo).

Повторы дополнения, выраженного неопределенным существительным, встречаются и в других балканских языках. Ф.Асан отмечает, что в румынском даже наблюдается тенденция употреблять повторы неопределенного существительного в текстах научного и общественно-публицистического характера, как она говорит, для большей ясности высказывания¹⁵.

В новогреческом языке так же, как и во всех других балканских языках, возможность употребления повтора не зависит от того, к какому лексико-семантическому разряду относится имя существительное, выступающее в роли дополнения. Повторы употребляются со всеми именами существительными: конкретными и абстрактными, собственными и нарицательными, одушевленными и неодушевленными.

Как мы уже отмечали, в зависимости от позиции именного дополнения по отношению к глаголу различаются:

¹⁴ См.: M.Domi, Gramatika e gjuhës shqipe, II, Sintaxa. Tiranë, 1956, стр.50.

¹⁵ F.Asan, Reluarea complementului în limba română. - В сб.: Studii de gramatică, III, București, 1961, стр.94.

1. Повторы с постпозицией дополнения – антиципация; например: *Γαυρεῖται τὰ ταξιδίῳ ἀπὸ τὰ νῆατα μου.* '(Их) я любил путешествовать с юности' ('Εφτ.).

2. Повторы с препозицией дополнения – собственно реприза; например: *Τῆς Λένης τῆς ἤρεζε τὴν ἡ ζωγραφικῇ.* 'Лене (ей) нравилась теперь живопись' ('Αλεξ.).

Существует тенденция (общая всем балканским языкам)¹⁶ употреблять собственно репризу более регулярно (с большей частотностью), чем антиципацию, до тех пор, пока не достигается полное равновесие, заключающееся в обязательности обоих типов конструкций. Так, в новогреческом языке (в художественной прозе) собственно реприза, во всяком случае, находится на грани обязательности, если ее еще нельзя считать обязательной. Количество случаев ее отсутствия совершенно незначительно (но все же больше, чем в других языках, где она обязательна), в то время как количество случаев отсутствия антиципации, наоборот, во много раз превышает количество случаев ее употребления. Это ясно обнаруживается при простом наблюдении.

Равновесие в употреблении собственно репризы и антиципации достигнуто при повторах косвенного дополнения в албанском, которые всегда обязательны, независимо от определенности/неопределенности имени существительного, выступающего в роли дополнения, и его позиции в предложении, и в македонском, где оба типа повторов обязательны, независимо от вида дополнения (прямое или косвенное) и его позиции.

Реприза прямого дополнения в албанском обязательна¹⁷, антиципация факультативна. В румынском так же обстоит дело с повторами прямого и косвенного дополнения.

Относительно собственно репризы в болгарском существуют разные мнения. Одни считают ее обязательной, другие – факультативной. Видимо, это объясняется тем, что, с одной стороны, в болгарском реприза

¹⁶ Эта тенденция отмечается и в романских языках. Очевидно, речь идет об общем свойстве МПД.

¹⁷ В албанском, как и в других языках с обязательной репризой, встречаются, в виде исключения, и случаи ее отсутствия: *Edhe sytë e mëdhenj të Marinës këtë lutje thoshin.* 'И большие глаза Марины молили об этом же (букв.: эту молитву говорили)' (And.). *Gazetën lexon, por mendjen këtë e ke.* 'Читаешь газету, а мысли у тебя здесь (букв.: газету читаешь, а мысль здесь ее имеешь)' (Uruçi). *Edhe im bir po këtë fjalë më thotë.* 'И мой сын это же мне говорит (=это слово мне говорит)' (Dushi). *Këtë tha Hima...* 'Это (=алб.мн.ч.) сказал Хима...' (Abd.).

употребляется очень часто, но, с другой стороны, встречаются и случаи отсутствия ее, причем не настолько редкие, чтобы считать их исключениями, отклонением от нормы, как в других языках. Ситуация в болгарском, на наш взгляд, в этом отношении сходна с ситуацией в новогреческом: в обоих языках, очевидно, собственно реприза находится на грани обязательности.

Имеется, однако, один вид собственно репризы, которая отличается меньшей регулярностью употребления по сравнению с другими ее видами. Речь идет о репризе неизменяемого относительного местоимения: н.-греч. *ποῦ*, алб. *që*. Этот вид репризы факультативен, но, по наблюдениям, она употребляется все же чаще, чем антиципация.

В связи с характеристикой употребления МПД в балканских языках нужно отметить также особое положение повторов дополнения, выраженного полной формой личных местоимений (удвоение местоимений). Во всех балканских языках удвоение местоимений отличается значительно большей регулярностью по сравнению с повторами дополнения, выраженного другими частями речи. В албанском и румынском, например, антиципация полного личного местоимения, в отличие от повторов дополнения, выраженного другими частями речи, происходит почти так же регулярно, как и реприза.

В зависимости от вида дополнения также различаются:

1) повторы прямого дополнения, 2) повторы косвенного дополнения (обозначающего адресата действия);

1) повторы беспредложного дополнения, 2) повторы предложного дополнения.

О первом различии мы уже говорили. Что касается второго различия, то в новогреческом и албанском языках имеются только повторы беспредложного дополнения: в новогреческом повторы косвенного предложного дополнения (*εἰ* + вин. п.) не употребляются, а в албанском вообще нет предложной формы дополнения (прямого и косвенного — обозначающего адресата действия).

В румынском имеются повторы прямого предложного дополнения (*pe* + вин. п.), которые употребляются намного чаще, чем повторы беспредложного прямого дополнения, на что неоднократно указывалось. В болгарском и македонском языках наравне с другими типами повторов употребляются повторы косвенного предложного дополнения.

Наконец, нужно отметить, что в новогреческом языке иногда встречаются повторы глагольной формы конъюнктива и дополнительных придаточных предложений:

Τί σοι καρδιά ἔχομε καί κὺ κί γί, δέν τό ζέρομε. 'Какое сердце у тебя и у меня, (это) мы не знаем' (Алел.). *Ἐγὼ τὸ γάρβω πὺς δέ δι' ὑπὲρ πῶς στῆ Λέσβο.* 'Я (это) знаю, что больше уже не вернусь на Лесбос' (Мир.). ... *ἅντις χρῶνι μέγα τὸ κατὰ φερε ἄλλῃ*

dikë tui bërke '...в течение одного года он занял свою собственную лодку (букв.: это добился занять...)' (Έφτ.).

Такие типы конструкций встречаются и в других балканских языках, ср., например, алб. *Ku e di unë si të them*. 'Откуда (это) я знаю, как сказать' (Dushi). *Edhe unë do ta kisha zor të jetoj në Tiranë*. 'И мне было бы трудно жить в Тиране (букв.: и я это имел бы трудным жить...)' (Uruçi). *E shikon se Drita është inatosur*. 'Она (это) видит, что Дрита рассержена' (Uruçi).

Третьим компонентом конструкции с МПД является краткая форма личных местоимений, согласованная с именем существительным в роде, числе и падеже. Иногда при одной глагольной форме повторяется несколько дополнений. В таком случае обычно стоит форма мн. числа краткого личного местоимения.

В новогреческом языке, так же как и во всех других балканских языках, повторы употребляются со всеми краткими личными местоимениями, независимо от их рода, лица и числа.

На основании изложенного можно сделать следующий общий вывод: МПД в балканских языках в основных своих структурных характеристиках, а также и в употреблении обнаруживают существенное – во многих случаях полное – сходство, что позволяет, несомненно, рассматривать их с этой стороны в целом как одно и то же явление. Те различия, которые имеются в этом отношении между балканскими языками, вполне закономерны. Они объясняются особенностями системы каждого из языков.

П р и н я т ы е с о к р а щ е н и я

Албанская литература:

- Abd. - A. Abdihoxha. *Tri ngjyra të kohës*. Tiranë, 1965.
Ag. - D.Agoll. *Zhurma e erërave të dikurshëme*. Tiranë, 1964.
Alib. - J.Alibali. *Vajza prej Oroshit dhe tregime të tjera*. Tiranë, 1962.
And. - S.Th.Andon. *Kandili i shuar*, I. Tiranë, 1964.
Bedo - R.Bedo. *Gryka e Zarellit*. Tiranë, 1964.
Brah. - R.Brahimi. *Katër vajza*. Tiranë, 1962.
Buxh. - Q.Buxheli. *Kall i mbretit dhe kalorës të rinj*. Tiranë, 1960.
Dushi - K.Dushi. *Një emër në mes yjve*.
Uruçi - I.Uruçi. *Njerëz të thjeshtë*. Drama. Tiranë, 1964.

Греческая литература:

- Άλεξ. - "Ε. Άλεξίου. *Παραποτάμι*. 1955.
Γρίβ. - Γ. Γρίβας. *Κι έρχόταν μία μέρα γαλανή...* 1963.

- Έφτ. - Α. Έφταλιώτης. *Μηδαιώτικες ιστορίες*. Αθήναι, 1911.
- Καζαντ. - Ν. Καζαντζάκης. *Ο τελευταῖος πειρασμός*. Αθήνα, 1959.
- Κερν. - Θ. Κορνάρος. *Τό ξεκίνημα μιᾶς γενεᾶς*, I. 1963.
- Μόσχ. - Ν. Μόσχας. *Χαρευμένη στρατιά*. Αθήνα, 1956.
- Μ.Παπαδ. - Σ. Μαυρεΐδη-Παπαδάκη. Β σδ.: *Θέατρο*. 1962.
- Μυρ. - Σ. Μυριβήλης. *Ἡ ζωὴ ἐν τάφῳ. Τὸ βιβλίον τοῦ πολέμου*. Αθήνα, 1932.
- Χριστ. - Χ. Χριστοβασίλης. *Διηγήματα τῆς σκάνης*. Αθήναι, 1923.

АПОЗИЦИЯ В СВЯЗИ С НЕКОТОРЫМИ ТЕНДЕНЦИЯМИ РАЗВИТИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР НОВОГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Данная статья посвящена анализу ряда апозитивных конструкций новогреческого языка: они относятся к числу элементарных и стандартных и приводятся (с разной степенью подробности) практически во всех нормативных грамматиках и учебных руководствах, не говоря о специальной литературе. Здесь предполагается рассмотреть их более широко, введя в контекст общих проблем новогреческого синтаксиса и в связи с этим — балканистических процессов.

Как известно, сущность апозитива заключается в том, что связь ее членов между собой не имеет особого грамматического выражения. Широко распространены, так сказать, классические апозитивы типа *профессор Петров*, где такая связь если не единственно возможна, то, по крайней мере, ожиданна и естественна. Более интересны те случаи, когда в пределах грамматики данного языка, на основании типологических или генетических аналогий, ожидаются другие конструкции, с иным, как правило, гипотактическим способом связи.

Здесь будут рассматриваться апозитивы второго типа, т.е. те, для выражения которых в новогреческом языке (далее нгр.) существуют и применяются и другие формальные средства. Наличие вариативности и некоторой свободы выбора делает проблему нгр. апозитива весьма существенной и для синхронного описания и при диахронических исследованиях. Цель статьи — обнаружить в нгр. несколько (по крайней мере, не менее двух) грамматических подсистем с индивидуальным набором формальных средств для выражения универсальных логико-синтаксических категорий речи.

При том, что нгр. обладает достаточно развитой падежной системой, в нем несомненно наблюдается тенденция к выработке таких конструкций, в которых способы соединения осуществляются в скрытом виде и сводятся к минимуму, если не к нулю. Иначе говоря, это тенденция к такому устройству, когда задачи *с и н т е з а* предельно облегчены, а *а н а л и з* на основании чисто формальных и однозначных признаков осложнен: для его осуществления надо переходить к более широкому фрагменту контекста, чем данный (влево и вправо от конструкции на письме или в 'до' и 'после' в речи). Эти особенности неоднократно отмечались исследователями, хотя, скорее, импрессионистически, как нечто несомненно ощущаемое, но с трудом поддающееся формулировке¹. Бо-

¹ См., например: G.G.Pappageotes, J.Macris. The language question in Modern Greece. "Papers in memory of G.C. Pappageotes",

лее подробно говорит об этом А. Мирамбель, неоднократно обращающийся к этой теме (правда, в основном в пределах синтаксиса сложного предложения): "В новогреческом языке синтагмы подчиняются двум противоположным тенденциям, одна из которых – "соположение" (*juxtaposition*), а другая – "конструирование" – (*construction*). "Соположение" осуществляется там, где выражение определенного значения не влечет за собой никакого специального морфологического изменения. "Соположение" идет от простого "повторения слова" (*καλός καλός* – превосходная степень от прилагательного 'красивый') ...до "апозиции", широко распространенной в последний период развития языка и заслуживающей специального исследования, поскольку здесь идет речь об особой системе, особом образе мыслей, с далеко простирающимися разветвлениями"².

Как уже было сказано, нгр. обладает достаточной степенью флективности (по сравнению с некоторыми другими языками, входящими в балканский языковой союз): потеряв только дательный падеж, он сохранил трехпадежную именную систему склонения, дублируемую склонением артикля (в принципе нгр. артикль плеонастичен). Формально из этого вытекает, что универсальные логико-синтаксические единицы в нгр. могут вполне выражаться морфологическими средствами. Однако такое положение существует, скорее, на идеальном грамматическом уровне. Излишнее доверие к парадигматике и породило ту точку зрения, что сохранение склонения (в частности) препятствует включению нгр. в балканский языковой союз. Между тем на синтагматическом уровне степень распада нгр. падежной системы представлена более или менее очевидно. Не касаясь истории вопроса и не претендуя на сколько-нибудь последовательное описание, можно отметить некоторые существенные черты падежной системы нгр. языка. В наиболее общем виде структура нгр. парадигмы (для письменной формы) отражена в табл. I и 2 (см., в конце статьи).

В единственном числе нгр. существительное разбивается на четыре грамматических разряда, образуя четыре типа трехпадежной парадигмы, т.е. 12 клеток. Эти 12 клеток обслуживаются тремя флексиями (– #, – *ς*, – *ου*), что само по себе свидетельствует о высокой степени нейтрализации³. Основным формальным средством для выражения падежных противопоставлений является чередование нулевой флексии с флексией – *ς* или

Supplement to "Word", 1964, 20, № 3, стр. 55; J. T. Pring. The Oxford Dictionary of Modern Greek. Oxford, 1965, стр. VIII.

² A. Mirambel. Syntaxe néo-hellénique et structure de la langue. "Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves, Mélanges Henri Grégoire", X, 1950, стр. 178–179.

³ Анализ и синтез падежных форм нгр. существительного описан в работе автора: Т. В. Ц и в ъ я н. Имя существительное в балканских языках. М., 1965, гл. III.

-ou, что, естественно дает возможность для выражения только бинарной оппозиции. Во II и III разрядах это оппозиция прямой/косвенный ($N - A / G$), в I - оппозиция субъектный/объектный ($N / A - G$). Только в IV разряде, где применяется набор трех флексий ($- \#$, $- \varsigma$, $- ou$), противопоставляются все три падежа - N , A , G . Четыре типа парадигм обслуживаются одними и теми же флексиями, лишь внутри каждого типа они распределяются по-разному. Это повышает степень нейтрализации, поскольку к нейтрализации внутри парадигмы прибавляется еще и нейтрализация между парадигмами⁴. Поэтому для анализа или синтеза отдельной словоформы необходима отсылка к соответствующему грамматическому разряду (т.е. типу парадигмы). Приведенное здесь разбиение лишь в общем совпадает с традиционными типами нгр. склонения, как они представлены в грамматиках. 7 клеток из 12 заполнено нулевой флексией. В четырех случаях из семи она обслуживает A - самый распространенный и "многофункциональный" падеж (можно предполагать, что *casus generalis* вырабатывается именно на его основе), он выражается наименее отмеченно. В двух случаях из четырех N (II, III) и в одном G (I) также выражаются нулевой флексией. Во флексии $- \varsigma$ нейтрализуются N (I, IV) и G (II). У G остается только одна индивидуальная флексия - $- ou$ (которая на фоморфологическом уровне тоже входит в нейтрализацию с существительными I и II разрядов с основой на $- ou$). Следовательно, и с формальной (материальной) стороны в нгр. склонении обнаруживаются признаки разрушения⁵. Во множественном числе, где выделены три грамматических разряда, т.е. три типа парадигм, в V и VI (статистически наиболее распространенных) выражается оппозиция прямой/косвенный ($N - A / G$), в VII (соответствующем IV единственного числа) - оппозиция $N / A / G$ причем G особенно малоупотребительный (см. ниже) выражается самой яркой флексией - $- v$. Сравнение парадигм единственного и множественного числа с их индивидуальным набором флексий показывает, насколько нарушен параллелизм между ними, что, в свою очередь, свидетельствует о тенденции к распадению склонения.

⁴ Для снятия или уменьшения нейтрализации применяются средства морфологического уровня: огласовка основы, количество слогов, вид и место ударения в исходной форме (N) и в парадигме и пр.; здесь это не учитывается, поскольку к собственно склонению, понимаемому как выражение определенной группы оппозиций с помощью специальных формантов, которые вообще существуют (или должны существовать) независимо от реальных словоформ, это, строго говоря, относится весьма косвенно.

⁵ К влиянию процессов разрушения склонения (а именно разрушения G М.Триандафилидис относит, в частности, колебания ударения в парадигме некоторых групп существительных, см.: Μ. Τριανταφυλλίδης.

Всего для нгр. существительного выделяется семь основных типов падеж, причем в двух из них (IV-VII) осуществляется трехпадежное противопоставление (правда, по отношению к общему числу существительных это сравнительно небольшая и к тому же непродуктивная группа), в одном (I) – противопоставление субъектный/объектный и в четырех (II, III, V, VI) – противопоставление прямой/косвенный, с обособлением *г*. И тот и другой вид нейтрализации значимы, потому что нгр. *г* (о чем более подробно будет сказано ниже), если не находится в стадии исчезновения, то во всяком случае приближается к ней. Поэтому и растворение его в своего рода *cas. generalis* и выделение индивидуальной отмеченной флексией (обособленность в каком-то смысле может облегчать утрату падежа) – и то и другое существенно для предположений о будущем нгр. падежной системы. Прогнозировать его в какой-то степени можно на основании диалектных данных. В диалектах (главным образом северных), где произошло отпадение конечных *-ς* и *-ν*, фактически утратились формальные средства для выражения падежных оппозиций, и соответственно возникли реальные возможности полной утраты склонения⁶.

Тенденция к смещению (объединению) *н* и *а*, к выработке *cas. generalis* проявляется в нгр. достаточно активно; в ряде случаев однозначного определения падежа *н* или *а* можно достичь лишь в результате достаточно сложных – трансформационных, дистрибутивных и пр. – процедур на разных уровнях. Часто однозначность становится малосущественной (об этом специально будет сказано далее). Уже в литературном языке отмечаются конструкции, в которых *н* и *а* по существу взаимосвя-

Ἡ τοὺν ὁμός τῆς γενικῆς τῶν προπαροξύτων
 δέ = ος καὶ οὐδέτερον
 δέ = ο.

Byz.-Ngr.Jb., 1927, V, № 3-4, стр.307.

⁶ См., в частности: G.N.Hatzidakis. Einleitung in die Neugriechische Grammatik. Leipzig, 1892, стр.230-232; Μ.Τριανταφυλλίδης Ἡ γενική τῶν ὑποκοριστικῶν δέ -άκι καὶ τὸ νεοελληνικὸ κλιτικὸ σύστημα. Byz.-Ngr.Jb., V, 1927, № 3-4, стр.299 и сл.; G.P.Agnostopoulos. Tsakonische Grammatik. Berlin-Athen, 1926, стр. 37; A.Mirambel. Etude descriptive du parler maniote méridional Paris, 1929, стр.199-200; Α. Κουτσλιέρης. Ἐπιστάσεις ἐπὶ τῆς φωνητικῆς καὶ μορφολογίας τοῦ Ταυναρίου ἰδιώματος. «Πλατῶν», 1962, № 1-2, стр.322; C.Höeg. Les saracatsans. I. Paris, 1925, стр.226; G.Blanken. Les grecs de Cargèse. I. Leyde, 1951, стр.113; Γ. Παγκαλός. Περί τοῦ γλωσσικοῦ ἰδιώματος τῆς Κρήτης. I. Athenes, 1955, стр.268; A.Mirambel. Histoire et structure à propos des dialectes néo-helléniques. "Glotta", 39, 1960-1961, № 3-4, стр.254; О Н Ж е. La distinction du nom et du verbe dans les dialectes néo-grecs. "Балканско езикознание", XIII, I, 1968.

меняемы⁷; смещение форм *н* и *а* (употребление формы *а* в качестве *н* и наоборот) тем более характерно для диалектов⁸.

Особо следует остановиться на нгр. *г*, который имеет основания разделить судьбу древнегреческого *д*⁹. Предположить это можно, исходя из следующего:

1. Частота употребления *г* понизилась и продолжает понижаться.

2. На употребление *г* налагаются ограничения, сформулированные в нормативных грамматиках:

а) некоторые группы существительных не имеют форм *г* Sing., Pl.;

б) некоторые группы существительных не имеют формы *г* Pl.¹⁰;

⁷ См., например взаимозаменяемость *н* и *а* в сравнительных оборотах с *πάν* в зависимости от того, стоит ли при существительном артикль: *ντύνεται πάν λόρδος* или *πάν τό λόρδο* – одевается, как лорд.

E.Schwyzer. Neugriechische Syntax und Altgriechische. Neue Jb. Kl.

Alt., 1908, XI, стр.504; A.Thumb. Handbuch der neugriechischen

Volkssprache. Strassburg, 1910, стр.30; О н ж е. Grammatik der

neugriechischen Volkssprache. Berlin und Leipzig, 1928, стр.30;

A.Mirambel. Grammaire du grec moderne. Paris, 1949, стр.89.

⁸ См.: Μ.Τριανταφυλλίδης. Указ. соч., стр.298; G.P.Anag-

nostopulos. Указ. соч., стр.39; О н ж е. Περί ιδιώματος τῆς

ἐν Ἠπειρῷ Βουρμπιάνης καὶ τῶν περὶ αὐτῶν κωμῶν Byz.-Ngr.Jb.,

VII, № 3-4, 1930, стр.453; R.M.Dawkins. Modern Greek in Asia Mi-

nor. Cambridge, 1916, стр.48; K.Danguitsis. Etude descriptive du

dialecte de Démirdési. Paris, 1943, стр.76; G.Blanken. Указ.

соч., стр.177; Α.Κωδτάκис и др. "Εκθεσίς γλωσσικοῦ δια-

γλωτισμοῦ τοῦ ἔτος 1960. «Λεξικογραφικόν Δελτίον», 1963, II,

стр.114. (диалект о-ва Милос).

⁹ О *д* см. у Н.Бахтина: "В определенных обстоятельствах все увеличивающаяся часть значений падежа переходит к соответствующим предложениям или заменяется перифрастическими конструкциями; при этом падежная флексия как таковая постепенно теряет свою экспрессивную силу, пока окончательно не лишается какого-либо специального значения, в то время, как сам падеж выходит из употребления". N.Bachtin. Introduction to the study of modern Greek. Cambridge, 1935, стр.43.

¹⁰ *г* Sing. и Pl. не употребляется у уменьшительных существительных на *-άκι* (Μ.Τριανταφυλλίδης. Указ. соч.); *г* Pl. не употребляется у неравносложных существительных, кроме *ψαῖδες* (G.C.Papageotes, Ph.D. Emmanuel. Cortina's modern Greek in 20 lessons. New-York, 1959, стр.195), у таких существительных, как *δίψα, πείνα, ζάχαρη, βρύση, άντάμοση...* (Σύντομες οδηγίες γιά τήν καλή χρήση τῆς δημοτικῆς. ΠΠΕ, 1965, стр.22). Правда, во всех этих случаях

в) форма *g pi* вообще считается стилистически нежелательной^{II} (ср. отсутствие параллелизма *sing* и *pi*, отмеченное на уровне флексий).

3. Синтаксические функции *g* переходят к *A* (так же, как в свое время функции *D* — к *g*), предложному и беспредложному:

а) меняется предложное управление. Практически в димотике предлоги употребляются почти исключительно с *A*

б) меняется глагольное управление. Глаголы, ранее требовавшие *g*, теперь требуют *A*¹²;

в) *g* косвенного объекта регулярно заменяется предложной конструкцией (*сѣ* + *A*)¹³;

г) атрибутивный (приименный) *g* в некоторых своих употреблениях регулярно заменяется предложными (главным образом *ἀπό, μέ* + *A*) и аппозитивными конструкциями¹⁴.

нельзя говорить о дефектной парадигме, потому что соответствующие формы не только существуют в грамматике, но и могут встречаться, хотя и чрезвычайно редко.

^{II} См., например, категоричную формулировку И.Поихариса: "Первое правило для нас — избегать родительного падежа и особенно родительного во множественном числе". — Ψυχάρης. Μεγάλη ρωμαϊκή ἐπιστημονική γραμματική. Ἀθήνα, II, 1935, стр.217; Νεοελληνική γραμματική. Ἐν Ἀθῆναις, 1941, стр.227.

¹² Об изменении глагольного управления (*A*. ВМ. *g*) см., в частности: E.Schwyzler. Указ. соч., стр.506; A.Vlachos. Elementar-Grammatik der neugriechischen Sprache. Leipzig, 1899, стр.88; A.Thumb. Handbuch, стр.32 (список новогреческих глаголов, управляющих *A*, ВМ. прежнего *g*); G.Soyter. Grammatik und Lesebuch der neugriechischen Volks- und Schriftsprache. Wiesbaden, 1958, стр.92; M.Moser-Philitsou. Lehrbuch der neugriechischen Volkssprache. München, 1958, стр.351 — 352; G.N.Hatzidakis. Einleitung..., стр. 220, 222.

¹³ В ряде диалектов (северных, понтийском, кипрском, критском, некоторых диалектах Малой Азии) косвенный объект регулярно выражается беспредложным *A*. См.: A.Thumb. Handbuch..., стр.36; Μ.Τριανταφυλλίδης. Ἡ γενική..., стр.299; Α.Τζαρτζάνος. Περί τῆς σύγχρονης θεσσαλικῆς διαλέκτου. Athènes, 1909, стр.233; R.W.Dawkins. Указ. соч., стр.109; M.O.Merlier. Le remplacement du datif par le génitif en grec moderne. "Bulletin de correspondance hellénique", 1931, 55, № I, стр.208-211; С.Н.Жег. Указ. соч., стр.230; A.Mirambel. Parler maniote, стр.246, примечание 2; G.Blanken. Указ. соч., стр.90, 95.

¹⁴ Существуют и другие, менее регулярные (например, стилистические) способы, с помощью которых избегают нежелательного или запрещен-

G, естественно, сохранил набор актуальных значений (Obj., Subj., Poss., Qual.,¹⁵ и др.). Тем более интересно и симптоматично, что он и в таких, не только предписанных грамматикой, но и употребительных случаях, заменяется предложными конструкциями, см., например, ἡ μυροῦδιά τῆς μητέρας 'запах грозы' и μυροῦδιά ἀπὸ τῶουκνίδα 'запах крапивы', τὸ νερό τῆς βρύσης и τὸ νερό ἀπὸ τῆς βρύσης 'вода источника' и др.¹⁶

ного G. Они, в частности, описаны в статье М.Триандаφυллидиса «Ἡ γενική...», стр.284–285; среди них перифрастические конструкции, перетягивание уменьшительного суффикса другим членом синтагмы: вместо τὸ αὐτί τοῦ παιδακίου 'ухо ребеночка' τὸ αὐτάκι τοῦ παιδιοῦ 'ушко ребенка' и под. Кроме того, отмечается употребление существительного в исходной форме, вместо G- τοῦ Ρηνάκι. Существенно, что последнее распространяется и на некоторые топонимы, обычно oxytona с исходом на =ι, что само по себе является лишним доказательством тенденции G к разрушению. Ср. также формы τοῦ Πέτρο, τοῦ Παύλο в критском диалекте: Μ.Τριανταφυλλίδης, 'Ὁ τονισμός ...' стр.322.

- ¹⁵ Г.Хадзидакис отмечает любопытные случаи употребления в поссесивном значении формы A PL., вместо G PL. (Кипр, Фессалия) – οἱ κορες τοὺς βόδκους 'дочери пастухов' (правда, A Poss. личных местоимений регулярны и в литературном языке). – G.N.Hatzidakis. Ein possessivischer Akkusativ im Mittel- und Neugriechischen. "Glotta", 1932, XX, № I, стр.61; такое же употребление засвидетельствовано и в саракачанском диалекте (но только при существительных с артиклем): C.Höeg. Указ. соч., стр.231.

- ¹⁶ Можно предположить, что употребление синтетических форм и аналитических (предложных) конструкций непрямым образом связано с наличием/отсутствием артикля (для этого, разумеется, необходимо широкое статистическое обследование). Рассмотрение системы балканских артиклей (см., в частности, работу автора "Предложения к описанию системы артиклей БЭС", рукопись) показывает, что в балканских языках на употребление артиклей накладываются достаточно жесткие формальные (дистрибуционно-грамматические ограничения), ср. артикль и местоимения, сочетания разных видов артикля, артикль при степенях сравнения и особенно – артикль и предлоги (см. прежде всего румынский и албанский, где правила сочетания артикля с предлогами регулярны, а также данные по другим балканским языкам). В связи с этим можно говорить об особой роли балканского артикля как одного из способов синтаксической организации текста (по крайней мере, в пределах синтагмы).

Тем не менее (не в противоречие сказанному выше), хотя система нгр. склонения и обладает достаточно явными признаками разрушения и проявляет тенденцию к выработке *cas. generalis*, все же нгр. язык несомненно продолжает быть выражено флективным, а это означает, что хотя бы некоторые из основных логико-синтаксических единиц¹⁷ могут однозначно выражаться средствами морфологического уровня (тем более, что парадигма артикля сохранилась более полно).

Недостаточные ресурсы морфологического уровня подкрепляются, дополняются или замещаются на синтаксическом уровне: в нгр. выработаны фиксированные предложные конструкции, которыми, в частности, могут выражаться и падежным оппозиции (в основном это предлоги $\acute{\alpha}\pi\acute{o}$, $\beta\acute{\epsilon}$, $\mu\acute{\epsilon}$, $\gamma\acute{\upsilon}$). Поэтому в определенном смысле нгр. сочетает в себе возможности синтетического и аналитического языка и, хотя бы на уровне *langue*, способен однозначно выражать основные логико-синтаксические единицы. (То, что пока здесь сказано, не выходит за пределы простого предложения и относится, главным образом, к именным конструкциям; обратившись к синтаксису сложного предложения, можно было бы и там найти формальные возможности — по крайней мере, теоретические — для однозначного выражения соответствующих единиц). Тем более примечательно, что нгр., обладающий достаточными формальными средствами, развивает (и продуктивно) конструкции, в которых эти средства не применяются или применяются весьма относительно. Связь компонентов в таких конструкциях осуществляется простым соположением, когда формальные (материальные) показатели сведены к минимуму, и устанавливается на более высоких уровнях, например, семантическом. Существование подобных конструкций облегчает процесс синтеза (поскольку выбор приемов ограничен и упрощен) и усложняет процесс анализа (поскольку затруднено синтаксическое разбиение, т.е. правильное объединение элементов в конструкцию, после которого можно переходить к разбору внутри конструкции, где, естественно, могут возникать свои осложнения)¹⁸.

¹⁷ О них см.: Т.В. Ц и в ъ я н. Указ. соч., стр.106.

¹⁸ Ниже будут приведены соответствующие примеры. Здесь же прилагается искусственная (но грамматически правильная) фраза, состоящая из последовательности не связанных явным образом между собой элементов: $\acute{\epsilon}\acute{\iota}\delta\epsilon\ \tau\acute{o}\ \acute{\alpha}\gamma\acute{\omega}\rho\iota\ \tau\acute{o}\ \text{N}\acute{\iota}\kappa\omicron\lambda\acute{\alpha}\kappa\iota\ \acute{\epsilon}\nu\alpha\ \kappa\omicron\tau\acute{\eta}\rho\epsilon\ \nu\epsilon\rho\acute{o}$

V S_N ∨ A S_N ∨ A S_N ∨ A S_N ∨ A

‘Увидел мальчик Николаки стакан воды’.

Окончательное членение осуществляется на лексико-семантическом уровне (без этого невозможно однозначно определить падежи и, следовательно, определить Subj. и Obj. dir.).

Дальнейшее изложение будет касаться наиболее распространенных и продуктивных образований такого рода; в традиции называть их аппозитивными, хотя это и не вполне соответствует универсальному определению аппозиции.

Атрибутивная синтагма¹⁹ вида

$$s'_N + s''_N \vee s'_A + s''_A (s'_G + s''_G)^{21}$$

Это стандартная нгр. конструкция, которая является разновидностью атрибутивной синтагмы $s + s_G$, и, по правилу, должна быть в дополнительном распределении с последней. Описываемая синтагма употребляется в ограниченных семантических условиях (если s имеет количественное значение) и соответствует в большинстве случаев G generis или G mensurae.

Далее приводится семантическая классификация, охватывающая основные группы значений s (границы между группами в некоторых случаях расплывчаты)²⁰. s' целесообразно разбить на следующие четыре группы: 1. s' со значением объема (когда s'' целиком "входит" в s'); 2. s' со значением части целого; 3. s' с собирательным значением; 4. s' собственно количественные (единицы различных мер, производные от числительных, например, на = ἄρτα и пр.), см. список I в конце статьи.

Достаточно жесткие семантические ограничения приводят к созданию постоянного лексического ядра для набора s' и в какой-то степени для набора s'' . Для s' в это ядро входят прежде всего такие существительные, как ποτήρι, φλιτζάνι, μπουκάλι, μποτίλι, πιάτο, κουτάλι, κουτί, βάζο, κομμάτι, μερίδα, φέτα, σάλα, χούφτα, κόλλα, πλῆθος, σωρός, ζευγάρι, κοπάδι, σερά, δέσμα, χιλιάδα, δεκάδα и др., а также названия мер и весов. s'' , как правило, обозначает вещество (часто это названия продуктов): νερό, γάλα, κρασί, καφές, τσάι, ψωμί, τυρί, κρέας, ἄλεθρι, ἄλατι, ζάχαρη, λάδι, αἶμα, χρυσάφι.

¹⁹ Под синтагмой здесь понимается элементарная синтаксическая конструкция, состоящая не менее, чем из двух членов, связанных между собой отношениями атрибуции и некоторыми другими. Каждый из членов синтагмы может быть неограниченно распространен.

²⁰ В грамматических работах при описании этой конструкции приводятся малочисленные и к тому же простые примеры. Поэтому здесь помещен достаточно широкий, но никак не претендующий на полноту, список примеров этой синтагмы, как представляется, весьма существенной для современной структуры нгр. языка.

σταφύλι, βαλάτα, βούτυρο, μελάνη, βούπα и пр., а также подпадающие перечислению предметы: τσίγαρα, σπίρτα, χαρτί, μαργαριτάρι, δράχμη, λευτά, παπούτσι, άνθρωπος, πουλί, ψάρι, χάντρα, ξύλα, λέξη, πρόβατο и т.д.

Далее на основании приведенного материала сообщаются основные формальные характеристики этих конструкций:

Падеж

s'' стоит в том же падеже, что и s' . Исходной формой для s' считается N и соответственно исходной формой синтагмы будет $s'_N + s''_N$. Если по синтаксическим условиям фразы s' переходит в A , то и s'' переходит в A , а вся синтагма получает вид $s'_A + s''_A$, но ее исходной формой остается $s'_N + s''^{21}_N$:

а) Κάτω από τό τραπέζι είναι ένας κουβάς νερό (N) 'Под столом стоит ведро воды'; Φέρε έναν κουβά νερό (A) 'Принеси ведро воды';

б) Στο τραπέζι βρίσκεται ένα ποτήρι χυμός (N) 'На столе стоит стакан сока'; Δώδ' μου ένα ποτήρι χυμό (A) 'Дай мне стакан сока';

γ) Στο μαγαζί έμεινε ένα κομμάτι αλατζής (N) 'В магазине остался один кусок ситца'; Κόψε ένα κομμάτι αλατζή (A) 'Отрежь кусок ситца';

δ) Ένας σωρός άνθρωποι μαζεύτηκε εκεί (N) 'Там собралось множество народу'; Βλέπω ένα σωρό ανθρώπους (A) 'Я вижу множество народу'.

Что же касается синтагмы вида $s'_G + s''_G$, то исходной для нее может быть либо синтагма $s'_N + s''_N$, либо синтагма $s + s_G$, например, $\epsilon\acute{\nu}\alpha\varsigma\ \mu\alpha\gamma\alpha\zeta\iota\ \nu\epsilon\rho\acute{o}\varsigma$ может трансформироваться либо в $\epsilon\acute{\nu}\alpha\varsigma\ \mu\alpha\gamma\alpha\zeta\iota\ \nu\epsilon\rho\acute{o}\varsigma$ 'стакан воды' (ein Glass Wasser), либо в $\epsilon\acute{\nu}\alpha\varsigma\ \mu\alpha\gamma\alpha\zeta\iota\ \nu\epsilon\rho\acute{o}\varsigma$ 'стакан для воды' (ein Wasserglass). Поскольку рассматриваемая синтагма в таком виде встречается редко, этими случаями практически можно пренебречь (как обычно и поступают авторы грамматик и работ на соответствующие темы)²².

²¹ См. об этом, в частности; E. Schwyzer. Указ. соч., стр. 504; A. Thumb. Handbuch..., стр. 30; O n ж e. Grammatik, стр. 30.

²² Нам встретился один пример $\kappa\alpha\iota\ \kappa\upsilon\rho\iota\epsilon\upsilon\omicron\mu\alpha\iota\ \alpha\pi\omicron\tau\omicron\ \tau\omicron\ \mu\omicron\rho\omicron\ \tau\omicron\ \mu\omicron\ \nu\epsilon\rho\acute{o}\varsigma$ 'и я охвачен страхом стакана воды', где форма

s' и s" могут стоять и в единственном и во множественном числе. Осуществляется все возможные сочетания:

- a) s' Sing., s" Sing. ένα ποτήρι γάλα, ένας τσαρβάς αλεύρι, ένα βακκούλι μαργαριτάρια, ένα χαλόνι βενζίνη;
- b) s' Sing., s" Pl. ένα κουτί σπύρτα, ένα κουτί σαρδέλες, ένα κοπάδι πρόβατα, ένα μάτσο λευτά, ένας πλήθος άνθρωποι;
- c) s' Pl., s" Sing. τρία σακιά σάρι, χίλια δοχεία λάδι, σταλαματιά αίμα, λίγες κομμάτες κρέας, τρεις μερίδες φρούτο;
- d) s' Pl., s" Pl. δύο χρόνια παλάρια, καμιά πενήντα-ρία πρόσωπα, εκατοντάδες όχηματα, 100 γραμμάρια ψάρια, τρία καλάθια κεράσια и т.д.

Артикль

s' употребляется с определенным, неопределенным артиклем или без артикля; s" не употребляется с неопределенным артиклем:

a) s' без артикля, s" без артикля: κομμάτι τυρί, καμιά δεκαριά άνθρωποι, ποτήρι νερό, ψέτα ψωμί, κουτί σπύρτα, πλήθος κόσμος, σταλιά νερό и т.д.

b) s' с неопределенным артиклем, s" без артикля (наиболее распространенный случай): ένα ποτήρι νερό, μία κόλλα χαρτί, ένα κοπάδι πρόβατα, μία στάλα αίμα, μία όκα ψωμί, ένα βακκούλι ξύλα, ένας σωρός δαδί, ένας σωρός κρητικό χώμα и т.д.²³;

c) s' с определенным артиклем, s" без артикля: τό μπουκάλι σπύρτο, ή πρώτη καρτίδα αχμάλοτα, τό κομπλέ ασπρώρουχα, τό μοναδικό της Ζευγάρι παπούτσια, τό μάτσο χειροβομβίδες и т.д.;

d) s' с определенным артиклем, s" с определенным артиклем: τό ποτήρι τό νερό, τό δάκκι τ' αλεύρι, τό βακκούλι τό μαργαριτάρι, τό

τό ποτήρι τό νερό восстанавливается на основании текста всего рассказа, носящего название «Ένα ποτήρι νερό».

²³ Иногда трудно по значению отличить неопределенный артикль от числительного 'один' μία μερίδα στυπα — δύο μερίδες καγωτό; μία ψέτα ψωμί — δύο ψέτες πεπόνι.

κουζί τᾶ σπίρετᾶ, ἡ ψούρετᾶ ἐτούτῃ τὸ χῶμα, ὁ σβῶλος τὸ χῶμα
τῆς Κρήτης и т.д.

Определенный артикль у s'' может появляться лишь в том случае, когда он есть у s' .

Порядок членов

Существительное с количественным значением стоит на первом месте, хотя в принципе возможна инверсия: $\kappa\iota' \delta\chi\iota \xi\upsilon\lambda\alpha \mu\acute{\iota}\alpha \acute{\alpha}\gamma\kappa\alpha\lambda\acute{\iota}\alpha$, $\kappa\iota' \acute{\epsilon}\nu\alpha \gamma\kappa\upsilon\upsilon\rho\acute{\alpha} \nu\epsilon\rho\acute{o}$ 'и не дров охапку, но ведро воды' (фольклорный текст).

Количество членов

s' обычно одно. Если и возможно несколько s' , то они располагаются в иерархическом ряду так, что каждое последующее s является s'' по отношению к предыдущему, например, $\kappa\alpha\mu\acute{\iota}\alpha \delta\epsilon\kappa\alpha\rho\acute{\iota}\alpha \delta\acute{\epsilon}\kappa\acute{\alpha}\delta\epsilon\varsigma \kappa\alpha\lambda\alpha\mu\pi\acute{o}\kappa\iota$ 'около десятка ока кукурузы'.

s'' чаще всего также одно, но в отличие от s' в принципе число s не ограничено, например, $\kappa\alpha\upsilon\acute{\epsilon}\nu\alpha \pi\omicron\tau\upsilon\rho\acute{\alpha}\kappa\iota \mu\alpha\sigma\tau\acute{\upsilon}\chi\alpha \eta \mu\pi\acute{\iota}\rho\alpha \eta\ldots$ 'станчик мастики или пива или...'

Определения при s' и s''

s' и s'' могут сопровождаться определениями:

а) согласованными (прилагательные, причастия, местоимения, числительные), которые могут стоять и перед определяемым словом и после него: $\mu\epsilon\gamma\acute{\alpha}\lambda\omicron \tau\epsilon\lambda\acute{\eta}\theta\omicron\varsigma \psi\omicron\iota\tau\eta\tau\acute{\epsilon}\varsigma$, $\acute{\epsilon}\nu\alpha \zeta\epsilon\upsilon\gamma\acute{\alpha}\rho\iota \kappa\alpha\pi\upsilon\upsilon\tau\omicron\tau\omicron\alpha \lambda\omicron\upsilon\beta\epsilon\rho\acute{\iota}\nu\alpha$, $\acute{\epsilon}\nu\alpha \pi\alpha\kappa\acute{\epsilon}\tau\omicron \acute{\alpha}\mu\epsilon\rho\iota\kappa\alpha\upsilon\iota\kappa\acute{\alpha} \sigma\iota\gamma\alpha\rho\acute{\epsilon}\tau\omicron\alpha$, $\acute{\epsilon}\nu\alpha \psi\lambda\iota\tau\acute{\iota}\lambda\alpha\upsilon\iota \mu\alpha\upsilon\rho\omicron\varsigma \kappa\alpha\phi\acute{\epsilon}\varsigma$, $\acute{\epsilon}\nu\alpha \pi\acute{\iota}\alpha\tau\omicron \beta\alpha\theta\acute{\upsilon} \sigma\tau\alpha\phi\acute{\iota}\delta\alpha$, $\delta\upsilon\omicron \kappa\omicron\upsilon\tau\alpha\lambda\acute{\alpha}\kappa\iota\alpha \delta\chi\iota \gamma\epsilon\mu\acute{\alpha}\tau\alpha \acute{\alpha}\lambda\acute{\alpha}\tau\iota$, $\mu\epsilon\rho\acute{\alpha}\lambda\alpha \tau\omicron\mu\pi\acute{\iota}\alpha \sigma\tau\alpha\phi\acute{\upsilon}\lambda\iota$, $\acute{\epsilon}\nu\alpha \mu\epsilon\gamma\acute{\alpha}\lambda\omicron \kappa\omicron\mu\mu\acute{\alpha}\tau\iota \sigma\acute{\iota}\delta\epsilon\rho\omicron$, $\delta\iota\pi\lambda\acute{\eta} \mu\epsilon\rho\acute{\iota}\delta\alpha \pi\alpha\tau\acute{\alpha}\tau\epsilon\varsigma \tau\eta\rho\alpha\upsilon\tau\acute{\epsilon}\varsigma\iota$ т.д.

В том случае, когда согласованное определение расположено между s' и s'' , при том, что s' и s'' нейтрализованы по роду, правильное отнесение определения к s' или s'' возможно уже вне морфолого-синтаксического уровня: $\acute{\epsilon}\nu\alpha \kappa\omicron\mu\mu\acute{\alpha}\tau\iota \acute{\alpha}\sigma\pi\epsilon\rho\omicron \psi\omega\mu\acute{\iota}$, $\mu\iota\theta\acute{o} \pi\omicron\tau\eta\rho\acute{\iota} \mu\iota\kappa\rho\acute{o} \acute{\alpha}\nu\theta\acute{\rho}\omicron\upsilon\epsilon\rho\omicron$ и т.д.;

высокие уровни. В результате существенным остается лишь определение прямого падежа, поэтому анализ можно доводить до того шага, на котором происходит различение прямого и косвенного падежа, и на этом останавливаться. В определенном смысле здесь можно говорить о том, что на морфолого-синтаксическом уровне достаточно явно начинается тенденция к развитию бинарного падежного противопоставления, причем это касается не только нейтрализации соответствующих флексий, но и нивелировки падежных функций.

По правилу, разбираемая аппозиция должна находиться в дополнительном распределении с синтагмой вида $s + s_G \vee s + \acute{\alpha}\rho\sigma + s_A$. Однако это правило не выдерживается строго, и в указанной лексико-семантической позиции встречаются все три вида конструкций (аппозиция и приведенные выше синтагмы), причем все они могут присутствовать в одном достаточно ограниченном отрезке текста. С одной стороны, это можно приписать действию каких-то более тонких требований (например, стилистических, семантических и под., см. выше; с другой стороны, здесь можно видеть общее стремление избегать фиксированных конструкций, жестко привязанных к ситуации и потому однозначных (см. выше о смещении функций А и N, об употреблении синтетических и аналитических конструкций и пр.):

κομμάτι ψωμί

и ἐνὰ κομμάτι γῆς 'кусочек земли'
τὸ κομμάτι τοῦ χαρτιοῦ 'кусочек бумаги'
3 κομμάτια σοκολάτας '3 кусочка шоколада'
ἓνα κομματάκι γούνας 'кусочек меха'
ἓνα τεράστιο κομμάτι ἀπὸ τυρὶ 'громадный кусок сыра'
κομμάτια ἀπὸ σύννεφα 'кусочки облаков'
δύο στρογγυλά κομματάκια ἀπὸ ἄπρο κούβικα ἢ ὑφάσμα 'два круглых кусочка белой клеенки или ткани'

πλῆθος κόβμου

и πλῆθος κόβμου 'много народа'
ἀπὸ ὅστρακα 'множество раковин'
μὴ ὁμάδα τραγουδιστῆς и ὁμάδα νεῶν 'группа молодежи'
τρεῖς ὁμάδες παιδιῶν 'три группы детей';

σειρά δένδρα

и μεγάλη σειρά βιβλίων καὶ φωτογραφίων 'большой набор рисунков и фотографий'
σειρά παραδειγμάτων 'ряд примеров'
σειρά ἀπὸ ἄγγεῖα 'ряд ваз'
μὴ σειρά ἀπὸ ἑρμετρα 'ряд стихотворных романов'

ὁ σωρὸς ἄχυρο

и σωρὸς ἐρωτησέων 'масса вопросов'

φέτα ψωμί

и μερικὲς φέτες λεμονιοῦ 'несколько ломтиков лимона'

κοπάδια ψάρια

и τὰ κοπάδια τῶν ψαριῶν 'стаи рыб' κοπά-
δι σκύλων 'свора собак'

δέσμη κεράσια

и δέσμη ἐφημερίδων 'связка газет' δέσμη
παγνιοχάρτων 'колода карт'

πλάκα σοκολάτα
ἓνα φύλλο χαρτί

и ἡ πλάκα σοκολάτας 'плитка шоколада'
и ἓνα φύλλο χοντροῦ χαρτονιοῦ 'лист толс-
того картона'

μιά σταλα ψωμί

и μιά σταλα ἀπ' τῇ δικῇ σας λεβεντιά
'капля вашего мужества' (стих.)

ἓνα τσαμπί σαφύλι

и τσαφυλιοῦ κοκκινότατα τσαμπιά 'рдежие
кисти винограда'

ἓνα κομπλέ ἀσπρόρουχα

и τὸ κομπλέ ἀσπρόρουχων 'комплект белья'

χιλιάδες παλικάρια

и οἱ χιλιάδες ἀνθρώπων 'тысячи людей'

ἡ στοίβα λιόνι

и ἡ χιονοστιβάδα 'сугроб'

См. также: τσοῦρμα ἀπὸ παιδιᾶ 'группа детей'; ἓνας κόκκος ἄμμου
'песчинка (зерно песка)'; σωληνάριο ὀδοντοπάστας 'тюбик зубной
пасты' и пр.

Немногочисленны, но тем не менее существенны случаи, когда аппо-
зиция выступает в других лексико-семантических позициях, где по пра-
вилу (и как правило) применяются синтагмы $s + s_G$, $s + \text{предлог} + s_A$
и т.д. Такие случаи симптоматичны и, в свою очередь, свидетельствуют
о расширении сферы применения аппозиции²⁵. Среди них особое место за-
нимают аппозитивные конструкции, в которых выступают названия блюд.
такие конструкции встречаются примерно в одинаковой пропорции с не-
аппозитивными, причем основания для предпочтения той или иной кон-
струкции не выражены явно²⁶, см. список 2 в конце статьи.

²⁵ Соответствующие случаи разбираются А. Мирамбелем в работе: A. Mi-
rambel. La langue grecque moderne. Description et analyse. Paris.
1959, стр. 210-211.

²⁶ Правда, терминология кулинарной сферы достаточно специфична, мест-
ные названия часто моделируются по заимствованиям, особенно фран-
цузским, типа *sauce vin blanc*, *anguille sauce verte*, *canard froid*
sauce orange cerises и пр. ср. русские судак орли соус тартар,
беф филе годар. Это в большой степени проявляется и в нгр.
(где в последнее время к тому же усилился приток заимствований из
английского): *κάστανα γκλασέ*, *ἀστακός μαγιονέζα*, *μπαρμπούνι*
ω — *σουπρέм*, *ὀμελέττα αὐγά παραμαντιέ*, *βάλτσα τартάρ*, *γκούτ*
κортιάλ, *ρωταφία ντέ Ζενέβρι* т.д. Тем не менее многочисленность и
видимая продуктивность заставляют специально отметить такие кон-
струкции, независимо от путей их проникновения в нгр. и в связи
с общими масштабами распространения аппозитивных синтагм в нгр.
языке.

a) Adj. + S

Речь идет о синтагмах, встречающихся в контекстах типа τὰ φύλλα εἶναι κίτρινα φλοῦρι 'листья желтые [как] золотой', 'Ὁ καφές εἶναι πικρὸς φαρμάκι 'кофе горькое [как] яд'. В широком смысле эти конструкции выражают идею сравнения, более точно – высокую степень качества, в общем соответствующую *grad. elativus*²⁸:

γλυκό μέλι	'сладкое [как] мед (очень сладкое)'
καλὸς μάλαμα	'хороший золото (очень хороший)'
κρύο πάγος	'холодное лед (очень холодное)'
μαῦρο κοράκι	'черное ворон (очень черное)'
μαῦρο πῶσα	'черное деготь (очень черное)'
κόκκινος χίμα	'красный кровь (очень красный)'
κόκκινος φῶστια	'красный пламя (очень красный)'
ὠραία ἄστρο	'красивая [как] звезда (очень красивая)'
κουρασμένος πεῶμα	'усталый [как] труп (очень усталый)'
ἄσπρο χιόνι	'белое снег (очень белое)'
ἄσπρο γάλα γάλα	'белое молоко молоко (очень белое)'
πικρὸ κινίνο	'горькое хина (очень горькое)'
μεθυμένος φέσι	'пьяный феска (очень пьяный)'
λεμόνι κίτρινος	'[как] лимон желтый (очень желтый)'
φῶς φανερό	'[как] свет ясное (очень ясное)'

Хотя синтагма Adj. + S в современном языке достаточно самостоятельна и независима, в определенном плане ее можно рассматривать как эллиптический вариант компаративной синтагмы Adj. + *ὡς* (как) + S ('ἄσπρο ὡς τὸ χιόνι 'белый, как снег'). Это устанавливается не только в историческом плане (отдельные примеры без *ὡς* засвидетельствованы в средневековых текстах), но и при синхронных сопоставлениях. Развернутый вариант с *ὡς* встречается чаще, что отчасти объясняется большей эмоциональностью и экспрессивностью эллиптического варианта, скорее свойственного разговорной речи (и диалектам) и фольклору. Оба вида синтагм могут встретиться в одном достаточно ограниченном отрез-

²⁷ Термин введен нами (Т.Ц.).

²⁸ О конструкциях такого рода см.: N.P. Andriotis, Die Ausdrucksmittel für "gar nichts", "ein Wenig" und "sehr viel" im Alt- Mittel- und Neugriechischen. "Byz.-Ngr. Jb". 16, 1939-1940, а также: Α. Θαβώρης, 'Ὁ ἀπόλυτος ὑπερθετικός βαθμὸς μερικῶν ἐπιθέτων στὴ Νέα Ἑλληνικὴ. «Ἑλληνικά» XIX, 1966, № 1, стр. 16-47; № 2, стр. 254-295, где сообщается обширный фактический материал и приводится подробная библиография соответствующих работ.

ке текста (ср. подобное же явление при атрибутивной аппозиции), см., например, народный дистих, в котором присутствуют оба варианта:

Δέν τρώ' τῆς θεῖας μου τὸ βυζί, τ' εἶναι πικρὸ φαρμάκι
 μὰ θέλω τῆς μανούλας μου πόναι γλυκὸ σὺν μέλι

'Я не хочу (досл. не ем) молока (досл. грудь) моей тетки, оно горькое яд, а хочу [молоко] моей мамочки, оно сладкое, как мед'.

Основная трудность при грамматическом анализе компаративной синтагмы состоит в том, что в определенных условиях она может нейтрализоваться со стандартной определительной синтагмой Adj. + s. Нейтрализация происходит в том случае, когда прилагательное и существительное совпадают друг с другом в роде, числе и падеже, что создает впечатление чистого согласования. Поэтому взятые вне контекста синтагмы κόκκινο αἷμα, γλυκὸ μέλι, ἄσπρο χιόνι могут интерпретироваться либо как 'красная кровь', 'сладкий мед', 'белый снег' (Attrib., определительная синтагма), либо как 'красная, как кровь'; 'сладкий, как мед'; 'белый, как снег' (Elativ., компаративная синтагма). В этом случае приходится шире использовать синтаксический уровень, обращаясь к более крупному фрагменту фразы или ко всей фразе целиком (Τρώω γλυκὸ μέλι 'я ем сладкий мед'; τὸ σταφύλι εἶναι γλυκὸ μέλι 'виноград сладок, как мед').

b) s + s

Имеются в виду синтагмы, встречающиеся в контекстах типа Ζωνὴ ὀλόχρυση φορεῖ σὲ [ἴκιν] δαχτυλίδι μέση 'она носила на перстне талии (талиа, как перстень) золотой пояс', ἔχει καρδιά μάρμαρο 'у него сердце мрамор (сердце, как мрамор, очень жестокое)'. Как и в предыдущем случае, эта синтагма выражает идею сравнения и высокой степени качества:

δόντια ρύζι	'зубы как рис (очень красивые)'
δόντια μαργαριτάρια	'зубы-жемчуга (очень красивые)'
θάλασσα λάδι	'море масло (очень спокойное)'
καρδιά περιβόλι	'сердце сад (очень открытое)'
κρασί θεός	'вино бог (очень хорошее)'
κρασί ξύδι	'вино уксус (очень кислое)'
σκοτάδι πιέδα	'мрак деготь (очень густой)'
στόμα πηγάδι	'рот колодец (очень большой)'
κορμάκι βαμβάκι	'тельце хлопок (очень белое)'
σπίρτο κορίτσι	'как спичка девушка' ('очень живая', ср. русск. вульг. "зажигательная")
σκύλο πεθερά	'как собака свекровь (очень злая)'
ρομπίνι κύμα	'как рубин волна (очень чистая)'
φωνή ἀηδέων	'голос соловей (очень приятный)'

С помощью той же процедуры, что и в предыдущем случае, эта синтагма определяется как эллиптический вариант синтагмы вида $s + \sigma\acute{\alpha}\nu + s$ — $\pi\rho\acute{o}\sigma\omega\pi\omicron \sigma\acute{\alpha} \varphi\epsilon\gamma\gamma\acute{\alpha}\rho\iota$ 'лицо, как луна', $\sigma\pi\acute{\iota}\tau\iota \sigma\acute{\alpha}\nu \pi\alpha\lambda\acute{\alpha}\tau\iota$ 'дом, как дворец'. Очевидно, с целью стилистического разнообразия и эти синтагмы употребляются одновременно в узком контексте.

$\epsilon\chi\epsilon\iota \tau\acute{\alpha} \mu\acute{\alpha}\tau\iota\alpha \pi\alpha\rho\delta\alpha\lambda\acute{\alpha}$, $\tau\acute{\alpha} \varphi\rho\acute{o}\delta\iota\alpha \tau\eta\varsigma \gamma\rho\alpha\mu\mu\acute{\epsilon}\nu\alpha$,
 $\tau\acute{\alpha} \mu\acute{\alpha}\gamma\omicron\upsilon\lambda\alpha \tau\rho\iota\alpha\nu\tau\acute{\alpha}\varphi\upsilon\lambda\lambda\alpha$, $\tau\acute{o} \pi\rho\acute{o}\sigma\omega\pi\omicron \sigma\acute{\alpha}\nu \mu\grave{\eta}\lambda\omicron$.

'Глаза у нее яркие (досл. пестрые), брови выписанные, щеки розы, лицо, как яблоко'.

Следует сказать, что для современного состояния языка и при более широком подходе едва ли целесообразно рассматривать этот вид синтагмы только как трансформ синтагмы $s + \sigma\acute{\alpha}\nu + s$. Во-первых, она достаточно независима и (особенно тогда, когда имеет значение фигуры метафоры) не обязательно связывается с союзом как (например, $\delta\acute{o}\nu\tau\iota\alpha \mu\alpha\rho\gamma\alpha\rho\iota\tau\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$ 'зубы-жемчуга'). Во-вторых, при строго синхронном анализе она может быть сведена и к другим трансформам (например, с помощью предикации; так, $\kappa\acute{o}\kappa\kappa\iota\nu\omicron \kappa\omicron\rho\acute{\alpha}\lambda\lambda\iota \tau\acute{o} \alpha\iota\mu\alpha \mu\alpha\varsigma$ может быть развернуто в $\kappa\acute{o}\kappa\kappa\iota\nu\omicron \kappa\omicron\rho\acute{\alpha}\lambda\lambda\iota \epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota \tau\acute{o} \alpha\iota\mu\alpha \mu\alpha\varsigma$ 'наша кровь — красный коралл' и в $\kappa\acute{o}\kappa\kappa\iota\nu\omicron \sigma\acute{\alpha}\nu \kappa\omicron\rho\acute{\alpha}\lambda\lambda\iota \epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota \tau\acute{o} \alpha\iota\mu\alpha \mu\alpha\varsigma$ 'наша кровь — красная, как коралл' (очень красная) ²⁹. В-третьих, в более общем, балканистическом аспекте, т.е. при сравнении с другими балканскими языками, в частности, славянскими (см. ниже о соответствующей работе К. Костова), имеет смысл не столько отыскивать трансформации (что в данном случае равносильно установлению происхождения данной синтагмы), сколько производить функциональный синтаксический разбор ситуации, в которых данная синтагма встречается.

В частности более существенной представляется семантическая классификация этого вида синтагм (отчасти сделанная А. Таворисом в упомянутой работе). Так, среди них выделяется особая семантическая группа с общим значением не "высокой степени", а "большого количества":

$\alpha\iota\mu\alpha \pi\omicron\tau\acute{\alpha}\rho\iota$	'кровь река (очень много крови)'
$\delta\acute{\alpha}\kappa\rho\upsilon\alpha \pi\omicron\tau\acute{\alpha}\rho\iota$	'слезы река (очень много слез)'
$\tau\rho\acute{\alpha}\mu\alpha\tau\alpha \beta\omicron\upsilon\nu\acute{o}$	'дела гора (очень много дел)'
$\tau\rho\alpha\gamma\omicron\upsilon\delta\iota\alpha \theta\acute{\alpha}\lambda\alpha\sigma\sigma\alpha$	'песни (N PL.) море (очень много песен)'
$\kappa\omicron\sigma\mu\omicron\varsigma \mu\epsilon\rho\mu\eta\gamma\kappa\iota$	'народ муравей (очень много народа)'

²⁹ Ср. также дистих: $\tau\omega \theta\acute{\alpha}\lambda\alpha\sigma\sigma\acute{\alpha} \mu\omicron\upsilon \gamma\alpha\lambda\alpha\eta\acute{\iota}$, $\kappa\acute{\alpha}\mu\epsilon \tau\acute{o} \kappa\upsilon\mu\alpha \mu\acute{\epsilon}\lambda\iota$
 $\tau\omicron\upsilon \nu\acute{\alpha} \sigma\acute{\epsilon} \tau\alpha\epsilon\iota\delta\epsilon\varphi\omicron\upsilon\sigma\iota \kappa\omicron\rho\acute{\iota}\tau\tau\iota\alpha \sigma\acute{\alpha}\nu \acute{\alpha}\gamma\gamma\acute{\epsilon}\lambda\omicron\iota$
 'О мое голубое море, сделай волну как мед
 Чтобы девушки плыли по тебе, как ангелы',

где $\kappa\acute{\alpha}\mu\epsilon \tau\acute{o} \kappa\upsilon\mu\alpha \mu\acute{\epsilon}\lambda\iota$ можно понять как A duplex 'сделай волну медом'.

и с инверсией

θάλασσα	νερό	'море вода (очень много воды)'
πολιτεία	νερό	'страна вода (очень много воды)'
ποτάμι	νερό	'река вода (очень много воды)'

В определенном смысле эту группу можно сблизить с атрибутивными синтагмами, имеющими количественное значение и описанными выше ἕνα δωρό λεφτά 'куча денег', ἕνας κόβρος κρασί 'много вина' и пр.). Такое "взаимопроникновение" аппозиций разные, в частности смежные, семантические сферы представляет показательным в связи с общим расширением применения аппозитивных конструкций в современном нгр. языке. К этому следует прибавить, что, очевидно, существуют и общие формальные характеристики в строении атрибутивных и компаративных аппозиций: падеж (прямой), число (любое), ограничения на употребление артикля, некоторые вариации в количестве членов, возможность распространения составляющих с помощью определений (естественно, что в каждом виде отмечаются и свои, специфические черты, например, повторение в компаративных синтагмах и пр.). Так же, как и для атрибутивных аппозиций, для компаративных можно установить основное лексическое ядро — список существительных, выступающих в синтагме в роли второго члена (подобный список составлен А.Таворисом; в него, наряду с существительными, чье конкретное значение при сравнении ощущается живо — αἷμα 'кровь', φωτιά 'пламя', κοράκι 'ворон', τίββα 'деготь', χιόνι 'снег', μέλι 'мед', εὖδι 'уксус' и под., входят и существительные, чье конкретное значение в данных конструкциях ослаблено, если не забыто, так что для толкования надо прибегать к достаточно сложным перифрастическим конструкциям; например, πράγμα τρέλλα 'вещь безумие', εἶναι τόβο ὥρατο αὐτό το πράγμα, ὥστε τρελαίνεσαι κανεῖς 'такая красивая вещь, что от нее можно сойти с ума')³⁰.

Общность формальных и лексико-семантических характеристик позволяет высказать некоторые предположения относительно тенденций к стандартизации аппозитивных конструкций в нгр., что достаточно важно, поскольку это переводит нгр. именные аппозиции из более или менее факкультативных, часто зависящих от требований стиля, во вполне регулярные синтаксические конструкции, подчиняющиеся достаточно жестким закономерностям. Аппозитивные конструкции объединяет еще и то, что их лексический состав и семантику необходимо учитывать по меньшей мере

³⁰ Подобные случаи, а также употребление в качестве второго члена слов с неясной этимологией и малопонятных — τίγκα, м.б., ит. τίγα βουζιόρ, м.б., от 'позор' и пр. подтверждают нецелесообразность сведения синтагм такого рода к трансформе с εἶν поскольку развернуть πράγμα τρέλλα в πράγμα εἶν τρέλλα 'вещь, как безумие' было бы неверно. См. соответствующие рассуждения у А.Тавориса.

наравне с формальными признаками (а в ряде случаев и в большей степени). Эта преобладающая роль значения является одной из важнейших черт структуры современного нгр., что будет подробнее изложено ниже.

Именные аппозиции, подобные рассмотренным выше, целесообразно рассматривать как частный случай осуществления более общего способа связи или расположения составляющих во фразе — соположения (*juxtaposition*). Этот способ связи, который выражается в отсутствии или завуалированности формальных средств выражения самой связи, а во многих случаях — в их факультативности, широко распространен в современном нгр. Не касаясь общих принципов конструирования нгр. фразы, основной характеристикой которой будет прежде всего, пожалуй, относительно свободный порядок слов³¹, остановимся только на основных случаях таких соположений, в которых участвуют существительные. Речь идет о так называемом "наречном", т.е. вторичном синтаксическом, по Е.Куриловичу, употреблении существительных во фразе, когда они исполняют роль обстоятельственных слов и, строго говоря, непосредственно никак не связаны с остальными элементами фразы³²; прежде всего следует упомянуть стандартные употребления существительных в прямом падеже для выражения места, времени, образа действия, причины, цели и пр.:

Τὸν περίμενα μέχρι ἡ ὥρα ὀχτῶ	'Я ждал его до восьми часов'
"Εμεῖνε φυλακὴ πολλὰ χρόνια	'Он провел в тюрьме многие годы'
σταλαματιά σταλαματιά τρέχουν τὰ δάκρυά μου	'каплями текут мои слезы'
ἔλα τὸ μονπάτι	'иди по тропинке'
κρατοῦσε τὸ παιδί ἀγκαλιά	'он заключил ребенка в объятия'

См. так называемый "предикативный" н типа *σπουδάζει γιατρός* 'учится "на" врача' и пр. Кроме того, интересны и случаи нестандартных употреблений, когда соположение по происхождению является эллипсисом конструкции с выраженными формальными показателями, причем эллиптич-

³¹ "В отношении порядка слов греческий сохранил достаточно большую степень свободы, ограниченную лишь для определенных случаев (группы слов) или для определенных элементов (артикли, местоимения, предлоги), место которых фиксировано". См.: A. Mirambel. *Note de syntaxe néo-hellénique: remarques sur la place du verbe dans la*

phrase en grec moderne. "Mélanges E. Boisacq", Paris, 1938, стр. 153.
³² См. прежде всего соответствующие разделы в синтаксисе А. Дзардзано-са ('Α. Τζαρτζάνος. *Νεοελληνική σύνταξις*. 'Εν Ἀθήναις. I, 1946; II, 1953), а также актуальную статью Э. Михевца-Габровца: E. Mihev-Gabrovec. *Les fonctions du substantif dans la phrase grecque moderne*. "Živa Antika," XVII, 1967.

ность достигается именно за счет удаления этих показателей: 'Αθήνα Θεσσαλονίκη вместо ἀπὸ 'Αθήνα μέχρι Θεσσαλονίκη 'от Афин до Салоник' (имеет другую синтаксическую функцию, нежели русское "Москва-Ленинград"); σίδερο βράκι, вместо ἀπὸ σίδερο, σιδερένιο 'железные штаны'; διαμάντι δαχτυλίδι φορεῖς στο χέρι σου, вместо δαχτυλίδι μὲ διαμάντι 'бриллиантовый перстень ты носишь на руке' и т.п. Хотя такие конструкции встречаются относительно редко и характерны для определенных стилистических ситуаций, они существенны при описании механизма соположения, в частности одного из путей его возникновения³³.

По недостатку места здесь не будет затронут такой значительный раздел аппозиции (и/или соположения), как повторение слова – прием, регулярно используемый, в частности, для обозначения высокой степени качества.

Анализируя наречное и аппозитивное употребление существительных, следует остановиться и на морфосинтаксических характеристиках (имеется в виду падеж, о чем уже говорилось выше). В статистически большей части описанных случаев достаточно определить лишь то, что существительное стоит в прямом (N-A), а не в косвенном (G) падеже, различие же N и A имеет значение для ограниченного числа случаев, притом скорее в рамках установления согласовательных классов, чем для однозначного определения синтаксической функции существительного во фразе. Примечательно, в частности, что в уже упомянутой статье Э. Михевц-Габровец, где обобщены и перечислены все основные случаи вторичного синтаксического употребления существительных, ничего специально не говорится о том, какой падеж имеется в виду в каждом отдельном случае – N или A. Между тем только в примерах 5-6 (более чем из 50), приведенных автором, падеж однозначно определяется на морфологическом уровне ἔριξε μὲν ματὶ ἐνὰ γῦρον (A, IV) 'он бросил взгляд вокруг', ποτάμοι (N, VII) μὰς φεύγουνε τὰ δάκρυα 'реками текут у нас слезы' и некоторые другие случаи.

Анализ остальных (и им подобных) случаев подтверждает мысль о незначительности однозначного определения падежа при выборе между N и A, поскольку на первый план выдвигается различие синтаксических функций существительного во фразе (субъектная – объектная – адverbиальная), которые на современном этапе развития нгр. языка довольно регулярно определяются на более высоких уровнях (синтаксическом, се-

³³ См. также замену A в конструкциях типа παίρνει τὸν καθήγορο, τὴν ἀκρὴ τὸ ποτάμι (τὴν ἀκρὴ τοῦ ποταμοῦ 'он идет, не останавливаясь, по берегу реки', когда в определенных семантических ситуациях определение ставится в том же падеже (обычно A) что и определяемое, см.: Α. Τζαρτζάνος. Указ. соч., II, стр. 269.

мантическом, контекстуальном), чем морфологическое установление падежной формы. Например, в такой элементарной нгр. фразе, как *λῑόν-τάρια μάχονται τὰ παλλικάρια* 'как львы сражаются паликары', морфологическая форма существительных допускает осуществление всех трех функций – субъектной, объектной, наречной. (Здесь практически *н* и *а* нейтрализованы полностью, и их различие можно установить только на уровне дистрибутивной парадигматики). Пассивный залог означает, что в предложении не может быть прямого объекта и, следовательно, существительные могут быть либо субъектами, либо употребленными адвербиально. Расположение существительных во фразе (то, что их разделяет предикат) указывает на то, что они не могут быть однородными членами и, следовательно, одно из них – субъект, а другое "адвербо". Дальнейшее различие происходит по наличию-отсутствию формы артикля (артикль стоит при субъекте). Таким образом, на всех этапах анализа различие *н* и *а* не играло роли, существенно было лишь определение того, что это прямой, а не косвенный падеж. Приведенный образец анализа сделан лишь для данного случая и не претендует ни на полноту, ни на универсальность. При более основательной разработке процедуры синтаксического анализа главное внимание придется уделять поискам различительных средств на синтаксическом уровне (поскольку, например, присутствие артикля при субъекте необязательно, ср. *Ἀχμέτ-ἄγας βγαίνει πεζός* 'Ахмет-ага уходит пеший; порядок слов может варьироваться *ἔτρεχε μελίσι ὁ λαός* 'бежал роем пчел народ' и пр.), сводя роль морфологического уровня в основном к различению прямого и косвенного падежей. В данном случае не разбирается вопрос о том, насколько фиксированы и регулярны различительные средства синтаксического уровня (уже упомянутое использование артикля и порядка слов, местоименная реприза и пр.) – наличие их несомненно, а описание должно стать предметом специального исследования.

Естественно, что отмеченное в нгр. явление не уникально, ср. хотя бы такие русские примеры, как весло задело платье, затем Вчерашний день часу в шестом | Зашел я на Сенную, очевидно, вполне аналогичные соответствующим нгр. конструкциям (примеры, естественно, могут быть умножены). Помимо деталей, здесь может идти речь о разном месте в системе таких употреблений в нгр. и, например, в русском. Если для русского можно говорить, скорее, об ограниченном числе достаточно специфических случаев, то в нгр. описанные явления принадлежат к существеннейшим чертам системы.

Из сказанного до сих пор вытекают следующие предварительные выводы:

1. Хотя формально на парадигматическом уровне нгр. язык обладает ресурсами, достаточными для того, чтобы выражать с помощью флективных (падежных) форм соответствующие логико-синтаксические единицы, эти

ресурсы на синтагматическом уровне используются недостаточно. Наблюдаются тенденции: во-первых, сводить падежные оппозиции к бинарной — прямой/косвенный, тем самым перенося тяжесть с определения падежа на определение синтаксических функций имени во фразе; во-вторых, заменять флективные формы (существенно, что практически речь идет о формах косвенного падежа, т.е. *g*) предложными конструкциями (сочетаниями предлогов с прямым падежом).

2. Обладая ресурсами, достаточными для того, чтобы *о д н о з н а ч н о* выражать логико-синтаксические единицы с помощью фиксированных (предложных и некоторых других) аналитических конструкций, нгр. тем не менее проявляет тенденцию заменять конструкции такого рода простым соположением, что в ряде случаев создает двусмысленность при анализе.

В настоящее время в нгр. сосуществуют и функционируют все перечисленные конструкции: флективные, фиксированные аналитические, соположение. Тем не менее можно говорить о направлении, в котором происходит их развитие: флективные конструкции заменяются аналитическими, а те, в свою очередь, соположениями, т.е. такими, в которых формальные грамматические средства выражения сведены к минимуму. Эта синхронная картина находит соответствие в последовательности фаз диахронического развития. Если признать такое состояние нгр. (в границах системы имени) правильным, то возникает вопрос, не есть ли распространение соположения в именных конструкциях лишь частный случай, отражение каких-то более общих тенденций развития глубинных синтаксических структур нгр. языка. Сущностью аппозиции можно считать то, что в ней дается указание на связь между составляющими ее элементами, но нет никаких формальных грамматических средств, указывающих на конкретный характер этой связи. При соположении в ряде случаев может отсутствовать и указание на существование связи. Поэтому центр тяжести падает на лексический, семантический, контекстный и другие уровни. В определенном смысле можно сказать, что в нгр. для понимания прежде всего и обязательно надо знать значение слов, а затем, может быть, и не в полном объеме, применять средства грамматического уровня (разумеется, речь идет не о практических советах по переводу, а о попытке установить порядок шагов, иерархию языковых уровней при анализе). Можно предположить далее, что в глубинных структурах нгр. существует некоторый инвариант того, что на одном уровне воплощается в аппозиции, а на других уровнях находит иное выражение внешне и формально никак не связанное, скажем, с аппозитивными конструкциями, но тем не менее отражающее ту же сущность — сведение к минимуму материальных грамматических показателей, указание (нередко факультативное) на некую связь, с переносом определения ее значения на другие — внеграмматические — уровни. В определенном смысле можно говорить о том, что в основе пред-

полагаемого варианта лежит принцип паратаксиса и что, следовательно, стихия паратаксиса распространяется на разные уровни системы нгр. языка, находя на каждом соответствующие выражения.

Манифестацию паратактических связей можно видеть в таком распространенном, типичном и продуктивном явлении нгр., как сложные слова. Это явление, которое вообще нередко встречается в языках с разрушающимся склонением, представлено в нгр. языке настолько широко, что с помощью сложных слов можно выразить едва ли не все логико-синтаксические ситуации с участием имени³⁴. Основные комбинации составляющих в сложных словах следующие:

- I. $s + s \rightarrow s$ καρδιοκλέφτης 'похититель сердец', καρδιά 'сердце', κλέφτης 'похититель'
2. Adj. + $s \rightarrow s$ πικροδάφνη 'олеандр', δάφνη, πικρός 'горький, лавр'
3. Num. + $s \rightarrow s$ τριβράχο 'перекресток' τρί= 'три' раза, στράτα 'дорога'
4. v + $s \rightarrow s$ φουσκοθαλασσιά 'волнение на море', φουσκώνω 'раздуваться', θάλασσα 'море'
5. $s + v \rightarrow s$ γυναικοθήρας 'ловелас', γυνίκα 'женщина', Θηρεύω 'охотиться'
6. $s + s \rightarrow$ Adj. διδερκοκάρδος 'жестокосердый', σίδερο 'железо', καρδιά 'сердце'
7. Adj + $s \rightarrow$ Adj. γαλανομάτης 'голубоглазый', γαλανός 'голубой', μάτι 'глаз'
8. $s +$ Adj. $\rightarrow$ Adj. ροδοκόκκινος 'розовый', ρόδο 'роза', κόκκινος 'красный'
9. Adj. + Adj. $\rightarrow$ Adj. βαθυκόκκινος 'темнокрасный', βαθύς 'глубокий', κόκκινος 'красный'
10. Num. + $s \rightarrow$ Adj. έφτάψυχος 'двуличный', έφτά 'семь', ψυχή 'душа'
11. Num. + Adj. $\rightarrow$ Adj. πεντάμορφη 'очень красивая', πέντε 'пять', όμορφη 'красивая'
12. v + $s \rightarrow$ Adj. τρεμοχέρης 'с дрожащими руками', τρέμω 'дрожу', χέρι 'рука'
13. $s + v \rightarrow v$ μοσχομυρίζω 'благоухать', μόσκος 'мускус', μυρίζω 'пахнуть'

³⁴ Ср. также использование сложных слов в качестве стилистического приема:

Στρογγυλομηλοπρόσωπη, νεραντζομαγουλάτη, κανελλακαρυ[δ]οζυμωτή, μοσχородοκλωνάτη
 '[Девушка] с-лицом-круглым-как-яблоко, со-щеками-как-померанец, замешанная-на-зернах-корицы, [похожая на] ветку-мускатной-розы.
 См.: S.Baud-Bauvy, Chansons du Dodécanèse, I. Athènes, 1935, стр. 146.

14. Adj. + v → v γλυκοφιῶ 'нежно целовать', γλυκός 'сладкий',
φιῶ 'целовать'

15. v + v → v ἀνερોકατεβαίνω 'спускаться-подниматься', ἀνεβαίνω
'подниматься', κατεβαίνω 'спускаться'.³⁵

Некоторая, может быть, излишняя, подробность в перечислении соблю-
дена для того, чтобы показать, что в состав нгр. сложных слов входят
в общем все те же элементы и в тех же сочетаниях, что и в соответ-
ствующие логико-синтаксические единицы. Разница заключается, однако,
в том, что в сложных словах содержится только указание на наличие
связи элементов (слитное написание, соединяющий основы гласный *ο/υ*
передвижка ударения, в ряде случаев – для существительных – переход
в средний род с основой на =ο), но не определяется семантика этой
связи. Поэтому семантическая классификация сложных слов может осу-
ществляться, в частности, с помощью соответствующих им трансформов,
определение которых, в свою очередь, нередко основано на анализе
лексических элементов³⁶. Ср., например, сложные слова, трансформом
которых является атрибутивная синтагма вида *s + s_G*:

πονοκέφαλος, πόνος τοῦ κεφάλου 'головная боль'

γλαροφωλιά, φωλιά τῶν γλάρων 'гнездо чайки'

ἄκροτάλι, ἄκρη τοῦ γιᾶλου 'берег моря'

ρίζοβουνι, ρίζα τοῦ βουνοῦ 'подножие горы'

νερόμυλος, μύλος τοῦ νεροῦ 'водяная мельница' и пр.

Таким образом, с определенной точки зрения в сложных словах можно
видеть особый вариант проявления паратактической или – уже аппозитив-
ной связи³⁷. Примечательно, что внутри этой паратактической связи, в
свою очередь, исключительно по семантическим основаниям (поскольку
никаких формальных показателей в самом слове обнаружить невозможно)³⁸
выделяются два типа связи – паратактическая и гипотактическая. Мани-
фестируется это различие в том, что этим типам связи соответствуют
разные трансформы. Речь идет о группе сложных слов, образованных по

³⁵ См.: A. Mirambel. Grammaire du grec moderne, стр. 220.

³⁶ См. соответствующую классификацию в работе: Μ. Τριανταφυλλίδης.
Μικρὴ νεοελληνικὴ γραμματικὴ.

³⁷ Мысль об аналогии сложных слов аппозитивным конструкциям высказы-
валась, в частности А. Буассеном, см.: H. Boissin. Une formation
balkanique aberrante de composés. "Godišnjak", I, Balkanološki ins-
titut, Sarajevo, 1957. Ср. интересные и существенные в аспекте бал-
канистики аналогии в тюркских языках: К. М. Л ю б и м о в. Об од-
ной группе словосочетаний в тюркских языках. – ВЯ, 1969. № 5.

³⁸ Ср. приведенный дистих; достаточно сложные синтаксические связи
между компонентами сложных слов формально не выражены (правда,
определенную роль играет порядок компонентов) см. стр.

типу dvandva которым, естественно, соответствуют синтаксические сочетания с паратактической связью:

ἀνδρόγυνο, ἄνδρας καὶ γυναῖκα 'муж и жена'
 γυναῖκόπαιδα, γυναῖκες καὶ παῖδιά 'женщины и дети'
 νεροχίονο, νερό καὶ χιόνι 'дождь и снег'
 μαχαιροπήρουνο, μαχαίρι καὶ πηρουν. 'нож и вилка'
 σαββατοκύριακο, σάββατο καὶ κυριακή 'суббота и воскресенье'.

Ср. интересные новообразования периода I мировой войны:

Γερμανοβούλγαροι 'немцы и болгары'

Ἀγγλογάλλοι 'англичане и французы',³⁹

и аналогичные этому⁴⁰

Τὰ Κλιμεντοκαῖα - общее название двух объединенных деревень
 в Пелопоннесе

Οἱ Ὑδραῖοι πετσίωται - 'идреоты и спечиоты' (жители соответствующих
 мест)⁴¹.

К тому типу сложных слов, в которых связь компонентов можно интерпретировать как паратактическую (или аппозитивную), очевидно, следует отнести и сложные слова, образованные из сочетания имени и фамилии или существительных типа господин, дядя, тетя, мастер и пр. с собственным именем — Νίκος Τσάρας — Νικοτσάρας, Γλέζος Θόδωρος — Γλεζοθόδωρος и пр. В остальных случаях связь между компонентами определяется как гипотактическая, осуществляющаяся в синтаксических сочетаниях типа $s + s_G$. Для них уже имеет смысл говорить о порядке компонентов как о средстве для анализа (первым этапом которого должно быть установление того, что разбираемое сложное слово не относится к типу dvandva или к отмеченной выше аппозиции, что возможно, пожалуй, глав-

³⁹ См.: J. Mavrogordato. Modern greek dvandva compounds. "The Classical Quarterly", xiv, 1920, № 3-4, стр. 186. Ср. в связи с этим интересное слово δ Σερβοαρβανιτορουμγαρόβλαχος — сербо-албанско-болгаро-румын, с пейоративным значением, см.: С.Нёг. Указ. соч., стр. 93.

⁴⁰ См.: H. C. Müller. Greek dvandva compounds. "The Classical Quarterly", xiv, 1920, № I, стр. 48.

⁴¹ Ср. некоторые диалектные примеры: πλουθυρία 'богатство и здорье', ημερονίκτιον 'день и ночь', τυρόψωμο 'сыр и хлеб' (Γ. Παγκάλος. Указ. соч., стр. 421); βοῖδογάλακτα 'быки и коровы', βταράχερο 'зерно и солома' (Γ. Ἀναγνωστόπουλος. Περί ιδιωμάτων ... стр. 457); ἀρνόριφα 'ягнята и козлята', ντζυάλετρο 'ядро и плут', μηλοροδάκινα 'яблочки и персики' (Ἀ. Καραναστάσης. Τό ιδίωμα τῆς Ἀστυπалаῖας. «Λεξικογραφικόν Δελτίον» УШ, 1958, стр. 137) и др.

ным образом с привлечением лексического уровня)⁴². Рассмотрение сложных слов в таком аспекте позволяет приравнивать или, во всяком случае, сопоставлять их с соответствующими (и, может быть, даже эквивалентными им) синтаксическими конструкциями. Этому способствует, в частности, и то, что нередко (и не только в случаях паратактического соединения) значение сложного слова не выходит за пределы значения составляющих его компонентов, т.е. не является новым, по сравнению с ними, понятием (ср. *κεραμίδοκόβματο* 'кусок черепицы', *ὀχτώωρο* 'восемь часов' и пр.). Тогда, с некоторыми допущениями, можно предположить существование в нгр. еще одного самостоятельного способа для выражения логико-синтаксических единиц – словосложения, независимого от флексивных, предложных и аппозитивных конструкций. Заслуживает особого внимания то, что тип связи составляющих сложное слово элементов по существу принадлежит именно к области паратаксиса.

С наибольшей очевидностью паратактические связи проявляются в той области синтаксиса, к которой принадлежат способы построения фразы и способы соединения фраз между собой. В пределах простого предложения паратаксис можно видеть прежде всего в широко распространенной именной фразе⁴³, когда отсутствие глагольного предиката приводит к тому, что именные элементы фразы оказываются в простом соположении (при свободном порядке слов имя-субъект отличается от имени-предиката в большинстве случаев по наличию-отсутствию артикля)⁴⁴:

παθήματα μαθήματα

'несчастья – уроки
(несчастья учат)'

Καλύτερα μίᾱς ὥρας ἐλεύθερῃ ζωῇ

'Лучше один час свободной жизни,

Παρά σαράντα χρόνια σκλαβιά καὶ φυλακή –

Чем сорок лет рабства и тюрьмы'
(Р.Фереос)

Οὐτε ὁ Αὐγούστος χειμῶνας, οὐτε ὁ Μάρτης καλοκαίρι

'И август – не зима,
и март – не лето'

⁴² Подробный анализ механизма образования сложных слов см.: N.P. Andriotis, Die wechselnde Stellung von Kompositionsgliedern im Spät-, Mittel- und Neugriechischen. "Glotta", XXVII, 1939.

⁴³ Эта черта, характерная и для димотики и для диалектов, подробно описана А.Мирамбелем, в частности, в книге: A. Mirambel, La langue grecque moderne. Description..., 1959, стр. 257–276, 296–334; см. также о проявлениях паратаксиса в современном поэтическом языке: О Н Ж Е. Georges Sériés et la langue poétique dans la Grèce moderne, "Revue des études grecques", 79, 1966, N 376–378.

⁴⁴ Хотя в нгр. возможно употребление определенного артикля и при именной части составного сказуемого, см.: A. Mirambel, Remarques de syntaxe néo-grecque: l'emploi de l'article défini. – BSLP, 40, 1939, N 1–2, стр. 65.

Παντ' ἀνοικτὰ, παντ' ἄγρυπνα 'Всегда открыты, всегда бессонны
 τὰ μάτια τῆς ψυχῆς μου Глаза моей души' (Д.Соломос)
 ...διψᾶσαμε τὸ μεσημέρι' ...мы хотели пить в полдень;
 μὰ τὸ νερό γλυφὸ. но вода [была] солоноватой'
 Ρίζες τὰ νεύρα του 'Его нервы – корни'
 'Ο ποιητής ἔνα κενό' 'Поэт – пустота'
 (последние три примера из Γ.Сефериса).

Ср. также использование именной фразы в фольклоре:

Ἡ μαύρη γῆς γυναίκα μου κι' ἡ πλάκα πεθερά μου
 Καί τὰ χαλικοπέτραδα ἀδέρφια καὶ παιδιὰ μου
 'Черная земля – моя жена, и каменная плита – теща,
 И мелкие камешки – мои братья, сестры и дети.'⁴⁵
 Στὸν οὐρανὸν ἡ Ἀρτεμις, στὴν γῆν ἡ Περσεφόνη
 τζ'αὶ στὸν τὸν γέριμον ντυνᾷ μόνον ἐσού'σαι μόνη
 'На небе – Артемида, на земле – Персефона,
 а в пустынном мире есть только ты одна.'⁴⁶

В одном из видов именной фразы вместо (или в качестве) связки выступает сочинительный союз καί – и:

Κάθε κορφὴ καὶ γλάμβουρο, κάθε βρύση καὶ κλέφτης
 'Каждая вершина – и знамя, каждый родник – и клефт'
 Κάθε ἀρχὴ καὶ δύσκολη 'Всякое начало и трудно'
 Κάθε μέρα καὶ ἓνα ἀριστοῦρ- 'Каждый день и шедевр!' (реклама
 γῆμα! недели болгарского кино).

(Впрочем, здесь можно видеть застывший оборот καὶ ... καί)

К именным фразам можно причислить и такие интересные случаи, когда в роли verbum finitum выступает существительное:

Χαρές ἐκεῖνοι, μόλις τὸν εἶδαν (= χάρηκαν ἐκεῖνοι)
 'Радости (обрадовались) они, как только его увидели'
 Γαμπρός καὶ πεθερικά φόβο καὶ τρόμο (= φοβότανε καὶ τρεμό-
 τανέ)
 'Жених и его родители страх и дрожь (боялись и дрожали)'.

Отчасти к этому примыкает и абсолютное употребление деепричастия, близкое к древнегреческому G absol⁴⁷.

Βγαίνοντας ὁ ἥλιος εἶδαν οἱ Τῦρκοι πιασμένο τὸ χωριό.
 'На восходе солнца турки увидели, что деревня занята'.

⁴⁵ См.: Κ. Σακελλαρίδης. Τό νιουριακό δημοτικὸ τραγούδι. «Νιουριακά», Ἀθήναι, 1965, II, стр.94.

⁴⁶ См.: Κυπριακή ἐρωτικὰ διόστιχα. «Λαογραφία», 1957-1958, № I, стр.271. – А.Дзардзанос приводит список глаголов, которые пропускаются чаще других; среди них – γίνομαι, βρίσκωμαι, θυμωαίνω, ἔρχομαι, ἔχω и др. См.: Ἀ. Τζαρτζάνος. Указ.соч., II, стр.292-293.

⁴⁷ См.: A.Mirambel. Participe et gérondif en grec médiéval et modieaval et moderne.-BSLP, 56, 1961, стр. 59.

Σημερώνοντας Λαμπρή πῆγα εἰς Ἀρτα

'на рассвете Пасхи я отправился в Арту',

а также редкое употребление деепричастия, вместо *verbum finitum*⁴⁸, ср.

у Г. Сефериса:

Τρία κόκκινα περιστέρια μέσα στο φῶς
Χαρίζοντας τῇ μοῖρᾳ μας, μέσα στο φῶς
Μέ χρήματα καί χειρονομίες ἀνθρώπων
Ποῦ ἀγαπήσαμε.

'Три красных голубя среди света

Чертя нашу судьбу среди света

Красками и жестами людей

Которых мы любили'.

На уровне сложного предложения к проявлению паратактических связей следует прежде всего отнести бессоюзное соединение главного и придаточного предложений. Хотя такое соединение трактуется (и, возможно, ощущается) как эллипсис, и нормативным считается употребление в таких случаях соответствующих подчинительных союзов, все же эти конструкции достаточно самостоятельны и независимы (ср. под. в отношении эллиптических синтагм). Во всяком случае такое широкое распространение эллипсиса⁴⁹ (который практически приводит к развитию конструкций на основе соположения) само по себе может являться одним из путей проникновения паратаксиса в синтаксическую структуру нгр. См. прежде всего пропуск союза в случаях, когда глагол в главном предложении относится к группе *sentiendi, dicendi, cogitandi*:

Τὸν ἀκούσα διάβαζε στο βιβλίό του (= ποῦ, πῶς διαβάζε)

'Я услышал, что он читал в своей комнате',

⁴⁸ Некоторые исследователи склонны были видеть в позднегреческом случае употребления причастия в роли или вместо *verbum finitum*. Против такого взгляда решительно высказывался Я. Фриск, см.: H. Frisk. *Partizipium und Verbum finitum in Spätgriechischen*, "Glotta", I7, 1928-29, № I-2.

⁴⁹ Ср., например, прием антисимметрического параллелизма, типичный для фольклора (Φ. Κακρίδης. Ἀντισυμμετρία. «Ἑλληνικά», 1966, I9, № 2):

Οἱ κάμποι τρέφουν ἄλογα καί τᾶ βουνά λεβέντες

'Поля вскармливают коней, а горы - храбрецов'

Ἀπό τῇ γῇ βγαίνει νερό κι' ἀπ' τὴν ἐλιά τὸ λάδι

'Из земли выходит вода, а из оливы - масло'

Ἀφήνει ἡ μάνα τὸ παιδί καί τὸ παιδί τῇ μάνα

'Покидает мать дитя, а дитя - мать'

Φοβᾶτ' ὁ Γιάννης τὸ θηριό καί τὸ θηριό τὸ Γιάννη

'Бойтся Яннис зверя, а зверь - Янниса' и т.д.

Πιστεύω ἔφυγε γιὰ τὸ Παρίσι (= πῶς ἔφυγε)

‘Я думаю, [что] он уехал в Париж’ и т.д.

Асиндетон в сложноподчиненном предложении более характерен для фольклора:

Ποὺς σ' τὸ εἶπε, δένιρουλάκι μου, δέ σ' ἀγαπῶ, πουλάκι μου; (= πῶς δε...)

‘Кто тебе сказал, мое деревце, [что] я не люблю тебя, мой птенчик?’

Νὰ πάτε, νὰ τῆς πῆτε μὴ μέ καρτερῇ (= νὰ μὴ...)

‘Пойдите, скажите ей, [чтобы] она меня не ждала’

Λυποῦμαι τὴν μαννούλα σου, ἄλλον υἱόν δέν ἔχει (= πού, διότι δέν ἔχει)

‘Я жалею твою мамочку, [у которой] нет другого сына’⁵⁰.

Но наиболее типичным (и признанным) считается употребление сочинительного союза в сложноподчиненных предложениях, где он может присоединять придаточные дополнительные, определительные, причины, цели, следствия, времени и некоторые другие⁵¹:

Βλέπω καί χαμογελάς ‘Я вижу, и [что] ты смеешься’

Ἔμαθα καί παντρεύτηκες ‘Я узнал, и [что] ты женился’

Случай, когда в главном предложении употреблен глагол ἀρχίζω начинать⁵²:

Ἀρχίζει καί διαβάζει ‘Он начинает и читает (читать)’

Ἀρχίζει καί λέει ‘Он начинает и говорит’

Ὁ καιρὸς ἀρχίζει καί χαλάζει ‘Погода начинает и портится’

Μὰ εἶναι στιγμές καί βρῆνονται.

‘Но есть мгновения, [которые] стираются’ (Г. Сеферис)

Τ' ἄστρη πολέμου κ' ἔγραφα καί μέτρουν ἓνα ἓνα...

‘Я пытался переписать звезды и пересчитать их по одной...’

Μὴ μέ τυραννᾶς καί κλαίω

‘Не мучь меня [так, что] я плачу’

⁵⁰ См.: Α. Τζαρτζάνος. Указ. соч., II стр. 13–14.

⁵¹ См. прежде всего соответствующий раздел у А. Дзардзаноса, а также: A. Thumb. Neugriechische Volkssprache. Strassburg, 1895, стр. 123. О Н Ж Е. Grammatik der neugriechischen Volkssprache, стр. 73. A. Mitrabel. Subordination et expression temporelle en grec moderne. -BSLP, 52, 1956, N 1, стр. 247–249; О Н Ж Е. La place du verbe dans la phrase en grec moderne. стр. 157; О Н Ж Е. Syntaxe néo-hellénique et structure de la langue, стр. 181; N. P. Andriotis, G. Kourmoulis. Questions de la linguistique balkanique et l'apport de la langue grecque. "Actes du premier congrès international des études balkaniques et sud-est européennes", VI, Sofia, 1968, стр. 28.

⁵² Ограничивать значение глагола ἀρχίζω лишь грамматическим указанием инхоативности нельзя, поскольку можно найти аналогичные конструкции, где он полнозначен, ср. в русском ‘белые начинают и выигрывают’ (в шахматных задачах).

Ἄν εἶσαι ὁ Χάρως διάβαινε κι ἄλλα παιδιὰ δὲν ἔχω
 'Если ты Харон, уходи, [потому что] у меня нет других детей'
 Πῶς συνέβηκε κι' ἄφηβες τὸ σχολεῖο κι' ἔγινες ψαράς;

'Как случилось, [что] ты бросил школу и стал рыбаком?'
 Τὸ ἦῤρα (φιδάκι) καὶ θέλανε νὰ τὸ σκοτώσουυ δύο παιδιὰ
 'Я увидел ее (змею), [когда] двое детей собирались ее убить'

Ср. также некоторые языковые штампы типа *λές καί* вместо *λές πῶς*
 'можно сказать, что..., как будто...'

Λές καί ἡ θάλασσα κοιμάται 'Море как будто спит'
Μές τῆς τῆς τῆς ἀγκυλιά 'В объятиях земли' (Д.Соломос)⁵³ и пр.

Когда говорится о том, что *καί* выступает вместо союзов и союзных слов (*νὰ, πού, πῶς, τὰς, ὥστε, μήπως* и др.), имеются в виду, по крайней мере, три рода фактов: 1) диахронически предложения с подчинительными союзами в данной ситуации предшествовали появлению предложений с *καί* (что не означает, впрочем, отсутствия подчинительных нюансов, например, в дгр. *καί*); 2) в современном языке возможна для предложений одного и того же содержания и структуры вариантность *καί* и подчинительных союзов; 3) при переводе на некоторые другие языки, обладающие как сочинительными, так и подчинительными союзами, данные нгр. предложения с *καί* передаются, как правило, с помощью подчинительных союзов. Вместе с тем следует отметить, что в ряде современных западно-европейских языков, как в разговорных их вариантах, так и в индивидуальных литературных стилях, сочинительные союзы вытесняют подчинительные во многих ситуациях, где раньше употреблялись исключительно подчинительные союзы (ср., например, современный французский язык). Поскольку паратаксис в сложном предложении не является непосредственной темой настоящей работы, мы ограничимся приведенными примерами, хотя они далеко не исчерпывают всех случаев конструкций такого рода.

Явления, о которых здесь шла речь, относятся к разным синтаксическим единицам — элементарная синтаксическая конструкция, простое предложение, сложное предложение — и отчасти захватывают словосложение. Все они тем не менее с определенностью списываются в единую систему паратактических отношений. Специфика этой системы для нгр. проявляется прежде всего в том, что предельный лаконизм грамматических средств, которыми она характеризуется, при анализе приводит к едва ли не регулярной нейтрализации логико-синтаксических средств⁵⁴ (при том что сред-

⁵³ Ср. у Тютчева: Ты скажешь: ветреная Геба...

⁵⁴ Что далеко не обязательно, ср. регулярный паратаксис сложноподчиненных предложений в английском, как правило, не приводящий к двусмысленности — For so swiftly she ran, the sight | Could not follow it in its flight.

ства для разрешения нейтрализации часто надо искать на внеграмматических уровнях). С другой стороны, использование в нгр. паратаксиста облегчает операции синтеза, когда – в крайних теоретических случаях – может идти речь едва ли не о простом подборе лексем, соответствующих данной семантической ситуации. Больше того, в определенном смысле (и для категории существительного) можно говорить о появлении признаков морфологической смазанности. Это проявляется прежде всего в том, что, например, существительное может выступать без ограничения в роли почти всех логико-синтаксических единиц. В этом случае, по верному замечанию Э.Михевц-Габровец (использующей идеи Э.Бейссанса о функциональности в применении к языковым фактам), "традиционная классификация частей речи перестает быть удовлетворительной... мы встречаем выражение, которое является существительным только по форме, в то время как по своей функции во фразе оно принадлежит к атрибутивным прилагательным, к наречиям и т.д..., а иногда выполняет и роль предиката"⁵⁵.

Доказательством таких изменений можно счесть и ту легкость, с которой слово, принадлежащее к любой части речи, и даже некоторые синтаксические конструкции могут перейти в категорию существительного: для этого в большинстве случаев не требуется никакого грамматического переоформления – достаточно лишь прибавления артикля (ср. аналогичное оформление заимствований прибавлением артикля среднего рода *тo ренар арзантe* – 'чернобурая лиса' и пр.): *тo калo* – 'добро', *тo eгw* – 'я' ("мое я"), *бa пeтaхтa* – 'поспешно', *тo eмпa кaс тo eвpa* – 'вход и выход' (досл. 'вошел и вышел'), *тo пwс* – 'как' (s.), *тo пoтe* – 'время, когда' и т.п.⁵⁶ В рамках функционализма и это явление можно отнести не столько к морфологическому, сколько к синтаксическому плану. В сущности, прибавление артикля не обозначает того, что новообразование приобретает морфологические характеристики существительного, в частности, способность изменяться по числам и падежам (это касается лишь субстантивированных прилагательных, типологически из-за своей универсальности не представляющих интереса; в остальных случаях изменяется только артикль, он же и определяет согласовательный класс существительного). Субстантивация с помощью артикля означает расширение и изменение синтаксических функций исходного слова, главным образом то, что оно может выполнять во фразе роль субъекта и объекта. Сводя воедино оба описанных процесса, можно говорить о возникновении в морфологической системе некоторой неустойчивости, взаимопроникновения разных частей речи, что манифестируется в перераспределении традиционно присущих им синтаксических функций. Логично

⁵⁵ E.Mihევc-Gabrovéc. Указ. соч., стр.145.

⁵⁶ A.Mirambel. L'emploi de l'article défini, стр.63-64.

предположить, что такое перераспределение усложняет анализ и одновременно упрощает синтез: с одной стороны, отнесение анализируемого слова к морфологическому классу в значительно меньшем числе случаев может способствовать однозначному определению его синтаксической функции в конструкции (при анализе), с другой стороны, меньшая значимость принадлежности слова к определенному морфологическому классу позволяет проводить синтез, как уже было сказано, едва ли не на уровне лексем. Такие свойства нгр. по отношению к процессам анализа и синтеза позволяют говорить о том, что в нгр. проявляется тенденция приближения к синтетически простому языку с одновременным удалением от аналитически простого⁵⁷. Этот вывод весьма существен, поскольку он означает, что в своем развитии (или функционировании) нгр. идет по пути, общему с другими языками, входящими в балканский языковой союз (БЯС), и, следовательно, испытывает воздействие некоторых общих балканистических процессов. В частности, свойство приближения к синтетически простому языку с одновременным удалением от аналитически простого присуще и другим членам БЯС.

Поместить проанализированные явления нгр. в круг действия балканистических процессов, поставить их в соответствие с другими балканскими языками, входящими в БЯС, важно еще и потому, что каждое из этих явлений не только не уникально, но и встречается в разных языках, никак не связанных с балканским ареалом (это, правда, касается едва ли не всех балканизмов — ср. хотя бы постпозицию артикля в скандинавских языках — и в свое время служило одним из оснований для сомнения в правомерности понятия БЯС).

Аппозиция при существительных с количественным значением, так же как и продуктивное словосложение, характерна прежде всего для немецкого языка; аналогичные аппозитивные конструкции засвидетельствованы, в частности, в западной группе рето-романских диалектов⁵⁸. Другой вид аппозиции, близкой к той, которая здесь названа компаративной, типичен для французского языка (*deux yeux tabac d'Espagne*).⁵⁹ Повто-

⁵⁷ О понятиях моделей синтетически и аналитически простого языка и о близости балканских языков к той или иной модели см.: Т.В.Ц и в Ъ-я н. Указ. соч., стр.183-189.

⁵⁸ *Una glivra charrn* — фунт мяса, *un pair vacheta* — пара коров и пр. См.: M.Iliescu. Une particularité syntaxique romanche d'origine obscure: le groupe nominal formé par deux substantifs juxtaposés. "Revue roumaine de linguistique", XII, 1968, N 5.

⁵⁹ W.Havers. Zur Syntax des Nominativs. "Glotta", 16, 1927, № 1-2, стр.117, где подобная аппозиция сопоставляется с русской Настасья золотая коса. См. также некоторые аналогии: R.L.Wagner. Réflexions à propos des mots construits en français.—BSLP, 63, 1968, N 1, стр. 74.

рение, как способ выражения высокой степени, встречается в определенных речевых стилях русского языка (большой-пребольшой, высокий-высокий и т.д.). Наконец, паратаксис, асиндетон вообще характерны для разговорного языка, для фольклора и в особенности для диалектов (ср.: Увидел Садко, [что] во синем море | Стоит палата, белокаменная) и т.п. Очевидно, что такие сопоставления практически можно продолжать неограниченно. Однако для того, чтобы признать какой-либо язык, не входящий в БЯЗ, "балканским", надо, чтобы он удовлетворил, по крайней мере, следующим условиям: необходимо, чтобы отмечаемые явления принадлежали системе данного языка и при этом были структурно эквивалентны соответствующим балканским; необходимо, чтобы в данном языке отмечалось не одно подобное явление, а определенное их количество, достаточное для того, чтобы приписать их возникновение постулированным свойствам БЯС. В противном случае речь может идти не более чем о фрагментарных, достаточно случайных параллелях, имеющих значение скорее для типологии в общем виде.

В нгр. описанные явления выстраиваются в более или менее последовательную иерархию, отражающую некий структурный инвариант и позволяющую прогнозировать дальнейшее развитие системы паратаксиса. Что же касается других, небалканских языков, то обнаруженные в них совпадения не дают основания объединять эти языки ни в одну группу с членами БЯС, ни между собой (если опять-таки не иметь в виду самые общие типологические критерии). Здесь невозможно провести полное и последовательное сопоставление нгр. и какого-либо другого, например, немецкого или французского языков. Но, поскольку эта проблема далеко не нова, в данном случае вполне можно ограничиться приведенной аргументацией. Более актуальной и существенной представляется задача последовательного сопоставления нгр. с другими языками, входящими в БЯС, тем более, что практически разработана процедура сравнительного анализа в структурном плане (или, во всяком случае, установлены некоторые универсальные приемы).

Так, в данном случае поиски корреспондирующих явлений в балканских языках должны подчиняться следующей гипотезе: одним из актуальных и, может быть, универсальных процессов, действующих в БЯС, является движение языков по направлению к модели синтетически простого языка с одновременным удалением от аналитически простого. Этот процесс находит свое выражение, в частности, в распространении паратаксиса, что явно или скрыто проявляется на разных уровнях, находя на каждом индивидуальные и, с первого взгляда, быть может, кажущиеся непоставимыми выражения. Таким образом, паратаксис представляет собой своего рода *innere Sprach-*

form⁶⁰ языков, входящих в БИС. Материальные выражения паратаксиса (понимаемого в самом широком смысле) могут быть самыми разнообразными: от аппозиции и — шире — соположения до перераспределения синтаксических функций слова, что может влиять на изменение морфологической классификации частей речи. К сожалению, здесь нельзя, по недостатку места, провести корректное сравнение по всем балканским языкам, что в конечном итоге могло бы подвести к установлению некоторой, условной и обобщенной, "паратактической схемы" БИС или выработке своего рода анкеты, позволяющей определять те уровни или фрагменты языка, где идея паратаксиса с наибольшей вероятностью может находить свое материальное выражение. Тогда могла бы идти речь о дополнении и расширении списка балканизмов, причем их достоверность увеличивалась бы от того, что они были бы обнаружены в результате систематического и целенаправленного поиска (когда известно, где искать и что можно найти), а не в результате озарения или случайной удачи исследователя.

Частные сопоставления в области паратактических связей уже проводились; было отмечено, что эквивалентные аппозитивные синтагмы с количественным значением стандартны для нгр., болгарского, македонского и албанского языков, и было предложено рассматривать их в аспекте общеславянистических процессов⁶¹. Можно предположить, что если такая синтаксическая конструкция функционирует активно, то сфера ее применения должна расширяться, охватывая новые лексико-семантические ситуации. Поэтому большой интерес представляют не "количественные" синтагмы (нгр. *посѣри верб*, болг. — чаша вода, алб. *gotë ujë* и пр.), а аппозиции с другим значением, что часто принадлежит к фактам живой речи, т.е. находится в процессе возникновения и фиксации. В этом смысле показательны новые семантические виды аппозиции, возникающие в последнее время в болгарском языке (и, очевидно, достаточно продуктивные)⁶².

⁶⁰ О такой трактовке балканизмов см.: Z. Gotf. b. "Balkanisms" in the South Slavic Languages. "The Slav. and East. Eur. Journ." 1962, VI, № 2, стр.140.

⁶¹ См.: Š. Heřman. K balkánským syntaktickým convergencím. "Slavica pragensia," I, 1959, стр.135, где среди прочего говорится о ту-реком источнике таких конструкций. Ср. сходные мысли в работе: Б. К о н е с к и. Историја на македонскиот јазик. Скопје, 1967, стр.127.

⁶² См.: С. С т е ф а н о в. Съществителни имена като безпредложни несъгласувани определения в съвременния български книжовен език. — Изв. ИБЕ, 1968; О н ж е. Възможности за безпредложна съчетаемост на съществителни имена с атрибутивна функция в съвременния българ-

няколко цветя пластмаса - 'несколько цветов пластмассы'
 (ср. нгр. *κορδέλες όλα τα χρώματα*)
иглици сняг - 'иглы снега' (ср. нгр. *νιφάδες χιόνι*)
жанр материал, карикатура - 'жанр материала, карикатуры'
начин стрелба - 'способ стрельбы'
пространство земя - 'пространство земли'
карта България - 'карта Болгарии'
боб яхния - 'яхния (название блюда) из фасоли' (ср. нгр. *φασόλια γιανί*)
всевъзможни турлии ястия - 'всевозможные виды блюд'
 (ср. нгр. *παντοειδῆ τουρλού φαγητά*)
хор ангели - 'хор ангелов'
храст орлови нокти - 'куст жимолости'
език пламък - 'язык пламени'
петно кръв - 'пятно крови'
лента дим - 'лента дыма'
бонбон мента - 'мятная конфета'
сорт круши - 'сорт груш' и пр.⁶³

Для славянской части БЯС описаны аппозитивные синтагмы и с несколько иным значением, приближающиеся в своей части в нгр. компаративным и во многих случаях имеющие несомненно происхождение из турецкого⁶⁴:

бисер венец 'жемчужный венец', досл. 'жемчуг венец'
бисер зъби 'жемчуг зубы', ср. нгр. *δόντια μαργαριτάρια*
мермер дувар 'мрамор стена'
чемшир порти 'самшит ворота'

ски книжовен език. "Език и литература", 1968, № I; см. также К. П о п о в. Синтактично съгласуване в български език. София, 1964, стр. 63-75; В. К а р п о в. Към въпроса за безпредложните съчетания на съществителни имена в съвременния български език. "Български език", XIX, 1969, № 3.

63 В болгарском и македонском существует, кроме того, регулярная аппозиция obj. при отглагольных существительных - писане дописки - 'писание корреспонденций', орането нивјето - 'пахота поля'. В нгр. такая конструкция как будто бы не отмечается. Некоторую аналогию ей можно видеть в следующем фольклорном клише: *Ἀνύμβαλα τσακίσματα | δοῦ στέλλω χαιρετίσματα* 'При раскалывании миндаля | я пишу тебе приветы' (но более распространен вариант со сложным словом - *Στά μυδαλοτσακίσματα ...*).

64 К. Kostov. Zur Entstehung und Anwendung einer substantivischen Fügung in der balkanslavischen Sprachen. "Die Welt der Slaven", XIII, 1968, N 2.

гранит гърди 'гранит грудь'

paun pero 'павлин перо'

mermer avlija 'мрамор двор'

sliva drveta 'слива деревья'

badem drvo 'миндаль дерево'

дукат чело 'дукат лоб'

кристал чело 'хрусталь лоб'

чардак боја 'желтая краска для пола'

костен цвек'е 'цветы каштана'

алтан момче - 'золото мальчик' и пр., ср. алб. *gushë e bardhë bero-*

një 'шея белая, как цветок' (пех *acutifolium*) и под. В этой связи особый интерес представляет румынский язык. Аппозиции, эквивалентные конструкциям с *G* или с предлогом *de* в нем не отмечались, напротив, он противопоставлялся остальным балканским языкам именно по отсутствию таких сочетаний. Тем не менее в настоящее время становится возможным говорить о предпосылках к их возникновению. Это прежде всего распространенный пропуск предлога *de* в сочетании Num. + *s* (в тех случаях, где по правилу он должен быть) - 350 hectare - 350 га, 94 întreprinderi - 94 предприятия и пр.⁶⁵. Кроме того в специфическом тексте (поваренная книга) довольно неожиданно обнаружилились конструкции, полностью совпадающие с количественной аппозитивной синтагмой в других балканских языках: 1 lingură făină, unt, pesmet, oțet, bulion '1 ложка муки, масла, толченых сухарей, уксуса, бульона и пр.' (но есть и 1 lingură *de* făină); 1 rădăcină pătrunjel '1 корень петрушки' (но есть и 1 rădăcină *de* pătrunjel); 1 linguriță sare '1 чайная ложка соли' (но есть и 1 linguriță *de* făină); 1/2 ceașcă smântână, lapte 'пол-чашки сметаны, молока' (но есть и 1 ceașcă *de* lapte); См. также: 1 legătură verdeață - '1 пучок зелени', 50 g unt '50 г масла', 1 pahar smântână '1 стакан сметаны', 1 căpătură usturoi '1 головка чеснока', 1 pahărel coniac '1 рюмка коньяка', 1 baton vanilie '1 палочка ванили' и т.д. Если даже считать эти примеры случайными и единственными в своем роде (в данном случае дефекты стиля несущественны), все же сама возможность их появления, их полная аналогия, вплоть до лексических соответствий с параллельными стандартными аппозитивными синтагмами в остальных балканских языках, достаточно показательна. Она показательна тем более, что в румынском языке (во всяком случае в определенном стиле) существует аппозиция, в общем эквивалентная нтр. компаративной⁶⁶, а это, по высказанной гипотезе, достаточно для того,

⁶⁵ "Предлог *de* ошибочно пропускается после числительных" - см.:

J. Jordan, V. Guțu-Romalo, A. Niculescu. Structura morfologică a limbii române contemporane. București, 1967, стр. 288.

⁶⁶ Gramatica limbii române. București, I, 1954, стр. 186.

чтобы предполагать существование подобных аппозиций, но с иным значением. См. некоторые примеры компаративной аппозиции в румынском: negru corb 'очень черный (как ворон)', ср. нгр. маѹро корѹк; negru tăciune 'очень черный (как головешка)'; scump foc 'очень дорогой (как огонь)'; supărat foc 'очень сердитый (как огонь)'; singur cuc 'очень одинокий (как кукушка)' и т.д.

С ними можно сопоставить аппозитивные конструкции эллипсисы, образовавшиеся в результате пропуска предлога cu: Moș Radule, barba sură 'Дед Радуде седая борода' и под.

В области синтаксиса сложного предложения глубокие аналогии с нгр. обнаруживает албанский⁶⁷, в котором сочинительный союз e, edhe 'и' широко употребляется для присоединения придаточных дополнительных, причинных, целевых, следственных и пр., а также заменяет так называемый балканский конъюнктив после *verba dicendi, sentiendi, cogitandi*: ra e fjeti 'он лег спать (досл. он лег и спал)'; mori e tha 'он начал говорить' (ср. нгр. зрхѣзе каѣ лѣеѣ); aștu zuri djali ë i bij tamburait 'так начал мальчик играть на скрипке' и т.д.

Особого интереса (поскольку употребление e в сложноподчиненных предложениях — обычное, а не из ряда вон выходящее явление в албанском, как и в нгр.) заслуживает рассмотрение сходных употреблений и в некоторых дакорумынских диалектах (кришанский, молдавский), что было отмечено сравнительно недавно⁶⁸. Здесь сочинительный союз și присоединяет придаточные предложения, которые по правилу (и по узусу) должны были бы присоединяться с помощью să, например: merg la școală și învăț — 'я иду в школу учиться' (досл. 'и учусь'), pune pe masă pi-tă și sare și apă și aibă ursitorii ce mănca 'поставь на стол хлеб и соль и воду, чтобы волшебникам было что поесть' (досл. 'и волшебники

⁶⁷ Эти черты отмечены у Х.Педерсена и Г.Мейера. См. также обобщающую статью Э.Френкеля: E. Fraenkel, Zur Parataxe und Hypotaxe im Griechischen, Baltoslavischen und Albanischen, -IF, 43, 1925, № 2, где автор среди прочего сближает албанское e со славянским да, одновременно имеющим и сочинительное и подчинительное значение (стр. 304). В старославянском языке отмечены и сходные случаи употребления союза и: Е. Д о г р а м а д ж и е в а. Значение и функции на съюза и в старобългарски език "Български език", XVII, 1967, № 3, стр. 214–215 (на материале Супрасльской рукописи).

⁶⁸ I. Gueție. Observații asupra folosirii conjuncțiilor subordonatoare circumstanțiale în graiurile dacoromâne. "Fonetica și dialectologie", III, 1961, стр. 160; R. Todoran. Despre și "să" în graiurile dacoromâne. "Cercetări de lingvistică", XI, 1966, N 2.

имеют...),⁶⁹. Примечательно, что случаи такого употребления засвидетельствованы в диалектах, которые могут испытывать на себе влияние венгерского и украинского языков (где подобные случаи не отмечены). Это, как будто бы, свидетельствует о том, что здесь нет никакой связи с балканистическими процессами. Между тем, если допустить существование некоего "общеевропейского инварианта", общей типологической схемы, которая по-разному и на разных уровнях отражается в членах БЭС (в данном случае таким инвариантом является паратаксис), то появление таких конструкций будет вполне логичным, а в ряде случаев и предсказуемым. Напрашивается и следующее предположение: если допустить, что развитие любого языка, входящего в БЭС, в разной степени соответствует теоретической общеевропейской модели (разумеется, речь идет о структурных сходствах, а не о материальных совпадениях и слиянии балканских языков), то любое иноязычное влияние может служить катализатором для выявления каких-то балканизмов, до сих пор существовавших в скрытом виде (что правдоподобно и для случая упомянутых дакорумунских диалектов). В связи с этим весьма важна регистрация новых образований на любых уровнях языка с последующим анализом того, насколько они соответствуют/не соответствуют предполагаемой общеевропейской системе.⁷⁰

Здесь были приведены примеры лишь наиболее явных и наглядных совпадений, и не были затронуты многие параллели, которые также могут оказаться весьма существенными. Так, несомненно, интересные в балканистическом плане результаты даст сравнительно-типологический анализ сложных слов (что отчасти, в основном на албанском и нгр. материале сделал А.Буассен в уже упомянутой статье). Целесообразно вести сравнение по разным направлениям, главные из которых, как представляется, следующие: 1) семантическая классификация; 2) синтаксическая классификация, практически выливающаяся в установление соответствующих трансформов, или исходных синтаксических конструкций, где существенны способы связи — паратаксис (ср. нгр. αγοραπωλησία, болгарское взема-не-даване) или гипотаксис; 3) способ оформления основ (или словоформ)

⁶⁹ В данной работе не учитываются изменения в употреблении наклонений после сочинительных и подчинительных союзов.

⁷⁰ Здесь снова можно обратиться к румынскому языку и тем заслуживающим внимания синтаксическим изменениям, которые там отмечаются в настоящее время; см., например: Iordan. *Tendințe sintactice în limba română actuală*, "Studii și cercetări lingvistice", XVII, N 6, 1966; R.Todoran. *În legătură cu și «să» în graiurile dacoromâne*, Căci conjuncție completivă directă, "Cercetări de lingvistică", XIII, 1968, N 1, S.T. e i. u. Valori apropiate de subordonare ale conjuncției și în fraza populară. "Studii și cercetări lingvistice", XX, N 4, 1969.

в сложное слово (прежде всего, наличие/отсутствие специальных формантов). В последнем случае заслуживает внимания сербско-хорватский язык в котором существует категория сложных слов, полностью эквивалентная соответствующим исходным синтаксическим конструкциям не только по значению, но и по форме (единственным показателем и только в письменной речи является слитное написание)⁷¹, например, *domazet-doma zet*, *ništačovjek*, *svemoguć* и пр. (ср. некоторые параллели типа Великден в болгарском). Явления такого рода подтверждают мысль о том, что балканское словосложение в определенном смысле можно рассматривать как самостоятельный способ конструирования синтагм, т.е. рассматривать его в синтаксическом (помимо других) плане.

Специального систематического анализа требует синтаксис простого и сложного предложения, где существенны такие проявления паратаксиста, как, например, асиндетон в сложноподчиненном предложении; в определенном аспекте сюда же можно отнести распространение именной фразы, многочисленные виды эллипсиса. Сложность сравнения этих явлений заключается в том, что нужны весьма веские доказательства для того, чтобы трактовать подобные явления как специфически балканские. Дело в том, что, во-первых, такие свойства отмечаются в синтаксической структуре многих языков, не имеющих отношения к БЯС, и, во-вторых, эти явления достаточно тесно связаны с определенными речевыми стилями (и, более узко, даже с литературными модами и течениями), что сразу переводит их в несколько иной план. Поэтому здесь в особенности нужна тщательно разработанная процедура анализа "на балканистичность". Естественно, что существуют и многочисленные иные аспекты рассмотрения и сравнения синтаксических структур языков, входящих в БЯС.

В цели данной статьи входило рассмотрение ряда элементарных синтаксических конструкций нгр. языка в плане действия балканистических процессов. Результаты этого рассмотрения, как представляется, делают возможными следующие предварительные выводы:

- 1) одной из основных характеристик современного нгр. языка является активное развитие паратаксиста в самом широком смысле;
- 2) паратаксист проявляется на разных уровнях и в разных, часто неявных формах (ср. например, влияние синтаксического функционализма на традиционную морфологическую классификацию частей речи);
- 3) предварительные наблюдения позволяют предполагать, что сходные процессы происходят и в других балканских языках, где, в свою очередь,

⁷¹ T. Maretić, *Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika*.

Zagreb, 1963, стр. 387, 391. Т. Маретич считает, что акцентуационные изменения нельзя приравнивать к формальным словообразовательным средствам.

элементы паратаксиса, развиваясь, занимают все более значительное место в системе;

4) если верно 3), то можно говорить о паратаксисе как об одной из существенных черт некоторой теоретически постулируемой структурной системы БЯС, которая находит выражения, индивидуальные для каждого из языков, входящих в БЯС;

5) если признать 4), то на основании некоторых типологических критериев можно выработать процедуру, позволяющую находить в каждом конкретном балканском языке точки, где с наибольшей вероятностью можно ожидать проявления действия паратаксиса (и при более детальной типологической разработке предсказывать и форму такого рода проявлений).

Это дает возможность надеяться, что в будущем удастся прийти не только к исчерпывающему описанию структуры БЯС, но и к раскрытию механизма возникновения и функционирования языковых союзов вообще.

Т а б л и ц а I

Единственное число				
Падеж	Грамматический разряд			
	I m c oш. не на -o-	II t	III n	IV m c oш. на -o-
N	-c	-#	-#	-c
A	-#	-#	-#	-#
G	-#	-c	-ou	-ou

П р и м е ч а н и я:

1. Парадигма состоит из трех падежей - N, A, G; Voc., как особая - конативная - категория, здесь исключается. Парадигмы единственного и множественного числа рассматриваются независимо. Целью в данном случае является не столько полное и всеобъемлющее описание нгр. парадигмы, сколько ее типология; поэтому, в частности, не рассматривается парадигма статистически сравнительно небольшой группы существительных среднего рода на -md, -os, -as, -bimo, так же как и парадигмы некоторых редких существительных (так наз. αρχαϊόκλητα);

2. О термине "грамматический разряд" как совокупность всех слов, имеющих одинаковую парадигматическую схему, см.: А.А. З а л и з н я к. Русское именное словоизменение. М., 1967, стр. 33.

Множественное число			
Падеж	Грамматический разряд		
	У m, f. c. осн. не на -ο-	УΙ ι	УΙΙ m c. осн. на -ο-
N	-δ/ες	-α	-οι
A	-δ/ες	-α	-ους
G	-δ/ων	-ων	-ων

П р и м е ч а н и е:

В данном случае разделение У разряда на два в зависимости от того, выбирает ли существительное флексию -ες (равносложное склонение) или -δες (неравносложное склонение), несущественно: во-первых, это деление не затрагивает системы противопоставлений внутри парадигмы и, во-вторых, не влияет на взаимоотношения разных типов парадигм. Поэтому здесь обе флексии выступают как алломорфы.

Список I

I. s' со значением объема

ένα βαρέλι σαρδέλες	'бочка сардин'
δλόκληρη βαρέλι κρασί	'целая бочка вина'
χίλια δοχεία λάδι	'тысяча банок масла'
τρία καλάθια κεράσια	'три корзины черешни'
μιά κάσα μπύρα	'ящик пива'
μιά κουταλιά άλάτι	'ложка соли'
μιά κουταλιά χοιρινό λίπος	'ложка свиного жира'
ένα κουτάλι ζουμί λεμονιού	'ложка лимонного сока'
μιά κουταλιά σούπας άσπρου	'столовая ложка белого уксуса'
μιά κουταλιά της σούπας έρω- μα του καφέ	'столовая ложка кофейной эссенции'
μισή κουταλιά της σούπας βούτυρο ή λάδι	'половина столовой ложки сливочного или растительного масла'
τρεις κουταλιές σούπας στάκτην καρβούνων καθα- ράν και ψιλοσκινισμένην (δένετε)	'три столовых ложки чистой и размель- ченной угольной золы (положите)'
ένα κουταλάκι σόδα	'чайная ложка соды'
δυσ κουταλάκια όχι γεμά- τα άλάτι	'две неполные чайные ложки соли'

ένα κουτί σπίρτα, σοκολατά...	'коробка спичек, шоколадных конфет,
κια, βαρδέλες, χαρτοφάκελλα,	'сардин, почтовой бумаги, горошка,
μπιζέλια, μέλι, μαρμελάδα...	'меда, мармелада...
ένα κουτάκι σπίρτα	'коробочка спичек'
ένα λαγήνι γάλα	'кувшин молока'
ένα μπουκάλι κρασί, λεμονάδα,	'бутылка вина, лимонада, чернил, ми-
μελάνι, μεταλλικό νερό, γάλα...	'неральной воды, молока...'
ένα μπουκαλάκι ειδική κόλλα	'пузырек специального клея'
ένα πακέτο τσιγάρα	'пачка папирос'
ένα πακέτο αμερικανικά σιγάρεττα	'пачка американских сигарет'
ένα πιάτο σουπα, πατάτες...	'тарелка супа, картошки...'
ένα πιάτο βαθύ σταφύλι	'глубокая тарелка изюма'
ένα ποτήρι νερό, γάλα, καφές, μπύρα...	'стакан воды, молока, кофе, пива...'
ένα ποτήρι θάλασσα	'стакан моря' (название рассказа)
ένα ποτήρι του νερού αύρα	'стакан (для воды) яич'
ένα ποτήρι κρασιού ροδόνερο	'стакан (для вина) розовой воды'
μισό ποτήρι μικρό ανθόνερο	'половина маленького стакана цветоч-
	ной воды'
ένα ποτηράκι κρασιού ρώμι	'стаканчик (для вина) рома'
ένα ποτηράκι περίπου τιά κά	'для каждого голубя приблизительно
θε πιτσούνι μαύρο κρασί	один стаканчик красного вина'
ένα σάκκι αλεύρι	'мешок муки'
τρία σάκκια στάρι	'три мешка пшеницы'
ένα σακκούλι άλάτι, μαργαρι-	'мешок соли, жемчуга, драхм...'
τάρι, σραχμές...	
ένως τενεκές τυρί	'бидон сыра'
54 τενεκές νερό	'54 ведра воды'
ένα τέντζερι σουπα	'кастрюля супа'
ένως торβάς αλεύρι	'мешок муки'
ένα σουβάλι ψιλικά	'мешок мелочей'
μιά φιάλη μπύρα	'бутылка пива'
ένα φλιτζάνι καφές, τσάι, γάλα,	'чашка кофе, чая, молока, изюма,
σταφύλι, λαχανόζουμο...	овощного бульона...'
ένα φλιτζάνι μαύρος καφές	'чашка черного кофе'
μισό φλιτζάνι ξύδι	'полчашки уксуса'
4 φλιτζάνια του τσαϊού νερό	'4 чайных чашки воды'
ένα φλιτζάνι τείου πολυ βαρίν,	'чайная чашка очень крепкого кофе'
ένα χαρτί καρυμέλες	'кулек конфет'

II. s' со значением части целого

μιά άλεσιά καφές	'один помол кофе'
μιά άλλωξιά ρούχα	'смена белья'

μιά ἀμαξιά εὐλα	'воз дров'
μιά γουλιά νερό	'плоток воды'
5-6 δόντια σκόρδο	'5-6 зубчиков чеснока'
ένα κεφάλι ζάχαρη	'голова сахара'
ένα κεφάλι σκόρδο	'головка чеснока'
ένα κλωνί ἀγροκεράβια	'ветка черемухи'
ένα κλωνοράκι δενδρολίβα ^{το}	'веточка розмарина'
4 κόκκοι πιπέρι	'4 зернышка перца'
μιά κόλλα χαρτί, στυπόχαρτο	'лист бумаги, промокашки...'
έξήντα κόλλες λεπτό χαρ-	'60 листов тонкой бумаги под копирку'
τί γι' ἀντίγραφο	
ένα κομμάτι ψωμί, κρέας,	'кусок хлеба, мяса, колбасы, пирога,
λουκάνικο, πίττα, τυρί,	сыра, мыла, материи, бумаги, прово-
σαπουνί, ύφασμα, χαρτί,	локи...'
σύρμα...	
ένα κομμάτι άχυρο	'соломинка'
ένα κομμάτι Ελλάδα	'кусок Греции'
ένα κομμάτι άσπρο ψωμί	'кусок белого хлеба'
ένα μεγάλο κομμάτι σίδερο	'большой кусок железа'
ένα κομμάτι μάλλινο ύφασμα	'кусок шерстяной ткани'
λίγες κομμάτες κρέας	'несколько кусков мяса'
μεγάλο κομμάτι ψητό κρέας	'большой кусок жареного мяса'
ένα κομμάτι μουσαμάς ή	'кусок клеенки или плотной ткани
χοντρό ύφασμα σε χρώμα μπέζ	цвета беж'
ένα κομματάκι κάμφορα, τούμα, ζυμάρι	'кусочек камфоры, кожи, теста...'
ένος κόμπος λεφτά	'капля денег'
κόμπος κρύο νερό	'капля холодной воды'
ένα κουράρι κλωστή, νήμα...	'клубок ниток, пряжи...'
ένα κουραράκι σπάγγος	'клубочек шпагата'
μιά μικρούτσικη πολύ μικρή	'малюсенькая, очень маленькая капель-
λιμνούλα αίμα	ка крови'
δύο λουρίδες ύφασμα	'две полосы материи'
πλατιά λουρίδα άκλωστοραμμάκι	'широкая полоса непряженого хлопка'
δύο μαδουράκια κανέλλα	'две трубочки (палочки) корицы'
μιά μερίδα φαγητό	'порция кушанья'
δύο μερίδες παγωτό	'две порции мороженого'
διπλή μερίδα πατάτες τηγανιτές	'двойная порция жареного картофеля'
μερικές μπάλλες βαμβακερό νήλι	'несколько клубков хлопковой пряжи'
τρία μπαδούνια μεγάλα σοκολάτα	'три больших куска шоколада'
ένα μπαδουνάκι σπαρμένο κανέλλα	'размолотая палочка корицы'
μιά μπουκιά ψωμί	'крошка хлеба'
μιά παρτίδα πρέφα	'партия преферанса (пулька)'
πλάκα σοκολάτα	'плитка шоколада'
μιά πρέζα άλάτι, άλεϋρι	'щепотка соли, муки'

μιά ρίζα σέλινο	'корень сельдерея'
μιά σκελίδα σκορδο, βανίλια	'долька чеснока, ванили'
ένα σκονάκι βανιλίνης	'порошок ванилина'
σπυρί σινάπι	'зерно горчицы'
δλίγα σπυριά πιπέρι	'несколько зерен перца'
ένα σπυράκι ρίζι	'зернышко риса'
8 σταγόνες μέντα	'8 капель мяты'
μιά στάλα αίμα, ψωμί	'капля крови, хлеба'
μιά σταλ σαλάτα, νερό...	'капля салата, воды...'
καινούργια παρτίδα κάλτσες	'новая партия чулок'
σταλαματιά αίμα	'капля крови'
δύο στάλες νερό	'две капли воды'
ένα τσαμπί σταφύλι	'гроздь винограда'
μεγάλα τσαμπιά σταφύλι	'большие грозди винограда'
ένα τσαμπί λουλούδια μικρά	'кисть мелких цветов'
μιά φέτα ψωμί, χοιρομέρι	'ломоть хлеба, ветчины...'
δύο φέτες ψωμί, ζαμπόνι,	'два ломтя хлеба, ветчины, дыни,
πεπόνι, παντζάρι...	свеклы...'
τόπια ύψοςμα	'штуки материи'
ένα φύλλο χαρτί, δάφνη...	'лист бумаги, лавра...'
10 φύλλα καλά πλυμμένη	'10 листов (пластин) хорошо промы-
ζελατίνα	того желатина'
μιά φουρνιά ψωμί	'выпечка хлеба'
μιά φραντζόλα ψωμί	'батон хлеба'
μιά φούχτα σταφίδα	'горсть изюма'
μιά φούχτα χαρτιά	'пачка бумаги'
μιά χούφτα χώμα, καρύδια	'горсть земли, орехов'
δύο χούφτες χρυσάφι	'две горсти золота'
μιά χούφτα πέτσι και	'горсть кожи и костей'
κόκαλα	(ср. русск. <u>кожа да кости</u>)
μιά καλή χεριά φύλλα φασκομηλιάς	'хорошая горсть листьев шалфея'
τρεις χεριές σπόροι	'три горсти зерен'
η φούχτα' έτούτη τό χώμα	'эта горсть земли'
δ ορῶλος τό χώμα τῆς Κρήτης	'комоч критской земли'

III. s' с собирательным значением

μιά ἀρμαθιά φλουριά	'ряд золотых'
μιά ἀρμαθιά κρομμύδια	'связка лука'
μιά βουρλιά ψάρια	'связка рыб'
μιά βρασιά φασόλια	'порция (для варки) фасоли'
ένα γομάρι ξύλα	'поклажа дров'
ένα δέμα ρούχα	'связка одежды'

δεμάτι κρεμμυδάκια	'пучок лука'
δεμάτι εύλα	'вязанка дров'
μερικά δεμάτια ρέβες	'несколько пучков репы'
δέσμη κεράσια	'кисть черешни'
δεσμίδια φυσίγγια	'связка патронов'
ένα ζευγάρι παπούτσια, ταινίες	'пара туфель, тапочек, перчаток,
τουφλές, γάντια, κάλτσες	чулок'
ένα ζευγάρι παπούτσια λουδρίνια	'пара лакированных туфель'
ένα ζευγάρι τεράστια ματογυάλια	'пара огромных очков'
τό μοναδικότης ζευγάρι παπούτσια	'единственная ее пара туфель'
τό κομπλέ άσπρόρουχα	'комплект белья'
ένα κοπάδι πρόβατα, κέρδικες	'стадо овец, куропаток (стая)'
ένα κοπάδι σφήκες	'рой ос'
κοπάδια περιστερία, ψάρια	'стаи голубей, рыб'
ένα κοπάδι βαριά και δυνατά	'стая тяжелых и сильных птиц
πουλιά της λευτεριάς	свободы' (стих.)
μιά κουμούλα πέτρα	'кучка камня'
ένα μάτσο λεφτά, χαρτονομίσματα, χειροβομβίδες...	'пачка денег, банкнот, гранат...'
μάτσο μαϊντανός, ρετάνια	'пучок петрушки, репы'
ένα μπουκέτο λουλούδια	'букет цветов'
ένα μπουκέτο κόκκινα τριαντάφυλλα	'букет красных роз'
μπουλουύκι παιδιά	'ватага детей'
μιά ομάδα συγγραφείς, τραγουδιστές	'группа писателей, певцов'
πλήθος κόσμος, σφάλματα, λάβω- ρα, σκέλεθρα, λέξεις, μνήμες...	'множество народа, ошибок, добычи, скелетов, слов, воспоминаний...'
ένα πλήθος άνθρωποι	'множество людей'
μεγάλο πλήθος Τούρκοι, φοιτητές	'большое число турок, студентов'
ένα πλήθος απροσδόκητα νέα στοιχεία	'множество неожиданных новых элемен- тов'
πλήθος άπίθανες περιπέτειες	'множество невероятных приключений'
σειρά χάντρες, έλιές...	'ряд бусин (нить), оливы...'
μιά σειρά δένδρα	'ряд деревьев'
τρεις σειρές κουπιά	'три ряда весел'
σμήνος κουνούπια, μύγες...	'рой комаров, мух...'
μιά στοιβα χιόνι	'куча снега'
ένος σωρός κόσμος, δουλειές, λέξεις, λαός...	'множество народа, дел, слов, наро- дов...'
ένος σωρός δαδί, άχυρο, πέτρες...	'куча лучины, сена, камней...'
ένος σωρός αρχαία νομίσματα, ένδιαφέροντα πράγματα, άλλες	'множество старинных монет, интерес- ных дел, других процедур'
διαδικασίες	
ένα φορτίο εύλα	'вязанка дров'

ένα γαλόνι βενζίνη	'галлон бензина'
100 γραμμάρια ψάρι	'100 г рыбы'
50 γραμμάρια μαύρο ψωμί	'50 г черного хлеба'
μία δεκαριά χρόνια	'десяток лет'
καμία δεκαριά άνθρωποι	'около десятка человек'
καμία δεκαριά οκάδες καλαμπόκι	'около десятка ока кукурузы'
δεκάδες ημέρες	'десятки дней'
λίγες δεκάδες μέτρα	'несколько десятков метров'
όλες δεκάδες αναστάσιμες ημέρες	'целые десятки незабываемых дней'
πολλές δεκάδες αξιόλογοι συγγραφείς	'многие десятки замечательных писателей'
καμία δεκαπενταριά άτομα	'около пятнадцати человек'
η δραμία βούτυρο, ψίχα αμυγ- δάλου, μάρις της μπίρας, καφές έξαιρετικής ποιότητας φρεσκοκαμμένου качества'	'η драми масла, ядер миндаля, пивных дрожжей, свежесмолотого кофе выше-
δύο δωδεκάδες καρύδια	'две дюжины орехов'
καμία είκοσαριά μάρκα	'около двадцати марок'
έκατοντάδες οχήματα, έργατες	'сотни экипажей, рабочих...'
πολλές έκατοντάδες χρόνια	'многие сотни лет'
έκατοντάδες χιλιάδες νοικοκυρές	'сотни тысяч домашних хозяек'
7 ημέρες ψέματα	'7 дней лжи' (название фильма)
ένα κατοστάρáκι ρετσίνα	'сто драми рецины'
ένα κιλό πορτοκάλια	'килограмм апельсинов'
μίσση λίτρα κρέμα	'полфунта крема'
ένα μετζίτι κέρasμα	'один меджид (мелкая монета) чаевых'
ένδεκα μήνες νοσταλγία	'одиннадцать месяцев ностальгии'
μυριάδες πώματα, άκιστένατμοί...	'десятки тысяч трупов, вздохов...'
μία όκά ψωμί, κρασί, κρέας...	'ока хлеба, вина, мяса (мера веса)'
χίλιες όκάδες γάλα, μάλαμα...	'тысячи ока молока, золота...'
καμία πενήνταριά άνθρωποι, πρόσωπα	'около пятидесяти человек, персон'
ένα στρέμμα γή	'1 стремма (га) земли'
40 τόννοι τρουσουζιά	'40 тонн несчастий' (название фильма)
ένα τέταρτο [του κιλού] βούτυρο	'1/4 [кило] масла'
χιλιάδες χρόνια, μέλισσες, κόσμος, παλιόκάρια...	'тысячи лет, пчел, народа, палика- ров...'
πολλές χιλιάδες έτη	'многие тысячи лет'
χιλιάδες δατράκα μαργαριτοφόρα	'тысячи жемчужных раковин'
20 χρόνια τέλιο	'20 лет смеха' (название фильма)
50-70 χρόνια τόσες τεράστιες αλλαγές	'50 - 70 лет таких огромных перемен'

άνθη γιασεμί	'цветы жасмина'
λευκό βουκάκι πρόβατα [=προβάτων]	'белый холмик овец (=стадо)'
[ποιό] είδος ψάρεμα [i] [=ψαρέματος]	'какой вид рыбной ловли ?'
[τί] είδος πουλί [i]	'какой вид птицы ?'
ανταλλακτικά είδη αυτοκι- νητών κομπλέ	'комплект запасных частей для авто- машины'
έσωρουχα κομπλέ	'комплект белья'
πολλές άλλες μάρκες αυτοκί- νητα	'многие другие марки автомашин'
[τί] μάρκα τσιγάρα [i]	'какой сорт сигар ?'
πυκνές νιφάδες χιόνι	'густые хлопья снега'
στρώμα χιόνι	'пласт снега'
μαστίχα πότο [=σάντον πότο]	'мастика как напиток'
ψίχα ψωμί [=ψίχα ψωμιού]	'крошки хлеба'
προϊόντα καουτσούκ	'изделия из каучука'
τό σαπούνι σκόνη [=δέ σκόνη]	'мыльный порошок'
τό γάλα σκόνη	'порошковое молоко'
γλυκάνισα, βανίλλια σκόνη	'анис, ваниль в порошке'
ζάχαρη πούδρα	'сахарная пудра'
ζάχαρη κομμάτια [=δέ κομμάτια]	'кусовой сахар'
τό κινίνο χάπια	'хинин в таблетках'
(но есть и κινίνη σε δίσκια)	'хинин в таблетках'
τυρί φέτα	'сыр ломтями'
ζυμαρικό φύλλα	'слоеное тесто'
σίδερο βρακί [=από σίδερο]	'железные штаны'
παντοειδή τουρλοῦ φαγητά	'всевозможные виды блюд'
διομάντι δαχτυλίδι [=μέ διομάντι]	'бриллиантовый перстень'
δέρμα κάστορας [=του κάστορα]	'бообрый мех'
φλούδα πορτοκάλι [=πορτο- καλλίου], λεμόνι	'кожура апельсина, лимона'
χρώμα κεραμίδι	'кирпичный цвет'
τό λάχανι χρώμα	'салатный цвет'
κορδέλες όλα τα χρώματα	'ленты всех цветов'
κρέας κομμάτια	'мясо кусками'
φόρεμα παραγγελία	'одежда на заказ'
διαγωγή μηδέν	'нуль по поведению'
έμποριο σφουγγάρια	'торговля губками'
μουντζούρες κάρβουνο	'мазня углем'
δειγματολόγιο μεζέδες	'перечень закусок'
ματερειά ψάρι	'рыбное блюдо'
σημαία ράκος	'знамя в лохмотьях'

Названия игральных карт

ντάμα πικά [или τῆς πίκας]	'дама пик'
τὸ διὰρι σπαθί	'двойка треф'
ὁ ἄσος μπαστουни	'туз пик'
ρῆτας κοῦπα	'король червей' и т.п.

Названия блюд

τὰ αὐρὰ μάτια	'ячница-глазунья'
ἡ σαλάτα φασόλια, ἑλιές, ντομάτες, ἄγγουράκια, μαρουλάκια...	'салат из фасоли, маслин, помидор, огурцов, латука...'
ἡ σούπα φακές, φαβόλια, ρεβίθια, κοττόπουλο, αὐρολέμονο	'суп из чечевицы, фасоли, горошка, цыпленка'
(ср.: φαρόσουπα - 'рыбный суп' σούπα ἀπὸ ρύζι 'рисовый суп')	
ντολμάδες ἀμπελοφυλλὰ	'долма с виноградными листьями'
πατάτες, φασόλια, ριαχνί	'яхния из картофеля, из фасоли'
(τὸ) γλυκὸ ρύσσινο, κεράσι, φράουλα, κυδωνί, σμέουρο, τριαντάφυλλο, καρυδάκι, айва, малины, розы, орехов...	'варенье из вишни, черешни, клубники, айвы, малины, розы, орехов...'
μαρμελάδα κυδωνί, μήλα, νεράντζι, πορτοκάλι, ροδάκινο, σῦκα, κέικ, φράουλες	'мармелад из айвы, яблок, померанца, апельсина, персиков, инжира...'
(ср.: κέικ σοκολάτας 'шоколадный кекс')	'клубничный кекс'
κρέμα βανίλλια	'ванильный крем'
(ср.: παξιμαδάκι βανίλλιας 'ванильный сухарь')	
κροκέττες πατάτες, μελιτζάνες	'крокеты из картофеля, баклажанов'
ψάρι κροκέττες	'рыбные крокеты'
(ср.: κροκέττες ἀπὸ ψάρι, μέ ρύζι... 'крокеты из рыбы, с рисом...')	
ψάρι, μπακαλιάρος γέτες	'рыба, треска ломтями'
(ср.: ψάρι βραστό σέ γέτες 'отварная рыба ломтями')	
πουρέ σπανάκι, φακί	'пюре из шпината, чечевицы'
(ср.: πουρέ ἀπὸ πατάτες 'пюре из картофеля')	
σάλτσα мουστάρδα, ντομάτα...	'соус из горчицы, помидор...'
κουкиά ξερά φάβα	'фава (назв. плода) из сухих бобов'
χόρτα ραδίκια [δαλάτα]	'салат из зелени одуванчиков'
ραταφία κεράσια, ἄνη παρτοκαλλιάς...	'настояйка из черешни, апельсинового цвета...'
(ср.: ραταφία ἀπὸ ρόδια 'настояйка из роз').	

СЛАВЯНСКИЕ ПРЕДЛОГИ: БОЛГ. КЪМ, КЪДЕ, КОД,
МАКЕД. КОН, КАДЕ, КАЈ, С.-ХОРВ. КОД, КУДЕ
И ИНОЯЗЫЧНЫЕ БАЛКАНСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

В группе балканских языков лингвисты отмечают одинаковую, сходную или параллельную эволюцию морфологических и синтаксических элементов¹. Черты сходства, существующие на всех языковых уровнях, открываются и в области предлогов и предложных конструкций новогреческого, румынского, албанского, болгарского, македонского и сербохорватского языков. Лингвисты неоднократно отмечали изменение функций отдельных предлогов и даже появление новых предлогов под иноязычным влиянием. К.Сандфельд объяснял превращение наречия кѣде в предлог, происшедшее в болгарских и македонских говорах, влиянием албанского языка². И.Попович обнаружил, что в мрковичском говоре в Черногории предлог ге (<где <кѣде> 'к; у, около' сочетается с именительным падежом (Ето их ге куѣа. 'Вот они возле дома'. Купује ге Амет. 'Он покупает у Ахмета' и т.п.) и объяснил такое необычное для сербохорватского языка управление воздействием близлежащих албанских говоров³, так как в албанском (а К.Сандфельд указал на соответствие и в арумунском)⁴ предлог ке ставится при существительном в именительном падеже. Основательную перестройку предложной системы увидел П.Ивич в говоре Галипольских сербов, которые, живя долгое время в иноязычном окружении, утратили предлоги из, од и с (в аблятивном значении) и заменили их предлогом до (ду). П.Ивич находит объяснение этому в аналогии с греческим языком, в котором аблятивное значение передается одним предлогом *ἀπό*⁵. Подобное явление наблюдается на острове Дути Оток, где вместо предлога из употребляется од, расширивший свои функции по образцу итальянского *da* 'из, от'⁶.

¹ См. коллективный доклад на I Международном конгрессе балканских исследований: "Les problèmes fondamentaux de la linguistique balkanique. Sofia, 1966, СТР. 9.

² K.Sandfeld. Linguistique balkanique. Paris, 1930. СТР. 119.

³ I.Popović. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960, СТР. 577; О н ж е. Einige albanische Lehnwörter im Serbokroatischen. - ZfSlPh, 1954, СТР. 124.

⁴ Kr.Sandfeld. Указ. соч., стр.118.

⁵ П. И в и ч. О говору Галипольских Срба. - СДЗб, књ.ХП, 1957, стр.334-340.

⁶ A.Cronia. Građa o božavskom narječju. - ЈФ, књ.УП, 1929, стр.107.

Среди сходных явлений в балканских языках различаются билатеральные сближения и взаимосвязи, с одной стороны, и общие черты, характеризующие балканский языковый ареал как нечто целостное, — с другой. Указанные выше наблюдения в области предлогов обнаружили сходное развитие отдельных предлогов в двух или трех языках. Между тем в эволюции некоторых предлогов существует и зримо выявляется общебалканский унификационный процесс. Мы имеем в виду следующие предлоги, известные в литературных языках и в диалектах:

н.-греч. *κατά* (*кат'*), *κοντά σέ* [*konda*]

рум. *către, spre*

алб. *ke* (*te, tek*)

болг. *към, къде, (къдъ, каде), код*

макед. *кон, каде (коде, куде), кај*

с.-хорв. *код, към, куде (куд)*

Новогреческий язык. Первый из названных предлогов — *κατά* — принадлежит к древним многозначным предлогам, но в народной речи нового времени его функции значительно изменились, круг значений сузился. В димотике ему свойственны следующие значения:

1) 'по, в соответствии с': *κατά τό νόμο* 'в соответствии с законом, по закону'; 2) 'к, по направлению к': *κατά τό γιάλο* 'к берегу'; 3) 'около (близость), приближенность в пространстве или во времени': *κατά τās πέντε* 'к пяти часам, часов в пять'.

Весьма употребителен в народном греческом языке составной предлог *κοντά σέ*. В некоторых словосочетаниях, выступает только первая его часть, по происхождению наречие 'близости, около'. Предлог *κοντά σέ* имеет значение 1) 'около, возле, у' (близость в пространстве или приблизительный временной срок): *κοντά στήν πόρτα* 'у дверей'; *κοντά στό γεύμα* 'к обеду, в обед'; 2) 'к, по направлению к': *κοντά μου* 'ко мне' (или 'возле меня'); 3) 'по сравнению с'...

Румынский (дакорумынский, аромунский, мегленский) язык. В дакорумынском резко изменилось значение старых романских предлогов *contra* и *super*. Предлог *spre* (*super*) 'к', который ранее указывал на враждебные действия, — писал Э. Бурсье, — стал указывать просто направление, так же, как и *către* 'к'.⁷ В словарях и грамматиках румынского языка в качестве основных значений предлогов *către* и *spre* отмечаются значение направления (*către asfințit* 'к западу', *spre casă* 'к дому') и значение приблизительного временного срока *către seară*

⁷ A. Thumb, *Grammatik der Neugriechischen Volkssprache*, Leipzig, 1928, стр. 105-106, 109-110; M. Moser-Philtsou, *Lehrbuch der neugriechischen Volkssprache*, München, 1958, стр. 490, 495.

⁸ Э. Бурсье. Основы романского языкознания. М., 1952, стр. 507.

или *spre seară* 'под вечер'). Дакорумынскому *sătre* соответствует в арумунском предлог *sătră* или *sătră* в мегленском *cutru*¹⁰.

А л б а н с к и й я з ы к. В говорах албанского языка варьируют, имея одинаковую функцию, предлоги *ke, te, tek, tu, tuk*. В гегском диалекте употребляется предлог *ke*, восходящий к наречию со значение 'где'. Он имеет значение 'к, по направлению к; у, около' *Vojti ke mulësi* 'Он пошел к мельнику'; *Ajo është ke un.* 'Она около меня, у меня, II).

Б о л г а р с к и й я з ы к. Общеславянскому (и древнеболгарскому) предлогу *къ* в болгарском литературном языке соответствует предлог *към*, основные значения которого сводятся к следующим двум: 1) 'к, по направлению к': Приближавам се *към* гарата. 'Я приближаюсь к вокзалу'; 2) 'около (при указании близости в пространстве, времени или в количественном отношении)': Живея *към* гарата. 'Я живу у вокзала'; *към* обед 'к обеду'; *към* пет часа 'к пяти часам, часов в пять'; *към* стотина души 'человек сто' (РСБКЕ).

В народном языке предлог *към* не распространен повсеместно. В западных и юго-западных говорах в той же роли выступают предлоги *къде* (каде, *къдѣ*) и *код* (кон, *кун*). По-видимому (диалектологические описания не всегда фиксируют наличие отдельных предлогов), предлог *къде* более распространен, чем *код*. В ряде говоров они сосуществуют¹².

М а к е д о н с к и й я з ы к. Направление, близость в пространстве и времени и количественная приближенность передаются в македонском языке с помощью предлога *кон*. Ср. Той се упати *кон* него. 'Он пошел к нему'; *патот кон селото* 'дорога к селу', *кон крајот на игралиштето* 'в конце, на краю поля (спортивной площадки)', *кон полноќ*

9 Th.Capidan. Aromânii. Dialectul aromân. București, 1932, стр. 354.

10 G.Weigand. Vlacho-Meglen. Leipzig, 1892, стр. 35; Th.Capidan. Meglenoromânii, III. București, 1935, стр. 91-92.

11 G.Weigand. Albanesische Grammatik im südgegischen Dialekt. Leipzig, 1913, стр. 85.

12 См., например: М. М л а д е н о в. Ихтиманският говор. София, 1966, стр.96 – отмечен предлог *каде*; Г. Х р и с т о в: Говорът на с.Нова Надежда, Хасковско. ИИБЕ, кн.IV, 1956, стр.212 – предлог *къдѣ*; Ст. С т о й к о в, К. К о с т о в и др. Говорът на с.Говедарци, Самоковско. ИИБЕ, кн.IV, 1956, стр.287 – предлоги *кот* (код), *каде*; Л. Г ъ л ъ б о в. Говорът на с.Доброславци, Софийско. БД, кн.II, 1965, стр.45 – предлоги *код* (кот), *каде*. См. также: Ст. С т о й к о в. Синтактичните диалектизми в български език. – ББ, год ХУШ, кн.2-3, 1968, стр.164 и 165; О н ж е. Българска диалектология. София, 1968, стр.183.

'около полуночи', кон илјада луѓе 'около тысячи человек' (PMj). Предлогу кон синонимичны каде (коде, куда, к'де) и ка;¹³.

С е р б о х о р в а т с к и й язык. В сербохорватском языке обособились в период после XIV в. восточные (призренско-тимочские) говоры, которые в современной диалектологии имеют статус особого диалекта. В этих говорах представлен целый ряд явлений позднего происхождения, имеющих соответствие в болгарском и македонском языках. Здесь находятся и предлоги, наличествующие также в болгарских и македонских говорах: кьм, куда (куд), код¹⁴. Первые два не выходят за пределы восточных говоров, тогда как третий (код) распространен на очень большой территории (очертить ее точно не представляется возможным) и широко употребляется в литературном языке.

В говорах штокавского диалекта, лежащих в основу литературного языка, четко различаются предложные конструкции, обозначающие направление (предлог + существительное в вин. или дат. падеже) и место нахождения (предлог + существительное в род., местн. или творит. падеже). Исключение составляют словосочетания с предлогом код. Предлог код при существительном в родительном падеже означает: 1) пространственную близость 'у, около, при, возле': живи код сестре 'он живет у сестры'; код стола 'у стола'; 2) направленность движения к какому-либо лицу: идем код сестре 'я иду к сестре'. Нико више није долазио код њих (И. Андрић). 'Никто больше не приходил к ним'. Како си смео да прођеш кроз Паланку а да не свратиш код мене? (Д. Чосић). 'Как смел ты проехать через Паланку и не заехать ко мне?' Выражение этих значений одной и той же конструкцией с родительным падежом резко выделяет код среди других предлогов, сближая его с упоминавшимися выше предлогами балканских языков.

Некоторые югославские лингвисты пытались изгнать конструкцию с код, выражающую цель (конечную точку) движения, из литературного сербохорватского языка как неправильную, чуждую. Ею пользуются, однако, образцовые стилисты. Симптоматично, что обороты типа идем код сестре характерны для текстов литераторов, связанных с восточными, центральными и южными штокавскими говорами (Д. Чосич, И. Андрич, Б. Чопич и др.), тогда как у многих хорватских писателей они встречаются или редко, или вообще, по-видимому, отсутствуют (М. Крлежа, Р. Маринкович). И в этом проявляется связь предлога код с языковым очагом балканизмов.

¹³ PMj; также см.: И. Д и м и т р о в с к и. Значења и употреба на предлозите во македонскиот литературен јазик. Скопје, 1956, стр. 19-21; Б. В и д о е с к и. Кумановскиот говор. Скопје, 1962, стр. 181.

¹⁴ А. Б е л и ћ. Дијалекти источне и јужне Србије. СДЗб., књ. I, 1905, стр. 309, 653.

Приведенный материал очевидно демонстрирует тождественность или значительное сходство значения у перечисленных разноязычных предлогов. Это сходство не может быть сведено к случайным совпадениям. Развитие предложных функций в отдельных балканских языках свидетельствует о межъязыковом выравнивании. Сужение круга значений греческого предлога *κατά*, появление нового предлога *κοντά σέ* (близкого во многом к *κατά*), эволюция значения румынских предлогов *către* и *spre*, превращение наречий славянского *къде*, албанского *ke* в предлоги с определенным кругом значений – все это является проявлением балканской языковой общности, необходимым условием возникновения которой должны были стать тесные межъязыковые контакты. Они сделали все языки систем проницаемыми для внешних воздействий.

Сближению функций разноязычных предлогов способствовали, вероятно, частичные звуковые совпадения. Ср. *κατά*, *κοντά*, *către*, *ke* *към*, *кон*, *код*. Имея это в виду, обратимся к этимологии южнославянских предлогов *към*, *кон*, *код*, которая освещается лингвистами и интерпретируется по-разному.

История предлога *към* достоверно не восстановлена. С.Младенов связывал болг. *към* с санскритской постпозитивной частицей *kam* (С.М. л а д е н о в. Этимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941, стр.265). Старинным считает этот предлог О.Н.Трубачев, идентифицируя его с праслав. **къ* (русс. *к*, *ко*, с.-хорв. *к*, *ка*, и т.п.¹⁵). Существуют и иные мнения. А.Теодоров-Балан выделял в предлоге *към* два элемента: *къ-м*, усматривая преобразование *къ* по аналогии с *та-м*, *сѣ-м* – *са-м*¹⁶.

¹⁵ В рецензии на книгу К.Горалка "Введение в изучение славянских языков" О.Н.Трубачев писал: "...Южнославянские языки представляют немало поучительного по истории славянских предлогов. Здесь имеется ряд архаических форм: ср. серб. диал. мед 'между' при общеславянском распространении расширенной формы *medju*; болг. *към* 'к', сохраняющее конечный согласный". – ВЯ, 1958, № I, стр.137. С.-хорв. диал. и словен. *med* нельзя считать архаизмом. Ф.Рамовш, Бодуэн де Куртенэ и целый ряд лингвистов обоснованно трактовали форму *med* как преобразование чакавск. и словен. *meju* по аналогии с *pred*, *nad* и др. или штокавское *међу* > *мед* с упрощением аффрикаты. Изменение звукового облика предлогов по образцу предлогов на -д отмечалось в южнославянских языках не раз. В говоре черногорского района Цуци появляется предлог *врд* < *вр* < *врх*. См.: М. П е ш и к а н. Староцрногорски средно-катуниски и лешански говори. – СДЗб, кн.XV, 1965, стр.191.

¹⁶ А. Т е о д о р о в - Б а л а н. Нова българска граматика. София, 1940, стр.326.

Предлог **към** мог возникнуть и независимо от **къ** (къл), который из-
 встен в виде **кѣк** в Родопах¹⁷, как в Косовско-метохийской области¹⁸
 (ср. другие удвоенные предлоги, например, **ѣс**, **сас**, **ѣѣв**), но во мно-
 гих болгарских и восточносербских говорах исчез или близок к исчезно-
 вению, заменяемый другими предлогами. Заслуживает внимания этимоло-
 гия А.Белича, который выводил вост.-серб. **към** из наречия **куда**.
 В ряде примеров, приведенных А.Беличем из диалектных записей, фигури-
 рует не **към**, а **кам**¹⁹. В пользу этой этимологии говорит общеславянская
 тенденция превращения в предлоги наречий места. Появление гласного **ѣ**
 (обозначающего в сербской диалектологии знаком **ь**) могло быть вызва-
 но: а) изменением (сужением) **-а-** после **-к-** в типичной для предлогов
 безударной позиции; б) контаминацией **кам** и старого **къ** (русс. **ко**);
 в) влиянием иноязычных соответствий (романск. *catre*, греч. *κοιτά*,
ката с редукцией безударного гласного).

Макед. **кај**, по-видимому, результат редукции предлога и наречия
каде. В "Словаре македонского языка" находим: **кај** см. **каде**. При этом
 добавлено, что "**кај** в живой речи используется значительно чаще, чем
каде, но только последнее (т.е. **каде**) употребляется самостоятельно
 в вопросе **каде?** 'куда? где?'" (РМЈ). Это указание свидетельствует,
 что для **кај** характерны позиции безударные, и тем самым косвенно под-
 держивает этимологию **кај** < **каде**.

В лингвистической литературе накопилось немало надежных сведений
 по истории сербохорватского (и западно-болгарского) предлога **код**. Он
 появился, несомненно, в письменный период славянской языковой исто-
 рии. С.-хорв. и болг. диал. **код**, макед. **кон** восходят к существи-
 тельному **конь** (или **конѣ**). Ср. аналогичное развитие предлогов с.-
 хорв. и макед. **крај**, болг. **край**, словен. *konec*. Написания с конечным
-д появились в сербских деловых текстах в XIV в. В течение нескольких
 столетий **код** сосуществовал с первичной формой **кон** (кнѣж). Дублеты
код и **кон** и ныне употребляются в архаичном мрковичском говоре²⁰.

В югославском языкознании утвердилось мнение, что наличие **-д** в **код**
 обязано аналогии с **над**, **од**, **под** и т.п. А.Вайан высказал мнение, что
-д первоначально могло появиться фонетически в результате диссимиля-
 ции, когда **кон** находился перед словом с начальным зубным носовым со-
 гласным (**кон нас** > **код нас**), а затем произошло выравнивание, при ко-

¹⁷ Т.С то й ч е в. Родописки речник. - БД, кн.П, 1965, стр.197.

¹⁸ Г.Е л е з о в и ћ. Речник косовско-метохийског дијалекта. - СДЗБ,
 књ.ІV, 1932, стр.272.

¹⁹ А. Б е л и ч. Указ. соч., стр.253, 308, 653.

²⁰ Л.В у ј о в и ћ. Један периферијски староцрногорски говор (мрко-
 вићки) у свјетлости историје језика, међудијалекатских и међујезич-
 ких појава. "Наш језик", књ.ХVI, св.3.Београд, 1967, стр.178.

тором большую роль играла аналогия с предлогами од, над и т.п.²¹ Полагаем, что воздействие могли оказать и греч. *κατά*, романск. *catre*, *сѣтъ*.

- ²¹ A.Vaillant. *La langue de Dominiko Zlatarić*. I. Paris, 1928, стр.277-278. В рассуждениях А.Вайана неправдоподобно предположение, что у код были два предшественника: кон во временном значении и коло 'вокруг', 'возле' - в локальном. В древнесербских документах конь выступает почти всегда в словосочетаниях локального значения. Судя по всему, именно пространственное значение было первичным.

ИЗ КАРПАТО-БАЛКАНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
ВЫСОКОГОРНОГО СКОТОВОДСТВА. 2. VATRA

Проблема изучения общих элементов в славянских диалектах карпатского ареала и в южнославянских языках, давно привлекавшая внимание ученых, получает в последнее время новое истолкование, — она начинает рассматриваться как часть более общей проблемы карпатского языкознания¹. Предложены важные принципы и методы, которые позволяют исследовать указанные схождения более глубоко и всесторонне, чем это делалось до сих пор. В частности, большое значение имеет принцип дифференцированного подхода к общим элементам словаря, требование различать к а р п а т и з м ы (т.е. характерные для карпато-балканских языков лексемы и значения, являющиеся наследием древнейших эпох в истории этих языков) и б а л к а н и з м ы (т.е. более поздние заимствования из балканских языков, проникшие в языки карпатской зоны в средние века в результате переселений, миграций пастушеского населения и т.д.)². Очевидными балканизмами в языках карпатского ареала являются многие термины (высоко)горного скотоводства.

Настоящая статья посвящена изучению географического распространения и семантики слова *vatra*. Правомерность отнесения его к пастушеской терминологии не подлежит сомнению, — в настоящее время в ряде районов карпато-балканской зоны оно оказывается единственным обозначением для 'открытого очага' (= 'места, где разводится огонь в поле, в лесу' и т.д.), а также для 'костра', которые являются традиционными и весьма существенными элементами пастушеского быта. Некоторые другие значения ('огонь вообще', 'под печи', 'лежанка' и пр.) как будто не связаны непосредственно с пастушеством, однако они изучаются здесь, так как без этого невозможно представить семантическую эволюцию лексемы *vatra*, а также соотношение значений, имеющих связь с пастушеством и более общих значений³.

¹ Подробнее об этом см.: С.Б. Б е р н ш т е й н и др. Карпатский диалектологический атлас. М., 1967, стр.15 и сл. (далее — КДА); О н ж е. Проблемы карпатского языкознания. — В кн.: "Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972, стр.10.

² КДА, стр.15–16.

³ Не учитывается семантика данного слова, если оно выступает в качестве обозначения тех или иных элементов д у х о в н о й культуры народов, населяющих карпато-балканскую область. Так, например, мы не рассматриваем словосочетание жива ватра 'огонь, который

Изучение распространения лексики *vatra* в славянских языках и ее семантики мы начинаем с фактов украинских говоров Прикарпатья и Закарпатья. Эти данные получены в результате систематического обследования указанных говоров в связи с созданием КДА и поэтому отличаются наибольшей полнотой. Они позволяют достаточно надежно выявить полный набор семем, выражаемых лексемой ватра («семантическую амплитуду») во всей совокупности указанных говоров и определить ее семантический объем в каждом отдельном пункте (см. таблицу)⁴. Таким образом, по данным КДА, в карпатоукраинских говорах слово ватра⁵ имеет следующие значения, связанные с функционированием его как термина пастушества: «огонь в поле (костер)», «открытый очаг, где горит (горел) огонь, костер», может быть, «выжженное место в лесу». Кроме того, отмечены и значения: «огонь в печи», «жар, горячие угли», «сильный огонь, пожар», «закрытый очаг, под печи», «теплое место на печи, лежанка».

получают трением двух кусков дерева (или возникает от удара молнии в дерево) и обладающий, по народным повериям, магической, чудодейственной силой». Детально этот вопрос разбирается в этнографических исследованиях, ср., например, книгу: С. Т р о ј а н о в и ћ . Ватра у обичајима и животу српског народа. Београд, 1930. О верованиях, связанных с огнем см.: К. Moszyński. Kultura ludowa słowian, t. II. Warszawa, 1967, стр.491-506.

⁴ Описание семем сделано на основании методики Н.И.Толстого ("Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. - ВЯ, № 1, 1963, стр.29-45). Ограниченные размеры статьи не дают возможности изучить лексико-семантические отношения, существующие в пределах микрополя, в полном объеме, поэтому все лексемы, альтерирующие с лексемой ватра, трактуются обобщенно - как не-ватра.

⁵ В единичных случаях зафиксирован связанный с ватра вариант йатра «огонь» (с.Уличне, р-н г.Стрый - КДА, также с.Мельнич, там же - АУМ, 2), ср. и: ятряний «сильно пылающий (об огне)» (Гринч.). Различия в начальном элементе не представляют трудностей, если допустить, что *va* и *ia* - протетические согласные (ср.: Н. Pedersen. Nasalpräsentia und der slavische Akzent. KZ, Bd. XXXVIII, 1902, стр.311; А. Meillet. Sur l'initiale des mots vieux slaves *ecce* et *ia*. - В кн.: "Статьи по славяноведению", вып.П. СПб., 1906, стр.389; О н ж е. Общеславянский язык. М., 1951, стр.10; С.Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр.186.

Семема Населен- ные пункты	'огонь, жар'				'место, где горит (=горел) огонь'			'теп- лое место на печи, ле- жан- ка'	'выж- женное место в ле- су; поле на месте выж- жен- ного леса'
	'огонь в печи'	'огонь в по- ле (ко- тер)'	'силь- ный огонь, пожар'	'жар, горя- чие угли'	'за- кры- тый очаг, под печи'	'от- крытый очаг, где горит огонь'	'от- крытый очаг, место где горел огонь'		
43,44,51,53,66, 68-70,72,92,95, 97,98,103,106, 107,114-116, 126.	+	+	?						
47,52,54,60,62- 65,67,71,73,89, 91,93,94,96, 101,102,121- 124,138.	+	+							
61,127	+	+	+						
48-50	+	+		+					
2,6,56,125,134		+							
5,24			+						
23,25				+					
3,4,7-12,14-17, 29,36,37,42,76- 78,80-87,104, 106,110,128, 131,133,135,140					+				
16,18,38,141- 143					+	+			
13,129,130					+	+	+		
137							+		
90,99	+	+			+				
33	+	+			+	+			
112	+	+			+	+	+		
21			+		+	+	+		
41		+	+		+	+			
139		+	+			+	+		
35			+		+	+			
136				+	+	+	+		
79				+	+				
132								+	
30,31					+			+	
32					+		+	+	
19,20									+
Лексемы для указанных выше семем	Утён' (41)	Огён' (143)	Вогон' (60)	Грэн' (30)	Дно (112)	Огнаш- че (29), ватра- шче (62), ватер- нок (67)	Згара- ш'ч'э (90) вогне- чник (3), ватер- ш'ч'э (73)	Пич (21)	Кó- пан' (128)

Представленные на табл. типы членения семантического пространства могут быть соотнесены и в лингвогеографическом плане (см. карту 1; ср. и карту № 142 в КДА)⁶.

В различных диалектологических работах по юго-западным украинским говорам интересующее нас слово фиксируется с теми же значениями, что и в КДА. Ср., например:

ва́тра 'огонь' Черн.⁷, *vatra* 'то же' Гуцульщина⁸, ва́тра Зак.⁹, *ne-sut na vatru y pečut* (с.Квасы), *vatra hortla* (Рахов), *vatru naklaly* (Богдан, Рус. Кривий, В.Апша), *čynyty vatru* (Брустури)¹⁰, ва́тра 'коли догорає огинь' (с.Визница, Зак., Зняцево, Дунковица, Изки – АУМ, 2);

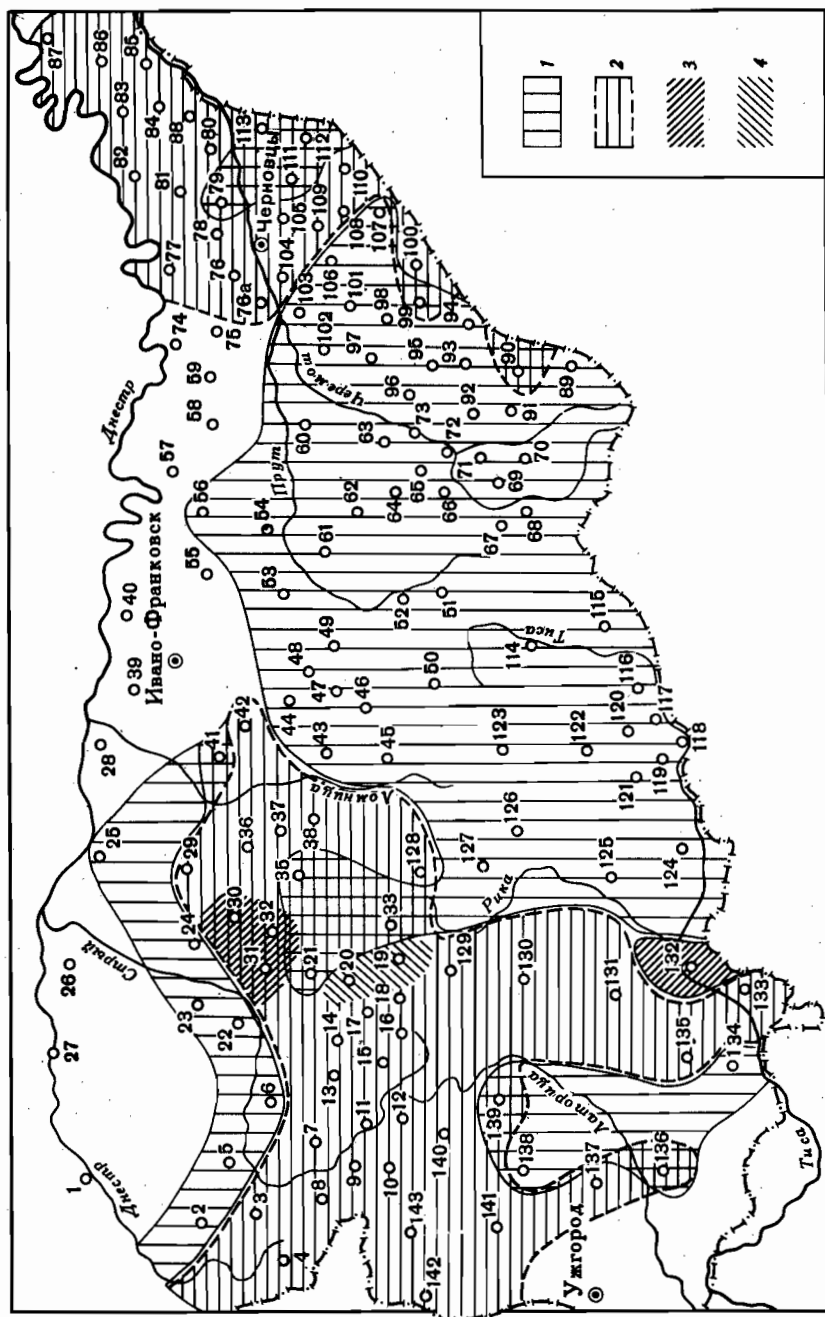
⁶ В этих же говорах имеется значительное число производных от слова ватра в значении пастушеских терминов: ва́тришча, ва́тровишча, ва́терник 'место, где горит (горел) костер в поле, в лесу' ватра́к 'помощник мастера-бронзодела на горном пастбище', ватра́л, ватра́л'ка (ватра́йка), ватра́ннак 'палка, которой мешают угли', за́ватра 'помещение, где спят пастухи'; также: ватра́к 'летняя кухня', ва́тра́л 'дерево, непригодное для горения', 'полено, толстая дубина', 'кол, служащий рычагом' (подробнее см.: КДА, № 143). Кроме того, ватри́ти 'сгорать' (Гринч.).

⁷ В.П.К р а в ч е н к о. Побутова лексики с.Добринівці Заставнівського р-ну, Чернівецької обл. Ч., 1960; І.М.Г о р б у л и к. Лексика говірки с.Усть-Путиля Чернівецької обл. Ч., 1960; Ф.В.М о й с ю к. Лексичні особливості говірки с.Берегомет Вишнівського р-ну Чернівецької обл. Ч., 1959 (рукописи – храняться в Черновицькому університеті).

⁸ J.G r e g o r o w i c z. Słownik wyrazów huculskich. "Pam. tow. tatr.", t. V, 1880, стр.34; J.Schneider. Z życia górali nadomnickich. – "Lud", t. XVII, 1912, стр.144; О н ж е. Jeszcze o huculach tatarskich. "Lud", XIII, 1907, стр.338; R.W.Narasymczuk, W.Tabor. Etnografia połonin huculskich. "Lud", t. XV, 1937, стр.84 (там же: *watrak* 'работник на пастбище').

⁹ Г.Г.Н е м ч е н к о. Особливості говірки с.Широкий Луг, Тячівського р-ну У., 1954; В.М.З у б а н и ч. Вівчарська лексика с.Калечин Межгірського р-ну У., 1959 (рукописи – храняться в Ужгородському університеті).

¹⁰ І.П а н ь к е в и ч. Українські говори Підкарпатської Русі і суміжних областей. Praha, 1938, стр.412, 416, 419, 422, 431, 447. Ср. и переносное значение 'розпечена поверхність чого-будь' (с.Підлиски, Зак. – АУМ, 2).

Карта І. Семантика лексеми *vatra* в карпатоукраїнських горах.

І. 'Огонь, жар', 2. 'Место, где горит (-горел) огонь', 3. 'Теплое место на печи, лежанка',

4. 'Выжженное место в лесу; поле на месте выжженного леса'.

ва́тра 'место у шалаша, где горит огонь', 'погасший очаг', 'очаг' Зак.¹¹, Черн.¹²;

ва́тра 'дно печи' Черн.¹³; ва́тра, ва́тра 'то же' (сев. бессарабские говоры — Жилко, стр.124).

Также: ва́тра 'огонь; місце, де горить огонь' (бойковские говоры)¹⁴, 'часть печи, где горит огонь', 'припичок', 'вогнище' (буковинские говоры)¹⁵, 'лежанка' (сс.Росточки, Кропивники, р-н г.Долина — АУМ, 2).

Факты других украинских говоров позволяют дополнить данные КДА. Так, оказывается, что р.Днестр не является северной границей распространения слова ва́тра на территории УССР. По материалам АУМ (тт.1,2), в значениях 'огонь', 'жар', 'дно печи' оно известно в южноволынских и подольских говорах, в полосе между гг.Владимир-Волинский и Винница. В виде отдельных анклав оно отмечено также в р-не гг. Львов, Рава-Русская, Залещики¹⁶, Каменец-Подольский, Могилев-Подольский, Гайсин,

¹¹ Ю.В.Л е в к о. Лексика лесорубів с.Стройно Свалявського р-ну.У, б.г.; В.І.Л а в е р. Особливості говірки с.Зняцево, Мукачівського р-ну. У., б.г.; І.І.Ф е к е т а. Особливості говірки с.В.Лазі Ужгородського р-ну. У. 1954 (рукопись).

¹² М.С.З а б о л о т н а. Побутова лексика с.Глибока Чернівецької обл. Ч., 1960 (рукопись).

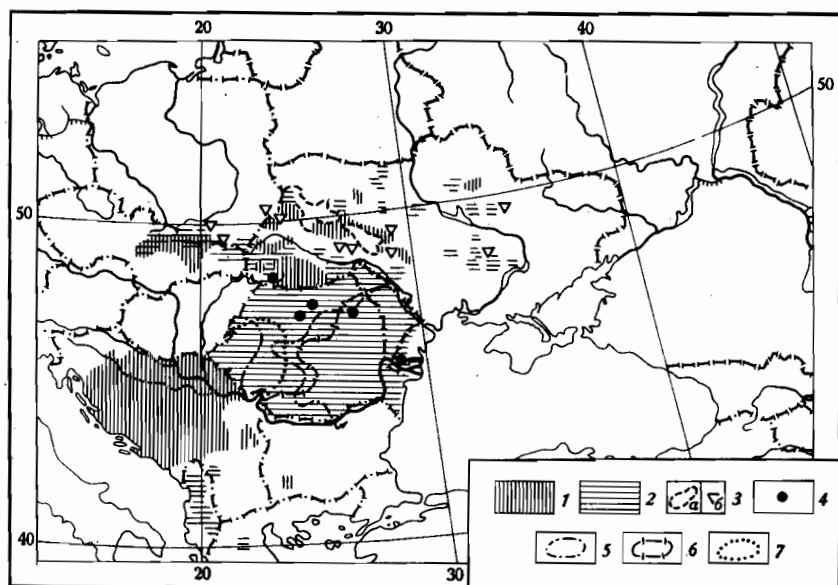
¹³ Н.П.К о т л я р с ь к а. Побутова лексика говірки с.Валява Кіцманського р-ну. Ч., 1960 (там же: ватрачка 'кочерга'); А.Г.Р у с н а к. Словник специфічної лексики говірки с.Подвірне Новоселицького р-ну. Ч., 1960 (рукописи).

¹⁴ Ю.К м і т. Словник бойківського говору. — ЛБ, IV, ч.4, 1934, стр. 23; и: 'часть печи' (Я.Ф а л ь к о в с к і. С.Волосате, Ліського повіту. Начерк матеріальної культури. — ЛБ, У, 1935, стр.20); vatra 'то же' (W.Grzebieńiak. Chaty włościańskie okolic Dubiecka w pow. przemyskim. "Lud". XVI, 1910, стр.367). Ю.Кмит приводит и производные: ватра́ль, -ка 'деревянная кочерга', ва́трище 'місце в полі, де палилась ватра', ватрик 'уголек'; ср. и ватра́лька 'кочерга' (В.К о б и л ь н и к. Матеріальна культура с.Жукотин, Турчанського повіту. — ЛБ, VI, ч.7, 1936, стр.57).

¹⁵ В.А.П р о к о п е н к о. Лексика буковинських говірок. Ч., 1960 (канд.дисс) (там же: ватрач, ватра́чка 'кочерга', ватра́чка 'помело'); Ср. ва́тра, ва́тра 'багаття, вогнище', 'припичок', 'черинь,дно печи' ("Матеріали до словника буковинських говірок", вип.І. Чернівці, 1971, стр.53).

¹⁶ Ср.: vatra 'дно печи' (K.Dejna. Leksykalne zróżnicowanie gwar w Zaleszczyckiem. "Rozprawy Kom. jęz. ", t. V, Łódź, 1957, стр.105).
О н ж е. Gwary ukraińskie Tarnopolszczyzny. Wrocław, 1957, стр.125).

Житомир, Коростень, Новоград-Волинский, Нежин, Ромны, Лубны¹⁷, Полтава, Кременчуг, Кировоград, Черкассы¹⁸. К северу от карпатской зоны зафиксированы и некоторые новые значения слова ватра: 'искры от горящей соломы', 'пепел от сгоревшей соломы'¹⁹, 'пепел и сажа' (АУМ) (см. карту 2)²⁰. В целом, вне Карпат слово ватра не имеет характера пастушеского термина.

Карта 2. Семантика лексемы *vatra* в языках карпато-балканского ареала.

1. 'огонь, жар', 2. 'место где горит огонь; очаг', 3. 'пепел, искры, летящие от горящей соломы', 4. 'лежанка', 5. 'место в кузнечном горне', 6. 'место, где расположено село; центр села', 7. 'земляной пол'.

¹⁷ ватра 'вогнище; попіл' (В.С.В а щ е н к о. Словник полтавських говорів, вип.І. Харків, 1960, стр.19).

¹⁸ 'багаття; вогнище' (П.С.Л и с е н к о. Словник специфічної лексики Правобережної Черкащини. - ЛЬв., вип.УІ, 1958, стр.10).

¹⁹ И: 'попіл, іскра зі соломи; вогонь' (Г.Ф.Ш и л о. Південно-західні говори УРСР на північ от Дністра. Київ, 1957, стр.241).

²⁰ Ср. и некоторые явно переносные значения: 'место, где хорошо растут грибы' (с.Тисив, р-н Болехова - АУМ, 2), 'запалене недобре сіно' (с.Рибник, р-н Дрогобыча - АУМ, 2), 'перепріла солома' (р-н Ковеля; степные говоры - Жилко, стр.88), "ватра - це отхожі місця" (с.Попельня - АУМ, І).

Это слово распространено и в украинских говорах за пределами УССР: в́атра 'дно печи' (на территории Молдавской ССР – АУМ, 2)²¹; 'место на котором ставят дом' (север МССР – вероятно, из молд. ватра сатулуй). Далее оно известно в украинских говорах в пределах Польши: watra 'rozżarzony ogień łączący się słomy, z drzewa' (р-н Холм), в́атра 'место в печи, где разводят огонь' (сев. г.Санок), vatra 'дно печи' (южн. г.Санок), vatra, watra (зап. г.Дукля), watra 'пепел' (южнее г.Н.Сонч) (все – АУМ, 2). По другим источникам в лемковских говорах также известны указанные значения: watra 'огонь' (уст.), 'место, где горит огонь', 'дно печи' (повсеместно)²². В украинских говорах на территории Словакии – ватра 'огонь' (сев., вост. г.Бардеев, сев., сев.-вост. г.Гуменне, сев.-вост. г.Пряшев), 'место, где горит огонь' (вост. г.Гуменне), 'як вигорить вогонь' (сев.-вост. г.Пряшев) (все – АУМ, 2)²³. В украинских говорах Румынии: ватра 'огонь', 'очаг' (обл. Бая-Маре)²⁴; р-н г.Сигет – АУМ, 2), uátra 'очаг' (ALR, v. IV, карта № 1057); с тем же значением в области Керестур (Югославия – АУМ, 2)²⁵. В польском языке слово watra является диалектным (ср. соответствующие пометы в словарях²⁶) и очень часто выступает как пас-

²¹ Как будто и 'вогонь; місце, де горів вогонь' (в Молдавии – АУМ, 2).

²² R.Reinfuss. *Hodowla i pasterstwo na Łemkowszczyźnie*. – В кн.: *Nad rzeką Ropą. Zarys kultury ludowej powiatu Gorlickiego*. Kraków, 1965, стр.114; ср. и: *Viehwirtschaft*, стр.320. Также в́атра 'Feuerherd' (І.В е р х р а т с к и й. Про говір галицьких лемків. Львів, 1902, стр.395), watra 'ogień' (J.Falkowski, B.Paszyński. *Na pograniczu łemkowsko-bojkowskim. Zarys etnograficzny*. Lwów, 1935.

²³ Следует указать на малочисленность украинских топонимов с корнем ватр-; они отмечены лишь на территории Словакии, р-н Спиша: Vatralivske, Vatraľova (A.Petrov. *Karpatoruské pomístní názvy z pol. XIX a z poč. XX st.* Praha, 1929, стр.93); те же примеры и в кн.: N.Drăganu. *România în veacurile IX-XIV pe baza topo. imiei și onomastice*. București, 1933, стр.344.

²⁴ М.П а в л ю к. Українські говірки Мараморочини (обл.Бая-Маре Румунської НР). Харків, 1958, стр.208, 257 (канд. дисс.).

²⁵ Возможно, однокоренными в других восточнославянских языках являются: русск., белор. ватру́ха, ватру́шка 'ватрушка' (ср. Фасмер, I; СРНГ), также ватру́ха 'нечистоплотная, ленивая стряпуха' (пенз. – СРНГ), ватрух, ватрях 'сердитый, надутый человек' (пск. – СРНГ).

²⁶ watra 1. «na Podhalu ogień, ognisko»; 2. gw[arowe] 'popiół'..., watrzyso regionalnej p[ód] (=południowe) 'ognisko' SJP₁, t. VII; II: SJP₂, t. IX; также: Z.Gołąb. *O zróżnicowaniu wewnętrznym gwary podhalańskiej*. – JP, t. XXXIV, 1954, стр. 86; M. Małecki. *Archaizm podhalański*. Kraków, 1928, стр. 41.

тушеский термин: watra 'ogień w szałasie, w polu; ognisko' (p-н Татр, Подгале²⁷) 'огонь' (Подгале)²⁸, watra 'костер в поле' (p-н Татр²⁹), 'żar z pieca' (Орава)³⁰, watra 'żarzewie pod gołym niebem w szałasie lub na kominie', 'ogień w tych samych warunkach' (Подгале)³¹, 'ognisko', watra czyli ogień (там же)³², 'węgle' (Хохолов)³³, watra 'ognisko' (Подгале, Цешин³⁴, Сонч³⁵, Татры³⁶), 'ognisko tak w polu jak i w

- 27 A.Szyfer. Słownictwo pasterskie Tatr i Podhala. "Pasterstwo Tatr Polskich i Podhala". t. III. Warszawa-Wrocław-Kraków, 1961, карты № 5,6,25,26; и: watrzyisko 'ОГОНЬ в шалаше, на поле', watrowe 'оплата пастухам', watrzniak 'овсяная лепешка', zawatarnik 'кусок дерева, камня, заслоняющий стену от огня' (там же). Ср. и: wieczna watra 'все время поддерживаемый огонь' (W.Karkoszka, Organizacja wypasu i gospodarki na hali. - "Pasterstwo Tatr Polskich...", t.III, стр.20).
- 28 W.Matłakowski. Zdobienie i sprzęt ludu polskiego na Podhalu. Warszawa, 1901, стр.121.
- 29 W.Janszy. Gwara Śromowiec Wyżnych. "Mat. i prace komisji język. AU", t.I. Kraków, 1901, стр. 85.
- 30 A.Zaręba. Orawskie teksty - gwarowe z obszaru Czechosłowacji. Kraków, 1967, стр. 147; S.Łukasik. Pologne et Roumanie aux confins des deux peuples et des deux langues. Cracovie, 1938, стр. 194.
- 31 A.Wrześniowski. Spis wyrazów podhalskich. "Pam. tow. tatr.", t. 10, 1885, стр.24; также watrzyisko 'выжженное место'.
- 32 A.Drozdowski. Owczarstwo podhalańskie i jego rozwój. - "Pasterstwo Tatr Polskich...", t. III, стр.68, 71; watra 'ognisko' (L.Malicki. Zarys kultury materialnej górali śląskich. Katowice, 1934, стр.95).
- 33 X.J.Złóża. Zbiór wyrazów używanych w okolicach Chochołowa. "Spraw. Kom.jęz.", t. IV, 1891, стр. 351.
- 34 L.Malinowski. O niektórych wyrazach ludowych polskich. Zapiski porównawcze. "Rozprawy Akademii umiejętności. Wydz. filol. ser. II,t.2. Kraków,1893, стр.15; также: watrisko 'очаг', watral 'kij'.
- 35 S.Matusiak. Rozmaitości. - "Lud", t.XIV, 1908, стр.390.
- 36 X.W.A. Sutura. Życie pasterskie w Tatrach. "Pam. tow. tatr.", t.1, 1876, стр.18; Z.Jaworski. Pasterstwo w Tatrach Polskich. "Lud", t.VIII, 1902, стр.40; Z. Hofubianka. Kilka słów o szałasnictwie w Tatrach polskich. "Przegląd geograficzny" t.II. Warszawa, 1922, стр.22.

chacie' (Подгале³⁷, Н.Татр³⁸), vatra 'очаг' (Навсе)³⁹, 'ognisko w polu' (Закопане)⁴⁰, vatra 1. 'zagłębienie w nalepie dla przechowywania ognia przy piecu bez komina; 2. 'popioł' (p-н Кракова - сс. Вецурка, Сидзина)⁴¹. Значение 'пепел' отмечается и в словарях (SJP, t.VII); Я.Карлович упоминает еще значение 'остатки сожженной соломы' (Karłowicz; также: S.Łukasik. Указ. соч., стр.194).

В словацком языке слово vatra отмечается в словарях и диалектных материалах в значениях: 1. 'ohneň na horách, pastviskách' (Káľal, SSJ)⁴², 'костер' (Isačenko), 'ohneň na horach' (восточно-ляшские говоры⁴³, обл. Кисуцы⁴⁴), vatra 'ohneň v kolibe' (обл. Высоких Татр)⁴⁵; 'огонь' (Орава)⁴⁶, jasná vatra svieti na holi (Зволен),

37 B.Dembowski. Słownik gwary podhalskiej. "Spraw. Kom. jęz.", t.V, 1894, стр.428 (также: watrzyisko 'место по выпаленем ognisku'); О н ж е. Spis wyrazów i wyrażeń używanych na Podhalu. - "Spraw. tow. tatr. za rok 1889", 1890, стр.30 (также: watrowe 'плата пас-туху', watrznia 'овсяная лепешка').

38 J.Bubak. Teksty gwarowe ze wsi Ząb w pow. Nowotarskim. Kraków, 1966, стр. 47; ср. и zăvatrňák 'дерево на ватру' (стр. 19).

39 K.Nitsch. Dialekty polski Śląska, cz.I. Kraków, 1939, стр. 237.

40 W.Kosiński. Przyczynek do gwary zakopiańskiej. "Rozpr. i spraw. z posiedzeń. Wydz. filol. Akad. umiętn.", t. X. Kraków, 1884, стр. 306.

41 M.Kucała. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław 1957, стр. 133, 147.

42 В словарях и однокоренные: vatral' 'палка, которой разгребают огонь', vatrisko 'очаг' (вост. Словакия), vatrit' 'разжигать огонь' (Káľal), vatrisko 'огонь', 'очаг, место, на котором разжигают огонь', vatriti, vatrál'; vatrák 'тот, кто следит за огнем' (SSJ); в диалектологических работах см. еще: vatrisko 'очаг' (Шарин), 'popol z peca a vatriska' (S.Czambel. Slovenská reč a jej miesto v rodině slovanských jazykov. Turč. Sv. Martin, 1906, стр.609), vatrisko 'cigánská osada' (F.Buffa. Nárečie Dihej Luky v Bardejovskom okrese. Bratislava, 1953, стр.229).

43 A.Kellner. Vychodolašská nářečí, d. II. Brno, 1949, стр. 316.

44 J.Štika. Salašnictví v Považské a Kysucké oblasti. "Slovenský národopis", t.VIII, Bratislava, 1960, стр.351; там же: vatrisko 'очаг'.

45 Также: 'otvorene ohnisko' (J.Podolák. Pasterstvo v oblasti Vysokých Tatier. Bratislava, 1967, стр. 206, 84); и: Viehwirtschaft, стр.327.

46 A.Habovštiak. Oravské nárečie. Bratislava, 1965, стр.346; vatrisko 'очаг' (стр.181).

vatra horí (Ондрашова)⁴⁷, veľika vatra (Липтов)⁴⁸, vatra 'пожар' (в говоре словаков Югославии - р-н Нови Сад)⁴⁹; 2. 'очаг'⁵⁰, 'место в пастушеском домике, где горит огонь' (р-н Гелнице - зап. Кошице)⁵¹, naklád'em ohňa a nasypal žeh patronof do vatry (обл. Гемер)⁵².

В чешском языке слово vatra почти неизвестно, оно отмечено лишь в моравских говорах: vatra 'очаг и огонь на нем', 'большой огонь (костер) в поле', 'факал'⁵³, 'огонь' (обл. горы Радгошт)⁵⁴, а также в остравских: 'ohniště a oheň na něm'⁵⁵. Словари дают это слово (и производные) с пометой "словацкое" (например: vatra, vatrisko, vatral - PSJČ, d.VI; vatra, vatřiti - F. Trávníček, Slovník jazyka českého, Praha, 1952, стр.1625)⁵⁶. Наконец, это слово известно как жаргонное: vatro 'Feuerstätte'⁵⁷.

Многочисленные материалы по румынской диалектологии позволяют очень точно представить географическое распространение слова vatra и его значения. Так, на всей территории современной Румынии известно

47 J.Horák, K.Plicka, Zbojnickie piesne slovenského ľudu, Bratislava, 1965, стр. 252, 299.

48 J.Stanislav, Liptovské nárečia, Turč. Sv. Martin, 1932, стр. 438, 493. ср. и: položiu som pár pol'ien na vatru, a zapáliu som si (стр.493).

49 J.Štolc, Reč slovákov v Jugoslávii, I. Bratislava, 1968, стр. 266.

50 "kde se oheň klade na, pol'u není ohnisko ale vatra" (И.И.С р е з - н е в с к и й. Материалы для словаря наречий горных словаков [публикуется Н.А.Кондрашовым в его докт. диссертации]), ср. также: JČas. IX, стр.108 (см. и: Kálal).

51 Banícka dedina Žakarovce, Bratislava, 1956, стр.183, рис.83.

52 G.Horák, Nárečie Pohorelej, Bratislava, 1955, стр.207; и: na tym vatřisku-zgor'ľal'isku... (стр. 149).

53 Bartoš, стр.475; и производные: vatrál' 'obušek ovčacký,' vatrovat' 'plamenem hořeti; О н ж е. Dialektologie moravská, d.I, Brno, 1886, стр.284. Ср. и переносное: 'hromada neřadu' (там же); vatra 'oheň' (р-н Всетина - F.Svěrák, Karlovické nářečí, Praha, 1957, стр.140).

54 J.Štika, Salašnictví na Moravském Valašsku. - "Etnografia polska", t.V, Warszawa, 1961, стр. 89.

55 J.Kott, Druhý příspěvek k česko-německému slovníku, Praha, 1901, стр.365; и переносное: 'hromada bramborův obložená slámou a hlínou, aby přežimovala na poli' (там же).

56 Ср. древнечеш. vatra (J.Jungmann, Slovník česko-německý, d.V, Praha, 1839, стр. 27.

57 E.Rippl, Zum Wortschatz des tschechischen Rotwelsch, Reichenberg, 1926, стр.55 (слово взято автором из: "Slovník české hantýčky").

значение 'открытый очаг (в старом доме, где нет печи)' (ALR II, вопрос № 3869, некартографируемый материал; Tiktin, v. III: DLRLC, v. IV)⁵⁸; в горных районах отмечается и значение 'открытый очаг в шалаше, на пастбище' (р-н Ватра-Дорней - ALR II, вопрос № 3869; обл. Бран)^{59,60}. В Банате, Мунтении и Молдове широко распространено специальное значение 'место в кузнечном горне, где разводят огонь' (ALR, v. II, № 547; MALR, v. I, № 359).

Можно указать и некоторые узколокальные значения, тесно связанные со значением 'очаг'. Это 'лежанка, теплое место на печи' (р-н Ватра-Дорней, Нэсэуд, Тульча, Ботошань - ALR II, карта - 283; DLRLC v. IV)⁶¹, 'место перед очагом' (обл. Бран - ALR II, вопрос - 3869), 'основание печи' (cuprătoriu să faci pi vatra р-н Пашкань, там же), 'помещение, где находится очаг' (Рымнику-Вулча - LReg., стр.88)⁶², далее - 'земляной пол' (почти повсеместно - в Банате, ALR II, вопрос № 3869; Олтении⁶³); 'основание дома из утрамбованной земли' (р-н Орэштие⁶⁴, северо-западные говоры - ALR II, № 235) и 'место,

58 Также: T. Teaha, Graiul din Valea Crişului Negru, Bucureşti, 1961, стр.281; I.Jarnik, A.Bîrseanu, Doine şi strigături din Ardeal, Bucureşti, 1964, стр.110; I.Stoian, Texte folclorice din Rîmnicul-Sărat - GS III, 1927/28, стр.341; un foc în vatra (Арджеш - Folclor din Oltenia şi Muntenia, v.II, Bucureşti, 1967, стр.186, 194); mîncăm turtă coaptă-n vatra (р-н Яссы - Folclor din Moldova, v. I, Bucureşti, 1969, стр.53), focu-n vatră (р-н Васлуй - там же, v. II, стр.484, 548).

59 I.Vlăduţiu, Almenwirtschaftliche Viehhaltung und Transhumance im Brangebiet (Südostkarpaten, Rumänien). - В кн.: Viehzucht, стр.219.

60 Ср. и: bi'em pă la vatra 'идти (с овцами) на горное пастбище, на пастушескую стоянку' (Вишеу-де-Сус - ALR II, вопрос № 3869).

61 Также: copchii şade pe vatra (Фэгэраш), toată vara nu mi-i frig... pe vătruţa lângă foc (Сэлэжиу), cu mîişoru-n vatră (р-н Темпишоара), pe vatră n-oiu sta (Текуча - ALP, стр.43, 202, 566, 585). Ср. и: a fi pe vatră '(despre lehuze) a sta şase săptămâni în casă după naştere' (Куртя-де-Арджеш - LR № I, 1959, стр.67); a cădea pe vatră 'рожать (о женщине)' (D.Udrescu, Glosar regional, Argeş, Bucureşti, стр.256).

62 Также: 'закрытое место, где ночуют овцы' (Марамуреш), 'помещение, где совершаются жертвоприношения' (уст.) (S.Zukasik, Указ.соч., стр.194).

63 B.Cazacu, Glosar dialectal, Oltenia, Bucureşti, 1967, стр.124;

Также: vatrai 'орудие, которым делают ямки для посадки лозы'.

64 M.Homorodean, Glosar dialectal din mai multe regiune ale Transilvaniei - MCD, стр. 271; и: vatra casăi - L.T.Boga, Documente din Basarabia, t.II, Chişinău, 1938, стр. 264.

на котором расположен дом' (р-н Крайовы - ALR II, вопрос № 3869)⁶⁵. С последним, очевидно, связаны и следующие значения: 'основание копны' (Олтении, ALR.v.I, № 135, MALR.I, № 92), 'место, на котором расположено село и земли вокруг него' (широко известно на юге Олтении, в Мунтении, Молдове - ALR II, вопрос № 3869; Tiktin, III; также на Буковине - S. Żukasiak. Указ. соч., стр.194)⁶⁶.

С другой стороны, к значению 'очаг', очевидно, восходит фиксируемое словарями значение 'очаг; дом, постоянное жилище; родное место; логово' (Tiktin; DLRLC), также 'центр села' (р-н Питешть, Рэдэуць; север СССР - ALR II, вопрос № 3869; то же в: vino-n vatra satului (р-н Прахова - Folclor din Moldova, VI, стр.108)⁶⁷.

Далее, в некоторых говорах отмечаются следующие изолированные значения: 'голое место на поле, где ничто не растёт' (ALR.v.I, № 94)⁶⁸, 'место, где зимой дают есть скоту' (MALR, v.II, № 620); vatra и 'moşie, avere, bogăţie' (DLRM; сюда же и: vatră la josăgu 'vite' - I.Ionica. Указ. соч., стр.450). Ср. также vatra ielelor 'место, где, как говорят, играли феи и осталась приматой трава' (Куртя-де-Арджеш)⁶⁹.

На территории Румынии известно много топонимов, в состав которых входит интересующее нас слово: Vatra, Vatra Comunei, Vatra Dornei Vatra Moldoviţei; в Мунтении и Олтении часты названия типа: Vatra Episcopiei de Argeş, Vatra Mănăstirii Govore, Vatra Schitului Flămînda⁷⁰.

Помимо vatră, в румынских говорах широко известны и производные, прежде всего vatrăi (vătrăi⁷¹), vătrăni, vătrăr (văt-

⁶⁵ По данным ALR I (вопрос № 6484), vatra casei 'loc de casă' известно гораздо шире - почти на всей территории Румынии, за исключением востока Мунтении и юго-востока Молдовы (I.Ionica. Terminologia casei în limba română pe baza ALR - SCL XVII, № 4, 1966, стр.448-449).

⁶⁶ vatra satului (р-н Хотин, от 1649 г. - L.T.Boga. Указ. соч., стр. 17).

⁶⁷ Также: sus în sânul codrilor, la vatra voinicilor (Сэлэжиу, Трансильвания - ALP, стр.64).

⁶⁸ Также: vatră 'loc gol într-o grădina' (T.Papahagi. Cercetări în Munţii Apuseni. - GS II, стр. 77), vatră 'loc unde nu e pajişte ca în curte - întins' (Там же, стр.87). Ср. в DLRLC: 'petic de pămînt pe un cîmp sau în pădure, care se deosebeşte de restul locului printr-o vegetaţie diferită sau prin absenţa vegetaţiei (v. IV, стр. 622).

⁶⁹ D.Udrescu. Указ. соч., стр.256.

⁷⁰ I.Iordan. Toponimia românească. Bucureşti, 1963, стр.534; Vatricea (р-н Орхей, Молдавия, от 1602 г. - L.T.Boga. Указ. соч., 10).

rar⁷¹), vǎtrǎrăşu, и под. 'кочерга (железная, деревянная)' (ALR II карта № 285 и некартографируемый материал вопроса № 3886; ALR v. IV, № 1059; MALR v. III, № 866); vǎtrǎră 'piatra stăitoare' ('часть мельницы') (ALR v.I, № 167), zavatră 'место, где прячутся от непогоды овцы и пастухи, место, где прячутся лесорубы' (р-н Сучавы - L.Reg., стр.II2), zavatră 'шалаш, навес, где спит пастух' (р-н Рэдэуць)⁷², vetrice 'растение' (кг и юго-восток страны - MALR.v. II, № 458), vǎtrătur 'место где находится дом и двор' (р-н Романаць - CV, № 5, 1951, стр.26), vǎtrit 'întins, lăpt pe vatră'⁷³.

Таким образом, в дакорумынских говорах слово *vatră* и производные функционируют в качестве специальных пастушеских терминов на небольшой территории.

В молдавском: *ватры*, *ватре* 'горн' (Буковина, север и центр Молдавии - АЛМ, ответы на вопрос № 2138), *ватры* 'грядка' (там же, ответы на вопрос № 2086), также *ватрап* 'печные щипцы' (Буковина; р-н Бричень, Бельцы - там же, ответы на вопрос № 2171). В юго-западной части Молдавии в XIX в. отмечалось и *vatra satului* 'место, где находится село' (L.T. Boga. Указ. соч., стр.264); см. и: Диксионар молдовенеск-русеск. Кишинэу, 1961, стр.109).

В арумынском: *vatre* 'очаг (в старом доме)' (ALR II, № 3868), *vatră*, *veatră* (сев.) 'то же' (Papaşagi, стр.1101, также: *cacavatră* 'человек, который всегда находится у огня').

В мегленорумынском: *vatră* 'очаг' (р-н Цырнарека)⁷⁴.

В истрорумынском: *vatră* || o'fnişt'a 'очаг' (ALR II, № 3868), еще раньше оно фиксировалось как *votră* (Densusianu, v.I, стр.36). Однако это слово отсутствует не только в новейших диалектологических записях и словарях (например, Т.Кантемира), но и в работе С.Пушкаря ("Studii istroromâne", v.I-III).

В современном венгерском языке это слово неизвестно (во всяком случае, оно не отражено в новейших словарях). Оно фиксируется в документах ХVII в.: *vatra* 'Feuerherd' (р-н Земплин) - очевидный сло-

⁷¹ Из восточнороманских языков это слово проникло и в цыганский ср.: *vatrari* 'совок' (Р. Деметер, Л. Черенков. Восточно-романское влияние на цыганский язык [калдэрарский диалект]. -

"Лимба ши литература молдовеняскэ", № 2. Кишинэу, 1967, стр.54).
⁷² V.Arvinie, D.Ursu, M.Bordeianu. Glosar regional. Bucureşti, 1961, стр. 82.

⁷³ Т.Р. Papaşagi. Cercetări în Munţii Apuseni. - GS, v.II, 1925, стр. 87.

⁷⁴ Т.С. Capidan. Meglenoromânii, v.III, Bucureşti, 1935, стр. 324.

вакизм (см.: Kniezsa, стр.551)⁷⁵. Очень часто в документах и старых словарях (XVI–XIX вв.) встречаются следующие слова: *vetrece*, *vetrecen* 'вид пищи, гуляш' (Kniezsa, 551), *vetrecze* 'растение' (XVI в.)⁷⁶, также в восточновенгерских диалектах, большинство которых в настоящее время находится в пределах Румынии: *vetrece* 'вид пищи' (обл. Альфельд, Силадь – долины рек Красна, Сомеш, Береттьо – Kniezsa), *vetrecze* 'вид молочной пищи' (долина р. Кереш – H. Otto. Указ. соч., стр.537, 231), и: *vetrece* (Транс), *vetrice* (Гаромсек – юго-вост. Трансильвания), *vedrice* (долина р. Оронь, вост. Бихор – Kniezsa, 551)⁷⁷.

Из южнославянских языков слово *vatra* широко употребляется только в сербохорватском языке. Граница его распространения по диалектам в значении 'огонь на очаге', установленная С. Трояновичем, охватывает срединную часть территории Югославии⁷⁸. Учет других значений позволяет несколько расширить эту территорию. Например, *ватра* в значении 'огонь' отмечается в р-не Болеваца⁷⁹ и в области Заглавак⁸⁰; возможно также и: *badnja vatra* (р-н Алексинац)⁸¹ *прођох ватру-не изгорех* (р-н Заечар – С. Т р о ј а н о в и ћ. Указ. соч., стр.84), *ako će se mlijeko siri... uz vatra* (Риека – Черногория)⁸² *da duva u vatru* (Самобор)⁸³, *zakurjt vatru* (р-н Г.Сень)⁸⁴.

75 I. Russu. Cuvinte românești ca împrumuturi slave" în limba maghiară. "Omăgiu lui A. Rosetti", București, 1965, стр. 789.

76 H. Otto. A Magyar pásztorok nyelvkincse. Budapest, 1914, стр.439.

77 По мнению И. Книежи, эти слова, как и рум. *vetrece* (см. выше), восходит к слав. **vatrica* (Kniezsa, 551).

78 С. Т р о ј а н о в и ћ. Ватра у обичајима и животу српског народа. Београд, 1930, карта. Ср. и: I. Popović. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960, стр.537. Материалы пока неизданного тома RNSJ, любезно предоставленные в наше распоряжение сотрудником Института языка в Загребе П. Шимуновичем (которому мы выражаем нашу искреннюю благодарность), свидетельствуют о том, что слово *vatra* распространено в Боснии, Славонии, Лике.

79 С. М. Г р б и ћ. Српски народни обичаји из среза Болевачког. – СЕЗб, књ. XIV, 1908, стр.23;

80 М. С т а н о ј е в и ћ. Заглавак. Антропогеографска проучава. – СЕЗб, књ. XX, 1913, стр.61.

81 P. Ž. Petrović. Božični običaji. Aleksinačko Pomoravlje. – ZbNŽO, knj. XXVI, 1925, стр. 142.

82 A. Jovičević. Hrana i posude (Riječka nahija u Crnoj Gori). – ZbNŽO, knj. XXVI, 1925, стр.142; также: *ватром* преварити, живу ватру (В. М. М е д а к о в и ћ. Живот и обичаји Црногораца. Нови Сад, 1860, (стр.99).

83 M. Lang. Samobor. – ZbNŽO, knj. XVII, 1912, стр. 94.

84 S. Zajceva. Specifična leksika u savremenim čakavskim govorima. "Прилози проучавању језика", № 3. Нови Сад, 1967, стр.93.

Помимо значения 'огонь', которое в словарях приводится на первом месте (Карачић, Iveković, РСХКНЈ), слово ватра означает и: 'жар', 'пламя', 'пожар' (РСХКНЈ), 'искра' (обл.Грахово⁸⁵, РСХКНЈ), а также 'очаг' (обл.Раджевина-Ядар)⁸⁶, 'родной дом' (РСХКНЈ). В словарях указываются некоторые явно вторичные значения: 'жара', 'стрельба', 'огне-стрельное оружие', 'тяжелая болезнь', и др. (там же)⁸⁷.

В древнесербском языке слово ватра, вероятно, не было известно (если судить по отсутствию его в словаре Даничића). По данным КНСР, оно впервые фиксируется в ХУП в. (словарь Микали), а с ХУІІІ в. становится обычным (ср. также: С. Т р о ј а н о в и ћ. Указ. соч., стр. 263-265).

Таким образом, очевидно, что с.-хорв. ватра не может быть отнесено к пастушеской терминологии; оно представляет собой слово общенародного языка, имеющее самое широкое употребление.

В б о л г а р с к и х говорах интересующее нас слово фиксируется крайне редко: ватра 'огонь' (Разлог)⁸⁸ и 'очаг' (с.Ново Село, р-н Видин - СОНУ ХУІІІ, стр.)⁸⁹. На значительно большей территории - не только на западе, но и в южной и центральной Болгарии - известны про-

⁸⁵ М. В а с и л е в и ћ. Народне мелодије Црне Горе. Београд, 1965, стр.6.

⁸⁶ Б. М и л о ј е в и ћ. Рађевина и Јадар. Антропогеографска проучава-на. - СЕЗб, књ XX, 1913, стр.660.

⁸⁷ В РСХКНЈ приводится значительное число производных: ватраљ (ватралина, ватралић, ватраљче) 'кочерга', ватрарница 'пастушеский шалаш', ватреница 'помещение с очагом', ватриште 'место, где (был) очаг', ватренка (ватренача) 'паровая мельница' и под. (т.2, стр. 433 - 436). Из указанных производных, по-видимому, наибольшее распространение имеет ватраљ (и родственные) - это слово известно по всей Шумади и в некоторых других районах Сербии (С. Т р о ј а н о в и ћ. Указ. соч., стр.307). Д.Крынджалов считает, что оно возникло в сербохорватском языке, откуда было заимствовано румынами: *vatraiu* (D.Crânjaiă, Rumunske vlavy v Karpatich se zvláštním žre-teleм k Moravskému Valašsku, Praha, 1938, стр.422). Слово *vatenica* 'комната, где находится очаг' известно на о-ве Дуги и в р-не Задра (Prilog o jadransko-dinarskom kulturnom profilu Zadarskoga područja, "Zbornik Instituta za historijske nauke". Zadar, 1958, стр.203, 217).

⁸⁸ Только в выражениях типа: дадох^в ватрата на книжето - изгоре^{ах} и до една (Д. и К. М о л е р о в и. Народописни материали от Разложко. - СОНУ, XLVIII, 1954, стр.130; также ватраљ^в 'кочерга').

⁸⁹ Ср. и: M.Mladenov. Influența românească asupra graiului bulgar din Novo Selo (r-nul Vidin RP Bulgaria).- RS, v.XIV, 1968, стр. 81.

изводные: ватрал 'кочерга' (р-н Софии - СБАН, XXXIV, стр.277, РР, IX, стр.180; Елена - СБАН, LVI, стр.49; Приморско, Малко Търново⁹⁰ - БДР; Габрово, р-н Ксанти; Дервент, р-н Дедеагач⁹¹), фатрал 'то же' (Еникей, р-н Ксанти, Блага; р-н Визен)⁹², ватрал 'то же'⁹³ (Якоруда, Родопи - БДР; Панагюрище⁹⁴); ватралче (Бургас - БДР)⁹⁵.

В словарях македонского языка слово ватра и производные отсутствуют. В некоторых говорах известно слово ватрал 'кочерга' (р-н г.Серес - БДР).

Также не фиксируется слово *vatra* и в словарях словенского языка. В словенских говорах нами отмечен лишь глагол *vatriti se* 'тлеть'⁹⁶.

На Балканском полуострове слова, родственные слав. *vatra*, отмечены еще в языке каракачан (живущих на территории Болгарии): ватра. 1. 'дно печи' (р-н Самокова), 2. 'углубление перед печью для собирания угольев', также: 'лятно открыто огнище'⁹⁷. Отмечается интересное совпадение семантики этого слова в каракачанском с семантикой рум. *vatra*.

Это слово распространено также в албанском языке⁹⁸. В диалектах оно фиксируется в двух основных вариантах: в гегских говорах - *voṭër* (*voṭrë*), в тоскских *vaṭër* (*vaṭrë*), так же в словарях. Обычными его

⁹⁰ Ср. и вэтрал 'ръжен' (Г. Г о р о в. Странджанският говор. - БД, I, 1962, стр.74).

⁹¹ С. М л а д е н о в и др. Бит и език на тракийските и малоазийските българи, ч. II. Език - ТрСб, кн. VI, 1936, стр.120; материал из с. Габрово приведен также в работе: Т. С т о й ч е в. Родопски речник. - БД, кн. II, 1965, стр.137.

⁹² С. М л а д е н о в и др. Указ. соч., стр.120.

⁹³ В с. Оброчище (р-н Балчика - по сведениям, любезно предоставленным нам М. Младеновым, сотрудником Института болгарского языка).

⁹⁴ Ch. Vakarelski. Etnografia Buḡarii. Wrocław, 1965, стр. 70.

⁹⁵ Как полагает С. Троянович (Указ. соч., стр.306), такое широкое распространение слово ватрал в болгарских говорах получило благодаря влиянию языка цыган-кузнецов, занимавшихся изготовлением этого предмета.

⁹⁶ R. Perušek. Рец. на кн.: I. Šašelj. Bisernice iz belokranjskega narodnega zaklada. Rudolfov, 1906, 1909 - "Carniola", t. I. Ljubljana, 1910, стр. 300.

⁹⁷ В. М а р и н о в. Принос към изучаването на произхода, бита и културата на каракачаните в България. София, 1964, стр.86, 102; ср. и: ватрал 'палка для помешивания углей' (там же).

⁹⁸ Но, по-видимому, оно отсутствует в языке албанцев, населяющих, например, Грецию (ср.: C. Hoebler. Grammatik der albanischen Mundart von Salamis. Wiesbaden, 1965).

значениями являются следующие: 'очаг, место в доме, где горит огонь',⁹⁹ 'родной дом; центр чего-либо'¹⁰⁰; в некоторых областях бытуют оба фонетических варианта, например: *vatër* 'кухня', *voṭër* 'пол' (обл. Меретури)¹⁰¹.

Географическое распространение слова *vatra* в славянских и неславянских языках и его основные значения см. на карте 2.

Кратко сформулируем некоторые выводы: 1. Слово *vatra* распространено главным образом в карпато-балканской области, лишь в украинских говорах, в виде отдельных анклав, оно известно далеко за ее пределами. 2. В качестве основных значений этого слова укажем следующие: 'огонь; костер; жар (в печи)', 'открытый очаг; под (-дно) печи'. 3. Количество значений, характеризующих слово *vatra* как пастушеский термин, сравнительно невелико. 4. В общем, незначительна и территория распространения указанного слова как термина высокогорного пастушества. Во многих языках и диалектах слово *vatra*, наряду с указанным терминологическим, имеет и более широкое употребление.

* * *

В настоящее время известны, в основном, две этимологические версии слова *vatra* (подробно они изложены, например, у: Фасмер, т. I, стр. 279). Согласно одной точке зрения, оно, исконнородственное авест. *ātārš* (род. п. - *āṭrō-*)¹⁰² 'огонь',¹⁰² < и.-е. **āt(e)r-* (Pokorny, 69)¹⁰³, существовало уже в праславянском, может быть, как заимствование из (западно)иранских диалектов¹⁰⁴. Сторонники другой точки зрения исхо-

- ⁹⁹ Fjalor i gjuhës shqipe, Tiranë, 1954, стр. 599, 618; Meyer; данные диалектов, извлеченные из трудов албанских ученых, сведены в кн.: А. В. Д е с н и ц к а я. Албанский язык и его диалекты. Л., 1968, стр. 221, 222, 227, 325; также: G. Shkurtaj. E folmja e Kastratit. - "Studime filologjike", v. XXI, N 2. Tiranë, 1967, стр. 36.
- ¹⁰⁰ S. E. Mann. An historical albanian-english dictionary. London - New York-Toronto, 1948. Стр. 546.
- ¹⁰¹ E. Lefe. E folmja Nikaj-Mérturit. "Studime filologjike", v. XVI, N 3, 1964, стр. 135, 147.
- ¹⁰² Родственные формы см.: В. И. А б а е в. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.-Л., 1958, стр. 69.
- ¹⁰³ Соответствия этому корню в некоторых языках ностратической группы установлены в: В. М. И л л и ч - С в и т ы ч. К сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семитохамитский). "Этимология. 1965". М., 1967, стр. 352; О н ж е. Соответствия смычных в ностратических языках. "Этимология. 1966", М., 1968, стр. 319.
- ¹⁰⁴ J. Rozwadowski. Stosunki leksykalne między językami słowiańskimi i irańskimi. "Rocznik Orientalistyczny" t. I, 1914, стр. 109-110;

дят из того, что источником данного слова во всех славянских языках (и диалектах) является румынский язык (в последнем оно обычно возводится к алб. *vatrë, votër* < **otër*-¹⁰⁵, связанному, в свою очередь, родством с упоминавшимся авест. *ātar*-¹⁰⁶).

Несомненно, что в дальнейшем, при решении вопроса о происхождении слова *vatra*, привлечение данных о его распространении и семантике будет весьма полезным. Во всяком случае, согласование той или иной этимологии со сведениями лингвогеографического характера могло бы служить одним из важных критериев ее надежности. Так, если принимать "румынскую" версию, то требуют объяснения, по крайней мере, два факта:

1. Существование *vatra* во многих украинских говорах за пределами Карпат (например, в Левобережной Украине), влияние румынского языка на которые должно быть, по существу, исключено¹⁰⁷; 2. В двух изолированных ареалах — в центральных сербохорватских и в некоторых украинских говорах — слово *vatra* имеет значение 'огонь', в то время как в самом румынском языке, по нашим данным, такое значение отсутствует.

Напротив, если допустить праславянский характер интересующего нас слова, указанные факты получают объяснение.

С. Т р о ј а н о в и ћ. Указ. соч., стр.311, 316; D.Crânjala. Указ. соч., стр.424; А.А. З а л и з н я к. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода. — ВСЯ, вып.6, 1962, стр.40. Скептическое отношение к этому см. в: О.Н. Т р у б а ч е в. Из славяно-иранских лексических отношений. "Этимология. 1965", стр.24.

105 Ср. также мнение, что рум. *vatră* < дакийск. **otra*- < и.-е. **ā(e)r* (I.I.Russu. Raporturile limbii române cu albaneza și cu substratul carpato-balcanic. — CL, № I, 1962, стр.117; О н ж е. Cuvinte românești ca "împrumuturi slave" în limba maghiară. — В кн.: "Omagiu lui A.Rosetti la 70 de ani". București, 1965, стр.782; БЕР. Впрочем, Г.Рейхенкрон не включает это слово в список возможных дакизмов (G.Reichenkron. Das Dakische [rekonstruiert aus dem Rumänischen]. Heidelberg, 1966).

106 Алб. *vatrë, votër* рассматривается и как наследие иранского субстрата на Балканах — см. об этом: J.Hubschmid. Substrate in den Balkansprachen. — В кн.: Die Kultur Südosteuropas: Ihre Geschichte und ihre Ausdrucksformen. Wiesbaden, 1964, стр.101-102. Против непосредственного сопоставления рум. *vatră* с алб. *votër* см.: I.Șiadbei. Contribuții la studiul latinei orientale (III). — SCL IX, 1958, стр.189.

107 О невозможности объяснить румынским влиянием существование производных с корнем *vatr-* в русском см.: D.Crânjala. Указ.соч., стр.422.

П р и н я т и е с о к р а щ е н и я

АЛМ	- Атласул лингвистик молдовенеск (материалы, хранятся в Кишиневе, в Институте языка, истории и литературы АН МССР).
АУМ I, 2	- Атлас української мови, т.І (картотека, хранится в Киеве) т.2 (картотека, хранится во Львове).
БД	- "Българска диалектология. Проучвания и материали". София.
БДР	- Български диалектен речник (картотека, хранится в Софии).
БЕР	- Български етимологичен речник, св.2. София, 1963.
ВЯ	- Вопросы языкознания. М.
Гринч.	- Г. Д. Г р и н ч е н к о. Словарь украинского языка, т.І. Киев, 1907.
Жилко	- Ф. Т. Ж и л к о. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.
К а р а ц и ћ	- В. К а р а ц и ћ. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Београд, 1898.
ЛБ	- Літопис Бойківщини. Самбір.
ЛБюл.	- Лексикографічний бюлетень. Київ.
МЈ	- Македонски јазик. Скопје.
РР	- Родна реч. София.
СБАН	- Сборник на Българската академия на науките. София.
СОНУ	- Сборник за народни умотворения и книжнина. София.
СЕЗб	- Српски етнографски зборник. Београд.
СПБАН	- Списание на Българската академия на науките. София.
СРНГ	- Словарь русских народных говоров, вып.4. Л., 1969.
ТРСб	- Тракийски сборник. София.
Фасмер	- М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка, т.І, М., 1964.
ALP	- Antologie de literatură populară, v. I. București, 1953.
ALR	- E. Petrovici. Atlasul lingvistic român. Serie nouă, v. I-IV. București, 1956-1965.
ALR II	- E. Petrovici. Atlasul lingvistic român, partea II. Sibiu, 1940.
Bartoš	- F. Bartoš. Dialektologický slovník moravský. Praha, 1906.
CL	- Cercetări de lingvistica. Cluj.
CV	- "Cum vorbim". București.
DLRM	- Dicționarul limbii române moderne. București, 1958.
Densusianu	- O. Densusianu. Histoire de la langue roumaine, v. I. Paris, 1901.
DLRLC	- Dicționarul limbii române literare și contemporane, v. IV. București, 1957.
GS	- "Grai și suflet". București.

Iveković	- F.Iveković, J.Broz. Rječnik hrvatskoga jezika, t. II, Zagreb, 1901.
Ľas.	- Jazykovedný časopis, Bratislava.
JP	- "Język polski". Warszawa.
Kálal	- K.Kálal, M.Kálal. Slovenský slovník literatúry aj nárečí. Banská-Bystrica, 1923.
Karłowicz.	- J.Karłowicz. Słownik gwar polskich, t. VI. Kraków, 1911.
Kniezsa	- I.Kniezsa. A Magyar nyelv szláv jövevényszavai, k. I/1. Budapest, 1955.
LR	- "Limba română". București.
LReg.	- Lexic regional. București, 1960.
"Lud"	- "Lud". Kraków.
MALR	- Micul atlas lingvistic român. Serie nouă. vv.I-III. București, 1956—1967.
Mat.prace Komisji język.	- Materiały i prace Komisji językowej. Kraków.
MCD	- Materiale și cercetări dialectale. București, 1961.
Meyer	- G.Meyer. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Strassburg. 1891.
Pam.tow. Tatr.	- Pamiętnik towarzystwa tatrzańskiego. Kraków.
Papahagi	- T.Papahagi. Dicționarul dialectului aromân general și etimologic. București, 1963.
PSJČ	- Příručný slovník jazyka českého, d.VI, Praha, 1951.
SJP ₁	- J.Karłowicz, A. Kryński, W.Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego, t. VII. Warszawa, 1953.
SJP ₂	- Słownik języka polskiego, t.IX.Warszawa, 1965 (Red. W.Doroszewski).
SCL	- Studii și cercetări lingvistice. București.
Spraw. Kom.jęz.	- Sprawozdania Komisji językowej. Kraków.
SSJ	- Slovník slovenského jazyka, t.V, Bratislava, 1965.
Tiktin	- H.Tiktin. Rumänisch-deutsches Wörterbuch, t.III. Bukarest, 1925.
Viehwirtschaft	- Viehwirtschaft und Hirtenkultur. Budapest, 1969.
Viehzucht	- Viehzucht und Hirtenleben in Mitteleuropa, Ethnographische Studien. Budapest, 1961.
ZbNZO	- Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena. Zagreb.

Другие сокращения

- У - Ужгород.
Ч., Черн. - Черновцы.

Расшифровку цифровых обозначений населенных пунктов на территории карпатоукраинских говоров см. в кн.: КДА, стр.262-263.

ФРАГМЕНТЫ ИСТОРИИ БОЛГАРСКОЙ ОРФОЭПИИ

Болгарская орфоэпия, или болгарское литературное произношение, до недавнего времени почти не привлекала к себе серьезного внимания языковедов и более широких слоев болгарской интеллигенции, в том числе и учителей. На состоявшейся в Софии в июне 1951 г. конференции по вопросам орфографии Л.Андрейчин отметил, что, "к сожалению, мы до сих пор пренебрегали орфоэпией до такой степени, что как-то привыкли в орфографической форме языка видеть его истинное бытие или его основу"¹. Указав на то, что "либеральное отношение к орфоэпии — это наше печальное наследство прошлого, которому все мы в большей или меньшей степени платим дань"², Л.Андрейчин со всей решительностью подчеркнул, что настало время "порвать с остатками вредных старых взглядов"³ на значение и место орфоэпии в литературном языке.

Пожалуй, строгая нормализация литературного произношения в настоящее время — наиболее острая из всех проблем совершенствования литературного языка. Хотя в последние десятилетия вопросы орфоэпии и рассматриваются в трудах языковедов А.Теодорова-Балана, Л.Андрейчина, С.Стойкова и др., а также в работах некоторых театроведов, все же нельзя сказать, что состояние болгарской орфоэпии стало предметом углубленного и всестороннего изучения.

Еще меньше сделано по истории болгарской орфоэпии. Можно указать лишь на статью Л.Андрейчина, рассматривающую некоторые особенности современной орфоэпической системы, сложившиеся на базе северо-восточных болгарских диалектов⁴, а также на известную монографию С.Стойкова о $\frac{1}{2}$ в болгарском литературном языке, в которой исследуется вопрос о произношении $\frac{1}{2}$ главным образом на материале стихотворных произведений конца XIX—XX вв. и приведены данные, касающиеся правил произношения $\frac{1}{2}$ в середине XIX в. (преимущественно в связи с вопросом о правописании $\frac{1}{2}$)⁵. Некоторые вопросы орфоэпии освещались в ис-

¹ "Български език", 1951, кн. I-2, стр. 127.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Л. А н д р е й ч и н. Характер и происход на някои структурни особености на новобългарския книжовен език. — В кн.: Славистичен сборник. София, 1963.

⁵ С. С т о й к о в: Язовият въпрос в българския книжовен език. "Годишник на Софийския университет", т. XLV, кн. 4, София, 1948.

следованиях, посвященных филологической или вообще книжной деятельности представителей эпохи Возрождения. Однако в целом история складывания орфоэпических норм остается одним из слабо разработанных и разрабатываемых разделов истории современного болгарского литературного языка.

В настоящей работе будут рассмотрены некоторые вопросы орфоэпии болгарского языка в 30–60-е годы XIX в. Условно крайними датами этого периода могут быть приняты год выхода первой болгарской грамматики Неофита Рилского (1835) и известной статьи М.Дринова "О ново-болгарской азбуке" (1870). В истории современного болгарского литературного языка эти десятилетия составляют по сути дела ее начальный этап. Именно в эти десятилетия проблема нормализации языка предстает как национальная проблема создания единого и общеобязательного для всех болгар языка. Отсутствие прочной и интенсивной литературно-письменной традиции, значительное диалектное разнообразие, влияние разных филологических школ внутри и за пределами Болгарии и другие факторы породили среди болгарских грамматистов, писателей, всей интеллигенции горячий спор о характере единого болгарского литературного языка и путях его нормализации. Живое обсуждение этих и многих других общих и частных вопросов языка, литературная и вообще книжная деятельность известных, малоизвестных и совсем не известных деятелей данного периода болгарского Возрождения привели к тому, что в течение нескольких десятилетий были установлены основные правила функционирующего ныне литературного языка, определившие его характерные особенности в орфографии, лексике, грамматике, а в значительной мере и в орфоэпии.

Общее представление о нормализации произношения

В истории литературных языков создание единых произносительных норм, как правило, не столь жгучая задача в сравнении с созданием, например, единых норм грамматики и даже нормализации лексики (ср. хотя бы пуристические тенденции), не говоря уже об унификации орфографии. Это связано с тем, что литературный язык долгое время (во всяком случае, на начальном этапе своего существования) воспринимается прежде всего как язык письменный. При обучении языку главное внимание в это время обращается на орфографию и грамматику и от образованных людей требуется прежде всего владение орфографическими и грамматическими правилами. Что касается произношения, то на начальном этапе формирования литературного языка необходимость в единых правилах произношения осознается не всеми и не сразу. Неудивительно поэтому, что единые орфоэпические нормы складываются медленнее, чем, например,

орфографические или грамматические нормы письменного языка. Известно, что вообще в разных литературных языках проблема единых норм произношения решается по-разному — в сторону большей или меньшей его строгости и унификации. Известно также, что современные литературные языки, в том числе и славянские, допускают значительное варьирование (конечно, в известных пределах) отдельных орфоэпических особенностей при в общем довольно твердо установленных правилах орфографии и грамматики письменного языка. В русском языке, например, оканье, хотя и расценивается в настоящее время как отклонение от орфоэпической нормы, все же более "терпимо" или более допустимо, чем, скажем, написания карова, адин, которые, хотя и отражают аканье, т.е. литературное произношение, полностью исключаются. Естественно, что еще большими колебаниями в сфере произношения отличались литературные языки в эпоху, когда только устанавливались нормы в сферах грамматики, словаря, орфографии. Современный болгарский литературный язык не составлял исключения.

Как же обстояло дело с нормализацией литературного произношения, т.е. с созданием единых орфоэпических норм, в 30–60-е годы XIX в. в Болгарии?

Прежде всего возникает вопрос, существовало ли в это время, на начальном этапе формирования современного литературного языка, какое-либо представление о том, что, наряду с нормализацией орфографии и грамматики, должны быть установлены и произносительные нормы.

На этот вопрос следует ответить утвердительно. Бесспорно, что некоторое представление о том, что литературный язык или, как тогда многие его называли, "общий письменный язык" должен обладать и какими-то произносительными нормами, в это время существовало, и возникло оно с появлением первых грамматик болгарского языка. В грамматиках, в статьях по вопросам языка, в предисловиях к разным книгам 30–60-х годов содержится немало более или менее общих положений о необходимости нормализации произношения литературного языка, а также целый ряд конкретных указаний и предложений об отдельных орфоэпических правилах. Это ясно свидетельствует о том, что вопрос о литературном или, как тогда обычно писали, "правильном" произношении в это время не был чужд болгарским грамматистам и другим деятелям Возрождения. Нужно, однако, сразу же подчеркнуть, что отнюдь не все выступавшие за создание единого литературного языка считали нужным достижение единства и в произношении.

Что касается представления о том, каким именно должно быть литературное произношение в целом, то у многих создателей литературного языка оно было довольно неясным, неопределенным. Нередко оно ограничивалось рамками того, как следует произносить данную букву. Поэтому орфоэпические нормы сводились часто к "орфоэпии букв". Но и

правила "орфоэпии букв" и буквосочетаний, предлагавшиеся разными авторами, не всегда устанавливали единую норму произношения. Вряд ли будет преувеличением утверждение, что в произношении формировавшегося в эти десятилетия болгарского литературного языка царил такой же, если не больший, разноречив, как и в правописании.

Рассмотрим теперь некоторые из наиболее важных конкретных вопросов произношения, обсуждавшихся в болгарских изданиях 30-60-х годов прошлого столетия⁶.

Произношение гласных на месте $\underline{z}$

Вопрос о произношении гласных на месте древнего $\underline{z}$ как часть так называемого ятевого вопроса ("ятовият въпрос") – один из важнейших в истории болгарской орфоэпии. Он возникает уже с появлением первой болгарской грамматики в 1835 г. С тех пор в течение многих десятилетий он был предметом постоянного внимания со стороны ученых-языковедов, работников школ, писателей, представителей других областей культуры. Как известно, произношение гласных на месте $\underline{z}$ и в настоящее время остается одним из актуальных вопросов современной болгарской орфоэпии.

Важность данного вопроса в истории болгарской орфоэпии определяется тем, что различие в произношении $\underline{z}$ издавна рассматривалось как важный признак диалектного деления Болгарии на две области – восточную и западную, и закрепление того или иного произношения $\underline{z}$ в литературном языке неизбежно связывалось с более общим вопросом о диалектной базе литературного языка.

Первым, кто предложил норму произношения $\underline{z}$, как и в целом ряде других вопросов нормализации литературного языка, был Неофит Рилский (1835). Автору первой болгарской грамматики было известно, что болгары произносят $\underline{z}$ по-разному – и как 'а' и как 'е'. Среди многочисленных примеров, которыми Неофит иллюстрирует разнообразные диалект-

⁶ Мы сознательно ограничиваемся здесь рассмотрением только мнений, которые высказывались грамматистами, писателями, переводчиками и другими представителями интеллигенции в указанный период относительно нормализации отдельных элементов орфоэпической системы. Естественно, что изучение истории складывания орфоэпических норм болгарского языка этим не исчерпывается. Однако взгляды грамматистов и других лиц по отдельным вопросам орфоэпии, борьба мнений вокруг этих вопросов составляют важнейшую и неотъемлемую часть этой истории.

ные различия "в произношении, в окончаниях и оксиях"⁷, т.е. в фонетике, морфологии и акцентуации, приведены и примеры на различное произношение ѣ: лѣпѣ и лѣнѣ [л'ап], песокѣ и пѣсакѣ [п'асак], човѣкѣ, чорѣкѣ и чилѣкѣ [чил'ак], чулякѣ [чул'ак]⁸. Они показывают, что Неофит отмечает произношение ѣ, свойственное разным наречиям – западному и восточному.

Неофит избирает для литературного языка екавое произношение ѣ, мотивируя это тем, что так, т.е. е, произносится ѣ в простонародной речи ("в простият ѣзык", "простото произношение")⁹. Такое обоснование, правда, кажется мало убедительным, поскольку – и это понимал и Неофит – якавое произношение также свойственно простонародной речи. Он хотел бы привести в подтверждение предложенной нормы и данные древних источников, но такие данные ("свидетельства") ему были не известны, а каким было произношение ѣ в старину, по Неофиту, никто не может сказать¹⁰. Поэтому Неофит и заключает список слов, иллюстрирующих екавое произношение ѣ, замечанием, что о таком именно произношении "достаточно нам свидетельствует простонародная и общая речь" ("простото и общото произношение")¹¹, ибо, как он полагает, в этой речи иное произношение избегается ("натуралното на секото болгарско произношение не обича да произноси ѣ")¹².

Анализ примеров, иллюстрирующих екавое произношение ѣ, убеждает в том, что Неофит тщательно подобрал примеры, имея в виду основные позиции ѣ в слове, в которых обнаруживается главное различие в его произношении между западным и восточным наречиями. Так, он приводит

⁷ Неофит Рилски. Болгарска граматика сега перво сочинена. В Крагуевце, 1835, стр.10.

⁸ Там же, стр.9. Цитируемые в настоящей работе примеры даны в написании источников. Исключение сделано для примеров из книг церковной печати, которые переданы средствами гражданской кириллицы с сохранением особенностей их правописания. Такая подача примеров позволяет избежать неточностей в транслитерации многочисленных слов, допускающих различное обозначение их средствами современной болгарской графики. Так, обозначение ѣ буквами я и е в соответствии с действующим ныне правилом орфографии неизбежно повлекло бы к существенным искажениям общей картины не только правописания, но и особенностей произношения в исследуемый здесь период. Транскрибируемые нами слова средствами современной графики в необходимых случаях поставлены в квадратные скобки.

⁹ Там же, стр.24.

¹⁰ Там же, стр.20, 24.

¹¹ Там же, стр.24.

¹² Там же, стр.26.

примеры на екавое произношение ѣ: 1) под ударением в середине слова перед слогом с гласным заднего ряда (перед так называемым "твердым" слогом) – бѣгамъ, вѣра, дѣло, жѣлѣзо, колѣно, лѣто, мѣра, мѣсто, нѣкой, нѣкога, пѣна, рѣдко, сѣно, тѣсто, тѣло; 2) в односложных словах – бѣль, бѣхъ, грѣхъ нѣмъ, плѣнь, свѣтъ, слѣпь смѣхъ, снѣгъ и др.; 3) под ударением перед шипящим, за которым следует слог с гласным заднего ряда, – срѣщамъ и в односложных словах – пѣшь; 4) без ударения перед слогом с гласным заднего ряда – бѣда, гнѣздѣ, звѣзда, река, стрѣла, седлѣ и др.; 5) под ударением перед слогом с гласным переднего ряда или перед мягким согласным (перед так называемым "мягким" слогом) – мѣсѣць, недѣля, понедѣльникъ, прѣсѣнь, пѣсень, тѣсень и др., в том числе и перед шипящими – вѣжди, рѣжемъ; 6) без ударения перед слогом с гласным переднего ряда – венѣць, ленѣвъ; 7) в конце слова под ударением – добрѣ, злѣ и без ударения – мѣне, тѣбе, себѣ¹³.

Устанавливая, таким образом, только екавое произношение как норму литературного языка, Неофит (род. в Банско), несомненно, опирался прежде всего на западноболгарское наречие, в котором, как известно, представлен именно такой тип рефлекса ѣ. Известное влияние на Неофита оказала, надо думать, и церковнославянская традиция. Опирался Неофит и на опыт некоторых своих предшественников. Так, он ссылался¹⁴ на А. Кипиловского, который в предисловии к книге "Священное цветообращение" (1825 г.) на месте ѣ пишет е в соответствии "с тем произношением, которое в речи каждого из нас естественно существует" (например: сенка, последовать, бѣдность, содействува, деломъ, бѣднотѣ, человеколюбіе, примери и др.)¹⁵.

Впоследствии за екавое произношение ѣ во всех положениях выступали и некоторые другие уроженцы западной Болгарии. К их числу следует отнести, в частности, П. Зографского (род. в Галичнике, Македония), который предлагал (1858 г.) в основу болгарского литературного языка ("общийот писменний языкъ") положить македонское наречие, ибо это наречие, по его мнению, "полнозвучнее, более плавно и более стройно, а во многих отношениях – полнее и богаче" других болгарских наречий.¹⁶ В числе важнейших отличительных особенностей, опре-

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ А. К и п и л о в с к и й. Священное цветообращение или сто и четири священи истории, избрани от ветхият и новиат завет. Будин, 1825, стр. XI. Однако в основной части своей книги А. Кипиловский пишет не е, а ѣ – согласно "славянскому правописанию" (Там же).

¹⁶ П. З о г р а ф с к и й. Мисли за болгарскийот язык. "Български книжици", год. I, 1859, ч. I, стр. 36.

деляющих данные преимущества этого наречия, П. Зографский указывает и екавское произношение $\underline{ѣ}$ во всех случаях без исключения¹⁷.

По-видимому, лиц, произносивших на месте $\underline{ѣ}$ только $\underline{е}$, среди болгарской интеллигенции в середине XIX в. было немало. Н. Михайловский, например, отмечал (1857 г.), что как "іе" произносят многие образованные ("книжники") болгары¹⁸.

Однако большинство писавших по вопросам нормализации литературного языка выступило против закрепления в нем только екавого произношения $\underline{ѣ}$ и утверждало правило двоякого произношения — 'а и е — с учетом места ударения и характера последующих слогов (соотв. и согласных). Именно такое двоякое произношение, как увидим ниже, регламентировалось грамматиками середины XIX в., и это, конечно, также не могло не сказаться на отношении многих образованных болгар к екавому произношению $\underline{ѣ}$ во всех позициях. Весьма показательно то, что даже некоторые уроженцы западной Болгарии (например, И. Ковачов, см. ниже) уже в начале 70-х годов приходят к заключению, что в литературном языке должно быть установлено двоякое произношение, а не только екавое.

На отрицательном отношении некоторых болгар к утверждению в литературном языке только екавого произношения $\underline{ѣ}$ сказывалось в какой-то мере и их убеждение в том, что такое произношение не является исконной болгарской особенностью, а представляет собой сербизм, которому не место в литературном болгарском языке. К этому доводу, естественно, прибегали те, в чьих родных говорах $\underline{ѣ}$ произносился двояко, т.е. уроженцы восточных областей Болгарии. Характерно в этом плане мнение Н. Михайловского (род. в г. Елена), который писал (1857 г.), что многие образованные болгары произносят $\underline{ѣ}$ "по-сербски" — как "іе", и рассматривал их стремление всюду произносить только "іе", игнорируя произношение "іа", как "смешное и бесплодное усилие", ибо "духом языка уже определено и утверждено двоякое произношение буквы $\underline{ѣ}$ "¹⁹.

Обращение к такому доводу и в данном случае не составляет исключения. Известно, что и некоторые другие западноболгарские особенности отвергались представителями восточной Болгарии ссылкой на их сербское или другое иноязычное происхождение.²⁰

¹⁷ П. Зографский. Указ. соч., стр. 37.

¹⁸ Н. Михайловский. За новобългарския език. "Цариградски вестник", год. VII, № 331 от 1. VI 1857 г.

¹⁹ Там же.

²⁰ Членные формы —от, —ат, —ет некоторыми не признавались "чисто болгарскими" на том основании, что гласные о, а и е в них возникли якобы под иноязычным влиянием (сербским, русским) и потому они

На якавое произношение ѣ, как на норму литературного языка, впервые указал И. Богоров. В первом издании грамматики (1844 г.) он писал, что "буква ѣ произносится как ia (т.е. 'а - Г.В.), она потому и называется "ять", что звучит ia", например, слова гнѣвъ, смѣхъ, мѣсто произносятся [гн'аѵ], [см'ах], [м'астѣ], а не [гнѣѵ], [смѣх], [мѣсто]²¹. Это правило И. Богоров формулирует в заключение параграфа о правописании ѣ, в котором указывается, в частности, что ѣ пишется в глаголах на -ѣхъ (грѣхъ, умѣхъ) и в причастиях на -ѣль (тѣрпѣль, вѣртѣль), в наречиях добрѣ, кѣдѣ, сетнѣ, нынѣ и др., в слоге нѣ-местоимений и наречий: нѣкои, нѣкѣдѣ и др., в формах множественного числа местоимения той - тѣ, тѣхъ, тѣмъ, а также в большом числе слов существительных, прилагательных, глаголов с ѣ в начале или середине слова - вѣра, гнѣздо, лѣто, обѣль, нѣмъ, рѣдко, дѣламъ и др.²² Во втором издании грамматики (1848 г.) И. Богоров также отмечает, что ѣ произносится как я всюду в начале и середине слов, кроме "некоторых многосложных слов"²³. Как произносится ѣ в этих "некоторых многосложных словах" (примеры этих слов не приводятся), И. Богоров не указывает, но следует думать, что он, вероятно, имеет в виду в них екавое произношение.

Как видно из сказанного, И. Богоров в обоих изданиях грамматики не говорит прямо об екавом произношении. Приведенные в его грамматике примеры как будто показывают, что якавое произношение ѣ он фиксировал не только в позиции перед твердыми согласными и под ударением, но и в других позициях, где оно мало вероятно, например, в позиции под ударением перед й (ср. глаголы грѣхъ и под.), перед слогом с гласным е или и (пѣсенъ, сѣверъ, тѣсенъ, лѣвнй), перед аффрикатой ч (рѣчь) и др.

Примерно в таком же духе И. Богоров пишет о произношении ѣ и в более поздних работах. Он по-прежнему говорит (1870 г.) только о якавом (ѣ=і-а) произношении, приводит примеры гнѣвъ, мѣсто, а также

не допускались в литературный язык. См., например: И. А н д р е о в [Б о г о р о в]. Първичка българска словница. Стамбол, 1848, стр. XI-XIII; Г. К р ъ с т ъ в и ч. Писма за някои си мѣчности на българското правописание. Писмо II. За членѣт. "Български книжици", год. I, 1858, ч. 3, стр. 179-180.

²¹ И. А н д р е о в [Б о г о р о в]. Първичка българска граматика. Букурещ, 1844, стр. 104, сноска.

²² Указ. соч., стр. 103-104.

²³ И. А н д р е о в [Б о г о р о в]. Първичка българска словница, стр. 92.

шѣпка²⁴ и характеризует (1869 г.) якавое произношение ѣ как чисто болгарское ("чисто българското") в отличие от екавого, рассматриваемого им, таким образом, как отклонение от "чисто болгарского"²⁵ (ср. с этим мнение Н. Михайловского о екавом произношении как сербской особенностью в языке болгар). И. Богоров и здесь иллюстрирует "чисто болгарское" произношение, т.е. якавое, только в позиции перед твердым согласным и под ударением – міаство, гніавѣ, віатарѣ, характеризую место, гневѣ, ветрѣ как неправильные, но не приводит здесь примеров на ѣ в положении перед слогом с е, и²⁶.

Все же, думается, нет достаточных оснований считать, что И. Богоров предлагал утвердить в литературном языке только якавое произношение во всех позициях, кроме, как уже отмечалось, "некоторых многосложных слов". Он считал "неправильным", "не чисто болгарским" произношение ѣ как е в тех случаях, где в его родном (карловском) и других балканских говорах произносится 'а. Но в этих же говорах (которые И. Богоров, считая их наиболее чистыми болгарскими говорами, предлагает положить в основу литературного языка²⁷), как было хорошо известно и самому И. Богорову, ѣ произносится и как е – в положении перед мягкими согласными или в безударной позиции.

Важно, однако, отметить, что И. Богоров был первый, кто установил якавое произношение ѣ как норму литературного языка, вместо екавого произношения, предложенного автором первой болгарской грамматики – Неофитом Рилским.

С мнением И. Богорова о закреплении в литературном языке якавого произношения ѣ, изложенным уже в первом издании его грамматики, согласился такой видный деятель болгарского Возрождения, как В. Априлов, сыгравший большую роль в движении за нормализацию литературного языка на основе народно-разговорной речи. Он писал (1847 г.): "Хорошо говорит г. Андреов (т.е. Богоров. – Г.В.), что ѣ должен произноситься как іа или, правильнее, как ія, а не е. Живая речь доказывает,

²⁴ И. Богоров. Второ упътване за българский език. Виена, 1870, стр. 5.

²⁵ И. Богоров. Упътване за българский язык. Виена, 1869, стр. II–I2.

²⁶ Там же. Ср. его замечание к приведенным здесь примерам: "Мы еще не умеем и правильно ("право") прочитать по-болгарски; мы пишем слова согласно славянскому правописанию, а болгарское произношение оставляем в стороне" (там же; курсив наш. – Г.В.).

²⁷ См.: И. Андреев [Богоров]. Кратка география математическа, физическа и политическа. Букурещ, 1851, стр. 165.

что ѣ – сложная буква, как щ и пр."²⁸. Как видно, и В.Априлов говорит только о яковом произношении ѣ. Но вряд ли и он, уроженец г.Габрово, считал, что таким должно быть произношение ѣ во всех словах. Такой сравнительно общей констатацией В.Априлов хотел, несомненно, поддерживая И.Богорова, противодействовать утверждению предложенного Неофитом Рилским правила екавого произношения ѣ.

Позднее только яковое произношение ѣ специально отмечает (также без какой-либо характеристики позиции в слове) и Л.Каравелов в предисловии к "Памятникам народного быта болгар" (1861 г.), передавая его знаком ѣ: "ѣ произносится в Болгарии и Тракии как я, а в западной Болгарии (Македонии) как е, например, в слове бѣль: в восточной Болгарии бѣль, в западной – белъ"²⁹. О ековом произношении в восточной Болгарии, которое ему, несомненно, было известно, Л.Каравелов ничего специально не говорит и в тексте "Памятников" передает его буквой ѣ: дѣте, менѣ и др. Л.Каравелов, таким образом, тоже не формулирует общего правила произношения ѣ и не высказывает своего мнения о том, каким должно быть его произношение – яковое, екавое или двоякое – в литературном языке, что в данном случае и не было, вероятно, необходимым. Л.Каравелову важно было особо отметить то, что фольклорные произведения на письме он передает так, "как говорит народ", и сохраняет "все местные отличия языка"³⁰.

Вопрос о возможном правиле только якавого произношения ѣ во всех случаях возникает не случайно. Как известно, в части юго-восточных говоров Болгарии на месте ѣ в любой позиции, независимо от места ударения и характера последующего слога, произносится 'а или ѣ (е широкое). О такой диалектной особенности уже и в середине XIX в. знали некоторые писатели, интересовавшиеся народным языком и фольклором. Так, Петко Славейков писал (1858–1859) что в болгарских говорах, кроме "чистого е" и "чистого а", представлено также и "слит-

²⁸ В. А п р и л о в. Мисли за сегашното българско учение. Одесса, 1847, стр.36.

²⁹ Л. К а р а в е л о в. Памятники народного быта болгар. М., 1861, стр.У.

³⁰ Л. К а р а в е л о в. Указ. соч., стр.IV. Нужно отметить, что в правописании ѣ в других произведениях Л.Каравелов не следует строго единому принципу. Л.Андрейчин пишет, что "непоследовательности и колебания его в этом отношении выходят за допустимые границы." См.: Л. А н д р е й ч и н. Език и стил на Л.Каравелов. "Годишник на Софийския университет", т. XLVI, кн.4, 1950, стр.22.

ное е и а" ("слято е и а") на месте ѣ³¹ (т.е. е широкое?) и что в некоторых местах Болгарии (где именно, не уточняется) во всех случаях ѣ произносится только как 'а' ("еднотойно като ѣ", т.е. как 'а'), подобно тому как в западной Болгарии ѣ произносится только как е³².

Правило двоякого произношения ѣ в литературном языке в общих чертах было сформулировано уже в 40-е годы XIX в. Впервые это сделал Г.Крыстевич (род. в Котеле) в своих известных "Письмах о некоторых трудностях болгарского правописания", написанных в 1844 г. и напечатанных только в 1858 г. Он был первый, кто указал на различное произношение ѣ в зависимости от места ударения и характера последующего слова. Г.Крыстевич прежде всего отмечает, что произношение ѣ в разных областях распространения болгарского языка различно: "в некоторых местах, а именно в собственно Болгарии и во Фракии, ѣ произносится вообще как я" (например, [м'а́сто], [н'а́кой] и т.д.), в то время как в других областях, "наипаче в Македонии, звучание ("гласът") ѣ ничем не отличается от звучания е" (например, [в'е́ра], [све́т], [бе́л], [сне́г], [река́] и др.)³³. Далее он отмечает, что в собственно Болгарии (т.е. в северо-восточной Болгарии) ѣ произносится как я ('а') не всегда и не во всех словах, и формулирует следующее правило двоякого (якавого и екавого) произношения ѣ в говорах этой области: "ѣ, когда имеет на себе ударение и в следующем слоге выступает одна из гласных ѣ, а, о, у, х произносится как я", например: [хл'а́б], [м'а́ра], [жел'а́зо], [в'а́рну], [б'а́ла]; наоборот, "когда имеет на себе ударение, а в следующем слоге выступает гласный е, и, ѣ, н, ѣ, ѣ, то ѣ произносится как ѣе (равное ѣ) или е", например, [ве́рен], [бе́лли], [бе́дние], [пре́мѣни], [бе́л'аѣ], а не [в'а́рен], [б'а́ли], [б'а́ние], [прем'а́ни], [б'а́л'аѣ]³⁴. Г.Крыстевич формулирует и правило произношения ѣ в безударном положении, по которому эта буква "одинаково и как я и как е произносится", например, [ув'а́рѣние] и [уве́рѣние] и

³¹ П. С л а в е й к о в. Бележки и питанията. "Български книжици", год. I, 1858, ч. 3, стр. 186.

³² П. С л а в е й к о в. Няколко думи за събиранieto и за езика на причтити. "Български книжици", год. II, 1859, ч. I, стр. 208.

³³ Г. К р ъ с т ъ о в и ч. Писма за някои си мъчности на българското правописание. Писмо I. "Български книжици", год. I, 1858, ч. 2, стр. 324-325. Честь открытия этого важнейшего звукового различия между западными и восточными болгарскими говорами ввиду запоздалой публикации "Писем" Г.Крыстевича по праву принадлежит Х.Сичан-Николову (см. его "Болгарска аритметика". Букуреш, 1845, стр. V-VI) и В.И.Григоровичу (см. его "Очерк путешествия по Европейской Турции". Казань, 1848, стр. 194).

³⁴ Г. К р ъ с т ъ о в и ч. Указ. соч., стр. 325.

т.д.³⁵ Данное правило безударного произношения ѣ, как видим, отличается от нормы современного литературного языка, но оно, по-видимому, отражает не совсем ясно артикулируемый звук на месте безударного ѣ, который мог восприниматься и как 'а и как е.

Правило произношения ѣ, установленное Г.Крыстевичем в 1844 г., таким образом, отражает произношение гласных 'а и е на месте ѣ в зависимости от места ударения и последующих согласных (слогов), собственное его родному (котелскому) говору³⁶ и вообще балканским и другим восточным говорам. Впрочем, сам Г.Крыстевич, в отличие от И.Богорова, прямо не указывал, что именно такое произношение является "чисто болгарским" и потому единственно возможным в литературном языке. Но то, что и он придерживался несомненно такого же мнения, следует из признания им именно наречия Старой Планины наиболее чисто болгарским и менее других удалившимся от древнеболгарского языка и потому единственно достойным основы болгарского литературного языка³⁷.

"Письма" Г.Крыстевича, написанные по просьбе Райно Поповича и посланные ему в 1844 г.³⁸, к сожалению, увидели свет только в конце 50-х годов. Поэтому сформулированное впервые Г.Крыстевичем правило двойного (явowego и екавого) произношения ѣ фактически стало известно болгарским читателям после того, как оно было установлено в грамматиках и статьях других авторов.

Прежде чем перейти к рассмотрению данного правила в работах других авторов, отметим, что некоторые болгары в своих сочинениях более или менее последовательно отражали на письме явовой и екавой произношение ѣ. Такого правописания по сути дела придерживался, например, Г.Бусилин (род. в Батаке) в изданном в 1844 г. "Болгарском букваре"³⁹. Так же, т.е. я и е вместо ѣ, впоследствии писал И.Добрович, одним из первых в печати предложивший правило двойного произношения гласных на месте ѣ (см. ниже), и некоторые другие авторы, например, Н.Икономич, С.Николица, но такая практика не нашла широкого распространения до Освобождения Болгарии⁴⁰.

Двойное произношение ѣ - 'а и е - пытался передать с помощью разных букв и Н.Геров в поэме "Стоян и Рада". Собственно, он специально оговаривает лишь произношение 'а в том случае, когда оно обозначено

³⁵ Там же.

³⁶ С. Стойков. Българска диалектология. София, 1968, стр.76.

³⁷ Г. Кръстович. Указ. соч., стр.316.

³⁸ Г. Кръстович. Книжевний дневник. "Български книжици", год.II, 1859, ч.3, стр.459.

³⁹ Г. Бусилин. Български буквар. М., 1844.

⁴⁰ См.: С. Стойков. Язовият въпрос в българския книжовен език, стр.22.

им буквой ѣ, с двумя точками сверху⁴¹. В тех же случаях, где стоит обычная буква ѣ, без точек, передается, надо думать, звук е. Произношение ѣ как 'а, действительно, находим в таких словах, как свѣтъ, денѣ, потемнѣлъ, умрѣлъ (рифмуются соотв. с годѣть и са простѣть, земя, доживѣлъ, облѣлъ). О произношении ѣ как е говорят такие рифмы, как рѣкъ - сръдце, огръто - сръдцето, живѣе - нежѣ, копнѣе - нежѣ. Однако произношение ѣ как 'а и как е у Н.Герова в этой поэме не отражает последовательно произношения этих гласных в его родном, копривштенском, говоре и полностью зависит от требований рифмы (ср., например, пѣли [п'али] и запряла, но былъ [бел] и зель, тѣсно [тѣсно] и лесно)⁴². Поэтому в целом, если во всех случаях следовать оговорке Н.Герова, во многих словах в поэме ѣ произносится как е и там, где ожидается 'а (ср. свѣтъ, цвѣтъ, бѣло, гольма, тѣло, поблѣднѣлъ, влѣзѣлъ и др.).

Правило двоякого ('а и е) произношения ѣ в зависимости от характера последующего слога впервые в печатном издании было сформулировано И.Момчиловым (1847 г.). Он писал, что в новоболгарском языке ѣ произносится как я, т.е. 'а, если "после него слог имеет твердый гласный", например, слова грѣхъ, смѣхъ, мѣхъ, гнѣвъ произносятся как грѣхъ, смѣхъ и т.д., т.е. [гр'ах], [см'ах]. Если же следующий за ѣ слог "имеет мягкий гласный", то в этом случае ѣ "произносится как іе", например, грѣшенъ, смѣшенъ, жельзень, т.е. [грѣшен] и др.⁴³ И.Момчилов, как видим, правильно связывает произношение разных гласных - 'а и е - на месте ѣ с характером последующего слога, точнее - с качеством гласного в этом слоге. Но он еще не обращает внимания на место ударения, хотя во всех приведенных им примерах ударение падает на слог с ѣ.

В цитируемой тут грамматике церковнославянского языка И.Момчилов не говорит прямо, что указанное двоякое произношение должно быть признано единственно правильным в болгарском литературном языке. Однако косвенные соображения заставляют предполагать, что он придерживался, видимо, такого именно мнения. Во-первых, И.Момчилов указывает на двоякое произношение ѣ в новоболгарском языке вообще, а не в восточном его наречии. Во-вторых, ему, хотя он и был родом из Елены, было, конечно, известно только екавое произношение ѣ в западно-болгарском наречии.

Примерно так же формулирует правило произношения гласных на месте ѣ и И.Добрович (1850 г.). Он, правда, говорит не о ѣ (эту букву, сле-

⁴¹ Н. Геров. Стоян и Рада. Одесса, 1845, стр.14.

⁴² Там же.

⁴³ И. Момчилович. Писменница на славянскии язык. Белград, 1847, стр.160.

дую чисто фонетическому правописанию, он не употребляет), а о "двугласной я". Вот его правило: "Если при склонении (или производстве) какого-либо слова, имеющего двугласную я, после данного слога с я, следует слог с тонким гласным (и, е), то я изменяется на е, например: сляп, слепі; постоян, постоені; пѣя, пѣені; паѣк, паені (и производные: хляб, хлѣбен, хлѣбник; смѣх, смѣшен; вѣра, вѣрен и др.); если же следует слог с другой гласной, то я остается: грѣх, грѣхове; хляб, хлябове; бръг, бръгове; Стоян, Стоянові, Стояна"⁴⁴. И. Добрович, как и И. Момчилов, еще не связывает произношение разных гласных на месте ѣ и с местом ударения. Кроме того, как следует из примеров (ср. пѣя - пѣені, Стоян - Стоені), он устанавливает общее правило произношения "двугласной я", т. е. и ѣ и этимологического 'а.

Отметим также, что на двоякое произношение ѣ - как 'а и е - указывал также и Т. Хрулев (Хрулевский), правда, без какой-либо попытки сформулировать правило такого произношения. Он просто отмечал, что злитѣ произносится как [злитѣ], а хлѣбѣ, снѣгѣ как [хл'аѣ], [сн'аг]⁴⁵.

Однако впервые правило двоякого произношения гласных на месте ѣ, учитывающее не только характер последующего слога, но и место ударения, было напечатано в "Грамматике болгарского языка" А. и Д. Панковых, изданной в 1852 г. в Вене на немецком языке. В этой же грамматике в соответствии с произношением гласных на месте ѣ в свишто-кавском говоре (родном говоре А. и Д. Панковых) сформулировано правило произношения ѣ как е в зависимости от места ударения и характера последующего согласного или слога, а именно: 1) ѣ произносится как е под ударением или без ударения в случаях, когда в последующем слоге выступают е, и, ѣ, я ('ѣ) или йотированные другие гласные (например, вѣрен, вѣрни, пѣсен, мѣри, пѣни, плѣвни, бѣли, бѣлило, бѣлина), и 2) в случаях, когда слог, содержащий ѣ, оканчивается согласными ж, ш, ч или мягкими согласными (например, бѣж, приѣждам, грѣшна, смѣшна, млѣчна). Исключение из этого правила составляет произношение 'а на месте ѣ в формах I и 2 лиц множественного числа имперфекта и аориста (плѣтѣхми, плѣтѣхте; пѣхми, пѣхте), а также произношение отдельных слов (бѣгльо и др.)⁴⁶.

⁴⁴ См. его статью "Българска азична". - "Мировзрение", 1850, слистак 3, стр. 47.

⁴⁵ Т. Хрулевский. Буквар или начальное учение. Буди, 1850, стр. X.

⁴⁶ A. u. D. Kyriak Cankof. Grammatik der bulgarischen Sprache. Wien, 1852, стр. 2-3. Все болгарские примеры в этой грамматике передаются средствами латинской азбуки с использованием диакритических значков. Так, ѣ передается буквой ê, если на месте ѣ произносится 'а (bêi, dêi), и буквой e, если на месте ѣ произносится е (bei, belio, dell).

Нужно подчеркнуть, однако, что А. и Д. Цанковы указывают только те случаи, когда гласный 'а на месте ѣ (в их обозначении: ê) "изменяется в е"⁴⁷. Правило, которое бы определяло условия произношения самого гласного 'а на месте ѣ, ими не формулируется. Это, вероятно, объясняется тем, что гласные 'а и е, произносимые на месте ѣ, они обозначают двумя буквами (ê и е), а не одной буквой, разное произношение которой в различных условиях требовало бы соответствующего разъяснения, подобного тем, какие давались букве ѣ некоторыми из предшественников братьев Цанковых.

Сформулированное А. и Д. Цанковыми правило важно и тем, во-первых, что оно устанавливает произношение а на месте ѣ перед так называемыми мягкими слогами не только в ударном, но и в безударном положении (ср. бѣли, вѣрен и бѣлило, дѣли)⁴⁸. Во-вторых, оно устанавливает произношение е на месте ѣ перед шипящими и мягкими согласными независимо от качества гласных в последующем слоге (ср. грѣшна и грѣшен, млѣчен и млѣчна, надѣжба и др.)⁴⁹.

Однако общее правило двойного произношения ѣ, ставшее известным широким кругам болгарских читателей, было сформулировано С. Радуловым в предисловии к книге "Нравоучение за децата", изданной в 1853 г. в Одессе. С. Радулов устанавливает произношение 'а и е на месте ѣ в зависимости от места ударения и характера последующего слога. Вот его правило: "Буква ѣ, если она несет на себе ударение и за нею следует слог с твердым гласным а, о, у, ѣ произносится как я, например, вѣра, сѣно, побѣдихѣ произносятся вяра, сяно, побятнихѣ; если следующий слог имеет мягкую букву я, е, и или же ударение переходит на другой слог, тогда ѣ произносится как е, например, прѣсенѣ, сѣмя, мѣста произносятся как прѣсенѣ, семе, мѣста. В конце слова, когда ѣ находится под ударением, всегда слышится я, например, добрѣ, злѣ произносятся добря, зля"⁵⁰.

С. Радулов, таким образом, как и Цанковы, предлагает установить в литературном языке произношение е не только в ударном положении перед "мягкими" слогами, но и в любом безударном положении. С. Радулов не отмечает специально, какой гласный должен произноситься перед шипящими под ударением и без ударения. Предложенное им правило, по-видимому, охватывает и произношение ѣ в данной позиции, которая, та-

⁴⁷ Там же, стр.2.

⁴⁸ В грамматике (стр.2) отмечается и произношение и на месте безударного ѣ (гнѣздѣ, мѣста, гриховѣ), но оно характеризуется только как локальное ("in manchen Gegenden") и потому не утверждается Цанковыми в качестве нормы литературного языка.

⁴⁹ Там же, стр.3.

⁵⁰ С. Р а д у л о в. Нравоучение за децата. Одесса, 1853, стр.У.

ким образом, не составляет исключения. Иными словами, по Радулову, грѣшна, млѣчна следует произносить с 'а: [гр'ашна], [мл'ачна], а грѣшенъ, млѣченъ - с е: [грѣшен], [млѣчен].

Обращает на себя внимание и специально отмеченное С.Радуловым яковое произношение наречий типа добрѣ, злѣ как [добр'а], [зл'а].

С.Радулов (род. в Панагюриште) считал, что в основу литературного языка должно быть положено балканское наречие - наречие, простирающееся по "обеим сторонам болгаро-фракийского Балкана", т.е. Старой Планины, как якобы "более согласное с древнеболгарским"⁵¹.

Общее правило двойного произношения ѣ, предложенное С.Радуловым в качестве литературной нормы, как и его особенности, касающиеся произношения гласных на месте ѣ перед шипящими и в позиции конца слова, как раз и отражают то состояние данного звукового явления, какое характерно для этих говоров.

С мнением С.Радулова о двойном произношении ѣ согласился некто Михаил Серб, который отметил, что правила С.Радулова "совершенно справедливы", хотя на первый взгляд они и могут показаться странными⁵². Сам он, однако, все же допускал и иное произношение ѣ (см. ниже).

Правило двойного произношения ѣ в зависимости от характера последующего слога, согласного и места ударения нашло отражение во всех грамматиках болгарского языка и в ряде статей (предисловий к разным книгам), изданных в 50 - 60-е годы. Так, Й.Груев в "Основах болгарской грамматики" (I изд., 1858) писал: "Буква ѣ произносится как я в словах первообразных, когда ударение падает на нее и за нею следует слог с твердым гласным, например: мѣра, мѣсто, снѣгъ и пр. произносятся мяра, място, снягъ. А когда ударение падает не на букву ѣ и слог после нее содержит мягкий гласный, ѣ произносится как е, например: мѣста, мѣте, грѣхота и др."⁵³ Такое же в сущности правило произношения ѣ, только в более пространной формулировке, устанавливает и Г.Миркович (1860): "Вообще ѣ произносится всегда как я, когда ударение падает на него и когда после него имеется а, о, ѣ - гольма, гольма, гольмо. Если одно из этих условий ("случки") изменится, то и ѣ изменяет свое звучание в е, т.е., если ударение переместится и последующий слог останется с одной из выше указанных букв или если

⁵¹ С. Р а д у л о в. Там же, стр. III.

⁵² См. его рецензию на книгу С.Радулова "Нравоучение за децата" в "Цариградски вестник", год. III, № 21 от 16.У 1853 г. Первоначально рецензия Михаила Серба, подписанная "М.С.", была опубликована в газете "Одесский вестник", № 33 от 21. III 1853 г.

⁵³ Й. Г р у е в. Основа за българска граматика. Белград, 1858, стр. II 6.

ударение останется, а изменится буква в последующем слове – го́лѣмъ, грѣхота"⁵⁴.

Почти дословно формулировку Г.Мирковича несколько позднее повторяет Я.Кочев (1868)⁵⁵.

В приведенном правиле Й.Груева и Г.Мирковича, а также и Я.Кочова, как видим, специально не указывается произношение ѣ перед шипящими и ч. Возможно, с их точки зрения произношение ѣ в данной позиции должно подчиняться общему правилу, т.е. ѣ под ударением и перед "твердым" слогом произносится как 'а (грѣшна как [гр'ашна]), а под ударением перед "мягким" слогом и в безударном положении – как е (грѣшень как [грѣшен], грѣхота как [грехота]).

Более четким в этом смысле представляется правило, предложенное Т.Шипковым (1859 г., 1860 г.), который специально отмечает яковое произношение ѣ перед ж, ш и ч даже перед "твердым" слогом. Вот его правило: буква ѣ произносится "как я (т.е. 'а – Г.В.), когда ѣ стоит под ударением и в последующем слове имеется твердый гласный (кроме ы) или ѣ", например, вѣра – вяра, обѣ – оля, обѣгамъ – олягамъ, хлѣбъ – хлябъ, мѣсто – място и др.; буква ѣ произносится "как е, когда в следующем за ней слове имеется мягкий гласный или ѣ и когда после ѣ следует ж, ч, ш даже и в сочетании с твердой гласной"⁵⁶.

Это правило в общем почти повторяет сформулированное двумя-тремя годами ранее правило Н.Михайловского (1857 г.), в котором, однако, опущен очень важный момент – указание на место ударения. Правило Н.Михайловского гласит: Буква ѣ произносится "как я=іа, когда в следующем за ним слове стоит твердый гласный (кроме ы) или ѣ", и "как а, когда в следующем слове стоит мягкий гласный или ѣ, а так же, когда за ним следуют ж, ш даже и перед слогом с твердым гласным"⁵⁷.

Нет указания на ударность/безударность позиции и в правиле, содержащемся в одной из лучших до Освобождения Болгарии грамматик И.Момчилова (I изд., 1868): "Гласный ѣ имеет двойное произношение: 1) как я произносится тогда, когда в следующем за ним слове стоит твердый гласный, и в конце слов: вѣра, мѣра, жельзо, грѣхъ, мѣко, обѣ, сѣхъ обѣхъ, живѣхъ, прѣдъ, менѣ, тебѣ, горѣ, калѣ и др.; 2) как е –

⁵⁴ Д. М и р к о в и ч. Кратка и методическа българска граматика. Цариград, 1860, стр.51.

⁵⁵ Я. К о ч о в. Словосъчинение. Цариград, 1868, стр.47.

⁵⁶ Т. Ш и ш к о в. За българската книга или за азбуката и правописанието на новобългарският език. "Бълг. книжици", 1859, ч.3, стр.729.

⁵⁷ Н. М и х а й л о в с к и й. За новобългарския език. "Цариградски вестник", год. VII, № 320 от 16.III.1857 г. Конец фразы не совсем ясен из-за опечатки; ср.: "подиръ нея стои ж, ш, ако шхъ ды и съ твърда гласна".

йотированное произносится тогда, когда в следующем за ним слоге стоит мягкий гласный или твердый в сочетании с одним из язычных ("езичните") ж, ч, ш, щ: вѣренѣ, мѣрниѣ, желѣзенѣ, грѣшенѣ, живѣѣж, грѣшѣж, грѣшка, млѣченѣ, млѣчокѣ, млѣчна, бѣлина, сѣченѣ, бодѣше"⁵⁸. Как видно из приведенных примеров (к сожалению, в грамматике они указаны без знака ударения), И.Момчилов якавое произношение ѣ устанавливает не только в ударной позиции – в середине (вѣра – [в'а́ра] и др.) и в конце (каѣ – [кад'а́]) слов, но и в безударной позиции конца слова (менѣ – [мѣн'а], горѣ – [г'ор'а] и др.). Что касается екавого произношения, то оно, по Момчилову, должно иметь место в безударной позиции в середине слова (ср. бѣлина т.е. [бѣлина́]), в ударной позиции перед "мягким" слогом (вѣренѣ – [вѣрен] и др.), а также перед ж, ч, ш, в том числе и перед шт (графически: щ) в любой позиции (млѣчна, млѣченѣ и млѣчокѣ, грѣшка, грѣшенѣ и грѣшѣж, т.е. [млѣ́чна], [млѣ́чен] и [млѣ́чок] и др. Как видим, И.Момчилов дает в целом довольно исчерпывающее общее правило произношения ѣ, которое, однако, ввиду отсутствия указания на место ударения, нуждается в известной расшифровке.

Близкое к изложенному правило двоякого произношения предлагал И.Момчилов и несколько раньше (1865 г.), которое, однако, не устанавливало якавого произношения в конце слов⁵⁹.

Лишь немногие авторы допускали свободное, не регламентируемое строгим правилом произношение ѣ. Так, упоминавшийся выше некто Михаил Серб, разделяя мнение С.Радулова о якавом и екавом произношении, отмечает вместе с этим, что македонские болгары ѣ произносят всегда как е. В связи с этим он считает желательным, чтобы и они писали "согласно с другими", т.е. ѣ, а не е или ја, который ими "пусть произносится так, кому как хочется" ("кому как е драго")⁶⁰.

В общем же можно сказать, что к 70-м годам правило двоякого произношения ѣ стало общепризнанным в грамматиках болгарского языка⁶¹.

⁵⁸ И. М о м ч и л о в. Грамматика за новобългарския език. Изд. I. Русчук, 1868, стр.140–141.

⁵⁹ И. М о м ч и л о в. Грамматика за старобългарския език по сичкото му развитие. Виена, 1865, стр.170.

⁶⁰ См.: "Цариградски вестник", год. III, № 121 от 16.V.1853. В тексте рецензии Михаила Серба, опубликованном в "Одесском вестнике", № 33 от 21.III.1853 г., замечание о произношении ѣ македонскими болгарскими и рекомендации рецензента по произношению ѣ отсутствуют.

⁶¹ В связи с правилом двоякого произношения ѣ нужно отметить, что некоторые грамматисты указывали и правило, определяющее, где следует писать букву ѣ. Так, Й.Груев устанавливал, что ѣ пишется там, где под ударением перед слогом с "твердым" гласным слышится я

Их авторы были согласны в том, что ѣ – в зависимости от места ударения и характера последующего слога – должен произноситься двояко: как 'а и е. Утверждение данного правила грамматик в качестве единой нормы литературного языка прямым образом связано с тем, что к этому времени уже вполне определенно установилась общая северо-восточно-болгарская диалектная база литературного языка. В восточном же наречии, как это отмечалось уже и в то время⁶², на месте ѣ произносятся два звука: 'а и е. Тот факт, что именно северо-восточное (точнее – балканское наречие) легло в основу литературного языка, объясняется, как известно, внеязыковыми причинами. С ними связано, в частности, то очень важное обстоятельство, что большинство писателей, грамматистов, книгоиздателей, редакторов газет и других образованных болгар, так или иначе участвовавших в формировании литературного языка,

(т.е. 'а), если в других словах с этим же корнем без ударения вместо я слышится звук е. (Й.Г р у е в. Указ.соч., стр.117). Г.Миркович рекомендовал следующее правило проверки написания ѣ и я: если в слове, в котором под ударением и перед слогами с гласными ѣ, а, о произносится я (т.е. 'а), а при изменении места ударения или гласного в следующем за я слоге произносится е на месте я ('а), то следует писать ѣ (например, свѣтъ, хлѣбъ и свѣтовнѣй, хлѣбнѣй или, наоборот, лѣковѣ, обѣлѣй и лѣкъ, обѣлъ; если же гласный не изменяется (т.е. сохраняется я= 'а), то следует писать я (Д.М и р к о в и ч. Указ.соч., стр.51). Почти дословно это правило повторяет Я.Кочов (Указ. соч., стр.47–48). См. также: И.М о м ч и л о в. Грамматика за новобългарския език, стр.143–144; где даны правила для определения правописания ѣ и е, ѣ и я.

62 Ср., например, правило произношения гласных 'а и е на месте ѣ в восточноболгарских говорах, установленное Петко Славейковым: "В словах, в которых ѣ является окончанием или стоит перед слогами с а, о, у, ѣ, буква ѣ произносится как ја (т.е. 'а – Г.В.), если же ѣ стоит перед ж, ч, ш или перед согласным, сочетающимся с е, и, ю, ѣ, то она произносится как е". Например, конечный ѣ (нинѣ, зимѣ, лѣтъѣ) и ѣ перед "твердым" слогом произносится как 'а ([нѣн'а], [б'ала] и др.), а в положении перед ж, ш, ч (смѣшенѣ, млѣчна и перед мягким слогом (обѣли) – как е ([смѣшен], [млѣчна], [обѣли] и др.). П.Славейков отмечает и такую особенность восточных говоров, как произношение 'а на месте ѣ после ц (цалувамѣ, цавти и др.) и произношение приставки прѣ– в соответствии с общим правилом: прѣкопѣ, прѣходѣ как [пр'акоп], [пр'аход], но прѣдѣлъ как [пред'ал], а также и на месте безударного ѣ, например, прѣскачамѣ – [прискачам] и под. См.: П.С л а в е й к о в. Няколко думи за събиранието и за езика на причтити, стр.208–209.

были родом из разных областей восточной Болгарии и главным образом из городков и селений Старой Планины и прилегающих к ней областей. В данном случае важно подчеркнуть тот факт, что почти все авторы болгарских грамматик и статей, в которых предлагается нормализация произношения ѣ, были уроженцами тех мест, где представлен северо-восточный тип рефлексов ѣ.

Нужно отметить также, что утверждению правила о двояком произношении, наверное, способствовало в известной мере и убеждение некоторых болгар в том, что именно такое произношение было свойственно древнеболгарскому языку. Авторитет же древнеболгарского языка в устройстве единых норм литературного языка был очень высок даже у тех, кто считал, что литературный язык должен базироваться на живом, народно-разговорном языке. Для них древнеболгарский язык, под которым нередко понимали церковнославянский, был также своего рода арбитром в решении спорных вопросов грамматики, лексики, орфографии и даже орфоэпии, когда значительные диалектные различия ставили в тупик кодификаторов единых норм литературного языка. Так, Неофит Рилский, устанавливая екавое произношение ѣ, ссылался только на соответствующее произношение ѣ в народной речи ("довольно ни свидетелствува простото и общото произношение"), поскольку свидетельства старины о таком произношении ѣ ему были не известны⁶³. Зато приверженцы двоякого произношения ѣ в болгарском литературном языке свое предложение нередко подкрепляли ссылкой на то, что и в древнеболгарском языке ѣ звучал двояко и что древнее произношение ѣ сохранилось и донныне в говорах восточной Болгарии. Приведу один пример. В. Стоянов (1865 г.), доказывая необходимость буквы ѣ для азбуки болгарского литературного языка, писал, что ѣ "даже и по сей день сохранил то же самое свое звучание ("звук") в новоболгарском языке и именно в восточном наречии, где он слышится как ѣа и е в соответствии с известным положением", в то время как "в македонском наречии ѣ слышится только как е и редко как ѣе (ѣе)"⁶⁴.

Для установления единой нормы произношения ѣ в литературном языке чрезвычайно важно было то, что к 70-м годам даже некоторые уроженцы западной Болгарии пришли к заключению о необходимости утвердить в нем именно правило двоякого произношения ѣ. Весьма характерным в этом отношении является мнение И. Ковачова, который уже в середине 70-х годов предлагал в основу литературного языка положить шопское (западнобългарское) наречие. Он отмечал, что в шопском наречии ѣ всегда произносится как е в отличие от я и е в балканском наречии.

⁶³ Неофит Рилски. Указ. соч., стр. 24

⁶⁴ См. письмо В. Стоянова из Праги от 9(19).Уш.1865 г., опубликованное в газете "Восток", год. I, № 15 от 31.Уш.1865 г.

Учитывая, однако, что в македонском (например, в области Неврокопа) наречии встречается произношение я, И.Ковачов пришел к выводу, что "звук я, должно быть, характерная черта болгарского языка"⁶⁵. Поэтому ѣ, по его мнению, нужно произносить (в литературном языке) и как я (т.е. ја). Это единственная уступка, которую он готов был сделать балканскому и вообще восточному наречию в устройстве литературного языка на предложенной им шопской диалектной основе.

Пример И.Ковачова наглядно показывает, что правило двоякого произношения ѣ находило признание со стороны интеллигенции не только восточной, но и западной Болгарии и что оно прочно занимало место в ряду единых норм общеполитического литературного языка.

Итак, правило только екавого произношения ѣ, предлагавшееся некоторыми уроженцами западных областей Болгарии, не нашло поддержки среди подавляющего большинства болгарских грамматистов и других представителей тогдашней интеллигенции. Почти во всех изданных в 40-60-е годы грамматиках и во многих статьях и других изданиях устанавливается двоякое произношение ѣ — ја и е в зависимости от места ударения и характера последующего слога (согласного). Правда, зависимость эта, как видно из сказанного выше, не всегда ясно определялась, но она во всяком случае всегда подразумевалась. Вместе с этим необходимо подчеркнуть, что при полном единстве взглядов на общий характер, или типа, произношения ѣ (т.е. якавого и екавого), относительно произношения ѣ в отдельных положениях в слове мнения грамматистов расходились. Так, разное произношение — только якавое или екавое — устанавливалось для ѣ в позиции конца слова. Не было еще единого мнения и в отношении того, какой гласный должен произноситься на месте ѣ перед шипящими и ч. Нельзя не отметить и того, что сформулированные в грамматиках и других изданиях правила произношения ѣ носят, как правило, всеобщий характер, не допускающий каких-либо исключений в отдельных словах, и под.

Однако из того факта, что общее правило двоякого произношения ѣ к 70-м годам прошлого века стало общепризнанным в болгарских грамматиках, отнюдь не следует, что якавое и екавое произношение к этому времени уже стало общей нормой литературной речи. В живой речи образованные болгары, носители литературного языка, продолжали еще следовать "норме" родного диалекта в большей степени, чем регламентируемому грамматиками правилу. В частности, вряд ли есть серьезные основания полагать, что екавое произношение в речи образованных болгар — уроженцев западной Болгарии — в это время стало вытесняться двояким произношением ѣ в соответствии с известным правилом.

⁶⁵ И. К о в а ч о в. Едно мнение върху общи език и по правописание у нас. — "Ден", год. I, № 17 от 2. VI. 1875 г.

Вопрос о ѣ еще многие десятилетия продолжал оставаться предметом ожесточенных споров как вопрос не только орфографии, но и орфоэпии⁶⁶. Правда, уже в самом конце прошлого века раздавались голоса о том, что вопрос о произношении ѣ в литературном языке уже окончательно решен. Это, конечно, явное преувеличение⁶⁷. Известно, что и в 20-е годы XX в. выдвигалось предложение о произношении е на месте ѣ⁶⁸, которое не отвергал, между прочим, известный болгарский ученый Б.Цонев⁶⁹.

Нельзя сказать, что вопрос о литературном произношении ѣ не стоит и в настоящее время. Преимущественное внимание к ѣ в плане орфографии не могло не сказаться в том, что и теперь, спустя почти сто лет, как в грамматике утвердилось мнение о двояком произношении ѣ, полного единства в таком произношении по существу нет. Несмотря на строго регламентируемые грамматиками и словарями правила написания и произношения я ('а) и е на месте ѣ, и в настоящее время среди части образованных болгар довольно широко распространено произношение е во всех положениях на месте ѣ и – гораздо реже – произношение 'а перед слогом с гласными е, и (бяли, голями). Нет полного единства и

⁶⁶ Подробно история споров вокруг ѣ в конце XIX – первой половине XX вв. изложена в уже упоминавшейся монографии С.Стойкова "Ятовият изговор в новобългарския книжовен език", стр. II и сл.

⁶⁷ Так, Л.Милетич писал в 1893 г., что "произношение ѣ в литературном языке уже настолько определено, что в орфографическом словаре можно точно указать, когда произносится ја и когда е" (Л.М и л е т и ч. Нашата правописна реформа. "Български преглед", 1893, кн. I, стр. 20). Более сдержанную и больше соответствующую действительному состоянию дела оценку давал в это же время М.Дринов. Он считал, что решить вопрос о правописании ѣ только в соответствии с литературным произношением нельзя, потому что "у нас нет, да и не будет скоро общего литературного произношения" (М. Д р и н о в. Отговор на правописните въпроси, предложени от редакцията на "Мисъл". "Мисъл", 1893, кн. 3, стр. 709).

⁶⁸ С. С т о й к о в. Ятовият въпрос в новобългарския книжовен език, стр. 23.

⁶⁹ Б.Цонев писал в частности следующее: "И я не имел бы ничего против такого решения ятевого вопроса (т.е. замены ѣ только на е. – Г.В.), если этим было бы достигнуто общее согласие наших книжников. Потеря в благозвучии была бы небольшая, так как звук е благозвучен, а, кроме того, в нашем литературном языке есть и без того достаточно звуков а, так что нет нужды в их большем числе" (Б. Ц о н е в. Как да заменим старото ѣ в новобългарския книжовен език. "Развигор", бр. 20, от 21.У. 1921 г.).

во взглядах на норму произношения ѣ в конкретных случаях. Хотя большинство языковедов, писателей, учителей и др. в принципе выступают за устанавливаемое в грамматиках правило в целом, однако отдельные голоса раздаются и в пользу большего расширения екавого или, наоборот, якавого произношения ѣ⁷⁰. И теперь еще существует мнение, что не следует регламентировать строгое правило произношения ѣ. Выступая в дискуссии по вопросам орфографии в июне 1951 г., Л. Андрейчин говорил: "существовало прежде, а может быть, и сейчас еще существует (курсив наш. — Г.В.) мнение, что не нужно устанавливать единое литературное произношение ѣ, а нужно предоставить свободу произношения хляб или хлеб, някой или некой в соответствии с навыком, унаследованным от соответствующей диалектной среды"⁷¹. Это предположение Л. Андрейчина нашло подтверждение в выступлении на той же дискуссии Х. Радевского, бывшего в то время секретарем Союза болгарских писателей. Х. Радевский говорил: "Я считаю также, что по вопросу о якании и екании конференция, подобная нашей, не может принять окончательного и обязательного решения. Мы не можем проявить диктатуру одного наречия по отношению к другому. Оказывается, огромная часть людей в западной Болгарии говорит на е: млеко, хлеб и т.д., а огромная часть в восточной Болгарии говорит на я: мляко, хляб и т.д. На каких основаниях мы будем навязывать одно наречие другому?"⁷².

Таким образом, несмотря на то, что известное правило двоякого произношения ѣ утвердилось в грамматиках уже сто лет назад, вопрос о едином произношении гласных на месте ѣ в современном литературном языке еще не потерял своей остроты и актуальности.

Произношение гласных на месте этим. 'а

Первые болгарские грамматисты выступали за двоякое произношение этим. а после мягких согласных ('а, которое обычно передавалось буквой я): как 'а и как е. При этом они формулировали в общем такое же правило произношения 'а и е на месте этим. 'а, какое предлагалось ими и для ѣ.

Одним из первых, кто устанавливал такое правило, был Г. Крыстевич (1844–1858). Он указывал, что буквы "ѣ и я имеют то сходство между собой, что они обе одинаково как я (т.е. 'а. — Г.В.) или как е

⁷⁰ См. материалы дискуссии по вопросам орфографии в июне 1951 г. ("Български език", 1951, кн. I-2).

⁷¹ Л. А н д р е й ч и н. Основные проблемы на съвременния български правопис. "Български език", 1951, кн. I-2, стр. 37.

⁷² См.: "Български език", 1951, кн. I-2, стр. 105.

произносятся в одних и тех же условиях"⁷³. Он считает, что гласный, обозначаемый буквой я, в болгарском литературном языке должен произноситься в зависимости от места ударения и характера последующего слога двояко, а именно: под ударением я "стоит и произносится я, т.е. яа (= 'а. - Г.В.), когда последующий слог связывается с гласным а, о, ъ, у, х и изменяется на е, когда следующий слог связывается, наоборот, с гласными е, и, і, ѣ, и, ѣ", например: [Стоя́н], [Стоя́на], [Стоя́нчо], [Стоя́ну], но [Стоѣне], [Стоѣни]⁷⁴. Как видим, правило произношения 'а под ударением у Г.Крыстевича совпадает с его же правилом ѣ (см. выше, стр.179). Однако в положении без ударения на месте этим. 'а после мягких согласных гласный не изменяется, т.е. независимо от характера последующего слога всюду выступает гласный 'а ([пѣйаси] и др.)⁷⁵ в отличие от ѣ, который произносится, по Крыстевичу, в такой позиции и как 'а и как е.

Общее с ѣ правило произношения гласных 'а и е на месте этим. 'а устанавливал и И.Добровиц (1850 г.), связывая его с характером последующего слога (ср. постоян, пѣя, Стоян, Стояна и постоѣни, пѣѣни, Стоѣни; ср. также и дяяк, но даѣци)⁷⁶. Что касается места ударения, то о нем И.Добровиц в этой связи ничего не говорит. Нужно подчеркнуть, что И.Добровиц был первым, кто рассматриваемое здесь правило изложил в печатном издании. "Письма" Г.Крыстевича, как уже упоминалось выше, увидели свет немного позднее⁷⁷.

Общее правило произношения гласных на месте ѣ и 'а формулируют в своей грамматике и братья Цанковы. Точнее говоря, они устанавливают правило произношения ѣа (ja), согласно которому ѣа произносится как ѣе (е) под ударением или без ударения в случаях, если в последующем слоге выступают гласные е, и, ѣ, я (-'ѣ) (например, яма - ѣми, ѣмич-

⁷³ Г. К р ѣ с т ѣ в и ч. Указ. соч., стр.326.

⁷⁴ Там же, стр.322-323.

⁷⁵ Нужно отметить, что в иллюстративном материале к изложенному здесь правилу произношения гласных на месте 'а Г.Крыстевич, как и многие другие авторы в подобных случаях, приводит и примеры с гласными 'а и е на месте ѣ, например, [гол'ам], [гол'ама], но [голѣми] и др. (Указ. соч., стр.323).

⁷⁶ См.: "Мирозрение", 1850, стр.47. Полный текст правила см. выше, стр.182

⁷⁷ Грамматика И.Богорова (1844, 1848) по существу не устанавливает определенного правила. В ней лишь сказано, что в современном болгарском языке "в некоторых словах произносится ѣа, а в других ѣе или ѣ", но последнее, видимо, относится только к словам с древним юсом малым. См.: И. А н д р е о в [Б о г о р о в]. Първичка българска граматика, стр.104, сноска; О н ж е. Първичка българска словница, стр.92.

ка; ям - едеш, едене; як - еки, заечен; пиян - пиени, пиенец; Сто-
ян - Стоене). Важно отметить, что в грамматике Цанковых указано
двойное произношение этим. 'а и после шипящих (ж): жаба - жеби, же-
бичка⁷⁸. Правило и иллюстрирующие его примеры, однако, не устанав-
ливают, какой гласный должен произноситься на месте 'а после других
мягких согласных: [пол'ани] или [полéни] и т.п.

Не совсем ясно отношение к произношению 'а у С.Радулова, Й.Груева
и некоторых других авторов. Дав достаточно развернутое правило про-
изношения ѣ, о букве я С.Радулов говорит, что она "в немногих сло-
вах слышится как е" и что произношение этой буквы "не зависит ни от
ударения, ни от последующего мягкого или твердого слога, и, если она
произносится как е, то она сохраняет такое произношение во всех из-
менениях слова"⁷⁹. Приведенные примеры свидетельствуют, что, форму-
лируя это правило, С.Радулов имеет в виду не только звук на месте
этим. 'а после мягких согласных, точнее - после й, но и звук на мес-
те юса малого, обозначаемого им тоже буквой я (г^лядамъ, ч^ядо, дес^ятъ,
дев^ятъ, п^ятъ, п^ям^ятъ, ч^яст^яъ, яз^ык^ъ, яч^емы^ъ и под. должны произно-
ситься с е: [г^ледам], [ч^едо] и т.д.). Что касается этим. 'а, то пос-
ле й должен произноситься, по Радулову, е независимо от места ударе-
ния и характера последующего слова: я^тне, я^йце, я^ремь, я^рина и др.
произносятся как [эгне], [ейце] и т.д. Отметив произношение е лишь
"в немногих словах", С.Радулов, однако, не указывает каково произно-
шение я в большей части слов, а именно в словах после других мягких
согласных (не й), например: [пол'ана] (вряд ли [полéна]) и [пол'ани]
или [полéни].

Сказанное в такой же мере относится и к Й.Груеву, который также
буквой я обозначал и гласный на месте древнего 'а и гласный на месте
древнего юса малого. Но, в отличие от С.Радулова, он указывал, что
я "в большинстве случаев ("повечето пѣти") произносится как е", на-
пример, ч^ясто, п^ята, п^ятъ произносятся [ч^есто], [п^ета], [п^ет]⁸⁰.
Екавое произношение, по-видимому, независимо от места ударения и ха-
рактера последующего слога устанавливал Й.Груев и для древнего 'а
(точнее, ѣа). Это видно из рекомендуемого им правила, разграничиваю-
щего употребление букв ѣ и я. Согласно этому правилу, буква я пишется
там, где в безударной позиции и в позиции под ударением перед
"слогом с твердым гласным" слышен е. Так, в я^йце и в я^йца (как и в
м^ясници и м^ясо) я произносится как е: [ейце] и [ейца]⁸¹. Иными сло-
вами, на месте древнего 'а перед й независимо от места ударения и

⁷⁸ A.u.D.Kyriak Cankof. Указ. соч., стр.2-3.

⁷⁹ С. Р а д у л о в. Указ. соч., стр.УІ.

⁸⁰ Й. Г р у е в. Основа за българска граматика, I изд., стр.II7.

⁸¹ Указ. соч., стр.II7.

характера гласного в последующем слоге, по Й.Груеву, как будто произноситься должно только е. Трудно сказать, распространялось ли Й.Груевым правило екавого произношения йа на месте 'а и на такие слова, как ясно, як, Стоян, в которых – в отличие от иллюстрирующих это правило слов ййце и ййца – после йа следует твердый согласный. Ничего определенного не говорит грамматика Й.Груева и о произношении 'а после других (не й) согласных в словах типа поляна. Поскольку екавое произношение буквы я Й.Груев устанавливает не во всех словах с я, а лишь "в большинстве случаев", то следует думать, что в остальных случаях, к коим могут быть отнесены указанные здесь слова ясно, як, поляна, он имел в виду якавое произношение.

Не совсем ясна позиция в данном вопросе и И.Момчилова. Он отмечает, что "я имеет слабо ("меко") йотированное произношение как слитное йа", которое под ударением в начале и середине слов произносится "открыто" ("отворено"), т.е. как 'а, а без ударения и под ударением в конце слова – "несколько глухо" ("малко тъпо"), т.е. как 'ъ (умолявамъ, прѣстоявамъ, мой, свиня и др.)⁸². Об изменении я, т.е. 'а (или йа), в какой-либо иной звук И.Момчилов ничего не говорит. Однако из правила, определяющего, где "звук я должен обозначаться буквой ъ, а где я", можно заключить, что он, вероятно, имел в виду только якавое произношение во всех положениях. Согласно этому правилу, букву я нужно писать в том случае, если в данном слове и в его производных обозначаемый ею звук, т.е. 'а, остается неизменным (ср. постоянь и състояние, дрость и разъярень); если же он изменяется в е, то следует писать ъ⁸³. Но и И.Момчилов, как видно из сказанного, определяет, в сущности, якавое произношение этим. 'а только после й.

Г.Миркович, возможно, также считал, что на месте этим. 'а должен всюду произноситься 'а. Во всяком случае, букву я, в отличие от ъ и некоторых других, он не причисляет к тем буквам, которые "больше всего вызывают затруднение" в правописании и, надо думать, в произношении. Букву я он, очевидно, относит к числу тех, о которых сказано, что они "более или менее ("много малко") сохраняют свое звучание ("своят си глас") и никогда его не изменяют"⁸⁴.

По-видимому, только якавое произношение на месте древнего 'а имел в виду и Я.Кочов. Он, правда, отмечал, что буква я в "большинстве случаев" произносится как е, но это его утверждение относится, надо думать, к букве я, обозначающей у него гласный е на месте юса малого ("часто, пять произносятся често, петь"). О якавом же произношении этим. 'а, которое Я.Кочов как будто не ограничивал какими-

⁸² И. М о м ч и л о в. Грамматика за новобългарския език, стр.140.

⁸³ Там же, стр.143–144.

⁸⁴ Д. М и р к о в и ч. Указ. соч., стр.49.

либо условиями, может свидетельствовать рекомендуемое им правило проверки правописания букв ѣ и я⁸⁵.

Обращает на себя внимание тот факт, что почти во всех грамматиках не отмечается специально произношение гласных на месте этим. 'а после шипящих и ч, хотя екавое произношение слов жеби, шепки, чеши и под. представляет собой особенность, в частности, балканского наречия – родного наречия многих грамматистов. Эту особенность восточноболгарских говоров отметил Петко Славейков, который писал (1859 г.): буква я "всюду слышится как е, но, если хорошо вслушаешься, как ее произносят неграмотные люди ("безкнижните"), то убедишься, что существует одна небольшая, едва уловимая разница: в некоторых случаях буква я играет роль ѣ (т.е. произносится якаво и екаво. – Г.В.): яба – жеби, чаа – чеши, шяви – шевни"⁸⁶. Любопытно в этом свидетельстве Славейкова то, что эта особенность присуща речи неграмотных людей. Из этого следовало бы заключить, что для речи образованных указанное им произношение слов с е было не свойственно.

На чередование 'а||е, особенно после ч, ж, ш, шт, как на особенность, присущую только восточнобългарскому наречию, указывал и В.Стоянов (1866 г.)⁸⁷.

Все же надо отметить, что екавое произношение этим. 'а после шипящих и ч иногда находило отражение и на письме. В.Христов (учитель из Ловеча), характеризовавший язык своего перевода "Краткой священной истории" (1859 г.) как "гладкий и приятный на слух", специально отмечал, что "в некоторых словах заменил я на е, как это требуется в нашем языке" ("тъй изискват в нашъ език"), например: печеть, чеша, начелник⁸⁸. В.Христов не определяет точнее позицию, в которой имеет место замена я (т.е. 'а) на е, но из приведенных им примеров можно заключить, что такая замена происходит в позиции перед мягким согласным (соотв. "мягким" слогом) после шипящих и ч (если ѣ в печеть обозначает мягкость согласного). В позиции перед твердым согласным (соотв. "твердым" слогом) сохраняется я, т.е. 'а, например, начало (или здесь случайная опечатка вместо начело?). Ср. и примеры из текста предисловия: окончѣнія, но жално, погрѣшавамъ, да се различава⁸⁹.

85 Я. Кочов. Указ. соч., стр.47–48.

86 П. Славейков. Няколко думи за събиранието и за езика на причити, стр.209–210.

87 V. Stojanov. Slovo o literárnih pracih oněch spisovatelů bulgarských zvlášť, kteří přispěli a přispívají k zvelebení a ušlechtění naší národní řeči bulgarské. "Časopis Českého Muzea", roč. XL, sv.3. Praha, 1866, стр.282.

88 См. предисловие В.Христова к кн.: Кратка свещенна история за църквата на ветхия и нов завет. Букурещ, 1859, стр.II.

89 Там же, стр.I, II.

Такому же правилу В.Христов, видимо, следует и при написании е на месте йа. Ср.: пrietель, пrietень, но якъ⁹⁰.

Из сказанного выше видно, что грамматисты середины XIX в. пытались сформулировать правило произношения гласных на месте этим. 'а фактически только в позиции перед й, которое у одних (Г.Крыстевич, И.Добрович, А. и Д.Цанковы) полностью совпадало с правилом двоякого произношения ѣ, у других оно отличалось от последнего тем, что уставляло как будто неизменное произношение одного гласного - е (С.Радулов, Й.Груев) или 'а (И.Момчилов, Д.Миркович, Я.Кочов и др.). Важно отметить, что в 60-е годы грамматисты, видимо, уже определенно склонялись к утверждению в литературном языке только якавого произношения этим. 'а. Это не соответствует состоянию данного явления в балканском наречии, где, как известно, характерно чередование 'а||е в зависимости от характера последующего слога (поляна - полени, ясла - іесли и под.)⁹¹. Вряд ли влияние западноболгарского наречия, в котором чередование 'а||е отсутствует, могло оказаться в это время столь заметным, чтобы грамматисты вынуждены были постепенно отказываться от присущего их говорам двоякого произношения этим. 'а. Причину этого следует, как нам кажется, искать в сильном влиянии церковнославянской орфографической традиции⁹², в частности, в стремлении грамматистов к традиционному употреблению букв ѣ и я, которое должно было поддерживаться обозначением ими разных звуков (ѣ - 'а и е, я - только 'а или йа). Может быть, несоответствием между унаследованными из родного говора навыками двоякого произношения и стремлением разграничить употребление ѣ и я и объясняются (хотя бы отчасти) недостаточно определенные правила произношения этим. 'а во многих грамматических трудах того времени.

Произношение безударных гласных

По вопросу о произношении безударных гласных грамматисты 30 - 60-х годов придерживались двух точек зрения. Одни считали, что в литературном языке гласные в положении под ударением и без ударения должны произноситься одинаково; иными словами, изменение безударных гласных ("редукция") не допускалось. Другие грамматисты, наоборот, утверждали, что в литературном языке следует закрепить различное произношение гласных под ударением и без ударения.

⁹⁰ Там же, стр. I.

⁹¹ С. Стойков. Българска диалектология, стр. 73, 135.

⁹² Л. Андрейчин. Характер и произход на някои структурни особености на новобългарския книжовен език, стр. 159.

Начало первой точки зрения идет от Неофита Рилского. В своей грамматике Неофит говорит о "неправильном употреблении и там, где ему нет места", а именно в безударном положении в разных слогах: вместо ни можи, иди, речи, покажи, приградеъ, направино, имахмы, придавать и под. надо писать не може, иде, рече, покаже, преградеъ, направено, имахме, предавамъ и под.⁹³ Неофит, правда, говорит здесь о том, что в этих и подобных примерах нужно писать, а не произносить е, однако вряд ли можно сомневаться в том, что он имел здесь в виду и произношение е, свойственное западноболгарскому наречию. Это следует из того, что в произношении других букв (например, ѣ) Неофит тоже ориентировался на современное ему западноболгарское произношение. В этом мнению его укрепляет и то, что в церковнославянском языке всюду в таких случаях стоит е.

На отсутствие "редукции" в литературном языке указывал и С.Филаретов (1854 г.). Он писал: "Буквы е и о, перед какими бы буквами они ни стояли, всегда остаются без перемены в произношении", например, ледъ, вода⁹⁴.

За неизменяемое произношение гласных е, о, а выступал также П.Зографский (1857 г.), предлагавший, как уже отмечалось выше, в основу литературного языка положить македонское наречие, в котором "буква а всегда имеет полное и ясное произношение", а е и о тоже не изменяются в отличие от "отрывистого и полугласного" произношения, т.е. ѣ, вместо а, а также и, вместо е, и у, вместо о, в собственно болгарском наречии⁹⁵.

Однако большинство грамматистов и других книжников, как и в других случаях, отражая особенности восточноболгарского произношения, утверждало в качестве литературной нормы произношение в безударном положении и на месте е, у на месте о, а также ѣ на месте а.

Так, уже в грамматике Цанковых указывается, что безударное а произносится как ѣ (в их обозначении ѣ), например: [слѣтка] или [слѣтъкъ]; безударное е как и — [тѣли] или [тилѣ]; безударное о как у — [дѣдох] или [дудѣх]. В этой грамматике отмечено также произношение и на мес-

⁹³ Неофит Рилски. Указ. соч., стр.27. Отметим, что Неофит был также и против закрепления в литературном языке произношения е на месте и, например: намереха, крела, истенско, высочена и под. вместо "правильных" намериха, крила, истинско, высочина и под. (стр.28).

⁹⁴ См. его предисловие к кн.: Карманная книга для русских воинов, находящихся в походах против турок по болгарским землям. СПб., 1854, стр.Ш. См. также: Болгарский собеседник. СПб., 1876, стр.2.

⁹⁵ П. Зографский. Указ. соч., стр.37.

те безударного ѣ, например, [гнѣздо], [мѣста], [грѣхове] и др.⁹⁶.

Н. Михайловский указывал, что безударные е и о должны произноситься в литературном языке как и и у⁹⁷. Произношение и на месте безударного е предлагал закрепить в литературном языке также и Хр. Сичан-Николов, например, дайти, принесети, земети. Такое именно произношение, отмечал он, характерно главным образом для говоров восточной Болгарии в отличие от произношения е (дайте, принесете, земете) в западной Болгарии⁹⁸. Он подчеркивал, что было бы хорошо, если бы такое произношение (так же, как и произношение е на месте и, например, вне-мавам, истена, предавам и др.) писатели ввели и в письменный язык, которое впоследствии через их произведения утвердилось бы и в устной речи ("в произносительното слово")⁹⁹. Хр. Сичан-Николов, правда, не останавливается подробнее на этом вопросе, поэтому остается неясным, предлагал ли он утвердить произношение безударного е как и во всех позициях и формах слов или же только произношение конечного гласного е в формах повелительного наклонения глаголов. Ничего не говорит он и о произношении безударных о и а.

По мнению Т. Шишкова, гласный е произносится как и, когда он "не имеет на себе ударения" в середине слова (систра, пиро, читѣ) и в конце слова (пили, слѣнци, пиши). Гласный о в безударной позиции изменяется в у (дубро, сладку, селуту)¹⁰⁰.

Изменение безударных гласных а, е, о определенно регламентируется грамматикой И. Момчилова. Так, безударное а "произносится несколько глухо" ("малко тѣпо"), т.е. изменяется в ѣ (вада, махамѣ), который слышится на месте а в конце слова под ударением (вода). Безударное е "произносится как и" (перо = пиро, земя = зимѣ, име = ими и др.), за исключением суффиксального е в прилагательных на -енен, -есен (врѣмененѣ, тѣлесенѣ). Безударное о "произносится как у" (лоза = луза, море = муре и др.)¹⁰¹.

⁹⁶ А. и. D. Kyriak Sankof. Указ. соч., стр. 2.

⁹⁷ Н. Михайловский Й. За новобългарския език. "Цариградски вестник", год. УП, № 320 от 16. III. 1857 г.

⁹⁸ Хр. К. Сичан-Николов. Грамматика или буквеница славенска. Цариград - Галата, 1858, стр. У.

⁹⁹ Там же. Сам Сичан-Николов, однако, в написании безударных гласных, в том числе и е, своему предложению не следует и пишет их регулярно в соответствии с этимологическими принципами.

¹⁰⁰ Т. Н. Шишков. За българската книга..., стр. 728-729; Он же. Първа храна на здравият чолешкий ум. Цариград, 1860, стр. X.

¹⁰¹ И. Момчилов. Грамматика за новобългарския език, стр. 139-140.

Не вполне ясна в этом вопросе позиция Г.Мирковича. Возможно, он считал, что гласные е и о должны сохранять свое звучание. Во всяком случае, среди "гласных букв", которые, по его мнению, "больше всего вызывают затруднение" в правописании и произношении, е и о не фигурируют. Очевидно, он относит их к числу тех, о которых говорится, что они "более или менее ("много малко") сохраняют свое звучание ("своят си глас") и никогда его не изменяют"¹⁰².

Ничего не говорится о произношении безударных гласных в грамматиках И.Богорова и Й.Груева. Петко Славейков отмечал "редукцию" безударных а, е, о в говорах многих областей Болгарии, но свое отношение к литературной норме их произношения он не высказывает¹⁰³.

В целом, как видим, большая часть грамматистов середины XIX в. определенно высказывалась за утверждение в литературном языке "редукции" безударных гласных.

Произношение твердых и мягких конечных согласных

Вопрос о том, какой согласный – твердый или мягкий – должен произноситься на конце некоторых существительных мужского и женского рода, со старой основой на мягкий согласный, был предметом значительного внимания болгарских грамматистов, писателей и др. По этому вопросу прежде было две точки зрения. Одни грамматисты, писатели и др. выступали за произношение в литературном языке на конце указанной группы существительных только твердых согласных, другие – за произношение и мягких согласных. Мнения по этому вопросу высказывались обычно при описании правил употребления букв ѣ и ь.

Первая точка зрения ясно изложена в грамматике Неофита Рилского, который писал, что буквы ѣ и ь употребляются им "не для различного произношения..., а как знаки правописания для различения слов, имеющих одинаковое звучание, но двоякое значение", например: крѡвь и крѡвь, перѣсть и перѣсть, кољѣ и кољѣ, оугѣль и оугѣль, наѣль и наѣль¹⁰⁴. Он отмечает, что различное произношение конечных согласных, свойственное языку "старого времени", "у болгар теперь почти нигде не слышно"¹⁰⁵. Неофит, определенно следуя произношению конечных соглас-

¹⁰² Д. Миркович. Указ. соч., стр.49.

¹⁰³ П. Славейков. Няколко думи за събиранieto и за езика на причити, стр.207.

¹⁰⁴ Н. Рилски. Указ. соч., стр.40–41.

¹⁰⁵ Там же.

ных в западноболгарских говорах, предлагает, таким образом, и в литературном языке установить только твердое их произношение.

По-видимому, только твердое произношение конечных согласных имел в виду и В.Априлов. Это следует из того, что в предложенной им в известном циркулярном письме (1836 г.) азбуке, необходимой для литературного языка, буква ь отсутствует¹⁰⁶. Впрочем, этот факт можно истолковать и как допущение двоякого произношения конечных согласных в одних и тех же словах.

Любопытно, что произношение только твердых конечных согласных утверждали в своей грамматике и братья Цанковы. Кажется, они были единственными из грамматистов восточноболгарского происхождения, придерживавшимися такой точки зрения. Они прямо писали, что "мягкие согласные древнеболгарского языка полностью утратили мягкость в современных согласных", например, зет, кон, цар¹⁰⁷.

Большинство же грамматистов и других авторов в рассматриваемый период выступали за сохранение бывших мягких согласных на конце существительных. Правда, по вопросу о том, какие именно конечные согласные должны произноситься и мягко, мнения их расходились.

Первым за утверждение в литературном языке мягких согласных высказался Г.Крыстевич. Он писал, что буква ь необходима в болгарской азбуке для передачи мягкости ("тънък глас") в словах царь, день¹⁰⁸. Г.Крыстевич, правда, не уточняет, выступают ли на конце, кроме р и н, и другие мягкие согласные.

Произношение мягких конечных согласных устанавливали Й.Груев и И.Момчилов – авторы популярных в середине XIX в. болгарских грамматик. Й.Груев писал, что "буква ь в конце слова смягчает ("омягчява") согласную, при которой она стоит"¹⁰⁹. Он отмечает, что такое "смягченное произношение" согласных при ь, "не является общим для всех областей" Болгарии¹¹⁰. Й.Груев, как и Г.Крыстевич, точно не указывает, какие из согласных "смягчаются" буквой ь. По-видимому, он считал, что "смягченно" произносятся все согласные, при которых стоит ь. Буква же эта, по его мнению, пишется после шипящих ж, ч, ш и в некоторых словах на р, д, н (например, мжъ, орачъ, кошъ, пастыръ, учительъ, конъ), "у всех имен женского рода с окончанием на согласную букву", среди которых он указывает слова на в и т (кръвъ, пръстъ,

¹⁰⁶ См. "Мнение на Василий Априлов относено просветата на народа" (которое лишь совсем недавно было впервые опубликовано) в "Известия на Архивния институт", кн. I, София. 1959, стр. 220.

¹⁰⁷ А. и Д. Кугиак Сандков. Указ. соч., стр. 4.

¹⁰⁸ Г. Кръстевич. Указ. соч., стр. 326.

¹⁰⁹ Й. Груев. Указ. соч., стр. 2.

¹¹⁰ Там же.

смирѣть, радость, кость), у кратких форм прилагательных (синѣ, до-ленѣ), в формах 2 л.ед.ч. и 3 л.мн.ч. настоящего времени глаголов (пишешѣ, четешѣ; пишижѣть, четжѣть), у числительных (пять, шесть, де-вать, десять, седьмѣ, осьмѣ)^{III}. Из приведенных Й.Груевым слов, в которых пишется ѣ и в которых, следовательно, согласный перед ѣ должен произноситься "смягченно", обращают на себя внимание формы 3 л.ед.ч. глаголов пишижѣть, четжѣть. Однако очень сомнительно, чтобы Й.Груев действительно считал, что конечный согласный в этих формах должен произноситься "смягченно". Такое произношение не свойственно даже тем говорам, где сохранилась мягкость конечных согласных в име-нах существительных.

И.Момчилов также устанавливал произношение мягких конечных со-гласных в литературном языке. Говоря о произношении отдельных букв, он отмечал, что ѣ, ѣ "служат только для определения твердого или мягкого произношения конечной согласной: плетѣть, пжѣть, медѣ, мѣдѣ"^{II2}. Он тоже не перечисляет, какие именно согласные являются мягкими, но из слов, приводимых в качестве примеров на ѣ, можно заключить, что, по его мнению, мягкими согласными, кроме т и д, были также в (крѣвь), н (прѣстенѣ), р (пастырѣ), ч (пѣрчѣ), ж (падежѣ; ср., однако, мжѣ - с буквой ѣ, следовательно, с твердым ж). Только о заднебных г, к, х он говорил, что они всегда твердые ("в окончанията приемат след себе си твърда гласна")^{II3}. За сохранение мягких согласных в конце слов выступал и Н.Пырванов. Рассматривая правила орфографии, приня-тые в грамматике И.Момчилова, он отмечал, что нет необходимости в конечных ѣ, ѣ, поскольку они "не имеют никакого значения ("мисъл") в конце слов, кроме ѣ там, где нужно: учительѣ"^{II4}. По его мнению, в литературном языке конечными мягкими должны быть только д и н, так как мягкость (Пырванов пишет: конечное ѣ "има глас") на конце слов в болгарском языке имеется "повсюду только после н и д", и в Болгарии нет такой области, где бы не произносились мягкие н и д (конѣ, учи-тельѣ)^{II5}. Что касается других мягких согласных, то их, по мнению Пырванова, в литературном языке не должно быть; слова, которые обыч-но пишутся с ѣ на конце, должны, следовательно, произноситься твердо:

III Там же, стр.134-135.

II2 И. М о м ч и л о в. Грамматика за новобългарския език, стр.144.

II3 Там же, стр.145.

II4 Н. П р ъ в а н о в [рец.]. Грамматика за новобългарския език от Ив.Н.Момчилова. "Македония", год.П, № 24 от II.У.1868 г. Ср., впрочем, в другом месте его замечание о том, что слово жителѣ "произносится без члена как жител", т.е.с твердым д.

II5 См. заметку Н.Пырванова под рубрикой "Книжевни разисквания" в га-зете "Македония", год.IV, № 72 от 7.VIII.1870 г.

власт, радост, пѣт, цар и под.^{II6} Правда, Н.Пырванов на этом не настаивал, считая, что окончательно этот вопрос должен быть решен учеными.

Несколько иную позицию занимал Петко Славейков. Он также считал, что в литературном языке на конце слов должны выступать и мягкие согласные, но, в отличие от Пырванова, полагал, что, кроме л' и н', в нем должны быть также и р', т' (других согласных он не указывает). П.Славейков писал, что "различия между дарь и царь, слонь и конь, столь и солъ, мость и кость, как и другие, существуют", и в этой связи отмечал необходимость сохранения в правописании и конечных еров^{II7}. П.Славейков исходит при этом из того, что в говорах большей части Болгарии^{II8}, по его мнению, сохраняется такое различие, и поэтому "был бы большой произвол со стороны болгарских писателей, если бы они на том основании, что в некоторых местных наречиях это различие исчезло, захотели бы принудить и других подражать им"^{II9}. Правда, такой же произвол можно было бы усмотреть и со стороны писателей, настаивавших на сохранении конечных мягких согласных, в отношении тех, кто их утратил в своем родном наречии. По мнению П.Славейкова, спор этот должен быть решен в пользу сохранения мягких согласных, ибо мягкие согласные были в болгарском языке и прежде^{II20}.

За употребление конечных мягких согласных выступали также В.Стоянов^{II21} и другие грамматисты. Т.Шишков, например, называл знак ь в конце слов придыхательным и отмечал, что слова с ь в конце произносятся "тонко", т.е. мягко. Такое произношение, по его мнению, в болгарском языке имеют конечные д, т, л, н, а также с^{II22}.

II6 Там же.

II7 См. редакционное примечание (П.Славейкова) к рецензии Н.Пырванова на четвертое издание "Основ болгарской грамматики" Й.Груева в газете "Македония", год.IV, № 6I от 25.VI.1870 г.

II8 В одной из более ранних статей П.Славейков писал, что мягкое произношение ("тънко-нямото изричание") буквы ь (например, царь), в отличие от твердого ("дебело-нямото изричание") произношения ъ, встречается в "некоторых местах", в частности в районе Котела, Елены, Дрянова, Тырново (см.: П. С л а в е й к о в. Няколко думи за събиранieto и за езика на причити, стр.208,248).

II9 См.: "Македония", год.IV, № 6I от 25.VI.1870 г.

II20 Там же.

II21 См. письмо В.Стоянова, опубликованное в "Въсток", год.I, № 15 от 3I.VIII.1865 г.

II22 Т.Ш и ш к о в. За българската книга, стр. 727.

На основании изложенного можно заключить, что в рассматриваемые десятилетия большинство болгарских грамматистов определенно склонялось к тому, чтобы в литературном языке сохранить существовавшее во многих говорах мягкое произношение конечных согласных. Лишь отдельные грамматисты, преимущественно уроженцы западных областей Болгарии, выступали за единое (твердое) произношение согласных в конце слов, опираясь на такое же произношение согласных в данной позиции в говорах этих областей. Нужно отметить также, что среди сторонников сохранения мягкости конечных согласных в литературном языке не было полного единства мнений по вопросу о самом составе конечных мягких согласных.

Произношение сочетаний ѣ с р, д

В современном литературном языке существует правило, согласно которому гласный ѣ произносится перед или после плавных р, д в зависимости от характера слога и количества согласных, следующих за этими звуко сочетаниями. Правда, правило это имеет немало исключений, так что на практике, в живой речи, произношение ѣр, ѣд характеризуется значительными колебаниями.

В истории формирования литературного языка это правило утвердилось не сразу. О том, как следует произносить эти звуко сочетания, высказывались разные точки зрения. Нужно отметить при этом, что произношению ѣ с согласными р, д болгарские грамматисты середины XIX в. уделяли немалое внимание. Свидетельством этого может служить такой пример. М.Дринов советовал при сборе песен и других фольклорных материалов обращать внимание, наряду с членной формой, вызывавшей, как известно, особенно острые споры и разногласия среди грамматистов и писателей, также и на "полугласный звук при согласных д и р и отмечать точно, где именно он произносится: впереди них или после них"¹²³. В общем, в середине XIX в. высказывалось две точки зрения на произношение этих звуко сочетаний.

Одни грамматисты считали, что гласный ѣ должен всегда следовать за р и д. Такой точки зрения придерживались некоторые представители так называемой пловдивской школы. Наиболее последовательно она проводилась Н.Геровым. В решении этого вопроса он исходил из установленного им общего правила произношения сочетаний любого гласного с д, р между согласными в корне слов. Согласно этому правилу, любой

¹²³ Божков [М. Дринов]. Писмо до българските читалища. "Македония", год.III, № 42 от 3.X.1869.

гласный в корнях, содержащих три и более согласных звука, в том числе д или р, произносится после д, р¹²⁴.

Н.Герову, конечно, было известно, что звуко сочетания ѣ с р, д не всеми произносятся одинаково. Он констатирует различное произношение разными лицами слов с корнем, содержащим ѣ (он пишет о гласных и буквах ѣ, ѣ, передающих фактически один и тот же гласный) и согласные д и р в положении между другими согласными: одни произносят ѣ перед д, р, другие – после д, р. В этой связи Геров высказывает два предположения. Во-первых, возможно, сочетания ѣ с р, д в указанной позиции не соответствуют установленному им общему правилу, и гласный ѣ в этом положении произносится перед д и р, отличаясь, таким образом, от произношения сочетаний прочих гласных с д, р в таком же положении. В этом случае те, кто произносят ѣ после д, р, по мнению Герова, "отступили от свойства языка касательно этих гласных" (т.е. гласного ѣ). Во-вторых, произношение сочетаний д, р с гласным ѣ не составляет исключения и также подпадает под указанное им общее правило и, следовательно, гласный ѣ, как и другие гласные, произносится после д, р. В этом случае те, кто произносит ѣ перед д, р, "отступили от общего правила".

¹²⁴ Такие слова, как гарванѣ, черный, червенький, червей, мурный, делава, желва, чирво, в которых гласный произносится перед д, р, по мнению Н.Герова, не составляют исключения из этого правила, ибо перестановка местами гласного и согласного вызвана в них особыми причинами (например, гарванѣ образовалось из гавранѣ, мурный из мурѣ, чирво из чирѣ, а черво, возможно, из чрево или чрьво и под.). Любопытно замечание Н.Герова о произношении слов гардж вм. града, пордавам, вм. продавам, т.е. с метатезой согласного р и гласного а или о. Такое произношение якобы соответствует произношению турок, которые не могут в начале слова произнести два согласных. Н.Геров замечает, что "такое произношение – уже явное искажение", так что никому не пришло в голову так писать эти слова (там же). См. его статью "Язикословни придирки". "Македония", 1865, № 55 и в одном из последующих. В каком именно номере напечатано продолжение этой статьи, нам не известно, так как в экземпляре газеты, который мы смотрели в Библиотеке им.В.И.Ленина в Москве, номер почему-то не указан. В этом именно номере текст статьи предваряет замечание: "Продолжение из № 55". Номер 55 за 1867 г. в Библиотеке им.В.И.Ленина отсутствует.

Указанная здесь статья Н.Герова подписана его псевдонимом "Мушак". Отметим, попутно, что в "Българска възрожденска книжнина" (т. I, 1957) М.Стоянова эта важная статья Н.Герова в списке его трудов не отмечена.

Чтобы решить, какое из этих предположений верно, Н.Геров обращается к древним рукописям. В них он находит, что в одних словах ѣ, ѥ пишутся только после р, д, в других – и перед р, д и после р, д. Однако в рукописях, представляющих язык первых переводов священного писания и богослужебных книг, а также в других древнеболгарских рукописях, ѣ и ѥ, по его мнению, всегда стояли после р и д, в отличие от рукописей писцов других славянских племен, где ѣ, ѥ – в соответствии с наречием писцов – иногда стояло и перед д, р. Н.Геров и заключает, что "болгары и в старое время произносили буквы ѣ и ѥ в таком строении слова после д и р". На этом основании он делает вывод о том, что указанное правило произношения сочетаний ѣ с д и р в положении между согласными в корне – это "общее правило не только для других гласных, но и для ѣ и ѥ, и поэтому те, кто в таких словах произносят ѣ и ѥ перед д и р, отступают от свойства языка". Н.Геров полагает, что "правильнее и сообразнее со свойством" болгарского языка – произносить и писать ѣ (также и ѥ) после д, р между согласными во всех корнях, т.е. дѣлъгъ, плѣстъ, сльза, врѣхъ, прѣстъ, трѣгъ, крѣма, а не дѣлъгъ, плѣстъ, сльза, врѣхъ, прѣстъ, тѣргъ, кѣрма и др. Н.Геров считает, что такое правило определяется самим болгарским языком и что его наблюдения над современным болгарским языком не обнаруживают "ничего, что противоречило бы этому правилу". Правда, он все же не был полностью в этом уверен.

Сомнения Н.Герова имели, конечно, основания. В конце 60-х годов он не мог не знать, что в болгарских говорах звуко сочетания ѣ с р, д между согласными произносятся по-разному. Собственно, он и сам в одном месте прямо указывает, что двойное произношение – ѣр, ѣл и рѣ, дѣ – явление новое, т.е. присущее именно современному болгарскому языку. Поэтому установленное им строгое правило произношения ѣ после р, д в корнях указанного типа по сути дела не находило опоры в тогдашнем состоянии живого болгарского языка. Это чувствовал и сам Н.Геров, раз он допускал возможное существование "такого, чего мы не имели случая услышать и узнать или чего мы не познали и не поняли", и в связи с этим призывал других высказаться по этому вопросу, чтобы "решить окончательно, как лучше писать такого типа слова".

Предложенное Н.Геровым правило произношения звуко сочетаний ѣ с р, д было обусловлено, как нам кажется, не столько его незнанием реального произношения этих сочетаний в других болгарских говорах (в говоре Копривштицы, родном говоре Н.Герова, действительно в указанном положении ѣ произносится после р, д), сколько принятой им системой традиционного этимологического правописания. Полагая, что в древнейших переводах, авторами которых были болгары, ѣ и ѥ регулярно писались и произносились после р, д, Н.Геров считал, что так нужно писать и произносить и в современном болгарском литературном языке.

Произношение рѣ, лѣ устанавливал для литературного языка и Й.Груев – другой видный представитель пловдивской школы. Он, правда, не приводил развернутых доказательств, отметив лишь что "в большинстве мест" Болгарии гласный ѣ "ставят между двумя согласными", т.е. перед р, л (българинѣ, дълго, кръвѣ, сърдце), а в некоторых местах – после р, л (българинѣ, дълго, кръвѣ, сърдце). Й.Груев избирает второй тип произношения, мотивируя это тем, что в древних рукописях ѣ и ѣ писались после р, л¹²⁵. В соответствии с этим он также последовательно пишет рѣ, рѣ (и рж) и лѣ (и лж), например: кръвѣ, крѣстѣ, прѣстѣ, трѣнѣ, трѣба; блѣскамѣ, плѣно, дълго и др. Естественно, что Й.Груев опирался при этом и на соответствующее произношение ѣ с согласными р, л в его родном, копривштенском, говоре.

Еще ранее о том, что в литературном языке следует произносить рѣ, лѣ (българинѣ, вѣщи, мѣчаніе, сърдце и под.), писал Б.Петков. Он основывался на том, что, во-первых, в старых рукописях ѣ, ѣ пишутся после р, л и, во-вторых, так (т.е. рѣ, лѣ) "во многих местах говорят"¹²⁶. Произношение же ѣр, ѣл Б.Петков оценивает как неправильное, несмотря на то, что оно представлено "во многих местах Болгарии"¹²⁷.

В самом начале 70-х годов за произношение только рѣ, лѣ выступил некто Бичов, по мнению которого различие между фракийским и старопланинским (балканским) наречиями сводится только к разному произношению этих звуко сочетаний. Бичов полностью поддержал мнение Н.Герова, не выдвинув в его защиту никаких новых аргументов. Он, вслед за Геровым, указал лишь на то, что в староболгарском языке ѣ, ѣ писались после р, л и что все другие гласные в болгарском языке якобы следуют за этими согласными (право, врата, просто, врѣмя, прѣтъ и др.). Он отметил также, что ѣ в некоторых местах и сейчас "правильно" произносят после согласных, а те, кто произносят его перед согласными (дѣрво, вѣрвѣж), отступили от "коренного языка"¹²⁸.

Изложенное выше правило произношения звуко сочетаний ѣ с р, л только как рѣ, лѣ во всех случаях встретило возражения многих грамматистов и других авторов середины XIX в. И.Богоров это правило даже высмеял в специально составленном им диалоге между учителем и учеником на экзамене в Габровском училище, в котором он иронизирует по поводу "нашего пятнадцатилетнего прогресса в просвещении":

¹²⁵ Й. Груев. Указ. соч., стр.132-133.

¹²⁶ Б. Петков. За българският език. "Цариградски вестник", год.VII, № 344 от 31.VIII.1857 г.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Б и ч о в. Язикословни разисквания. "Македония", год.V, № 22 от 1.VI.1871 г.

"Учитель: Скажи пример правильного произношения по-болгарски ("български").

Ученик: Плъненъ, прѣгаво, дръво, гегали и пр."¹²⁹

В другом месте И. Богоров связывал с очевидной иронией написание ръ, например, Тръново, вместо Търново – в изданиях Й. Груева и некоторых других авторов – с якобы наступившим "пребольшим преобразованием" в болгарской письменности, в результате которого чуть ли не каждый волен писать и читать не слева направо, а наоборот. Что касается названия города Търново, то, указывая он, еще не известно, согласятся ли жители этого города называть себя тръновци¹³⁰.

Большинство грамматистов и других деятелей Возрождения выступило за двойное произношение рассматриваемых звуко сочетаний: ѣр, ѣл и ръ, ль¹³¹. При этом они не устанавливали определенного правила произношения – в одних случаях только ѣр, ѣл, в других только ръ, ль, считая, видимо, что допустимы ("правильны") оба типа произношения. Так, двойное произношение рассматриваемых звуко сочетаний, не регламентируемое каким-либо правилом, устанавливал, по-видимому, И. Стоянов (1844 г.). Излагая особенности своего правописания, он писал, что "ѣ и ѣ, сочетаясь с согласными л и р, могут свободно ставиться ("имат си свобода да ся местят") и перед согласным и после него, например: плѣженъ и длѣженъ, тълѣсть и тлѣсть, кърѣсть и крѣсть, смърѣть и смерѣть"¹³². Также и И. Богоров указывал (1844 г.), что место ѣ (ж) в болгарском языке в сочетании с р, л в некоторых словах может изменяться: трѣнь – тжнь, длѣлѣ – длжлѣ, българинѣ – блжгаринѣ¹³³. Правда, И. Богоров говорит о произношении ѣр, ѣл и ръ, ль лишь в некоторых словах и не предлагает общего правила их произношения¹³⁴.

¹²⁹ И. Богоров. Второ уѣтване за български език, стр. 6.

¹³⁰ См.: "Книжевен дневник". Български книжици", год. I, 1858, ч. 3, стр. 39.

¹³¹ Только один неизвестный автор считал, что гласный ѣ должен предшествовать плавному, кажется, во всех случаях, потому что якобы так именно народ говорит в большинстве городов и сел, например, българе, а не бьългаре и "человеку легче произнести българинѣ, испълневамѣ, чем бьългаринѣ, испълневамѣ" (См. статью: Собственно за имя българин. "Български книжици", год. I, 1858, ч. 3, стр. 203).

¹³² См. его послесловие к кн.: Православно учение или сокращено християнско богословие. Цариград, 1844, стр. 229.

¹³³ И. Богоров. Първичка българска граматика, стр. 13, 105.

¹³⁴ Позднее И. Богоров несколько изменил свою точку зрения, ограничив число слов с двойным произношением рассматриваемых звуко сочетаний. В частности, он отверг произношение българин как узко локальное (см. И. Богоров. Уѣтване за българският език,

Впервые же общее правило двоякого произношения рассматриваемых звуко-сочетаний было дано в грамматике Цанковых, где оно сформулировано следующим образом: "Если гласный ѣ в сочетании с двумя согласными, из которых последним является д или р, образует один слог, то он ставится перед или после д и р"¹³⁵, например: бѣлгарин и бѣлгарин, бѣлхѣ и бѣлхѣ, гѣлтъкѣ и гѣлтъкѣ, сѣлзѣ и сѣлзѣ, вѣлкѣ и вѣлкѣ, вѣлнѣ и вѣлнѣ, дѣлжинѣ и дѣлжинѣ; сѣрѣин и сѣрѣин, гѣркѣ и гѣркѣ, бѣрсѣ и бѣрсѣ, вѣрѣбѣ и вѣрѣбѣ, гѣрдѣ и гѣрдѣ, пѣрѣви и пѣрѣви, пѣртѣ и пѣртѣ, сѣмѣртѣ и сѣмѣртѣ и др. Как видно, Цанковы формулируют правило произношения ѣр, ѣд и ѣрѣ, ѣлѣ как в односложных, так и в многосложных словах, однако только для тех случаев, когда группы звуко-сочетания ѣ с р, д оказываются в положении перед одним согласным. Как должны были произноситься эти звуко-сочетания в позиции перед двумя согласными, Цанковы не отмечают.

В таком же духе о произношении ѣ в сочетании с р, д говорят Г.Крыстевич (бѣлгаринѣ и бѣлгаринѣ, гѣркѣ и гѣркѣ и др.)¹³⁶ и Н.Михайловский (вѣлкѣ и вѣлкѣ, бѣрзамѣ и бѣрзамѣ)¹³⁷. По-видимому, двоякое произношение допускали в одних и тех же словах Л.Каравелов (кѣрѣстѣ и кѣрѣстѣ, кѣрѣвѣ и кѣрѣвѣ)¹³⁸ и К.Поппов, причем последний и в словах перед двумя согласными (ѣжѣркѣ и ѣжѣркѣ, сѣжѣрѣ и сѣжѣрѣ)¹³⁹.

Не формулировал строгого правила произношения сочетаний ѣ с р, д и Г.Миркович (1860 г.). Он указывал, что ѣ, ѣ пишутся "перед или после" д и р. Правда, из примеров как будто следует, что перед одним согласным, по Мирковичу, писалось (и произносилось?) ѣд, ѣр: Бѣлгария, сѣлма, сѣрѣе, тѣркалѣмѣ, а перед двумя согласными — ѣлѣ, ѣрѣ: бѣлскамѣ, кѣрѣцавамѣ¹⁴⁰. Но это правило касалось не всех слов (ср. у него в тексте кѣрѣвѣ, сѣмѣртѣ на стр.50 и др.).

И.Момчиллов (1865 г.) также устанавливал двоякое произношение: пѣлѣтѣ, кѣрѣвѣ, сѣмѣртѣ, пѣрѣвѣ и пѣлѣтѣ, кѣрѣвѣ, сѣмѣртѣ, пѣрѣвѣ, считая,

стр.6). Отметим попутно, что произношение слова бѣлгарин, самоназвания болгар, было предметом интересного и продолжительного спора, заслуживающего самостоятельного изучения.

¹³⁵ А.и.Д.Жугиак Санков. Указ. соч., стр.4.

¹³⁶ Г.Крыстевич. Указ. соч., стр.337.

¹³⁷ Н. Михайловский. За ново-българския език. "Цариградски вестник", год.VII, № 320 от 16.III.1857 г.

¹³⁸ Л. Каравелов. Българска книжнина. "Българска пчела", год.II, № 3 от 16.VI.1864 г. См. также его "Памятники народного быта болгар" (М., 1861, стр.У).

¹³⁹ К. Поппов. Книжевност. "Българска пчела", год.I, № 8 от 19.VII.1863 г.

¹⁴⁰ Г. Миркович. Указ. соч., стр.49.

что современный язык свободно допускает ("има свобода да търпи) ѣ, ѥ (т.е. звук ѣ) после р, д и перед ними¹⁴¹. Такое же в общем правило предлагается им и в его известной грамматике новоболгарского языка (1868 г.), где он писал, что ѣ, ѥ употребляются "в середине слов чаще всего в сочетании с одним из предшествующих им или следующих за ними мягких согласных л, р" и что они произносятся как "глухое а" ("тъпо а"), т.е. как ѣ¹⁴². Из приведенных к этому правилу примеров видно, что в односложных словах перед одним согласным И.Момчилов определенно допускает двойное произношение, но, возможно, не для всех слов (ср. плѣтъ или плѣть; но только крѣвъ), а в односложных словах перед двумя согласными – как будто только рѣ, лѣ (смѣрътѣ). В многосложных же словах И.Момчилов, судя по примерам, устанавливает только произношение ѣр, ѣд перед одним согласным (мѣрътъѣ, крѣваѣѣ, гѣлчѣ, мѣлчѣ) и рѣ, лѣ – перед двумя (и более) согласными (гѣлѣчка, мѣлѣкѣѣѣ)¹⁴³.

Как видим, правила двойного произношения звуко сочетаний ѣ с плавными р, д придерживались в основном представители так называемой тырновской орфографической школы. Это правило носило общий характер и охватывало, вероятно, все случаи независимо от количества последующих согласных, хотя и иллюстрировалось, как правило, словами с ѣр, ѣд и рѣ, лѣ перед одним согласным. Важно отметить при этом, что двойное произношение данных звуко сочетаний допускалось в одних и тех же словах, а не дифференцировано: в одних словах – ѣр, ѣд, в других – рѣ, лѣ. Иначе говоря, многие грамматисты середины XIX в. признавали в равной мере литературными орфоэпические дубликаты одних и тех же слов (бѣлгарин и бѣлгарин, вѣлк и вѣлк; бѣрзам и бѣрзам, крѣв и крѣв и под.).

Любопытно, что, если сторонники единого произношения (только рѣ, лѣ) приводили доказательства в защиту именно такого произношения, то приверженцы двойного произношения не прибегали к каким-либо особым доказательствам. Причину этого следует искать в том, что двойное произношение было гораздо более широко распространено, чем только рѣ, лѣ, и это давало основание рассматривать его как более характерное для оовременного болгарского языка. К тому же многие грамматисты и авторы других изданий были родом из тех районов Болгарии, в говорах которых представлено именно двойное произношение сочетаний ѣ и р, д. Это в конечном итоге и сказалось в том, что в современном литературном языке и установилось такое именно произношение.

¹⁴¹ И. М о м ч и л о в. Грамматика за старобългарския език по сичкито му развитие, стр.177.

¹⁴² И. М о м ч и л о в. Грамматика за новобългарския език, стр.144.

¹⁴³ Там же, стр.144-145.

ЦЕННЫЙ ПАМЯТНИК НОВОБОЛГАРСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

(заметки о Троянском дамаскине ХVІ в. и его издании)

В конце ХVІ в. в Болгарии появились первые переводы произведений греческого проповедника Дамаскина Студита¹, снискавшего себе популярность простотой и доступностью манеры изложения, драматичностью и увлекательностью содержания своих проповедей, широким использованием в них средств живого разговорного греческого языка ХVІ в. (димотики)².

- ¹ См. о нем: Κ.Σάθα. Νεοελληνικὴ φιλολογία, βιογραφίαι τῶν ἐν τοῖς γράμμασι διὰ λαμπάντων Ἑλλήνων (1453-1821), Ἀθῆναι, 1868, стр.152-153; В. П е в н и ц к и Й. Рукописный сборник проповедей Дамаскина Студита. "Труды Киевской Духовной академии", 1873, октябрь, стр.1-44; П.А. Л а в р о в. Дамаскин Студит и сборники его имени "дамаскины" в югославянской письменности. Одесса, 1899; Χρυσόστομος Τοῦτερ. Λόγια Ἑλλήνες μετὰ τὴν ἄλωση. Ἀθῆναι, 1935; Ю. Т р и ф о н о в. Ритор Теофан и иподякон Дамаскин Студит. Живописни сведения и проникнали между българите техни книжовни трудове. - СпБАН, кн. LXXI ист.-филол. клон, 34, 1950, стр. 1-27; П. И л и е в с к и. За македонскиот превод на Дамаскино. - МJ год. XI-XII, кн. 1-2, 1960-1961, стр.33-40; Д. П е т к а н о в а-Т о т е в а. Дамаскините в българската литература. София, 1965, стр.6-41.
- ² Произведения Дамаскина Студита, использованные славянскими переводчиками, были впервые опубликованы в 1557-58 гг. в составе сборника Θησαυρός, выдержавшего при жизни автора и после его смерти ряд изданий (согласно Е.Легранду - 26, см.: Е. L e g r a n d. Bibliographie hellénique aux XУ-е et XУІ-е siècles, II. Paris, 1885, стр. 12-13; согласно Б.Гацову - более пятидесяти, см.: Б. Г а ц о в. Дамаскинали от Рилската школа. "Духовна култура", кн.51-52. София, 1933, стр.245-252). Есть, однако, основания считать, что еще до своего издания эти произведения включались в состав рукописных сборников различной структуры и содержания и в таком виде были известны на славянском Юге. К подобному рукописному греческому сборнику, по-видимому, восходит один из болгарских переводов ХVІ в. - так называемый "среднегорский" перевод. См. об этом подробнее: П. И л и е в с к и. За "среднегорскиот" перевод на Дамаскино. - МJ, год. XI-XII, кн.1-2, 1960-1961, стр.68; Д. П е т к а н о в а-Т о т е в а. Указ. соч., стр.56-57; Е.И. Демина. Тихонра-

Создатели этих переводов обратились к традиционному литературному языку — книжнославянскому болгаро-сербской редакции, языку синтетического строя, уже не соответствовавшему живой народной болгарской речи, спорадически отражавшему лишь отдельные, оторванные от общей системы ее структурные особенности. И хотя, как это подчеркнул П.А.Лавров, "перевод статей автора, писавшего новогреческим языком, дал, по-видимому, сильный толчок оживлению бесцветного литературного языка южнославянского, как его справедливо иногда называют болгаро-сербским, внесением в него живой народной струи"³, сами по себе старшие переводы не могли бы претендовать на роль значительного, этапного явления в культурной жизни страны⁴. Однако им суждено было стать начальным звеном в цепи событий, оставивших яркий след в истории болгарской письменности и болгарского литературного языка, в истории общественной жизни Болгарии и формировании болгарского национального самосознания. Как известно, в начале XVII в. текст одного из переводов Дамаскина Студита — "среднегорского" перевода —, наряду с произведениями иных авторов, взятыми из различных славянских источников, был переведен на живой болгарский язык того времени во всем своеобразии его аналитического грамматического строя и народного словаря и включен в состав сборников, получивших на болгарской почве название "дамаскинов"⁵.

вовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Часть I. Филологическое введение в изучение болгарских дамаскинов. София, 1968, стр.49-50.

³ П.А. Л а в р о в. Указ. соч., стр.40.

⁴ Ср. судьбу славяно-русских переводов "Сокровища", не сыгравших заметной роли в истории русской литературы и русского литературного языка (см. о них: А.Н. П о п о в. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А.И.Хлудова. М., 1872, стр.141-147; А. С о б о л е в с к и й. Переводная литература Московской Руси XIV-XVII вв. СПб., 1903, стр.333-334; П.А. Л а в р о в. "Сокровище" Дамаскина Студита в новом русском переводе. Одесса, 1901; Б. Ц о н е в. Опис на ръкописите и старопечатните книги на Народната библиотека в София, София, 1910, стр.320-322; В.И. С р е з н е в с к и й и Ф.И. П о к р о в с к и й. Описание рукописного отделения Библиотеки Императорской академии наук, т.II. Пг., 1915, стр.373-398).

⁵ Идея о том, что новоболгарские дамаскины XVII в. содержат переводы со старшего славянского оригинала, а не непосредственно с греческого текста "Сокровища", была впервые высказана Б.Цоневым (Б.Ц о н е в. История на български език, т.I. София, 1919, стр.275; О н ж е: Книжовни старини от Елена. III. Еленски Дамаскин Сту-

Создатели новоболгарского перевода, возникшего, как можно полагать на основании палеографических и языковых данных, в районе балканских говоров восточного наречия, взяв за основу книжного языка живую народную речь, вместе с тем умело воспользовались системой письма и словарным запасом традиционного литературного языка.

Составленный ими сборник, подобно древним славянским гомилиям, содержал цикл произведений: житий, апокрифов, проповедей, соотнесенных с церковным календарем (по месящеслову с начала индикта 1 сентября по декабрь, далее по дням и неделям Великого Поста), и предназначенный для чтения в церквях простому народу.

В условиях усилившегося в начале ХУП в. произвола турецких властей и национального гнета создание письменности на доступном широким

дит. — ГСУ, ист.-филол. фак-т, т.ХІХ, 1923, стр.50-53), а впоследствии поддержана в работах П.Илиевского (который считает болгарский текст переработкой славянского оригинала; см. П. И л и е в с к и. За "средногорскиот" перевод на Дамаскинот, стр.69-71), Б.Велчевой (которая говорит о наличии прямой связи между архаичной и новоболгарской редакциями, влиянии первой на вторую; см. Б. В е л ч е в а. Към установяването на взаимоотношенията и диалектната основа на новоболгарските дамаскини. — БЕ, год.ХІ, 1961, кн.5-6, стр.407-409), Е.И.Деминой (которая подробно исследует вопрос о происхождении текста конкретных произведений, входящих в устойчивый состав статей новоболгарских дамаскинов; см. Е.И. Д е м и н а. Классификация болгарских дамаскинов по редакциям "Чуда о ковре". — УЗИС, т.ХХІІІ, 1962, стр.219-245; О н а ж е: Тихонравовский дамаскин..., I, стр.81-217).

Мысль о славянском источнике болгарского текста дамаскинов, восходящих к протографу начала ХУІІ в., в свою очередь, позволяет критически отнестись к получившему широкое признание утверждению П.А.Лаврова: "Мы не ошибемся, если влиянию греческого оригинала припишем народный характер самого славянского перевода... еще очевиднее результаты этого влияния выступают в тех сборниках, в которых на смену языка литературного является народный язык во всем разнообразии живых его говоров" (П.А. Л а в р о в. Дамаскин Студит и сборники его имени..., стр. 3). Если иметь в виду старшие новоболгарские дамаскины, речь может идти не о прямом влиянии языковой модели греческого оригинала, а лишь о примере самой безусловно известной болгарским книжникам деятельности Дамаскина Студита, стремившегося к сознательной демократизации языка и содержания своих проповедей.

массам родном языке явилось важным патриотическим делом, выражением сопротивления политике насильственной ассимиляции болгарского народа. Религиозно-дидактическая литература была призвана служить новым целям.

На протяжении XVII в. это начинание приобретает все больший размах. В различных центрах письменности северо-восточной Болгарии появляются новые, иногда повторные переводы на народный болгарский язык ряда произведений церковных авторов, в том числе Дамаскина Студита. Их создатели нередко обращаются не только к архаичной славянской редакции и более ранним новоболгарским переводам, но и непосредственно к греческому первоисточнику; язык этих переводов содержит ряд диалектизмов по отношению к первоначально принятой в новоболгарских текстах системе, однако никогда полностью с ней не порывает. Составляются и редактируются сборники, уже не соответствующие по своему составу и структуре первоначальным дамаскинам. В то же время широко переписываются и распространяются дамаскины, восходящие к новоболгарскому первооригиналу начала XVII в. типа месяцеслова, хотя и пополненные рядом произведений в новых переводах. Дамаскины этой группы, в наиболее чистом виде доносящие до нас информацию о деятельности безвестных филологов-создателей первого типа книжного болгарского языка на народной основе, являются ценнейшими источниками по истории новоболгарской письменности, истории болгарского литературного языка⁶ и болгарской исторической диалектологии. До нас дошло одно из первых поколений новоболгарских сборников, восходящих к архетипу начала XVII в.: Тихонравовский, Протопопинский, Коприштенский, Пловдивский № 118, № 1073 СНБ дамаскины XVII в. К их числу принадлежит и Троянский дамаскин XVII в.⁷, которому посвящены настоящие заметки.

I. Троянский дамаскин является одним из самых интересных и ценных памятников новоболгарской письменности XVII в. Хорошо сохранившаяся, богато орнаментированная рукопись (190 листов folio в один столбец по 30 строк полной страницы; часть листов утрачена) написана прекрас-

⁶ См.: Е.И. Демин а. Место дамаскинов в истории болгарского литературного языка. "Советское славяноведение", № 4, М., 1966, стр. 28-33; здесь сформулирована точка зрения и дана библиография по названному в заглавии вопросу.

⁷ Подробные сведения о названных дамаскинах (далее соответственно: Тихонр., Прот., Копр., Пловд. № 118, Троян.), а также их текстологическое исследование см. в кн.: Е.И. Демин а. Тихонравовский дамаскин..., I, стр. 54-55, 73-227. На материале данной работы, содержащей конкретные факты и доказательства, базируется все сказанное выше.

ным каллиграфическим почерком крупным четким полууставом, в котором элементы скорописи использованы не для убыстрения письма, а в качестве украшений.

Как можно судить на основании имеющихся в рукописи датированных записей, в конце ХУШ— первой половине ХІХ в. она находилась в г.Троян, сначала в церкви св.Параскевы, затем в личной собственности жителей города братьев Цветковых. О более ранней судьбе рукописи ничего неизвестно. Ясно только, что ею долгое время широко пользовались, поскольку в 1785 г. потребовалось осуществить капитальную реставрацию рукописи; при которой попарно склеивались распавшиеся листы, заново формировался состав тетрадей и был сделан новый переплет. Позже рукопись стала собственностью Болгарского книжного друщества в Браиле, а ныне хранится под № ІІ, 11 в архивном отделе Болгарской академии наук в Софии.

По совокупности несущих хронологическую информацию начертаний букв, употребительности и начерку скорописных букв, по самому почерку, особенностям расположения текста на листе и букв в строке, составу и нормам употребления надстрочных знаков и типов сокращенного написания слов, как и по общему зрительному впечатлению, Троян. дамаскин поразительно напоминает Прот. (с указанной датой продажи рукописи: 1698) и Тихонр. (датировка почерка которого серединой ХУІІ в. подтверждается исследованием состава филиграней и контрамарок его бумаги)⁸ дамаскины, а из датированных памятников — рукописи середины ХУІІ в. етропольского монастыря "Варовитец"⁹. Таким образом, сравни-

⁸ Е.И. Д е м и н а. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник ХУІІ века. Часть ІІ. Палеографическое описание и текст. София, 1971, стр.25-39. Самая ранняя датированная запись в этом памятнике относится к 1698 г.

⁹ Ср., например, служебную Минею за октябрь, датированную 1642 г., палеографические данные о которой опубликованы в работах: П.А. Л а в р о в. Палеографическое обозрение кирилловского письма. "Энциклопедия славянской филологии", вып.4. Пг., 1915, стр. 314-315, № 6 — описание почерка; О н ж е: Альбом снимков с югославянок рукописей болгарского и сербского письма. "Энциклопедия славянской филологии", приложение к вып. 4, 1. Пг., 1916, репродукция № 85; В. М о ш и н. Палеографски албум на јужнословенското кирилско писмо. Скопје, 1966, репродукция № 156. Минея была написана в монастыре "Троица" ("Варовитец") около Етрополе известным книжником Василием Софянином, перенесена им в Зографский монастырь, где и хранится донныне. См. о ней: Й. И в а н о в. Вългарски старини из Македония. ІІ изд. София, 1931, стр.251.

тельный анализ почерка Троян. рукописи позволяет с уверенностью отнести ее создание к середине ХУП в.

К такому же выводу о датировке Троян. рукописи позволяет прийти анализ ее орнаментации, в частности, характерное для ХУП в. использование декоративной вязи в заголовках, типичные для этого времени "травные" украшения инициалов¹⁰, наличие сходных с Тихонр. и Прот. рукописями мотивов балканского плетеного орнамента, совпадение в этих трех памятниках некоторых заставок и инициалов.

Сравнительное палеографическое исследование самих рукописей Троян., Тихонр., Прот. дамаскинов позволяет со всей определенностью выявить их теснейшую генетическую взаимосвязь. Так, например, нам удалось установить, что во всех трех рукописях одни и те же строки текста (а именно: конец Слова на рождество Марии и начало следующего за ним в сборниках Слова на воздвижение креста, конец Жития Петки Тырновской и начало следующего за ним Жития Дмитрия Солунского) написаны неосновным почерком, позже, на оставленных в рукописях свободными листах. Этот удивительный по наглядности факт с очевидностью показывает, что названные рукописи прямо или одна через посредство другой восходят к общему дефектному оригиналу, в котором не было двух листов¹¹.

Принадлежность писцов Троян., Тихонр., Прот. дамаскинов к каллиграфической школе, известной нам по рукописям крупного скриптория ХУП в. — Етропольского монастыря "Варовитец" (см. о нем: П. М у т а ф ч и е в. Из нашите старопланински манастири. — СбБАН, кн.ХХУП. София, 1931, стр.38-40; Г. И в а н о в. Етрополският манастир. "Духовна култура", год.ХLIV юни — юли, 1964, кн. 6 и 7, стр.50-59; Д. П е т к а н о в а - Т о т е в а. Въпроси на старобългарската литература. София, 1966, стр.28-31) —, должна учитываться при локализации центров новобългарской письменности и отдельных рукописей.

¹⁰ Н. Р а й н о в. Орнамент и буква в славянските ръкописи на Пловдивската Народна библиотека. София, 1925.

¹¹ Судя по некоторым несвойственным основному тексту особенностям языка этих строк из Жития Петки и Жития Дмитрия в Копр. дамаскине (ср., например, употребление в них предлога сось в данной необычной для памятника огласовке: Л. М и л е т и ч. Коприщенски дамаскин. Новобългарски паметник от ХУП век. "Български старини", кн.II. София, 1908, стр.ХХ и 12), эта рукопись разделяла судьбу трех названных выше. Интересно, что, как показывает текстологический анализ, при пополнении недостававшего в протографе отрывка текста для Троян. и Копр. рукописей был использован общий источник. По-видимому, обе эти рукописи известное время находились в стенах одного

Об особой близости Троян. и Тихонр. дамаскинов позволяет судить сравнительный анализ состава и структуры этих сборников. Оба они открываются болгарским текстом Слова Дамаскина Студита о десяти заповедях, которое не встречается в других дамаскинах старших новоболгарских типов и которого не было в первоначальном болгарском сборнике типа месящеслова. Остальные произведения Троян. дамаскина восходят к данному протосборнику и расположены в нем в соответствии с первооригиналом строго по календарю. Лишь из числа ноябрьских чтений в Троян. дамаскине по сравнению с протосборником опущены две статьи: Слово об апостоле Филиппе и Памяти апостола Матфея. Характерно, что тот же пропуск констатируется в Тихонр. дамаскине. Возникший в результате описанных перемен особый состав и порядок следования первых 15 статей является общим для Троян. и Тихонр. дамаскинов, что не может быть объяснено случайностью. Оба сборника, безусловно, прошли через общий этап развития.

Сравнительный анализ самого текста произведений, известных по дамаскинам различных новоболгарских типов¹², со всей определенностью показывает, что по совокупности диагностических, дифференцирующих группы списков чтений и редакциям текста всех статей Троян. дамаскин встает на сторону дамаскинов I н.б. типа, в противоположность дамаскинам генетически родственного с ним II н.б. типа (Люблинскому, Тревненскому, Дрянновскому А и Б, Котленскому). В этом смысле он может рассматриваться как предшественник дамаскинов I н.б. типа.

Вместе с тем, сличение Троян. дамаскина с Тихонр., Прот., Копр. и другими дамаскинами I н.б. типа обнаруживает яркие индивидуальные особенности этого памятника, свидетельствующие об активном, творческом отношении его создателя к своим задачам. Эти особенности Троян. дамаскина проявляются на всех уровнях текста: уровне системы письма, уровне языкового выражения содержания, отчасти уровне самого содержания. Как известно, писец Троян. дамаскина обнаруживает хорошее

скриптория. Подробнее см.: Е.И. Демин а. Тихонравовский дамаскин..., I, стр. 118-119, 123.

- 12 Типы дамаскинов устанавливаются по особенностям исторически сложившегося, устойчивого состава статей и структуры новоболгарских сборников с учетом редакций текста входящих в них произведений. По этим признакам выделяется четыре типа новоболгарских дамаскинов (условно: дамаскины I н.б. типа, к которому принадлежат рассмотренные дамаскины типа месящеслова, II н.б. типа и т.д.). См.: Е.И. Демин а. Тихонравовский дамаскин... I, глава II - "Сравнительный анализ состава и структуры дамаскинов. Типы дамаскинов по устойчивому составу статей"; глава III - "Сравнительный анализ текста новоболгарских дамаскинов".

знакомство со среднеболгарской письменной традицией, пытается использовать некоторые правописные особенности, несвойственные принятой в новоболгарском первооригинале системе письма. В частности, он вводит употребление букв ѣ, ъ в позиции этимологического носового вместо обычного в этих случаях в болгарском архетипе (под влиянием его книжнославянского оригинала болгаро-сербской редакции) употребления букв ѣ, ь¹³; заменяет ѣ на ъ в фонетически значимых позициях, в чем, видимо, сказывается и влияние его живого произношения. Ср., например, следующие написания, взятые из Слова на Рождество Марии по Тихонр. и Троян. спискам: Ѡпаднѣль (Тихонр.) – Ѡпаднѣль (Троян.; далее в том же порядке); прѣлсти – прѣлсти; Ѡпаднь – Ѡпаднѣ; Ѡствпи^М – Ѡствпи^М; ръцѣ – ръцѣ; да бѣде – да бѣде; дѣщери – дѣщери; въ оградѣ – въ оградѣта. Ср. также написания форм вин.п.ед.ч.ж.р. в данных списках: да глѣда... слава бѣа (Тихонр.) – да глѣда славѣ бѣа (Троян.); Ѡ слава – Ѡ славѣ; прѣлсти... адамова жена ева – прѣлсти... адамовѣ женѣ еввѣ, обѣче плѣть члѣская – обѣче плѣть члѣскѣа; пое... жена – пое... женѣ или соответственно написания: бѣа – бѣхѣ, наплодиха – наплодихѣ, бѣха – бѣхѣ. Писец вносит упорядочение в систему ударения¹⁴, в выбор некоторых морфологических моделей и лексем. Например, он последовательно заменяет свойственную болгарскому первооригиналу начала XVII в. систему указательных местоимений и наречий с конечной морфемой -зи системой с конечной морфемой -ва: тоизи (Тихонр. и другие дамаскины I н.б. типа в статьях, восходящих к болгарскому протосборнику начала XIII в.) – тоа, тоа (Троян.); тази – таа, тѣзи – тѣа; ѡнѣзи – ѡнаа, ѡномѣзи – ѡномѣва, ѡногози – ѡногова; ѡнази – ѡнаа, ѡнѣзи – ѡнѣа; тогази – тогава; толѣкози – толкова, дотолѣкози – дотолкова; такѣвоги – таквога и др.¹⁵; шире использует членные формы, ср.: и той ѡста насрѣ^Д рѣка-

та... и мисли... что да стори да падне 8 вода да се 8 дави или нѣ (Тихонр., 32, также в Прот., Копр.) и той стои насрѣд рѣката... та мисли... що да стори, да падне... оу водата... (Троян., 58); доиде влѣкъ и занесе и дрѣгото [дѣте]... видѣха и тѣе като носи влѣкъ дѣте (Тихонр. 32, так же Прот., Копр.) - ...дѣтето (Троян., 58); анна мольше се 88 дома си въ оградѣ (Тихонр., 17) ...въ оградѣта (Троян., 30).

Ему свойственно стремление к дальнейшей демократизации вновь созданного типа книжного болгарского языка на народной основе. В соответствии со своими представлениями о лексическом составе живого языка он смело редактирует послуживший ему протографом новоболгарский текст, вводя в него народную лексику, нередко турцизмы, взамен архаических выражений и славянизмов, проникших в болгарский первооригинал под влиянием его славянского источника и книжного навыка переводчиков, освобождается от стилистически неудачных, тяжеловесных оборотов. Ср., например, следующие чтения по Тихонр. (который представляет дамаскины I н.б. типа), Троян. и славянскому тексту дамаскинов среднегорского перевода: дрѣже любими (Тихонр., 153 об.) - дрѣже драгы (Троян., 294) - дрѣже любими (Хандж., 299); да ти оуде 8 благъ ча, ѿ дрѣже (Тихонр., 153 об.) - да ти оуде оу добръ час ѿ дрѣже (Троян., 294) - оугъ съвѣтъ твои дрѣже (Рыльск., 395 об.); и ходѣше по трѣгѣтъ (Тихонр., 153 об.) - и ходѣше по пазарѣтъ (Троян., 294) - грѣдѣщѣ же емѣ по самомѣ трѣгѣ (Рыльск., 395 об.); что да стори^М като нѣ сме въз^Мможни ничто да припечали^М за стѣго (Тихонр., 153 об.) - що да сторим, като нѣ сме нѣдѣръ нищо да припечалим за св(д)таг(о) (Троян., 294) - что сътвори^М скѣдотю нама ѿбѣма. не имѣшим^М же намѣ потрѣбѣн (Рыльск., 395); и имаше... волове зигваре петъстотинѣ конѣ женѣски по^Л петъ стотинѣ (Тихонр., 256 об.); и имаше... волове ф тар^Ммы. кобили ф. (Троян., 357) - имѣаше... волкѣвъ петъ сътъ конѣ женѣски по^Л ф. (Хандж., 128 об.); доде мѣ и дѣцата измрѣха (Тихонр., 256 об.) - дори мѣ и чедата помрѣха (Троян., 357) - даже и дѣты его измрѣвѣше (Хандж., 128 об.); въскрѣни въскѣю спийшѣ ги защо заборави нашѣ нишетѣ (Тихонр., 58 об.) - въстани оти спийшѣ г(оспод)и: защо заборави нашѣ сиромашѣ (Троян., 110) - въскрѣни въскѣю спийши ги. въскѣю забываеши нишетѣ нашѣ (Хандж., 311) и под.¹⁶

н а. Тихонравовский дамаскин..., I, глава III - разночтения

Троян. с другими списками по дамаскинам I н.б. типа.

- ¹⁶ Ср. также попытку охарактеризовать самостоятельность писца Троян. дамаскина путем статистического подсчета общих особенностей, архаических черт и индивидуальных чтений и написаний в отрывке текста Жития Николая Мирликийского по Троян., Копр., Прот., Пловд. № 118 и Сливенскому спискам: Б. В е л ч е в а. Към установяване-то на взаимоотношенията..., стр. 413-416.

Все это характеризует создателя Троян. дамаскина как думающего, образованного человека. Осуществленная им сознательная правка позволяет рассматривать текст Троян. дамаскина как особый вид новоболгарской редакции, представленной в дамаскинах I н.б. типа. Одной из интересных и важных задач изучения новоболгарской письменности можно признать задачу сравнительного лингво-текстологического изучения Троян. и родственных с ним дамаскинов, решение которой позволило бы с достаточной конкретностью воссоздать творческий облик незаурядного книжника, одного из представителей филологической мысли эпохи, непосредственно предшествующей болгарскому Возрождению. Сейчас, когда генетические связи Троян. дамаскина с другими дамаскинами в целом изучены (см. ниже), постановка такой задачи вполне реальна.

II. Троян. дамаскин издавна привлекал к себе внимание исследователей. Впервые к материалу этого памятника, как можно думать, обратился в 1870 г. болгарский ученый Марин Дринов. В его известной студии "За новобългарското азбуке", содержащей обзор истории болгарской орфографии, находим, в частности, отрывок из рукописи собрания Книжного дружества в Браиле, приведенный для иллюстрации одного из типов правописания "начала XVIII века" в текстах на живом народном языке. В основу этого типа правописания была положена "священная" староболгарская азбука, содержавшая ряд ненужных с точки зрения новоболгарской фонетики букв, что, как отметил Дринов, приводило к дублетности в написаниях, к тому, что живая народная речь в таких текстах выглядела "неустроенной, грамматически неправильной"¹⁷. В статье нет точных сведений о цитируемом памятнике, однако сличение отрывка текста из него с возможными источниками позволило нам установить, что последний взят Дриновым из Мучения Дмитрия Солунского по Троян. дамаскину XVII в. Этот сам по себе интересный факт важен для уяснения судьбы Троян. рукописи. Можно с уверенностью сказать, что уже в 1870 г. Болгарское книжное дружество располагало этим ценным памятником письменности.

Заслуга открытия Троян. дамаскина для науки принадлежит видному болгарскому филологу Б.Цоневу, который в 1894 г. в работе о новоболгарской письменности до Паисия впервые упомянул Троянский дамаскин, дал памятнику это утвердившееся впоследствии название и привел из него отрывок текста Слова о десяти заповедях. "Названный дамаскин, — пишет Цонев, — на первый взгляд, кажется самым независимым из всех до сих пор известных, потому что, не говоря уже о том, что язык в нем чистый новоболгарский, и правописание его придерживается старой традиции: в нем употребляются, хотя и неправильно, ѣ, ѣ, ѣ, ѣ. Это от-

¹⁷ М. Д р и н о в. За новобългарското азбуке. — Псп. Браила, 1870, кн.2, стр.19-21.

личает Троянский дамаскин от других, придает ему ценность и ставит его в ряд тех новоболгарских памятников, в которых можно усматривать непрерывную нить между среднеболгарским и новоболгарским литературным языком". Примеры сербизмов в Троян. рукописи, по мнению Цонева, свидетельствуют о том, что памятник восходит к западноболгарскому оригиналу, как и другие центральноболгарские или среднегорские дамаскины, к группе которых он принадлежит по месту своего написания¹⁸. Как мы знаем, позднее Цонев уточнит эту свою мысль, высказав предположение о том, что новоболгарский текст дамаскинов типа Троян. представляет собой перевод со среднегорского славянского оригинала болгаро-сербской редакции, чем, в частности, объясняется наличие сербизмов в их языке¹⁹.

Б.Цоневу принадлежит также первое описание памятника, содержащее общие сведения археографического и палеографического характера и попытку локализации рукописи. По мнению Цонева, Троян. дамаскин был переписан носителем восточноболгарского, среднегорского наречия в районе ясновучных говоров недалеко от современной границы по $\frac{1}{2}$ ²⁰. Непосредственным оригиналом для Троян. рукописи послужил, как думал Цонев, Прот. дамаскин, с которого Троян. дамаскин был слепо скопирован²¹. Это предположение Цонева, основанное главным образом на сходстве почерка Прот. и Троян. рукописей, легко опровергается уже на уровне данных сопоставительного анализа состава статей и структуры данных сборников. В Прот. дамаскине нет двух слов Дамаскина Студита: на Поклонение кресту и на Рождество Христово, входивших в состав болгарского протосборника типа месящеслова и известных Троян. дамаскину. Нет в нем и болгарского текста Слова о десяти заповедях Дамаскина Студита, характерного только для Троян. и Тихонр. дамаскинов I н.б. типа, зато Слово об апостоле Филиппе и Памяти апостола Матфея стоят в нем на своем месте в числе ноябрьских чтений (ср. отмеченный выше пропуск их в Троян. и Тихонр.). Вместе с тем, Цонев правильно подметил, что Прот. дамаскин содержит старший состав чтений по сравнению с Троян. Верно и его наблюдение об особой близости Прот., Троян. и Копр. дамаскинов в сравнении с Любл., хотя, как и

¹⁸ Б. Ц о н е в. Новобългарска писменост преди Паисия. "Български преглед", год. I, кн. VIII. София, 1894, стр.88-94.

¹⁹ Б. Ц о н е в. Книжовни старини от Елена, стр.34-35.

²⁰ Б. Ц о н е в. Славянски ръкописи в Българската академия, стр.62-68. Те же сведения повторены в кн.: Б. Ц о н е в. История на български език, т.I, стр.280, 285-287, где, кроме того, отмечено сходство почерка Троян., Прот. и Еленского дамаскинов.

²¹ Б. Ц о н е в. Един важен дамаскин от XVII век. - ГСУ, 1914, ист.-филол. фак-т, т.VIII-IX, стр.4-5.

первое высказывание, оно не подкреплено данными сравнительного анализа фактического материала.

Начало конкретным сравнительно-текстологическим наблюдениям над Троян. дамаскином было положено в 1895 г. болгарским филологом С.Аргировым. В своем издании Любл. дамаскина он привел материал различий между Любл. и Троян. списками Жития Николая Мирликийского Дамаскина Студита и греческим оригиналом произведения. В качестве вывода к своему сравнению Аргиров ограничивается скупой констатацией: "перевод жития в Троянском дамаскине очень схож с нашим"²², из которой все же можно заключить, что он рассматривал текст Любл. и Троян. дамаскинов как разные новоболгарские переводы.

Это мнение Аргирова было поддержано русским исследователем П.А.Лавровым. Сопоставив данные Аргирова со списком Жития Николая Мирликийского по Тихонр. дамаскину, он уверенно приходит к заключению о наличии разных новоболгарских переводов жития, один из которых представлен в Любл., другой – в Троян. и Тихонр. дамаскинах²³. К разным переводам Лавров отнес и списки Слова о десяти заповедях в Троян. (о котором он судил по отрывку текста, опубликованному Б.Цоневым) и Тихонр. дамаскинах, с одной стороны, и в дамаскине № 39 (65) собрания В.И.Григоровича – с другой²⁴.

Поставленный в работах С.Аргирова и П.А.Лаврова вопрос о соотношении новоболгарского текста таких дамаскинов, как Тихонр. и Троян., с одной стороны, Любл. – с другой, вызвал большие разногласия. Уже Л.Милетич, отметив сходство Копр., Троян., Тихонр. списков в отличие от Любл., высказал убеждение, что обе новоболгарские редакции (далее условно: редакции типа Тихонр. и типа Любл.) "основываются на одном и том же первоначальном переводе, разумеется, на более позднем списке с последнего, в котором восточноболгарское наречие взяло верх"²⁵. Последняя оговорка вызвана тем, что, по мнению Милетича, новоболгарский текст возник не как самостоятельный, специально предпринятый перевод на народный болгарский язык, а лишь как результат постепенного, все большего и большего от списка к списку проникновения живого народного языка в первоначальный западноболгарский

²² С. А р г и р о в. Люблянският български ръкопис от XVII век. – СбНУ, кн.ХП. София, 1895, стр.532–556.

²³ П.А. Л а в р о в. Дамаскин Студит и сборники его имени..., стр.60.

²⁴ Там же. Сличение всего текста слова о десяти заповедях по трем названным спискам не подтверждает этого мнения Лаврова. Подробнее см.: Е.И.Д е м и н а. Тихонравовский дамаскин..., I, стр.176–181.

²⁵ Л. М и л е т и ч. Указ. соч., стр.Х.

перевод на литературный (церковный) язык болгаро-сербской редакции²⁶.

Мысль о генетическом родстве названных новоболгарских редакций разделялась впоследствии всеми учеными, в том числе и теми, кто иначе смотрел на происхождение новоболгарского текста. Существуют, однако, значительные расхождения в объяснении генезиса этих редакций и их отношения к своему архетипу, что имеет принципиально важное значение для понимания особенностей языка новоболгарских дамаскинов XVII в., в том числе Троян., для проведения лингво-текстологических разысканий. В отличие от Милетича, который считает возможным лишь возвести каждый из рассмотренных им списков отдельно к общему оригиналу, Б.Цонев пытается установить взаимосвязь между ними. В частности, он высказывает мысль (правда, не подкрепленную анализом конкретного материала), что текст Любл. дамаскина является вольной переработкой текста Прот. дамаскина, который послужил для него изводом²⁷. Ту же задачу в наши дни поставил перед собой С.Б.Бернштейн. Основываясь на сличении отрывков текста некоторых произведений из пяти новоболгарских дамаскинов (Тихонр., Троян., Копр., Любл., Котленского), он приходит к выводу, что редакция типа Любл. связана с первоначальным болгарским переводом через посредство списков типа Тихонр. и отражает лексическое обновление текста последних²⁸.

Привлечение к сравнительному текстологическому анализу книжнославянской среднегорской редакции, положенной в основу новоболгарского перевода²⁹, сразу же потребовало внести какие-то коррективы или дополнительно аргументировать мнение о зависимости Любл. редакции от Тихонр. Оказалось, что Любл. редакция нередко более точно, чем списки типа Тихонр., отражает книжнославянский текст. Например, в полном

²⁶ Л. М и л е т и ч. Указ. соч., стр. IX-X.

²⁷ Б. Ц о н е в. Един важен дамаскин от XVII век, стр. 4-5.

²⁸ С. Б. Б е р н ш т е й н. К изучению редакции болгарских списков "Сокровища" Дамаскина Студита. "Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов". София, 1957, стр. 219-220. Впрочем, для Жития Георгия Победоносца и "некоторых других слов" Любл. дамаскина С.Б.Бернштейн допускает независимый от списков типа Тихонр. путь развития от общего первооригинала (см.: С.Б. Б е р н ш т е й н. Указ. соч., стр. 221-222), что, на наш взгляд, соответствует истине.

²⁹ См.: Б. В е л ч е в а. Към установяването на взаимоотношенията и диалектната основа на новобългарските дамаскини, стр. 406-410; Б. И. Д е м и н а. Класификация българских дамаскинов по редакциям "Чуда о ковре", стр. 214-246; О н а ж е. Тихонравовский дамаскин.... I. стр. 117-175, 185-208, 217-220, 226.

соответствии со славянским оригиналом в ней содержится ряд чтений, опущенных в редакции типа Тихонр. При объяснении этих особенностей Б.Велчева встает на путь защиты предложенной С.Б.Бернштейном точки зрения. По ее мнению, создатель Любл. редакции, взяв за основу новоболгарский текст списков типа Тихонр., сверил и текстуально сблизил его с книжнославянским оригиналом, уточнил отдельные чтения и пополнил недостающее. Иными словами, Любл. редакция характеризуется как новое, исправленное по оригиналу чтение Тихонр. редакции³⁰.

Иное объяснение этой ситуации дается в исследованиях Е.И.Деминной³¹, которая считает, что каждая из этих новоболгарских редакций порознь восходит к общему первоначальному переводу и представляет собой его самостоятельную обработку. Такое понимание взаимоотношения этих редакций, связанных между собой лишь через посредство общего новоболгарского первооригинала и прошедших от него независимый, неперекрещивающийся путь развития, имеет принципиальное значение для изучения языка болгарских дамаскинов XVII в. В частности, при изучении языка Троян. дамаскина (вернее, той части входящих в него произведений, которые находим и в дамаскинах II новоболгарского типа) следует, на наш взгляд, помнить, что совокупность черт системы языка и письма, общая для него и других дамаскинов I новоболгарского типа, с одной стороны, и дамаскинов II типа, с другой, идет от болгарского первооригинала.

В изучении системы письма и языка Троян. дамаскина сделаны лишь первые шаги. В самом общем виде особенности орфографии Троян. рукописи охарактеризованы Л.Милетичем³², подробнее, в сопоставлении Троян. и Копр. списков Мучения Евстафия, — П.Орешковым, в работе которого содержится, кроме того, описание различий в акцентуации текста этих списков. В отличие от Л.Милетича, Орешков считает, что диалектная основа оригинала, к которому восходят Троян. и Копр. дамаскины, была восточноболгарской, западноболгаризмы проникли в язык списков позднее³³. В этом высказывании, которое, безусловно, нуждается в уточнении³⁴, есть свое рациональное зерно: Орешкову удалось

³⁰ Б.Велчева. Към установяването..., стр.406—410.

³¹ См. работы, указанные в сноске 29.

³² Л. М и л е т и ч. Указ. соч., стр.XIII—XIV, XV—XVI.

³³ П. О р е ш к о в. Разликите между два български дамаскина, стр. 288—323.

³⁴ Западноболгаризмы, безусловно, проникли еще в восточноболгарский первооригинал типа месяцеслова под влиянием книжнославянского текста болгаро-сербской редакции, с которого он переводился. Ср.: Б. В е л ч е в а. Към установяването на взаимоотношенията..., стр.412—413.

правильно подметить, что в основе языка рассмотренных списков лежит восточноболгарский диалект. О системе указательных местоимений и наречий Троян. дамаскина можно судить по работе Б.Велчевой³⁵. Специального исследования языка Троян. дамаскина пока нет. Это неудивительно, если принять во внимание, что до самого последнего времени широкому кругу исследователей были доступны лишь отрывки из памятника, опубликованные Б.Цоневым и Л.Милетичем³⁶, а также материал некоторых разночтений между Троян. и Любл., Троян и Копр. дамаскинами, содержащийся в работах С.Аргирова и П.Орешкова.

III. Большим событием в славянской филологии является публикация полного текста Троян. дамаскина, предпринятая Институтом болгарского языка Болгарской академии наук. Издание подготовлено А.Ивановой³⁷. Оно выполнено по типу лингвистических изданий, что нашло свое отражение как в составе публикации, так и в выборе принятых в нем принципов воспроизведения текста. Издание, предваряемое кратким введением, содержит полный текст памятника, индекс отмеченных в нем издателем слов и словоформ, список сокращенно написанных слов. В книгу включены фотокопии, в том числе цветные, с 18 страниц рукописи.

Значение этого издания, вводящего в научный обиход полный текст одного из старших новоболгарских дамаскинов, трудно переоценить. Многолетний сложный и кропотливый труд редактора по прочтению и воспроизведению текста памятника, составлению к нему обширного словаря по праву заслуживает глубокого уважения и благодарности. В настоящих заметках, посвященных Троян. дамаскину, уместно познакомить читателя с изданием памятника. Хотелось бы попутно уточнить некоторые данные и тем самым помочь будущим исследователям в работе над этой важнейшей публикацией.

Остановимся на характеристике каждой из составных частей издания.

I. "Введение" к изданию (стр.5-10 книги) содержит краткие археографические и палеографические сведения о памятнике, уже известные по упомянутым выше работам Б.Цонева и Л.Милетича. Отсутствие во "Введении" палеографического анализа письма памятника может быть в известной мере восполнено самим читателем по приложенным к изданию фотокопиям отдельных страниц рукописи. Приходится, однако, сожалеть, что в нем нет сведений о филигранях и контрамарках на бумаге Троян. рукописи, что способствовало бы уточнению датировки памятника. Прав-

³⁵ Б. В е л ч е в а. Показатели местоимения и наречия в новоболгарских памятниках от ХУП и ХУІІІ век.

³⁶ Л. М и л е т и ч. Указ. соч., стр.ХУІ-ХУІІІ - публикация начала Слова об апостоле Фоме.

³⁷ А. И в а н о в а. Троянски дамаскин. Български паметник от ХУП век. София, 1967.

да, в своем описании одного из дамаскинов рукописного собрания Болгарской академии наук – Дряновского дамаскина – Б.Цонев мимоходом упомянул, что в этом памятнике тот же водяной знак бумаги (три полумесяца), что и в Троян. дамаскине. Но в момент, когда писались эти строки, подробных альбомов водяных знаков, распространенных в ХУП в. в Османской империи, еще не существовало, и данные Цонева не могли быть документированы. Поэтому попытка датировки Троян. рукописи по данным ее бумаги непременно должна была войти в задачи издателя³⁸.

Как известно, на основании почерка Троян. рукописи – типичного так называемого "среднегорского" полуустава – Цонев датировал памятник ХУП веком, т.е. с точностью до века. Исходя из убеждения (безусловно, ошибочного), что старшинство представленного в той или иной рукописи текста является показателем старшинства самой рукописи, Л.Милетич попытался сузить эту датировку. С этой целью он сравнивает язык четырех болгарских дамаскинов ХУП в.: Копр., Троян., Тихонр. и Любл. Старшим, согласно теории Милетича о движении текста с запада на восток и его постепенной демократизации, признается памятник, содержащий наибольшее число западноболгаризмов и архаизмов; младшим – наибольшее число восточноболгарских диалектных особенностей, черт живого народного языка и лексики, в частности турцизмов. Основываясь на своем впечатлении, также не совсем верном, о меньшем числе турцизмов в Копр. и Троян. дамаскинах по сравнению с Тихонр. и Любл., о более частом в Любл. дамаскине употреблении аналитических средств на месте падежных остатков в Копр. и Троян.³⁹, Милетич датирует Копр. дамаскин – началом, Троян. – серединой, Тихонр. и Любл. – концом ХУП в.

Хотя сама по себе датировка Троян. рукописи серединой ХУП в. не вызывает возражений (ср. предложенную нами выше аналогичную датировку памятника на основании сравнительного анализа системы письма и орнаментации рукописи), ее аргументацию Л.Милетичем нельзя признать

³⁸ Ср. появление в последние годы публикации: В с . Н и к о л а е в . Водяные знаки Османской империи. Т. I. Водяные знаки на бумаге средневековых документов болгарских книгохранилищ. София, 1954.

³⁹ Это мнение справедливо лишь при сравнении Любл. дамаскина, с одной стороны, Тихонр., Копр., Троян. – с другой. Сличение произведений, совпадающих в трех последних памятниках, указывает на старшинство текста с точки зрения выбранных критериев в Тихонр. и Копр. дамаскинах по сравнению с Троян. Подробнее см. в кн.: Е. И. Д е м и н а . Тихонравовский дамаскин... II, стр. 8–9.

убедительной⁴⁰. Содержащееся во "Введении" обоснование датировки Троян. дамаскина: "Судя по падежным остаткам, сравнительно малому числу турцизмов в тексте и др., можно определить, что он был написан не позднее середины XVII в." (стр.5), по-видимому, является не совсем удачным, лишенным аргументации изложением мысли Милетича (вспомним, что никто никогда не описал, да и не мог описать, характерное именно для середины XVII в. по сравнению с концом этого же века состояние употребления падежных форм и частотность турцизмов, если даже отвлечься от того обстоятельства, что названные особенности при копировании могли проникнуть в сравнительно позднюю рукопись из ее старшего оригинала). Краткое описание орнаментации рукописи во "Введении" дается без указания на датирующие признаки. Употребление вязи в заголовках вообще не упомянуто.

Отсутствуют и некоторые другие обязательные сведения о рукописи, в частности данные о составе тетрадей⁴¹. Неверно указан формат рукописи: in 4°, вм. folio⁴².

Судьба самой Троян. рукописи, насколько о ней можно судить по данным палеографического анализа, по материалу записей в ней и по некоторым внешним данным, прослежена во "Введении" недостаточно. Сообщается с ненужными, ведущими к неточности купюрами лишь о самой младшей записи в рукописи, сделанной Стефаном (Цв.) Златевым⁴³. Остальные записи, не относящиеся к основному тексту, даются не во "Введении", как это принято в издательской практике, а в примечаниях к странице рукописи, на которой они находятся. Примечания о таких записях перемежаются с примечаниями иного содержания, разбросаны по всей книге, и ими неудобно пользоваться. Записей в дамаскине не так много и, по-видимому, стоило привести их все полностью, чтобы у читателя не было необходимости вновь обращаться к рукописи в надежде найти что-то интересное в опущенном материале. И, действительно, для судьбы Троян. рукописи, например, небезразлична опущенная в издании запись на л.21 с датой 1849, сделанная, видимо, еще в Трояне. Как мы знаем, в 1870 г. М.Дринов уже работал над памятником в библиотеке Болгарского книжного дружества. Пользуемся возможностью привести не отраженные в издании записи (в нашем распоряжении фотокопия Троян. дамаскина): Сие домаскинъ на попь пенча повези го, син мѣ попь вълчо

⁴⁰ Ср. тот факт, что, как уже упоминалось, на основании анализа почерка и водяных знаков бумаги Тихонр. дамаскин следует отнести к середине, а не к концу XVII в.

⁴¹ См. эти данные: Б. Ц о н е в. Славянски ръкописи в Вългарската академия, стр.62-63.

⁴² Там же, стр.62.

⁴³ Полный текст записи Стефана Златева см. там же, стр.68.

и вѣка емо пенчо, л. 15 рукописи; Во бѣхъ ѿца нашего ѿтанасиѧ
ѧрхипѣскопа ѧлиѧнъ дрѣскаго слово на исходе дѣши ѧ ѿ второ^м при-
шествие. Бою се смертни ѧко бесконечна и стѣ; Сѧ слова напѣсахъ
ѧзѣ грешнѣи мѣнчо ѿ тревна заради любовѣ игъменовѣ ѧ братѣ егѡ во
ѡбитель сей на сини 1805 на мѣца февруарѣа ази мѣнчо и рачо роме-
нка еураѣа еуѡ ѡ Мѣнчуѡ калъ рачуѡ; Бѣгороднѣиши хрѣтолюбивѣиши;
пенчо, л. 20 рукописи; плечене киръ марине и тѡе...; 1849. Георги
П.Христовъ; попъ ѧванъ беше ѧ тока на манастиреть гогито га ще да
въ вѣки вѣк... аминъ; Пафнѣтѣа сѣромона^х рылецъ; мѣсѣцъ мѣ. калѣгѣра
ѡеомѣа до вѣки вековѣ аминъ; днеска е праздниѣкъ стѣи Георги кото
ѡпо... и заради..., л. 21 рукописи.

Во "Введении" приводятся некоторые общие сведения историко-филологического характера, призванные пояснить историю текста Троян. дамаскина и определить его место среди сходных памятников новоболгарской письменности. Сведения эти, однако, почерпнуты из весьма устаревших источников, не отражающих современный уровень разработки вопроса. В библиографическом обзоре исследований по Троян.дамаскину обойдены молчанием работы последних лет⁴⁴, остались в тени упомянутые выше разыскания М.Дринова, С.Аргирова, П.А.Лаврова, одна из работ Б.Цонева⁴⁵. Хронологический аспект истории изучения памятника в этом обзоре смещен. Например, Б.Цонев, которому по праву принадлежит заслуга открытия Троян. дамаскина для науки, упомянут в обзоре лишь после Л.Милетича и П.Орешкова⁴⁶, причем сообщается, что "и он" занимался памятником (стр.6). Поэтому мы и сочли уместным в настоящих заметках в общих чертах охарактеризовать картину развития новоболгарской письменности и место в ней исследуемой рукописи, а также дать описание истории изучения Троян. дамаскина.

2. В цели лингвистического издания памятника письменности входит такое воспроизведение в нем рукописного текста, которое содержало бы максимум информации об особенностях системы письма, языка и текста памятника и о некоторых внешних обстоятельствах проявления их в рукописи (о степени сохранности данного места рукописи, возможнос-

⁴⁴ Имеются в виду называвшиеся выше работы Б.Велчевой, П.Илиевского, Е.И.Деминой, опубликованные задолго до издания книги. Монография Д.Петкановой-Тотеовой "Дамаскинѣте в българската литература", вышедшая в свет в 1965 г., во "Введении" упомянута, однако ее данные А.Ивановой не учтены.

⁴⁵ Б. Ц о н е в. Един важен дамаскин от XVII век.

⁴⁶ Заметим, кстати, что в исследовании П.Орешкова (выходные данные см. выше) сравниваются не отдельные места из Троян. и Копр. дамаскинов, как это сказано во "Введении", а полный текст Мучения Евстафия Дамаскина Студита.

ти и достоверности прочтения расположенного на нем текста, о поновлениях текста, об ошибках, поправках, пробелах в нем, о его расположении на листе и т.п.), что в значительной мере исключало бы необходимость повторного обращения к самой рукописи.

Издатель Троян, дамаскина А.Иванова поставила перед собой эту задачу, которую во многом сумела решить. По ее замыслу, текст рукописи передается в транслитерации, буква в букву, с сохранением принятого писцом употребления прописных и строчных букв и знаков препинания. С помощью вертикальной черточки фиксируется конец каждой строки текста, с помощью двух таких черточек – конец листа. Описки и ошибки писца в тексте не исправляются, их правильное чтение дается в примечаниях. Здесь же сообщается о неисправностях, поновлениях рукописного текста и под., а в случае невозможности его прочтения приводится аналогичное место по другому списку (обычно – Копр., в отдельных случаях Прот. или Свистов.).

Сами по себе названные особенности воспроизведения рукописного текста представляются правильными, можно сделать лишь отдельные замечания по их конкретному воплощению в издании. Так, вряд ли стоило отказываться от воспроизведения буквы Є широкое, относительно которой исследователям еще предстоит решить, не означала ли она в соответствии с традицией е йотированное, тем более, что буквы ω — о, ou — у, и — и в издании сохраняются (встречаются впрочем, изредка и случаи употребления буквы Є широкое, например: ѐто, 325). Крайне непоследовательно передана в издании буква ц [дж], вместо которой в тексте и словаре часто стоит буква у (ч чашечкой), например: мнѡуишь, 4 (вм. мнѡишь); синѡиць, 296 (вм. синѡиць, ср. синѡирь, 294), гемѡиѣте, 265 (вм. гемѡиѣте) и под. Интересно, что та же буква ч чашечкой употреблена и в своей прямой функции в слове ѹдо, 308. Вообще, во "Введении" стоило бы описать набор букв Троян. рукописи, тем более, что в ней есть свои особенности. Например, буква у (ижица) употребляется в ней не только как в рукописях других дамаскинов в функции [в] и [и] — если над ней стоят две точки, но в сочетании ou и вне его в функции [у], например, в словах: Ѵоуѣти — нѣанъ, 135; оуѡѣнѣлѣй, 214; Ѵоуѣта, 234, ѹѹда, 40, ѣсѹѣса 224, стѹѹѣ, 188 (верность передачи подобных написаний в издании мы проверили по фотоконии Троян. рукописи).

При чтении изданного текста следует иметь в виду, что свойственные Троян. рукописи (как и вообще полууставу XVII века и более раннему)⁴¹⁷ скорописные начертания ряда букв, обычно начинающих слово и выделяющихся своими большими размерами (а именно букв: скорописное

⁴⁷ См.: П.А. Лавров. Палеографическое обозрение кирилловского письма. Раздел: Болгарское полууставное письмо, стр.163-170.

вытянутое а, круглое скорописное в, вытянутое, так называемое "среднегорское"⁴⁸ к, широкие о, ѡ, ѳ, вытянутые з, м, ѱ (см. приложенные к книге фотокопии Троян. рукописи), интерпретированы А.Ивановой как заглавные буквы и так воспроизведены в публикации. Именно этим объясняется частое появление прописных букв в самых неожиданных местах: в середине единого по смыслу словосочетания, например: дали щем осына, 329; оу онѣа нощь, 333; Сичко сѣ за х(рист)а Казѣва, 333; вѣси прѣд Очитѣ вѣши, 332; не Отвори си оустата нѣщо... да Огнѣви Еврѣете, 333; и далѣче ѿ нас нѣ Е, 330; прогорѣль ѿ Сл(ѣ) нце, 328; а трѣтѣе е Зарѣчанѣе б(о)жѣ, 7 и даже в середине слова, например: наЕдно, 313; Ј(соу)С Х(ристо)С, 331.

Вместе с тем в ряде случаев прописные буквы в издании соответствуют рукописному тексту. Поэтому информацией об употреблении прописных и строчных букв в Троян. рукописи нельзя пользоваться.

Как мы уже сказали, конец строки в издании обозначается вертикальной черточкой, которая отделена пробелами от предыдущего и следующего за ней слова. Оба эти пробела сохраняются и в тех случаях, когда строка оканчивается посередине слова. Каких-либо знаков, указывающих на целостность этого слова, не дается⁴⁹. В результате изданный текст переполнен искусственно возникшими "словами" (если словом считать отрывок текста от пробела до пробела), которые отнюдь не всегда легко, с ходу воссоединяются (в этом, кстати, состояла одна из задач прочтения текста эдитором). Конечно читателю-специалисту не столь уже сложно самому проделать эту работу, с которой он постоянно сталкивается при знакомстве с рукописями, но в таком случае не было необходимости и в проведенном в издании разделении на слова слитных написаний рукописного текста. Иначе сочетание двух противоречивых тенденций: с одной стороны, деление текста на слова по нормам современной орфографии, с другой – воспроизведение случайно, при переносе со строки на строку, возникших в рукописи обрывков слов, требует постоянного переключения внимания и затрудняет беглое чтение изданного текста. Ср. написания: начелѡ и край го / дѣйте им не иматѣ, 314; с(вѣ)тѣ и с(вѣ)щенны сѣ / ѡбре, 268; роди / телете сѣ, 251; помѡгна оно / мѣва момѣкѣ 85; и пакѣ нѣ / когы вѣ пещь распѣлена ѡлѣзе, 251; дойдѣ и архи // Еп(и)ск(о)пѣ, 252; видѣ ѣа / ѡлѣка, 251; давнѡ ѣ да / дѣ лѡзѣето, 216; да о / ѡбѣи нас, 315; на ср(ѣ)дцѣ / то сѣ, 305 и мн. под. случаи, на которых невольно спотыкаешься при чтении.

⁴⁸ Б. Ц о н е в. Опис на славянските ръкописи в Софийската Народна библиотека, т. II. София, 1923, стр. 339, 347 и др.

⁴⁹ Самое вертикальную черточку таким знаком считать нельзя, так как она ставится и между самостоятельными словами, хотя, конечно, ее наличие настораживает читателя.

убедиться, насколько замедлилось бы осмысление тактовых групп без наличия этой своеобразной информации о членении на слова.

При чтении таким образом написанного текста взгляд одновременно скользил по верхнему и нижнему "ярусам", синтезируя содержащуюся в них информацию.

В издании А.Ивановой второй ярус используется лишь для диакритических знаков букв, паерка и знака ударения. Сокращенные написания слов раскрыты, выносные буквы внесены в строку, знак придыхания снят, знаки кендемы, каморы, акута и грависа переданы одним знаком акута, тактовые группы разбиты на слова.

Отказ от воспроизведения одной из характерных особенностей системы письма Троян. рукописи обедняет издание, что, естественно, не может не вызвать сожаления. Вместе с разбиением тактовых групп на слова⁵² и уничтожением всякой информации об отраженном в Троян. рукописи членении текста по ритмико-интонационному принципу⁵³ из издания исчез ценнейший материал по исторической акцентологии и исторической ритмике⁵⁴. Но уж совсем недопустимой представляется практика замены знаков каморы, грависа и кендемы знаком акута.

Как мы отметили выше, знаки каморы и грависа в Троян. рукописи использовались не только для обозначения ударения (главным образом конечного), но и для информации о членении тактовых групп. Часто встречающиеся при чтении изданного текста Троян. рукописи знаки ударения над энклитиками и проклитиками обязаны своим происхождением непониманию этой особенности употребления названных знаков, уподоблению их функций функции акута. Ср., в частности, воспроизведение в издании приведенных выше примеров употребления знаков каморы и грависа: и реч(е) на мом'ците сѣ (стр.54 текста по пагинации изда-

⁵² Мы не затрагиваем здесь вопроса о правильности во всех случаях предложенного в издании словоделения. Об ошибках в словоделении, отраженных в словаре, см. ниже. Ср. также сказанное выше о воспроизведении в издании случайного разбиения слов на границах строки.

⁵³ О возможности передачи в издании подобной информации см.: Е.И.Демин и н а. О лингвистических изданиях памятников письменности. "Славянский архив". Сборник статей и материалов. М., 1963, стр.202.

⁵⁴ На важность этого аспекта изучения письменно-литературных языков справедливо обратил внимание русский ученый А.Н.Боголюбов, так сформулировавший его задачи: "Описательная ритмика должна определить господствующие в данном литературном языке ритмические и интонационные схемы, а историческая – проследить историю этих схем". А.Н. Б о г о л ю б о в. Об изучении литературных языков. Методологический очерк. Казань, 1914, стр.13.

ния); пусти ме... не дѣи (ср. словоделение.) мѣ пѣша (стр.91, ср. пропуск знака каморы над ме в первом случае и его замену знаком акута в аналогичной ситуации во втором случае); покажи мѣ (стр.54); и не оскрѣби си ср(ъ)дцѣто (стр.56); и видѣха като носи лѣвъ дѣтѣто (стр.58); и грѣ-хъ цвете си очисти (стр.54); и повѣде си дѣната (стр.57, ср. употребление акута вместо знака придыхания над и.); не разбра че са живы (стр.59); защо чѣдата си зная (стр.61); дойде времѣ да си пойдеш пакъ (стр.61).

Особенно непоследовательно передан в издании знак кендемы, охарактеризованный во "Введении" лишь как знак ударения (стр.9). В действительности, в Троян.рукописи кендема использовалась и как знак системы акцентуации и словоделения текста (в частности, при обозначении логического ударения над односложными словами с конечным гласным, например: сега познахъ ѳтиси тѣ сички свѣтъ сътворишь, л.28 об.; тѣли йщешъ чѣла майстора, л.47), и как знак буквенной системы. В последнем случае еѣ обозначалось удвоение гласного, над которым она стояла (например, в окончаниях прилагательных: тази стѣ ипрѣона пѣтка, л. 53; дупрѣква йдолъска, л.22), а также выносная буква и (например: бѣха добри йблгочъ тивѣ, л.53; накрасни йневеществни рай, л.54; дадъ плашъ, л.54; задобрѣ прѣмѣны, л.53 об.). В издании кендема в первой функции заменена (хотя и непоследовательно, ср., например, написания рукописи и издания: ами ги бѣ тѣ насички на владашъ, л.24 об. – ами г(осподи) о(о)е ты на сички нас владашъ, стр.44) знаком акута. Кендема как знак удвоения гласного либо опущена, либо также заменена акутом. Ср., например, следующие написания рукописи и изданного текста: ѳотѣ два, л.2 – ѳт с(ва)та д(ѣ)ва, стр.3; идрѣга вѣра, л.2 – и дрѣга вѣра, стр.3; въмѣжа вѣчна, л.24 об. – въ мѣжа вѣчна, стр.46; вѣра хрѣтианска, л.25 об. – вѣра хр(и)стианска, стр.48. Кендема в функции выносной буквы и или не воспроизводится в издании, или заменяется в нем знаком акута, или передается правильно как буква и, вводимая в строку. Ср., например, следующие написания рукописи и изданного текста: зарадъ, л.2 – зарад, стр.3; зарадъ, л.23 – зарад(и), стр.41; грѣхъ чѣлъскъ, л.2 – грѣхъ чл(овѣ)чскы, стр.3; иѣшесе минѣло годинъ, ѳг, л.22 – и ѣше се минѣло годинъ, ѳг, стр.39; синѣ прѣрѣскъ, л.23 об. – синѣ прор(о)чскы, стр.42; ивѣсѣдъ ми днѣ, л.24 – и въ сѣдъ ми д(ѣ)нѣ, стр.43; чѣтнѣ крѣсть, л.24 об. – ч(ѣ)стны кр(ѣ)сть, ч(ѣ)стнѣ кр(ѣ)сть, стр.44; влѣко стѣ, л.25 – вл(ад(и)ко с(ва)тъ, стр.47; неубой, л.1 об. – не оубой, стр.2; дамъ кажете, л.22 – да ми кажете, стр.39; ѳъсерѣцѣто л.22 об. – ѳъсь ср(ъ)дцѣто си, стр.40; малы йвеликъ, л.48 – малы и велики, стр.93.

Видимо, нет необходимости специально подчеркивать, что в силу указанных особенностей в воспроизведении системы надотрочных знаков дан-

ными изданного текста, без сверки их с рукописью⁵⁵, нельзя пользоваться для акцентологических и некоторых иных исследований.

Не оправдывающей себя представляется практика раскрытия в издании сокращенного написания слов рукописи. При оценке этого решения издателя следует иметь в виду, что раскрытие сокращений слов в памятнике с недостаточно установившейся орфографией неизбежно вносит в издание элемент субъективной нормализации. Даже при возможности выделить средствами набора привнесенные от издателя буквы такая нормализация невольно, особенно при беглом чтении текста, способствует искажению общего впечатления от системы письма памятника. Отметим, что система сокращенного написания слов в Троян. дамаскине, как и в других старших новоболгарских дамаскинах, подчиняется достаточно строгим нормам, которые могут быть экономно описаны и не создадут трудностей при чтении "нераскрытых" написаний⁵⁶. Последовательность в использовании нормированного сокращения слов может служить одним из показателей старшинства текста и грамотности его создателя.

При раскрытии сокращений можно встать на разный путь. Можно, например, попытаться установить орфографические навыки писца в тех случаях, когда он избегает сокращенного написания, и, исходя из них, вносить необходимые для раскрытия написания буквы, что представляется вполне логичным и позволяет избежать ненужной пестроты в тексте. Именно так поступает в своем издании Любл. дамаскина С.Аргиров⁵⁷. А.Иванова при раскрытии сокращений⁵⁸ считает необходимым исходить

55 Большие трудности для подобной сверки создает то, что предложенная в издании пагинация текста не соответствует пагинации рукописи. Вопреки утвердившейся эдиционной практике А.Иванова нумерует не листы, а страницы, причем листы, оставшиеся в рукописи чистыми, в этой нумерации не учитываются. Каких-либо пояснительных данных о соотношении пагинации рукописи и пагинации издания не приводится. Выделенные в рукописи киноварью подзаголовки внутри текста произведения в издании переданы обычным шрифтом, что, в свою очередь, затрудняет сопоставление рукописи и издания.

56 Типы сокращенного написания слов и способы их прочтения в Тихонр. дамаскине, близком в этом отношении к Троян., описаны в кн.: Е.И.Демин. Тихонравовский дамаскин..., II, стр.27-30.

57 С.Аргиров. Люблянският български ръкопис от ХУП век, стр. 467-560.

58 Вносимые от издателя буквы ставятся в круглые (иногда - квадратные, см. список сокращений) скобки. Надстрочные буквы при внесении в строку никак не выделяются, что, конечно, снижает достоинство издания.

из "этимологического принципа" ("Введение", стр.9), не поясняя подробнее, как, в какой мере он будет применяться на практике. Особенно это касается вопроса о передаче бывших редуцированных, утраченных в слабой позиции. В итоге в тексте, словаре и списке сокращений масса непоследовательных, противоречивых написаний, например: в тексте и списке сокращений сп(а)сѣнїе, 30; сп(а)ситель, 302; сп(а)сѣ, 302, а в словаре те же слова даны как с(ѣ)п(а)сѣнїе, с(ѣ)п(а)ситель, с(ѣ)п(а)сѣ. Ср. написания: арх(а)гг(е)л, бл(а)жим, вѣн(ѣ)м(л)ѣм, г(о)сп(о)дѣр, кр(ѣ)стник, ц(а)риград, че(тврѣ)тък, чл(овѣ)колюбіем, ѿер(оу)с(а)лим, взятые из списка предлагаемых автором раскрытий сокращенного написания слов, где отсутствие конечного редуцированного несовместимо не только с этимологическим принципом, но и с принятыми в новоболгарских дамаскинах, в том числе в Троян., орфографическими нормами. Такими написаниями (они возникли в итоге внесения издателем в строку выносной согласной буквы, заканчивающей слово, которая по нормам сокращенного написания слов давалась без обычного после конечного согласного ѣ) изобилует изданный текст и словарь к Троян.дамаскину. Даже в тех случаях, когда издатель считает необходимым восстановить конечный согласный в словах типа радос(т), 288; гольмос(т), 205, лютос(т) 205 и мн. под. (кстати, написания без т могли отражать живое произношение писца и не нуждаются в исправлении), этот согласный дается вне сочетания с ѣ. Сам принцип установления того, какое написание является этимологическим, не всегда ясен. Ср. предложенные в списке раскрытия сокращений написания: вѣскр(е)се, вѣскр(е)сѣнїе (мы не учитываем опечатку врскр(е)сѣнїе), кр(ѣ)стовѣ, кр(ѣ)стна, кр(ѣ)сть, кр(ѣ)щава, кр(ѣ)щѣнїе, пѣс(е)нь, ср(ѣ)дце, ср(ѣ)д(ѣ)чны, цр(ѣ)ква, цр(ѣ)квица, цр(ѣ)ковны, цр(ѣ)ковници, чр(ѣ)-квата, чр(ѣ)ковны.

Отметим попутно, что в список "Сокращения в тексте" (стр.395-397) вошло лишь незначительное количество подобных представленных в тексте написаний. Некоторые типы сокращения слов вообще не отражены (например, уже упоминавшиеся сокращения путем вынесения над строкой последнего согласного, сокращения путем надстрочного написания отдельных букв, а также особый тип сокращенного написания слова, когда надписанная над той или иной гласной согласная буква показывает, что данная гласная читается два раза: в сочетании с предшествующей строчной буквой и затем в сочетании с надстрочной, например: сла = слава, см. фотокопию стр.207, рѣ = рече, 243 и под.). Вообще, цель включения в издание списка уже предварительно "раскрытых" слов неясна. Список сокращений имел бы смысл только в том случае, если бы в нем давались принятые в рукописи типы сокращенного написания слов, и лишь затем предлагалось их прочтение и воспроизведение в тексте.

3. Большую ценность изданию А.Ивановой придает составленный ею обширный словарь к памятнику, который, безусловно, значительно облегчит, сделает целенаправленную работу будущих исследователей. Словарь задуман как своеобразный индекс, содержащий "полный, исчерпывающий список слов и форм" (см. "Введение", стр.10), встретившихся в тексте, с краткими грамматическими пометами к ним. Указываются, однако, лишь отдельные, произвольно выбранные страницы рукописи, где отмечено употребление данной словоформы, нередко — одна-две страницы. Это, безусловно, значительно снижает ценность словаря, исключая возможность статистических и других достаточно строгих выводов, в том числе связанных с попыткой определения значения слова. Если решение о частичной информации, в принципе несовместимое с идеей словаря — индекса, нельзя было обойти, имело смысл хотя бы ставить читателя в известность, ограничено ли употребление данного слова названными случаями (например, при помощи пометы и др., если перечень страниц неполный, или, что значительно лучше, при помощи указания после заглавного слова на число употреблений представляющих его в памятнике словоформ).

Следует обратить внимание на то, что и намерение дать исчерпывающий регистр слов и представляющих их форм на практике не выполнено. Например, в словаре не отмечены слова: ами́ротомъ м., косв., 184; ген(ъ)ари, м., ед., 247; едѣмъски, прил., мн., 372; мадіаніте, мн., чл., 166; маріоле, мн., косв., 9; моавитѣне, мн., 323; саракины, мн., 184; халдѣйскѣ, прил., ж. ед., косв., 224 и др.; словоформы: златъ, прил., м. мн., косв., 207; лъвовете, м. мн., чл., косв., 179; мысльна, прил., ж. ед., 154; та, мест. 2 ед., косв., 237; щете, несов., наст., 2 мн., 311; щѣль, прич., м. ед., 41 и др. Особенно много пропусков среди имен собственных: личных и географических названий, а также производных от них.

Как известно, вопрос о целесообразности включения в словник не только аппелятивов, но и собственных имен и производных от них решается каждый раз применительно к типу словаря. Для словаря-регистра всех слов и форм, отмеченных в памятнике, на наш взгляд, естественно решение дать этот материал. Лишь при учете ономастического и топонимического материала можно получить полное представление не только о лексическом составе текста, но и об отраженных в нем особенностях графики и орфографии, фонологической и акцентной системах, морфологических и словообразовательных моделях. В частности, материал личных собственных имен, долгие другие сохранявших в живом употреблении падежные формы, представляет особый интерес для истории болгарского склонения. В Троян. дамаскине, например, находим последовательное употребление четырех синтетических падежных форм мужских личных имен, ряд падежных форм женских личных имен. Поскольку в большинстве своем

собственные имена, встретившиеся в тексте, являются заимствованными, они представляют особый интерес для анализа принятой в новоболгарском книжном языке на народной основе системы транскрипции, для выявления ее связей с архаической редакцией.

Учитывая введение в словарь специальных помет для личных имен и географических названий (лично име, местно име, речно име — см. стр. 247), наличие в нем ряда собственных имен и производных от них (таких, например, как Аремиль, София, Моисей, Солень, Вар-дар, Македонца, солонская, солонсци, солончанам, македонска и под.), как и само намерение представить исчерпывающий список слов и словоформ, можно думать, что А.Иванова пришла к правильному решению дать материал собственных имен. Поэтому читатель вправе ожидать полной информации в этом отношении. Приводимый ниже список не отмеченных в словаре собственных имен и производных от них⁵⁹, встретившихся нам при чтении текста, может быть использован при пополнении словаря к Троян. дамаскину и имеет самостоятельное значение.

ИМЕНА ЛИЧНЫЕ И ПРОИЗВОДНЫЕ ОТ НИХ

Аввакъмъ, 178.

Авванъ, 91; -на, косв., 92.

Авѣѣсть; -ѣ, косв., 316;

-ѣане, мн., 316; -тово,

прил., ср. ед., 316.

Авденаго, косв., 225.

Авель, 371.

Авириъ, косв., 240.

Авраамъ, 160; -амъ, косв., 161,

-ама, косв., 160; -аме, зв.,

161.

Агапѣ, 53; -ѣа, косв., 68.

Агара, ж., 160; -ры, косв.,

160; -рѣ, косв., 160, -ро,

зв., 160.

Адамъ, 28; -мъ косв., 30; -ма,

косв., 28; -ме, зв., 372.

Адрамелех, 174.

Адрианъ, 70.

Азарѣа, 175.

Акаѣ, 60; -ѣе, зв., 62; -ѣевъ,

прил., м. мн., 223.

Акаѣ, Аноръски, 220.

Александръ, 274.

Амидѣама, косв., 167.

Амикось, 180; -ѣка, косв., 181.

Ананѣа, 175.

Анастасѣа, косв., 248.

Андрѣанъ, 70.

⁵⁹ В целях экономии места указываем лишь по одному случаю употребления каждой словоформы. В выборе помет мы ориентировались на словарь к изданию Троян. дамаскина. Указание на род дается только к женским личным именам. После географического названия через запятую приводится взятое из контекста слово, поясняющее его значение. В квадратные скобки заключается восстанавливаемое нами для согласования окончание такого слова.

Ан'на, ж., 29; -ны, косв., 190,
-но, зв., 235.
Антіохъ, 60; -іше, зв., 63;
-іховы, прил., м. мн., 223.
Анеѣса, ж., 207.
Аполлоса, косв., 39.
Аполс'на, косв., 70.
Аполонидъ, 80.
Ар'давуріе, 27.
Кріа, 272.
Ар'кадіа, 219; -ію, косв., 218;
-іа, косв., 214.
Арсакіа, косв., 228.
Арсемидъ, косв., 77.
Аск'линъ, 221.
Асініа, косв., 208.
Архиппа, 185; -не, зв., 186.
Ас'ню, косв., 111.
Асанасію, косв., 190.
Ас'рданъ, 174.
Ахавъ, 171.
Ахиліе, 142; -іа, 272; -іла,
 273; -іе, зв., 142.
Ваалъ, 322.
Валаам, 163; -амъ, косв., 164;
-амовъ, прил., мн., 325.
Валакъ, 163; -къ, косв., 320;
-ка, косв., 163.
Валтасаръ, 175.
Варахійнь, прил., м. ед., 239.
Василіе, 113.
Василискъ; -къ, косв., -ка, косв.,
 230.
Вес'ровъ, прил., м. ед., 163.
Вик'ентію, косв., 130.
Вукторъ, косв., 130.
Гавріиль, 190; -лъ, косв., 154;
-ла, косв., 153.
Гадъ, 170; -дъ, косв., 170.
Гедесонъ, 167; -нъ, косв., 167;
-нова, прил., ж. ед., 167.
Георгіе, 108; -іе, зв., 109.

Герасима, косв., 244.
Григоріе, Б(о)гословъ, 158;
-іа, -ва, косв., 373.
Г'л'іа, 187.
Г'бегасора, косв., 91;
Г'ндаоръ, косв., 96.
Д(а)в(и)дъ, 32; -дъ, косв., 170;
-да, косв., 29; -де, зв., 170;
Даново, прил., ср. ед., 167.
Дамаск'на Стоудіта, косв., 1.
Даміанъ, 145; -нъ, косв., 146;
-на, косв., 146; -не, зв.,
 147.
Даніиль, 176; -лъ, косв., 177;
-ла, косв., 177, -ле, зв.,
 177.
Даріе, 175; -іа, косв., 177;
-іе, зв., 176.
Дасанъ, косв., 240.
Де'єнтіа, косв., 220.
Диворъ, 220.
Димітріе, 116; -ію, косв., 129;
-іа, косв., 114; -іе, зв.,
 121.
Діоклитіана, косв., 269; -нъ
 косв., 116.
Діонисіе, Ареопатітъ, 155.
Діоскоридъ, 77; -да, косв., 77;
-довъ, прил., м. ед., 77.
Доментіана, косв., 79.
Дом'но, 77; -на, косв., 77;
-новъ, прил., м. ед., 89.
Драганъ, 208.
Евва, ж., 372; -въ, косв., 28;
-въ, косв., 359.
Ев'до'зіе, 281.
Ев'до'зіа, ж., 216; -ій, косв.,
 231; -іа, косв., 219.
Ев'лавіе, 283; -ію, косв., 283;
-іа, косв., 282; -іе, зв.,
 286.

Евѣсѣіе, 248; -іа, 47; -іѡ
зв., 188.

Евѣстаѣіе, 53; -ію, косв., 56;
-іа, косв., 49; -іе, зв.,
55.

Евѣміе, 103; -іа, косв., 104.

Езекіа, 172; -ію, косв., 172.

Елена, ж., 39; -ны, косв., 271.

Елзавѣла, ж., косв., 171;

-лина, прил., ж. ед., 219;

-лины, м. мн., 171.

Еліакимъ, 173.

Елисаѣвъ, ж., 29; -ѡвъ, косв.,
29.

Емманѣиль, 310; -ла, косв.,
309.

Енѡхъ, 255.

Епифаніе, 222; -ію, косв., 368;

-іа, косв., 222.

Ерѣміа, 309.

Ерѣклие, 116.

Ерпильон, 278.

Есѣрь, 75.

Захѣй, 41.

Захаріа, 239; -ію, косв., 73;

-іе, зв., 239.

Зеведѣвъ, прил. м., ед., 75;

-ѡва, ж., 75.

Іаковъ, 255; -вѣіе, прил., ср.
ед., 324.

Іаконь, 180.

Іессѡвъ, прил., м., ед., 309.

Иліа, 104; -ію, косв., 172.

Инокентіе, 217; -ію, косв.,

218.

Іовавъ, 169; -ва, косв., 169.

Іовакѣмъ, 29; -мѡ косв., 190;

-ма, косв., 29; -ме, зв.,

236.

Іованнь, 77; -нѡ косв., 77,

-на, косв., 53; -не, зв.,

230.

Іоаннь Б(о)гословъ, 75; -на -ва,
косв., 75.

Іоанъ Златѡсты, 326.

Іоакъ, 173.

Іовъ, 59.

Іона, 166; -на, косв., 225.

Іосифъ, 240; -фѡ косв., 75;

-фе, зв., 362.

Іракліа, 183.

Іродъ, 179; -да, косв., 179.

Ісаакъ, 162; -ка, косв., 161.

Ісаиа, 159; -ію, косв., 239.

Ісидоръ Пилѡсѣитскій, 326, -ра,

косв., 215.

Исмаиль, 161; -ла, косв., 160.

Іср-(а)илю, косв., 309.

Ірадіада, 222.

Іохсъ, 166; -сѡ косв., 166.

Іохса Навіина, косв., 166.

І(соу)са Х(рист)а, косв., 48;

-сѡ -тѣ, косв., 242, -се -те,

зв., 45.

Іоуда, 44; -дѡ косв., 45; -да,

косв., 46; -до, зв., 45;

-дово, прил., ср. ед., 29.

Іуда Сімановъ Искаріѡтскі, 343.

Іоустиніанъ, 135.

Кайнь, 371.

Касіанъ, 252.

Карина, косв., 145; Коріна,

косв., 145; Каринъ косв.,

145.

Кінѡу 80; -ѡ, косв., 80.

Кіріакъ, 47; -кѡ косв., 48;

-ка, косв., 47, -аче, зв.,

225.

Клімъ, 86.

Козма, 145; -ма, косв., 146;

-мы, косв., 145; -мо, зв., 149.

Константинъ, 38; -нѡ косв.,

285; -на, косв., 38.

Корнилію, косв., 179.

Крисіенъ да, косв., 280.

Лазарь, 227; -ра, косв., 226;
-рево, прил., ср. ед., 339;
-ровн, ж. мн., 340.

Лекantie, 126.

Ливань, 208.

Лис, 122; -я, косв., 123.

Лика, 31; -кн, косв., 154.

Липь, 125.

Маврикие, 138.

Мадіамъ косв., 166.

Макаріе, 214.

Мазиміанъ, 116; -нъ косв.,
117; -на, косв., 269.

Мазимъ косв., 368.

Малахъ, 148; Мал-хъ, 148.

Манассіа, косв., 347.

Мансе, 167; -ноа, косв., 168.

Маріа, ж., 29; -я, косв., 44;
-іа, косв., 240; -іе, зв.,
240.

Маріанъ, 135.

Маріна, косв., 244.

Маркіанъ, 188; -нъ косв., 189;
-на, косв., 189; -ново,
прил., ср. ед., 189; -новн,
мн., 188.

Марка, косв., 112.

Марса, ж., 75.

Мат-еанъ, 29.

Мелетіе, 207.

Мелитъ, 250.

Мелхиседекъ, 255.

Мигдоніа, ж., 102.

Минокіанъ, 125.

Минъ косв., 130.

Міронова, прил., м. ед., косв.,
80.

Мисайль, 175.

Мисахъ косв., 225.

Митрофанъ, 274.

Михайль, 158; -лъ косв., 154;
-ла, косв., 153.

Михеа, 312.

Моѵси, 163; -исѵи, 255; -сеъ
косв., 204; -сеа, косв.,
213; -сеовъ, прил., м. ед.,
29; -сеова, ж. ед., 335;
-сеовото, ср. ед., чл., 165;
-сеовн, мн. 1.

Навъходоносоръ, 175; -ра, косв.,
175.

Нарка, ж., 102.

Нектаріе, 214.

Непотъ, 191; -тъ косв., 192.

Непотіанъ, 278.

Несторъ, 123; -ръ косв., 137;
-ра, косв., 125.

Никѵта, 36.

Никѵфора, Вотоніаеа, косв., 190.

Никѵлпма, косв., 363.

Николае, 257; -ае, косв., 293;
-ае, зв., 292; Никѵлн, косв.,
257; -лъ косв., 260.

Нсе, 255.

Онисіѵоръ, 140; -ре, зв., 141.

Оноріа, косв., 223.

Ѡрна, 170.

Ѡхѵзіа, 171.

Павель, 287; -лъ косв., 180;
-ла, косв., 220.

Палесмога, косв., 196.

Павлина, косв., 273.

Патрікіа, косв., 220.

Пафнѵтіе, 274.

Пеладіа, ж., 146.

Пеліа, 180.

Петка, ж., 104; -кн, косв., 103;
-ка, косв., 112.

Пилать, 362; -тъ косв., 362;
-та, косв., 361; -те, зв.,
362.

Плакида, 49; -ѵдо, зв., 51.

Планѣды, косв., 368.
Платѣна, косв., 294.
Проклѣнія, ж., 85; -їна,
 прил., ж. ед., 85.
Прокѣпю, косв., 250.
Прѣхорч 76; -ра, косв., 76.

Рауакіа, 172; -їю, косв., 172;
-їевы, прил., мн., 174.
Ровѣамь, 171.
Рѣмана, ж., 76; -нинь, прил.,
 м. ед., 77.
Рѣвѣмь, 233; -мовы, прил., мн.
 237.
Рѣмѣль, 252.

Савадѣ, 198.
Савва, 243; -вы, косв., 243;
-рѣ косв., 247.
Савель, 41; -ла, косв., 41.
Салѣміа, ж., 75; -їю, косв.,
 29; -їинь, прил., м. ед.,
 75.
Сарасарь, 174.
Сарра, 160; -ра, косв., 160;
-рина, прил., ж. ед., 160.
Седрахѣ косв., 225.
Секоунчѣ, косв., 207.
Сенахерим, 172; -мѣ косв.,
 174; -ма, косв., 174; -мова,
 прил., ж. ед., 174.
Сепѣоровъ, прил., м. ед., 163.
Сїѣна, косв., 163.
Сїдѣра, косв., 214.
Силивестрь, 274.
Сїмѣонь, 17; -нѣ косв., 25;
-на, косв., 23; -не, зв.,
 372.
Сїмонь, 42; -нѣ косв., 41;
-новъ, прил., м. ед., 343.
Сїмонїль, 281.
Сїсса, косв., 214.
Сїѣ, 371.

Смѣдей, 102.
Соломонь, 226; -нова, прил., ж.
 ед., 238.
Сѣмна, 173.
Сосїпатрова, прил., м. ед.,
 косв., 85.
Софѣнія, 349.
Спирїдонь, Тримїѣнскы, 274.
Стѣфань, 41; -на, косв., 45.
Стѣдіе, 187; -їа, косв., 187.

Ѣатїана, ж., 50.
Ѣеодѣра, ж., 188;
Ѣеодѣрь 253; -рѣ косв., 252;
-ра, косв., 220.
Ѣеодѣра, Трихїйского, косв.,
 215.
Ѣеод(о)сіе, 247; -їа, 231; -їа,
 косв., 243; -їево, прил.,
 ср. ед., 247.
Ѣеодѣта, ж., 145.
Ѣеодѣль, 196; -лѣ косв., 196.
Ѣеоктїсть, 244; -та, косв., 244.
Ѣеопїста, ж., 53; -тѣ косв., 68.
Ѣеопїсть, 53.
Ѣеопїль, 214; -лѣ косв., 217;
-ла, косв., 221.
Ѣѣма, 92; -ѣмн, косв., 91; -ѣмѣ
 косв., 91; -ѣма, косв., 92;
-ѣмо, зв., 91.

Терѣтіа, ж., 102.
Траїань, 49.

Оувеналїй, 214.
Оурошъ, 278.

Флавїань, 212.
Фока, 138.
Фѣліа, 214.

Х(ристо)с, 348; -ѣ косв., 300.

Аваѣнско мѣсто, косв., 135.
Агрику, косв., 86.
Априакѣ, скелѣта, 278.
Аколѣа, град, 184.
Амаѣ, град, косв., 173.
Амореа, косв., 346; -ѣйска,
 прил., ж. ед., 163.
Анатолѣа, косв., 129; -лѣска
земля, 128.
Анѣдрополь, 92.
Антиохѣа, град, косв., 207;
-хѣйскѣй, прил., м. ед., 207,
-хѣйска, ж. ед., 214.
Аравѣйско, прил., ср. ед., 325.
Аравѣтскѣй, прил., м. мн., 325.
Арась, косв., 229.
Арфеѣ, град, косв., 173.
Асѣа, 76.
Асѣадѣтѣ, земля, косв., 145.
Асѣрѣй, косв., 174.
Асѣна, косв., 208, -нѣскѣй,
 прил. м. мн., 208.
Афригѣй, град, косв., 127; -ѣа,
 129; -ѣиско пристанище, 130.
Вавѣлона, косв., 178.
Вадистѣнь, село, 59.
Веврикѣа, мѣсто, косв., 180.
Велѣка Фригѣа, град, 277.
Вѣанѣа, 348; -ѣа косв., 341;
-ѣю, косв., 342.
Вѣрсавѣй, косв., 169.
Вѣлеем, 190; -ѣеме, зв., 309.
Влахѣй, косв., 126.
Галгалѣх, косв., 166.
Галилай, косв., 311
Гѣрмѣа, мѣсто, 187; -ѣа, косв.,
 187.

Дана, косв., 169.
Дарѣйскѣй, пѣть, косв., 142.
Дарѣн, мѣсто, косв., 191.
Дѣйрѣ, поль, косв., 175.
Дренополе, 70.
Епѣватѣ, град, косв., 112; -тѣ,
 косв., 107, -тѣска земля, 110;
-тѣско мѣсто, 103, -тѣсѣй,
 прил., мн., 109.
Ерикѣнь, косв., 163; -на, косв.,
 320.
Есѣвѣй, град, 163.
Есѣвѣнь, град, 320.
Ефѣсь, град, 76; -скаг(о),
 прил., м. ед., 86; -сѣи, мн.,
 77.
Ефрем, град, косв., 342.
Ефреѣвъ, прил., м. ед., 309.
Ефреманѣ, мѣсто, косв., 148.
Јадасѣнѣа, рѣка, косв., 65.
Јераѣмѣ, град, косв., 185.
Јер(оу)с(а)лѣмова, прил., ж. ед.,
 340.
Јскѣопол, косв., 249; -полѣю,
 косв., 250.
Јсеалѣй, косв., 218; -ѣйскѣе,
 прил., м. мн., 218.
Кападокѣйска страна, косв., 229.
Касѣлѣй, косв., 220.
Кѣсарѣю, косв., 249; -рѣиско
мѣсто, косв., 243; -рѣйскаго,
 прил., м. ед., косв., 273.
Киликѣйскѣе, таврѣ, косв., 229.
Кѣна, рѣк[а], 186.
Коласае, мѣсто, 187.
Кѣрсѣнь, град, косв., 150.
Кѣксѣ, косв., 223.
Кѣфа, рѣк[а], 186.

Ларисъ, косв., 142; -рѣискыи,
 прил., м. ед., 142.
Леонъ, мѣстото, косв., 280.
Ливѣа, косв., 272; -вѣиска
страна, косв., 277.
Ликѣа, косв., 186.
Лѣзволи, мѣсто, 84.
Лѣтъ, островъ, 192.
Мадитъ, косв., 104.
Мала Фригѣа, 277.
Марма Раднѣаска, мѣсто, 76.
Мерра, мѣсто, косв., 332;
-рскаѣ, прил., ж. ед., 332.
Мидамъ, косв., 102.
Мирѣа, 276; -рѣане, мн., 277;
-рѣаном, мн. косв., 277.
Мириликѣа, косв., 266; -ѣа,
 косв., 285; -ѣиски, прил.,
 м. ед., 257; -ѣискаго, косв.,
 253; -ѣиска страна, 266;
-ѣиские епархѣе, 270.
Мѣсирѣ, пѣстынѣа, 326; -рѣ,
 косв., 326; ѣрска, прил.,
 ж. ед., 264.
Мѣталаска, селѣ, косв., 243.
Назарѣеъ, косв., 311.
Никѣи, градъ, косв., 273.
Никомидѣиского, прил., косв.,
 273.
Парѣом, косв., 102.
Патѣръ, градъ, 257; -арѣ, косв.,
 266.
Пѣтъмскы островъ, 79.
Перѣсидъ, 102, -идъ, косв.,
 324.
Понитско мѣре, 229.
Римъ, косв., 274.

Самарѣи, градъ косв., 173;
-ѣа, косв., 171.
Сарѣи, селѣ, косв., 167.
С(ва)лѣа Гора, 111; -тѣ -рѣ
 косв., 111; -ѣю -рѣ косв.,
 190.
Селѣвкѣа, косв., 76.
Семѣаръ, градъ косв., 173.
Сѣръ, 111.
Сѣонова, прил., ж. ед., 340.
Сѣрѣе, косв., 311.
Сѣринѣско, мѣсто, косв., 210.
Скѣѣю, косв., 180; -ѣтѣско
мѣсто, косв., 122.
Сѣлѣнскыи, прил., м. ед., 117;
-ѣнѣане, 136.
Состѣнѣа, мѣсто, 180.
Ѣталѣа, 121; -ѣиски, прил.,
 м. ед., 119.
Тѣрского, прил., м. ед., косв.,
 273.
Тѣраѣирска страна, косв., 147.
Тѣвалѣа, косв., 111.
Тѣоѣа, 277.
Оуанѣдѣла, селѣ, 122.
Ферманѣ Вѣсточны, мѣсто, 147.
Ферманѣско, мѣсто, косв., 147.
Флавѣанѣскы, монастырь, косв.,
 251.
Фѣѣръ, мѣсто, 324.
Хѣломѣнда, гора, 133.
Хѣнтѣ, градъ, 185.
Хѣриса, рѣка, 186.

Более последовательно в словаре отражены аппеллятивы, употребленные в тексте в роли имен собственных, однако никаких указаний на эту их особую функцию не дается. Ср., например, оформление в словаре существительных овѣнь, юнѣць, близнѣць, ракъ, лѣвъ, лѣва, козирогъ, водолѣи, риба, употребленных на стр. 318 Троян. как названия знаков зодиака.

В словаре находим немалое число "слов", появившихся в результате неправильного сегментирования слитных написаний рукописного текста. Естественно, что и грамматические пометы к таким "словам" нуждаются в исправлении. Интересно, что в самом изданном тексте слова в этих случаях выделены иначе, верно⁶⁰. См., например, следующие словарные статьи: въмыслѣнаа, прил., ж. ед., 153; въчюв'ствѣна, прил., ж. ед., 153; въставѣна, прил., ж. ед., 153; въоѣставѣна, прил., ж. ед., 153⁶¹ (в тексте: На три дѣлове раздѣлена е сичка направа б(о)жѣа... въ чюв'ствѣна. въ мыслѣнаа, и въ оѣставѣна); горе, нареч., 158 (в тексте: еднѣ постигнѣха въ адъ, а другѣе оѣстаха на землѣ шпорѣ); заврѣх, предл., 179 (в тексте: тогѣва го грабѣ... за врѣх главьѣта мѣ); где, нареч., 374 (в тексте: тоа... ѡтгдѣ се найдѣ тѣка); замного, нареч., 58, 90 (в тексте: и стоѣа на таѣа мѣсль за много, 58; и помѣли се б(о)гъ за много, 90); израджѣват', св., сег. 3 мн., 67 (в тексте: и здравѣват' се); нальжѣ, нареч., 73 (в тексте: и когѣ се заклѣнаме въ ег(аг)г(е)лѣе, или на льжѣ или на истина); нанѣсѣ, нареч., 278 (в тексте: станѣха на нѣсѣ); намѣсто, нареч., 266 (в тексте: и поклѣни се... на мѣсто с(в)атѣ голгоѣе, и ч(ь)стномъ кр(ь)стѣ); наочи, нареч., 13 (в тексте: да не... зѣмѣшъ нѣщо... или на бѣи, или скрѣшма); наполовина, нареч., 328 (в тексте: на половина пѣтѣт' сѣ); немаль, прил., м. ед., 261; -ло, ср. ед. 270 (в тексте на стр. 261 глѣда... възель не малъ, на стр. 270: и прѣбѣ там(о) врѣме не мало); нѣще, неск., сег. 3 ед., 201; -щѣ, сег. 3 ед., 81 (в тексте: нѣще никой да ми стане кр(ь)сникъ, 201; и молиха мѣ се да ѡлѣзе ѡ градъ... а тоѣ не щѣ, 81); низащо, нареч., 2, 203, 299, 375 (в текс-

⁶⁰ Можно, впрочем, назвать и случаи, когда, напротив, в словаре сегментация рукописного текста верная, а в издании — нет, ср.: нальто нареч., 97 (в тексте: сички майсторе на льто започнѣват), бащѣта, ед. чл., 9 (в тексте: да любишъ бащѣа си... ѡти бащѣа та е вторѣи б(о)гъ с(н)нѣ си); ѡтпрѣвень, нареч., 40 и др. (в тексте: а ѡт прѣвенъ се зовѣше коласѣе); нарѣа, ж. кось. ед., 342; пистикий, прил., м. ед., 342 (в тексте: прѣѣмъши литрѣ мѣра нарѣапис-тикий много цѣнѣнны); сирѣч, нареч., 5 и др. (в тексте: сѣ рѣч, 5) и под.

⁶¹ Два последних слова соответствуют одному и тому же написанию в тексте: въоѣставѣна, т.е. въ оѣставѣна.

те стр.2: да не завидишь ни́къмъ ни за що ни кѣѣта мѣ, ни сѣлице мѣ, стр. 375 вообще нет; в остальных случаях в тексте также раздельное написание); ни́къто, нареч., 187 (в тексте: расболѣ се... и не можаше ни ѡт що да се испѣли); ни́накого, м. косв., ед., 11 (в тексте: който не дрѣжи дѣшманъ лѣкъ ни на кого); ни́откого, косв., ед., 42, 237, 314 (в тексте везде раздельно: ниѣ това... ни ѡт кого до сѣгы не смѣ чѣле, 42); ѡтневидимо, нареч., 61, 214 (в тексте: и чѣ глас ѡт невидимо, 61, и ѡт невидимо ѣви се бѣль гбѣль 214); помалъко, нареч., 246 (в тексте: и така по малъко.. та се събраха дрѣжина); прѣзмѣра, нареч. 207 (в тексте: не послѣшаи го да пѣшь прѣзмѣра) и др.

В самостоятельных словарных статьях в индексе иногда представлены различающиеся между собой на графико-орфографическом уровне написания одного и того же слова, хотя во "Введении" составитель и предупреждает, что в словаре отмечаются лишь "фонетические варианты слов" (стр.10)⁶². Так, например, отдельно, без взаимных отсылок, даны статьи: безгласнѣ, прил., мн., 195 и безгласны, прил., мн., 85 (паерок в новоболгарских рукописях часто употреблялся в силу традиции на месте утраченных редуцированных, что можно сказать и о данном случае); презвѣтера, м., косв., ед., 217 и прѣзвѣтера, м., косв., 217, 219 (кстати, на стр.217 данное слово употреблено только один раз в первом написании, на стр.219 в изданном тексте также находим написание без ѣ: прѣзвѣтера.).

⁶² Заметим попутно, что понятие "фонетический вариант слова" трактуется в словаре весьма широко. Довольно последовательно в нем отмечаются написания, за которыми отнюдь не обязательно скрываются фонетические различия, например: мѣжа, мѣжа, мѣжа; вдигнѣ и вдигнѣ, аор., 3 ед.; легнѣ и легна, аор., 3 ед., болѣринѣ и болѣринѣ. Решение фиксировать подобные графико-орфографические различия представляется в принципе правильным. Орфография новоболгарских дамаскинов отражает влияние различных правописных школ и традиций. Поэтому вопрос о том, в каких случаях за различиями в написаниях стоят фонетические различия и в каких – нет, нуждается в специальном глубоком исследовании и не может быть решен при составлении словаря. Даже написания, на первый взгляд, безусловно свидетельствующие о различиях на фонетическом уровне (например, написания 3 л. мн. наст. вр. видѣть, 90 и видѣть, 161), не могут быть интерпретированы вне учета всей ситуации. В частности, написания типа видѣть (ст.-сл. видѣтъ) могли проникнуть в новоболгарский текст под влиянием его славянского оригинала болгаро-сербской редакции, а не отражать живое произношение писца. По-видимому, во "Введении" следовало более ясно высказаться по данному вопросу.

В то же время в одну словарную статью нередко объединены орфографические варианты, за которыми стоят различия на фонетическом уровне, например: похва́ла, пофа́ла, любиш, -би; ли́би, любите и под. Даже в тех случаях, когда эти различия касаются начала слова, отсылочных слов не дается, что затрудняет пользование индексом. Ср., например, статьи: фа́та, фа́неше, фа́ти, хвати́ се, фа́тиха, фа́цаи; хва́ли, -льт, фа́латъ, хва́лаше; кла́денецъ, гла́денецъ, кладен'це, -ницъ и под. Фонетический вариант галбо́рь, м. ед., 140, дан в отдельной статье, но никакой отсылки к варианту кало́геръ нет. Кстати, в статье, посвященной последнему слову, находим словоформу галбо́ре, мн., 18, которой нет в статье галбо́рь, а также еще один фонетический вариант: кало́брь. Иными словами, выделение словарных статей в индексе далеко не всегда соответствует общепринятой практике и содержит ряд несоответствий⁶³.

Не продуман вопрос о подаче в словаре омонимов и многозначных слов. С одной стороны, абсолютные лексические омонимы, к тому же различающиеся в части форм парадигмы, даются без каких-либо оговорок в одной словарной статье. См., например, статью: пѣть, м. ед., 68, 82, 142, 148, 164, 223, 290, 328; пѣть, ед. 165, 223, 328; -тѣт' ед. чл., 318, 322; -ѣтъ, ед. чл., 347, 348; -ѣт', ед. чл., 328; пѣты, (в словаре ошибочно -пѣты), косв. ед. 346; пѣти, мн., 73, 164; пѣтища, мн., 87, где объединены и даны попеременно формы слова пѣт (чл. -ѣт, мн. -ица, -и 'путь', 'дорога' и слова пѣт (чл. формы нет, мн. -и) 'раз'. Ср. в тексте: мѣже... заго́бены ѿ истинны пѣть, 82; иде ѿ дарійскыи пѣть, 142; си постилаха дрѣхите по пѣтьтъ, 348; и постилаха си дрѣхите по пѣты да ходи оновѣ мѣле по тѣх, 346; и ходише по горѣи... по пѣтища, 87, но: а тои пакъ пѣсти втори пѣть много чл(овѣ)ци, 164; а нѣе много пѣти... та се ѿмѣтиваме ѿ хр(исто)во име, 73. С другой стороны, в самостоятельные словарные статьи выделяются различные значения многозначного слова, общность семантического ядра которого не вызывает сомнений. Оформляются такие статьи

⁶³ В частности, совершенно не продумана в словаре система сопоставительных и отсылочных помет. Первые вообще отсутствуют (ср. необходимость в сопоставлении при оформлении, например, статьи: всѣ, мест., м. ед., 18, -сѣ, мн., 224 и статьи: сѣ, мест. и прил., ж. ед., сѣ, ср. ед.; в тексте: стоаха на м(о)лба сѣ ношѣ, 268; сѣ сѣ ср(ѣ)д(ѣ)це, 9; статьи: всѣакомѣ мест., м. ед., в'сѣака, ж. ед., -сѣако, ср. ед. и статьи: сѣаки мест., м. ед., свакаго, м. косв., ед., свакоѣ, ж. ед. — здесь вторично дается и всѣакомѣ в'сѣака. и мн. под.). Отсылочные пометы даются лишь для супплетивных форм слова. К сожалению, мы не имеем здесь возможности дать более подробный анализ этой стороны словаря.

по-разному. В одних случаях многозначное слово приводится в словаре необходимое число раз без каких-либо пояснений, например: Видѣнїе, ср. ед. 48, 212; -нїето, ед.чл., 213, 304. Видѣнїе, ср. ед., 54, 78, 105, 140, 245, 268⁶⁴. В других случаях дается толкование одного, менее распространенного значения слова, например: Градъ м. ед., 87, и др. Градъ, "ограда", м. ед., 184⁶⁵; М(о)л(и)тва, ж. ед., 10 и др. М(о)л(и)тва, ж. ед., жертва, 167, -твѣ, мн., 322. Наконец, толкование дается ко всем выделенным в отдельные статьи значениям слова, например: Свѣтъ, м. ед., светлина, 29 и др.; Свѣтъ, м. ед., тоя святъ, 6 и др.; Свѣтъ, м. ед., много хора, 136 и др.⁶⁶

Как видно из "Введения" (стр.10), в словаре предполагалось дать набор только синтетических ("флективных") форм слова. Сложные формы разбираются на составляющие их компоненты, последние фиксируются в соответствующих статьях. Сам по себе этот принцип приемлем, хотя и можно сожалеть, что благодаря ему словарь-индекс не дает полного представления об инвентаре форм аналитического новоболгарского языка памятника. Однако на практике он не выдержан до конца, особенно в глагольных статьях, что невольно ведет к искажению общей картины. Так, например, при полном отсутствии данных о большинстве сложных форм глагольных времен и наклонений в словаре неожиданно приводятся

⁶⁴ Читателю нетрудно убедиться, что само распределение страниц с примерами употребления по отдельным значениям слова дано неверно. В тексте на стр. 212, 213, 54, 58, 105, 140, 245, 268 слово видѣнїе означает 'явление чуда', 'видение', на стр.48, 304 – само действие "смотрения".

⁶⁵ Толкование значения слова сомнительно. Из контекста видно, что речь идет не об "ограде", а о высокой деревянной постройке, сооруженной сарапинами с целью поднять на нее камень и перебросить его через крепостную стену города Аколии на крышу храма: сторѣха градъ дрѣвень ѡтѣѣнка. и ѡсѣ нѣкоѣ хѣтрос(т), сѣсѣ въжѣа и сѣ скрипѣци, вдигнѣха камикъ голѣмъ ѡтѣѣрь и пѣстиха го на покрѣвьтъ прѣ(ъ)ковный, 184.

⁶⁶ Толкование значений отдельных слов, в принципе не входящее в задачи словаря-индекса, находим и в некоторых других случаях, где в этом нет специальной необходимости. См., например, толкование глаголов: Ѡтвѣза, св., отвѣзвам, мин.свр. 3 ед., 17 и т.д.; Ѡтвѣзешъ св., отвѣзвам, мин.свр. (вм. наст.), 2 ед., 131 и т.д.; Чювам, несв., пазя, сег. 1 ед., 68 и т.д.; Чюем, несв., чувам, слушаю, сег., 1 ед. 51 и др. Отметим попутно отсутствие единства в техническом оформлении толкований слова, которые даются то обычным шрифтом в кавычках, то курсивом, то вообще обычным шрифтом без какого-либо выделения.

отдельные случаи употребления некоторых из сложных форм. В частности, отмечено два случая употребления формы будущего времени: щѣть да оульзывать, щѣ да наложѣ⁶⁷, и один — формы будущего в прошедшем щѣше да се потопи, что, не говоря уж об отклонении от исходного принципа, может создать у читателя ложное представление об исключительности этих обычных, широко употребительных в памятнике форм.

Значительно чаще, хотя и далеко не во всех случаях, отмечается употребление форм будущего времени типа ща завѣ, ще пріе, ще иска, щем пи, (щете) най, в состав которых входит настоящее время вспомогательного глагола ща и сокращенный инфинитив. Это связано с тем, что автор почему-то не смог прийти к единому решению относительно подачи в словаре форм сокращенного инфинитива. Эволюция взглядов по этому вопросу легко прослеживается на материале словарных статей. Сначала указанные формы, независимо от того, в каком сочетании они встретились в тексте, даются самостоятельно с пометой "инф.", реже — "сѣкр. инф.", что вполне уместно и соответствует исходным принципам (следовало бы только дать везде помету "сокр. инф.", поскольку в тексте отмечен и полный инфинитив, например, въплѣтити се, 363). Так представлены, например, словоформы чини (в тексте: щѣ чини, 244), вовѣ (в тексте: щем ѿ вовѣ, 238), връна (в тексте: той ще ти връна това, 8), видѣ (в тексте: сп(а)сеніе немате ѿ тѣго видѣ, 32, не можеш видѣ, 99), заклѣ (в тексте: тогѣва се недѣи заклѣ, 6). Затем составитель решает в скобках указывать словоформу, в сочетании с которой использован сокращенный инфинитив по образцу: (може) исказа, сѣкр. инф., 46; (мога) исправи, сѣкр. инф., 211; (ще) зѣ, бѣд. 3 ед., 81; (щете) най, бѣд. 3 мн., 311. Как мы видим, хотя формы ще, щете и стоят в скобках, привлекая наше внимание к форме сокращенного инфинитива, в качестве грамматической пометы дается значение сочетания в целом как сложной формы будущего времени. Наконец, скобки исчезают, а сочетание с сокращенным инфинитивом начинает интерпретироваться в зависимости от воли автора, например: недѣите задрѣмѣва, сѣкр. инф., 313; недѣите рѣ, повел., 2 мн., 22; не могат прѣмина, сѣкр. инф., 58; можеш заврѣтъ, сѣкр. инф., 346; не можем пои, сѣкр. инф., 60; избави ѿ щете, бѣд., 2 мн., 264; щем ооѣмна, бѣд., 1 мн., 329 и под.

Аналогичную эволюцию наблюдаем и в методике подачи в словаре форм настоящего времени, употребленных в памятнике в составе так называемых "да-предложений". Вначале, в соответствии с исходными принципами, автор дает эти формы вне сочетания с да, причем они по-

⁶⁷ Мы не учитываем здесь казусный случай указания в словаре формы щем поимем с пометой бѣд., 1 мн., вместо щем да поимем (в тексте щем да те поимем, 199).

лучают соответствующую своей морфологической природе характеристику, например: замине, св., сег., 3 ед., 321 (в тексте: не можеше да замине); свободи, св., сег. 3 ед., 361 (в тексте: сичко то ва би... да свободи нас); оукоришь, св., сег. 2 ед., 10 (в тексте: да не оукоришь никога чл(овъ)ка што е старъ); удиви, св., сег. 3 мн. 302 (в тексте: кои да чье... и да се не удиви; заведъ, св., сег. 1 ед., 148 (в тексте пusti ме да те заведъ при него). Затем наблюдается сдвиг: выделенные из сочетания с да и представленные самостоятельными формами наст. времени получают грамматическую характеристику, присущую сочетанию в целом, например: въздръжаваме, несв., повел. 1 мн., 330 (в тексте: да се въздръжаваме; отметим попутно пропуск в словарной статье возвратной частицы се); заведъ, повел., 1 ед., 237 (кстати, в тексте нет значения повел.наклонения: не щъ та остави... догдѣ те не заведъ); раствратъ, повел. 3 мн. 271 (здесь также ошибочная интерпретация текста: пusti повелѣніе... да се раствратъ); въложим, св., повел., 1 мн., 333 (в тексте словосочетание: елате да въложим). Наконец, в словарь включается все "да-предложение", которое либо получает грамматическую помету в зависимости от своего значения в целом (причем здесь масса ошибок в интерпретации, на что мы только обращаем внимание читателя), либо определяется как форма... настоящего времени, например: да врьне, повел., 3 ед., 190; да погине, св., сег., 3 ед., 41; да исповедаме, повел., 1 мн., 15; да ообдим, св., сег. 1 мн., 334; да шпѣстать, повел., 2 мн. (вм. 3 мн. - Е.Д.), 271; да пѣстать, сег. 3 мн., 71; и даже: да ме оставите, повел., 2 мн., 100; но: да възвесѣлим, повел., 1 мн., 115 (в тексте: елате да се възвесѣлим).

Подобные же колебания обнаруживаются при подаче в словаре безличных глаголов. Иногда приводится все безличное предложение, например: нажали ми се, св., мин. свр., 1 ед., 229; чини ми се, несв., сег., 1 ед., 194, причем грамматические пометы никак этого не отражают. В других случаях приводится только безличный глагол, входящий в такое предложение, но без соответствующей пометы к нему, например: пощѣ се, св., мин. свр., 3 ед., 251 (в тексте: пощѣ мѣ се). Иногда помета безл. дается, но сам глагол дан вне конструкции с частицей се, например: помѣга, несв., сег. безл., 351 (в тексте нѣмѣ се не помѣга шт по(с)т нищо). Встречаются случаи, когда помета безл. дается к возвратному глаголу, который в словарной статье иногда представлен и без частицы се, например: придава, несв., сег., безл., 352 (в тексте: нищо ми се не придава); слѣчи се, мин. свр., безл., 56 (в тексте: слѣчи се празникъ); въцари се, св., мин. свр., безл. 70 и др. (в тексте: въцари се на мѣсто него царь Адриѣанъ, 70; в др. названных случаях также с подлежащим). Пропуск возвратной частицы се - одна из распространенных ошибок в оформлении словарных статей.

Ср., например: да възвесѣлим, повел., I мн. 115 (в тексте: елѣте да се възвесѣлим); въздрѣжаваме, несв., повел., I мн., 330 (в тексте: да се въздрѣжаваме); въсели, св., мн. свр., 3 ед., 31 (в тексте: се въсели горнаа прѣмѣдрос(т)) и др.

При определении границ глагольных лексем А.Иванова отходит от лексикографической традиции, прибегая к своеобразной гнездовой подаче материала. В одну словарную статью включаются не только разные видовые формы данного глагола (что само по себе вполне допустимо), но так же и суффиксальные образования от исходной видовой основы, которые отличаются по своему лексическому значению (способу действия), а иногда представляют собой глагол с иным номинативным значением. См., например, статьи: грабѣть, несв., сег., 3 мн., 137; -бѣха, мин. несв., 3 мн., 137; -бнхъ св., мин. свр. 3 ед., 67, 179 (в тексте на стр.137 значение "грабить": запали се цр(ъ)квата... и чл(овѣ)ци... текоха да ꙗ грабѣть. и едни ꙗсеха, а други грабѣха сребро... като видѣ ключаръ... да грабѣть сребро... привика... високо; на стр.67,179 значение "схватить": тоѣа час доде лѣвъ и грабнхъ мѣнь. и като мѣ носеше..., 67; тогѣва го грабнхъ арх(а)гг(е)лъ михайлъ за врѣх главьта мѣ 179); завезем, св., сег., I ед., 276...; -везѣва, несв., сег., 3 ед., 4 (в тексте на стр.276 значение 'отвезти': ѣа пшеница... на мириликѣ... да ꙗ завезем; на стр.4 значение 'магическое действие в суеверном обряде': зарад тоѣ бл(а)г(о)с(ло)вѣни хр(и)стіане, никои да се не прѣлѣсти въ бѣсенъ и въ маѣа. или да завѣзѣва добѣтъкъ свои, да го не ꙗдѣтъ вѣщи, нито млѣдѣнци да завѣзѣва, мѣжа или жень, нито чинѣте на болни чл(овѣ)ци). Сам принцип гнездовой подачи глагольных лексем осуществлен не до конца, ряд взаимосвязанных глаголов (и даже видовых пар) дан самостоятельно. См., например, отдельные статьи на глаголы (даем заглавные формы): заклинам и закльна, отвращам и отврѣна; прѣстровам и прѣсторѣа и др.

Обращаем внимание читателя на содержание словарных статей бѣва, бѣдѣ, съмѣ, в которых смешаны словоформы, относящиеся к разным парадигмам.

Немало в индексе погрешностей в определении грамматического значения слов и словоформ. Помимо отмечавшихся выше, см., например: благое, сущ. ср. ед., 305 (в тексте прил.: да люби праведно и бл(а)-гое. и да съмѣслова що е добро и подобно); бл(а)го, нареч. 334 (в тексте сущ. с предлогом: сътвори оъ мною знаменіе въ бл(а)го), видѣло, нареч., 14, 97, 101, 246, 318, 349 (в тексте прич. ср. ед.: што бо не ꙗ видѣло, и оухо не ꙗ чѣло, 14; да свѣти да е видѣло, 97, бо чл(овѣ)чьско нѣ е видѣло, 101, мѣсто широко и видѣло ѿ сл(ъ)нце-то, 246; коѣ смѣса ѣма тъмно оъс видѣло, 349); въринеш, несв., 74 (вм. св. в.); въспрѣеше, св., мин. свр., 3 ед. 289 (вм. 3 мн.); гольмо, сущ. ср. ед., 128 (в тексте прил. ср. ед.: ѿ чѣдо гольмо); горе,

нареч., 235, 203, 367 (в тексте сущ. ср. ед.: ω горе мѣнѣ, 235, горе... томѣва, 203; ω горе тѣбѣ, 367); готовото, нареч., 203 (в тексте прил. ср. чл.: кога... пѣшь сички д(ъ)нѣ... прѣзь ѡна д(ъ)нѣ що щѣше да оуработишь; загъбилъ си и готовото разнесе); да, предл., 6, 33 и др. (вм. союз или частица); ѣде кои, част., 5, 201, 268; ѣде коа, 201, (вм. неопр. мест.); ждрьбе, прил., ср., ед., 76 (в тексте сущ. ср. ед.: мѣтахъ... ждрьбе, като мѣ се паднѣ ждрѣе); живо, нареч., 147 (в тексте прил., ср. ед.: и змѣа... оуѣзе мѣ въ оустата... и той привика, скоро вижте що мѣ е живо оу корѣмѣт; тот же случай в словаре дан и как пример на прил. ср. ед.); завезем, св., сег. I ед., 276; (в тексте I мн.: брѣтѣ... да пойдѣм тамо да завезем... и по добръ щем тамо прода); зѣйдеше, мин., свр. 3 ед., 258 (вм. мин. несв. – имперфект); заклинам, св., сег. I ед., 263 (вм. несов. в.); заплъзъ, несв., мин. свр., 3 ед., 24 (вм. сов. в.), запрѣшаѣтъ св., сег. 3 ед., 165 (вм. несов. в.); земльнѣ, нареч., 288, 351 (в тексте прил. ср., ед.: и той ѡше чл(овѣ)къ, и тѣло има ше земльнѣ, 288; а тѣло е пакъ ѡт землѣ и земльнѣ лѣби, 351); зымъ нареч., 224 (в тексте сущ., ж. ед. с предл.: защо скръѣбишь и тѣжишь или защо лютѣ зима... Амѣ ако щѣшь да ти покажѣ прилика на щото по тѣглихъ ме. Морѣто глѣдахме, ѡт днѣно долъ разыграло се... и плови те... плачѣха и скръѣха се, и ѡт зымъ не оусѣщаха се); злѣ, нареч., 4, 223 (в тексте сущ., ср. ед. с предл.: кога граче врана... да не речѣ на злѣ граче, 4; стражѣте ги поѣха съсъ злѣ, 223); зѣда, сущ., м., дв., 91 (в тексте глагол, несов., наст. вр., I ед.: да ише... зѣдника щѣ зѣда каменѣе); изѣбгнешъ, несв., сег., 2 ед., 74 (вм. сов. в.); извѣраше, св., мин.несвр., 3 ед., 195 (вм. несов. в.); износим, св., сег., I мн., 304 (вм. несов. в.); износѣха, св., мин. св., 3 мн., 45 (вм. несов. в., мин. несв. – имперфект); исѣхѣа, ж., ед. 210, 212 (вм. м. р. в тексте: нѣкой калѣгеръ името мѣ исѣхѣа, 210; исѣхѣа провидѣвъ, 212; нет пометы ЛИ); молише, мин.свр. 3 ед., 247 (вм. 3 мн.); налѣчим, несв., сег., I мн., 43 (вм. сов. в.); намѣсти, несв., сег., 3 ед., 214, 215 (вм. сов. в.); н(е)б(е)с(ъ)но, нареч., 351 (в тексте прил., ср. ед.: защо е д(оу)шѣ невидѣна и н(е)б(е)сна: затова и н(е)б(е)сно лѣби); нищо, нареч., 71 (вм. отриц. мест. – сущ.); ѡтвѣзешъ, св., мин. свр., 2 ед., 131 (вм. наст. вр.); Палестинско, сущ., ср. ед., 249 (в тексте прил. ср. ед.: на палес тинско мѣсто); пожнѣваха, св., мин. свр., 3 мн., 166 (вм. несов. в., мин. несв. – имперфект); полежи, несв., сег., 3 ед., 22 (вм. сов. в.); порадѣвашъ, несв., сег., 2 ед., 12 (вм. сов. в., в тексте глагол возвратный; да се не порадѣвашъ за ѡмрътъ дѣшманина твоего); посѣдише, мин. несв., 3 мн., 238 (вм. мин. св. – аорист); послѣгѣва, несв., сег., 3 ед., 156 (вм. сов. в.); постѣнѣ, несв., повел., 2 ед., 359 (вм. сов. в.); посѣчеше, св., мин. свр., 3 ед., 258 (вм.

мин. несвр. – имперфект); привръшваше, св., мин. свр., 3 ед., 133 (вм. несов. в., мин. несвр. – имперфект, глагол возвратный: истече мъро... и никога се не привръшваше); свѣтло, сущ., ср. ед., 230; -тлое, ед., чл., 355 (в тексте прил. ср. ед.: облѣче се в'се оу ново и свѣтло, 230; свѣтлое въскр(е)сѣние, 355); се, прил. неизм., 9, 277, 313 (в тексте мест., ср. ед.: оъ се ср(ъ)д(ъ)це, 9); сичко, нареч. 335, 359 (вм. мест.); оуцѣним, сег., 2 мн., 92 (вм. 1 мн.) и др.

К особой категории ошибок относится пропуск грамматической пометы там, где она необходима, вследствие чего словоформе приписывается несвойственное ей в тексте значение. Особенно часто опускается помета косв. при именах существительных основ на -а, что приводит к осмыслению их как форм им. падежа. Ср., например, оформление словарных статей: вода, ж. ед., 19, 26, 186, 292, 318, 332, -дѣта, ед. чл., 186, 293, 332; -дѣ, ед., 25, 150, 158, 161, 200, 358, 360, -дѣта, ед. чл., 23, 180, 186 (в тексте им. падеж вода имеем лишь на стр. 26, 186, 292, 318; на стр. 19, 332 это косв.; словоформа водѣта на стр. 332 выступает и как им. п. и как косв.: оу водѣта; словоформа водѣ на всех указанных страницах, кроме 158, на которой слова вообще нет, является косв. падежом, причем на стр. 358 в тексте написание вода; словоформа водѣта во всех случаях выступает как косв. п.; баща, м. ед., 7, 9, 82, 185, 315; -щѣ, ед., 83, 200, 258; -щѣта, ед. чл., 9 (в тексте на стр. 9, 315 косв. п., причем на стр. 315 написание бащѣ; словоформа бащѣ на всех названных страницах является косв. п.). См. также неточное в этом отношении оформление статей: борба, братѣта, бѣра, бѣда, воиска, гора, грижа, иглѣ, игра и мн. др. Подобная же нивелировка отмечается при оформлении членных форм ж. р. основ на согласных (крѣвѣта – им., крѣвѣтъ – косв.); имен прилагательных ж. р. и некоторых местоимений. Между тем, разграничение форм им. и косв. падежей основ на -а типа вода, водѣта (им.) – водѣ, водѣта (косв.) и согласующихся с ними по падежу форм является одной из ярких особенностей языка новоболгарского первооригинала и восходящих к нему списков, которая проливает свет и на диалектную принадлежность их создателей. Отмечающийся нередко пропуск иных помет (например: б(о)гѣтого, косв., ед., 178; гемидѣтомѣ косв., ед., 130 – не указано, что форма членная, и под.); конечно, нежелателен, но такого принципиального значения не имеет.

Определение в словаре грамматического рода существительных, в том числе тех, которые в болгарских говорах допускают колебания в этом отношении, а также заимствованных слов, далеко не всегда основано на данных отмеченных в тексте согласовательных связей, поэтому ко многим таким пометам следует относиться критически. Например, существительные лѣй, пѣпель даны с пометой ж. р., гнѣй – с пометой

м. р., в то время как на указанных в словарных статьях страницах текста они употреблены вне согласовательных конструкций, а именно: оузе данїи́ль смо́ль и ло́й и ко́смы. и омѣси тѣх, 178; и снїа капи́ща ста́нѡваха на пѣпелѣ, 271; ако и пѣпелѣ ои́ постѣлешѣ, 352; повелѣ... да носи гнѡй на ло́зіе, 128. Ср. отнесенность в памятнике существительного прахъ к м. роду: прахъ тѣнькъ, сытенъ, 90. К м. роду причислено употребленное вне согласовательного контекста сущ. жиз'нь (в тексте: житіе и жїз'нь, 253) и под.

Колебания в выборе грамматических помет наблюдаются при обозначении так называемой "счетной формы" (болг. "бройна форма") или формы количественно-определенной множественности⁶⁸ имен существительных м. р., ср. статьи: болі́арина, дв., 201 (в тексте: о́нїа двѣта болі́арина); грѡша, м. мн. след. числ., 46, 92 (в тексте: продаде... за'л грѡша, 46; оузе... ꙗ́ грѡша, 92); при характеристике особой собирательной формы на -їе (чл. форма -то), которая в языке новоболгарских дамаскинов образуется от существительных всех трех родов, ср. словоформы типа звѣріе, звѣріето (наряду с мн. звѣрѡве), каменіе, каменіето, лозіето, людіе, ливадіето, мѡжіе, пастыріе, пастыріето, планиніе, чръвіе и под. Л.Милетич относит эту форму к ср. роду⁶⁹. В словаре она характеризуется то как форма мн. числа сущ. ср. рода (ср. ливадіето), то как мн. число к исходному существительному соответствующего рода; словоформа людіе дана с пометой р. т. (Ср. помету к словоформе родніната: ед. и сѣбир. чл.).

В словаре много неточностей, непоследовательностей и ошибок в оформлении и документации словарных статей, однако мы не имеем возможности подробно на всем этом остановиться. Обратим внимание на полный произвол составителя в решении давать или не давать к тому или иному иноязычному слову помету о его происхождении (ср. а́ль, гр., но о́ухъ, ва́та, кайль, сїньоръ, сѣли́наре и мн. др. без подобных помет; попутно отметим, что пометы типа гр., вм. от гр., даются часто к словам со славянскими словообразовательными морфемами, например: нефелнина, ж., ед., 35, гр.; прифта́са, св., мин. свр., 3 ед., 369, гр. и под.); на меняющийся от статьи к статье порядок следования в ней форм парадигмы, причем в глагольных статьях нередко первыми даются вторичные, производные словоформы (ср., например, статью: вѣпа́днѡваше, несв., мин. несвр. 3 ед., 126; -днаха, св., мин. свр., 3 мн., 203; -де, мин. свр., 3 ед., 25); на такое оформление сокращенной подачи словоформ, когда теряется информация об ее акцентовке (см., например, статью: дойде́, 12; до́деше, 62 - в тексте: до́йдеше и до́деше; -дох'ме, 351 - в тексте: дойдох'ме; -ох'те, 278 - в тексте:

⁶⁸ Ю.С. Маслов. Очерк болгарской грамматики. М., 1956, стр.83.

⁶⁹ Л. Милетич. Указ. соч., стр. XXXI.

доидѡхѣ; —оше, 198 — в тексте: доидѡше и др.); на неверный, не по алфавиту порядок следования некоторых статей (см. стр.249–250 от слова безвѡдно до слова бесрамство) и др. Одной из распространенных ошибок в документации словарных статей является указание в них страницы текста, на которой искомой словоформы в действительности нет. Так, например, на стр.158 нет слова водь; на стр. 216 — врѣховнаго; на стр.149 — вѣчнѡ; на стр. 300 — горко; на стр.357 — горе; на стр.129 — грийже; на стр.55 — концѣ (кстати, это единственная страница, указанная для данного "наречия"); на стр.187 — память; на стр. 318 — пѣтѣтѣ; на стр. 347 — пѣтьтѣ, на стр. 326 — тро(и)ца; на стр. 69 — случи се и мн. др. Иногда словоформа приводится без указания на место ее употребления в тексте (см. инф. да, суш. дѣвицѣ), а к "наречию" низащо названа стр.375, хотя в памятнике по пагинации издателя всего 374 стр., причем в примечании специально отмечено, что стр.375 в рукописи нет (см. стр.246 книги).

Сказанное выше ни в коей мере не означает, что в данном своем виде словарь к Троян.дамаскину лишен ценности. Пытаясь определить его значение, следует помнить, что это первый опыт составления достаточно полного словаря-индекса к болгарскому памятнику XVII в. С его появлением почти не разработанная лексикография этого важнейшего периода новоболгарской письменности⁷⁰ сделала значительный шаг вперед.

Отдельные досадные неточности в воспроизведении текста Троян. дамаскина и в словаре к нему, хотя и затрудняют несколько работу будущих исследователей и делают неизбежным, особенно при решении некото-

⁷⁰ Из разработок к словарю новоболгарского книжного языка XVII в. можно назвать: Fr. Miklosich. *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*. Wien, 1862–1865, в котором использован и материал из Любл. дамаскина; В.И. Л а м а н с к и й. Непорешенный вопрос. Статья II. Болгарское наречие и письменность в XVI–XVII вв. — МНП, ч. 143, СПб., июнь 1869, стр.357–378 (небольшой список слов и замечательных выражений из Любл. дамаскина); П.А. Л а в р о в. Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка. М., 1893 (в приложенном к монографии словаре использован материал Тихонр., № 37 (63) собрания Григоровича и Белградского № 106 дамаскинов); С. А р г и р о в. Люблянският български ръкопис от XVII век. — СОНУ, кн. XVI–XVII, 1900 (список интересных слов и выражений); Л. М и л е т и ч. Указ. соч., стр.XIV–XVIII (список примечательных слов); Л. М и л е т и ч. Свищовски дамаскин. Новобългарски паметник от XVIII в. София, 1923, стр. 59–74 (список редких болгарских слов и иноязычных заимствований; памятник восходит к архетипу конца XVII в.).

рых проблем, возвращение к самой рукописи, в целом отнюдь не умаляют значения издания. Публикация ценного памятника письменности — всегда событие в науке. Специалистам широкого профиля в различных уголках земного шара становится доступным уникальный рукописный текст, по счастливой случайности избежавший губительного действия времени, стихийных бедствий и невежества и донесший до наших дней разностороннюю информацию об эпохе, когда он создавался. Нет сомнения в том, что к изданию А.Ивановой обратится самый широкий круг славистов.

КОРРЕКТУРНОЕ ДОПОЛНЕНИЕ

Настоящие заметки были написаны весной 1969 г., поэтому в них не учтены данные вышедшего в свет в конце 1970 г. описания славянских рукописей библиотеки Болгарской академии наук (Хр. Кодов. Опис на славянските ръкописи в библиотеката на Българската академия на науките. На титулном листе — София, 1969), в котором содержатся следующие новые сведения о Троян. дамаскине: новый шифр (88), указание на филигрань бумаги (корона со звездой и полумесяцем над ней, в альбоме Вс. Николаева, как и в описании Кодова, дана без контрамарки под № 220, 221; отмечена под 1659 г.; аналогичную филигрань с контрамаркой HZ находим и в Тихонр. рукописи (!); см. Е.И. Демина. Тихонравовский дамаскин... II, стр. 37). Хр. Кодов пишет о Троян. дамаскине: "По почерку, способу письма и украшениям можно установить с полной уверенностью, что этот дамаскин написан рукой известного карловского книжника Аврама Димитриева. А это отождествление дает возможность точнее определить время написания — вероятно где-то в 60-х годах ХУП в." (указ. соч., стр. 220). Руке того же книжника приписывают еще один найденный в 1967 г. в Троянском монастыре дамаскин ХУП в. с датами в приписках 1670, 1673 (см.: Б. Велчева, Е. Кочева, Ст. Кожухаров. Ръкописна сбирка на Троянския манастир. — "Старобългарска литература", кн. I, София, 1971, стр. 462–463, 487). Отраженные в указанной работе трех авторов (стр. 462) важные языковые различия между опубликованным и вновь найденным дамаскинами из Трояна (в частности, в них отражена различная система указательных местоимений: тоизи, тази, това, тиа, в новом — тоа, таа, тоа, тиа) в принципе, конечно могут объясняться тем, что эти дамаскины списывались с разных оригиналов, а также различным подходом книжника (творческим или пассивным) к копированию исходного текста. Вместе с тем их наличие свидетельствует о необходимости дополнительной аргументации при отождествлении каждой из рукописей с рукописями Аврама Димитриеви́ча и между собой. Пользуемся воз-

можно назвать также вышедшую в 1971 г. работу Б.Райкова "Иеромонах Даниил и Етрополският книжовен център през първата половина на XVII в. ("Старобългарска литература", кн. I; стр.263-287), содержащую ценные сведения об етропольской каллиграфическо-художественной школе, упомянутой в настоящих заметках. По затронутому на стр.212 вопросу см.: Е.И.Демина. О характере влияния "Сокровища" Дамаскина Студита на болгарскую письменность XVI-XVII вв. "Исследования по славянскому языкознанию", М., 1971, стр.54-62.

Июнь 1972 г.

ЗНАЧЕНИЯ И УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИЧАСТИЙ В МАКЕДОНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Из форм причастий, известных современным славянским языкам, в балканских славянских языках – македонском, болгарском, сербохорватском – имеются лишь формы с суффиксом -н/-т (так называемые страдательные причастия прошедшего времени) и причастия на -л (так называемые действительные причастия прошедшего времени)¹.

Причастие на -л во всех этих языках входит в состав сложных форм времени, в болгарском и сербохорватском языках причастие на -л выступает также в атрибутивной функции. В македонском языке формы на -л в атрибутивной функции на употребляются, если не считать бывших причастных форм, воспринимаемых ныне как прилагательные, например успело предаване (Б.К.). В македонском формы на -л употребляются исключительно в составе сложных глагольных времен, поэтому совершенно справедливо в грамматиках македонского языка, в частности в грамматике Б.Конеского, формы на -л не считаются причастием, а называются глагольной -л формой.

Причастия на -н/-т в болгарском и сербохорватском языке, употребляющиеся в атрибутивной функции и в конструкциях со вспомогательным глаголом "есть", образуются главным образом от переходных глаголов и имеют значение пассива. В этих языках встречаются также причастия на -н/-т в атрибутивной функции от непереходных глаголов, главным образом от соотносительных с переходными возвратных глаголов. Заметим, что причастия на -н/-т от непереходных глаголов не выражают направленности глагольного действия на субъект, следовательно, не имеют значения пассива².

¹ В литературном болгарском языке употребляются также действительные причастия наст.вр. на -ещ, -ащ, заимствованные из русского языка и неизвестные современным болгарским говорам.

² О значениях и функции причастия на -н/-т в болгарском языке см., в частности: В.В. Б о р о д и ч. Об одной особенности болгарского глагола. "Славянская филология", вып. 2. М., 1954; Е.А. З а х а р е в и ч. Причастия с суффиксами -н, -ен, -т от возвратных глаголов в болгарском языке. "Вестник ЛГУ", 1968, № 14, вып.3. О некоторых семантических особенностях болгарских причастий см.: Хр. П ъ р в е в. Черти от семантичната характеристика на причастията в съвременния книжовен български език. – ББ, XIX, кн. 2, София, 1969.

В македонском литературном языке причастие на -н/-т тоже выступает в атрибутивной функции и образуется не только от переходных глаголов, но и от непереходных, как возвратных, так и невозвратных. Кроме того, причастие на -н/-т от переходных и от непереходных глаголов употребляется в конструкциях со вспомогательными глаголами сум "есть" и има "иметь".

Особенности употребления и значения причастия на -н/-т в македонском языке специально еще не изучались. Внимание исследователей, главным образом балканистов, привлекала конструкция има + причастие на -н/-т в форме среднего рода ед. числа, называемая "македонским пассивом"³.

Данная работа является лишь первым подступом к этой теме, в ней ставятся задачи определить, в каких конкретно функциях и от какого круга глаголов с точки зрения категорий переходности/непереходности и глагольного вида употребляется единственное причастие в македонском литературном языке – причастие на -н/-т, какие значения передает оно в самостоятельном употреблении и в сочетании со вспомогательными глаголами сум и има и каким образом причастие морфологически выражает залоговые отношения и выражает ли оно их вообще. Материал из македонского литературного языка был собран методом сплошного обследования текстов художественной и политической литературы, ряд примеров записан автором во время устных бесед с носителями македонского языка (список литературы и принятые сокращения приводятся в конце статьи).

* * *

Прежде чем перейти к анализу собранного материала, в качестве предварительного замечания укажем на одну специфическую особенность македонских глаголов относительно переходности/непереходности. Как известно, категория переходности/непереходности в славянских языках считается лексико-синтаксической категорией, проявляющейся в способности или неспособности глагола сочетаться с прямым дополнением и тем самым выражающей отношение глагольного действия к прямому объекту.

³ Одной из первых обратила внимание на нее Г.Попова, считавшая эту конструкцию специфической македонской особенностью. См.: Г. П о п о в а. Употребата на минало страдателно причастие с глагола имам в българския език. – "Известия на семинара по славянска филология", кн.УП, 1931 (далее: ИССФ). Сочетанию вспомогательного глагола имам с причастием на -н/-т в болгарских говорах и болгарском разговорном языке в последнее время посвящен ряд исследований, о чем речь будет идти ниже.

Например, макед. чита книга 'читает книгу' – переходный глагол, знае да чита 'умеет читать' – непереходный глагол, мие раце 'моет руки' – переходный, а се мие 'моется' – непереходный глагол с формальным показателем непереходности се; убие 'убить' – переходный глагол, умре 'умереть' – непереходный глагол; изгори, изгорив 'сжечь' – переходный и изгори, изгорев 'сгореть' – непереходный. В славянских языках, например в русском, не каждый глагол в силу своего лексического значения способен быть переходным, т.е. иметь при себе объект; таковы семантические группы глаголов движения – идти, ходить, ехать, выйти и т.д., "статальные" глаголы – лежать, сидеть, спать, мерзнуть, грустить, и т.д.

Прямое дополнение в македонском языке может быть выражено проклитическим кратким личным местоимением в вин. падеже, именем существительным в неопределенной форме; если в функции прямого дополнения употреблено полное личное местоимение или существительное в определенной форме (с членом), то такое дополнение обязательно дублируется (удваивается) с помощью местоименной клитики. При этом краткое личное местоимение (клитика) делексируется, превращаясь в грамматический показатель переходности глагола⁴.

В македонском почти любой глагол способен управлять дополнением, если оно выражено местоименной клитикой, или дополнением, удвоенным с помощью местоименной клитики, т.е. почти любой глагол способен быть переходным, имея при себе морфологический показатель переходности – местоименную клитику⁵. Маркированно непереходные глаголы с се способны менять морфему непереходности се на показатель переходности – личную местоименную клитику.

Итак, переходные глаголы в македонском можно поделить на такие группы:

I. Глаголы, способные управлять неудвоенным прямым дополнением и не требующие обязательного морфологического выражения значения переходности. Это лексико-синтаксическая переходность, известная и другим славянским языкам. Сюда относятся такие глаголы, как чита, пие, отепа, мие, поцрни, викне, развије и т.д.

II. Глаголы, у которых переходность обязательно выражена морфологически с помощью краткого личного проклитического местоимения. Без специального морфологического показателя переходности такие глаголы

⁴ О грамматикализации местоимений в морфему переходности см., в частности: Г.А. Цыхун. Синтаксис местоименных клитик в южнославянских языках (балканославянская модель). Минск, 1968.

⁵ Об особенностях переходности македонских глаголов см.: Б.Ю. Норман. Переходность, залог, возвратность (на материале болгарского и других славянских языков). Минск, 1972.

выступают в непереходном значении. Такая грамматически выраженная переходность специфична для македонского языка и не известна другим славянским языкам. Примеры:

Јас легнувам рано 'Я ложусь рано'

Тој умре 'Он умер'

Одам на школо 'Хожу в школу'

Дрво расте 'Дерево растет'

Тој сака да поживее во Куманово 'Он хочет пожить в Куманово'

Ќе се напијам и ќе се најадам 'Напьюсь и наемся'

В дальнейшем мы будем называть глаголы первой группы переходными, глаголы второй группы – непереходными, хотя и те, и другие могут быть переходными.

В македонском языке причастия на -н/-т, называемые в других славянских языках причастиями страдательного залога, образуются от всех глаголов – как переходных, так и непереходных. От переходных глаголов I группы причастие имеет значение пассива: изгорена кука, прочитана книга, мени раце, убиен човек. Но от переходных глаголов II группы причастие на -н/-т будет иметь значение пассива только в пассивном предложении, если указан производитель действия, например, легнати деца – 'непассивное значение 'леглишие дети', легнати од мене деца – пассивное значение благодаря наличию пассивного оборота 'уложенные мною дети'. Поскольку грамматическая сущность пассива состоит в направленности глагольного действия на грамматический субъект, то для залога как грамматической категории наличие особых логических условий контекста, выражающихся в специальных синтаксических конструкциях, не должно быть обязательным. И если форма (в данном случае причастие на -н/-т) не выражает, независимо от дополнительных контекстуальных условий, значения какой-либо категории (в данном случае пассива), то она не является формой, выражающей эту категорию. Анализ значений причастия на -н/-т покажет, является ли оно формой пассива.

* * *

Рано ги легнувам децата 'Я рано укладываю детей'

Тој ќе ме умре 'Он меня уморит'

Го одам полево како ништо за еден саат 'Прохожу все поле за просто за час'

Господ си ги расте децата секој ден по малу 'Дети растут с божьей помощью каждый день понемногу'

Аллах да те поживее 'Пусть аллах продлит твои дни.'

Ќе те напијам и ќе те најадам 'Напью и накормлю тебя'

Причастие на -н/-т – единственная глагольная форма в македонском литературном языке, выступающая в функции определения к имени и к глаголу. Обычно в функции определения выступают имена прилагательные.

Как и прилагательные, причастия на -н/-т согласуются в роде и числе с определяемым и могут быть с членом и без него. Как глагольные формы причастия на -н/-т характеризуются глагольными категориями вида, а также времени (одновременность или предшествование по отношению к времени, выраженному сказуемым предложения).

Значения причастия будут рассматриваться в каждом типе употребления по отдельности – в самостоятельном употреблении, в сочетании с глаголом сум и в форме с глаголом има.

Причастие в самостоятельном употреблении

В самостоятельном употреблении причастие на -н/-т выступает в функциях согласованного определения при имени (обособленного и необособленного, распространенного и нераспространенного определения); предикативного определения при глаголе, согласованного с подлежащим или прямым дополнением; в функции второстепенного сказуемого.

1. Для причастий, образованных от переходных глаголов, главным образом 1 группы, характерно значение пассива, состоящее в выражении направленности действия на грамматический субъект. Как и в других славянских языках, наличие пассивного оборота не обязательно, но оно вносит необходимую ясность при определении значения причастия, точнее – того, от какого глагола образовано причастие. Например: исплашено дете 'напуганный (напугавшийся?) ребенок' и девојка исплашена од вистината 'девушка, напуганная правдой'. В первом случае причастие может быть образовано от возвратного глагола: детето се исплаши или от переходного глагола: некој го исплаши детето. Во втором примере ясно, что причастие образовано от переходного глагола: вистината ја уплаши девојката 'девушку напугала правда'. Причастие от переходного глагола выражает направленность действия на субъект и имеет залоговое значение пассива. В причастии от непереходного (в данном случае возвратного) глагола субъект сам совершает действие, и направленности действия на субъект извне нет, следовательно, нет и значения пассива.

Большинство причастий со значением пассива в функции определения образованы от глаголов совершенного вида и выражают результат совершившегося действия или состояние в результате совершившегося к моменту, о котором идет речь, действия. Это состояние определяет предмет, выражая в некотором смысле его качество, признак, что свойственно прилагательным.

Определения, выраженные причастием в этом значении, могут быть необособленными и нераспространенными, при этом они подчеркивают именно признак предмета, наряду с обычными прилагательными:

Осакатено дрво 'искалеченное дерево'; отворени гради (Ж.Ч.) 'открытая грудь'; ...со наведната глава притиснат од фактите, мавнува со рака (В.Черн.) 'наклонив голову, под натиском фактов, машет рукой'.

Определяемый предмет, естественно, может выступать в любой возможной функции в предложении: Низ непрожнееното жито блескаат наточени жетварски српови (В.Черн.) 'Сквозь несжатые хлеба сверкают наточенные серпы жнецов'; ...со заперен здив отстапуваат (там же) '... с остановившимся дыханием отступают'.

Причастия в указанном значении употребляются и в функции обособленных определений. Обособление определений, выраженных причастием, связано с распространенностью определения и с интонационным делением фразы, непоследовательно отражаемым правилами македонской пунктуации. Это – причастные обороты, относящиеся к именам – различным членам предложения, в том числе и сравнительные причастные обороты: Потоа како поткосен се спушти до крвавото тело на внукот (Ж.Ч.) 'потом, как подкошенный, опустился...'; Леле, како солеени ќе ти ги направам (Р.К.) 'как влитые, сделаю'; Потоа како зафатен од вода брзаше... (Ж.Ч.) 'потом, как настигаемый водой, спешил...'; Беше формирана македонска бригада, составена од партизанските одреди..., создадени во текот на антифашистичка борба (В.Чаш.) 'Была сформирована македонская бригада, составленная из партизанских отрядов, созданных во время антифашистской борьбы'; Во битолскиот говор, повлиян од говорот на влашкото население... (Б.К.) 'В битольском говоре, подвергнувшемуся влиянию говора валахского населения...'; Девојката немо слушаше збунета и исплашена од вистината (И.Т.) 'Девушка молча слушала, смущенная и испуганная правдой'; ...беше и А.В. ...удомен уште на седумнаесетте, та имаше веќе четири-пет ситни деца, како од вреќа истурени. Врзани со по една бела ортома, овие клетници како да исчекуваа... (Ст. П.); ...лице, извезено со тенки и ситни брчки, стегнато во немир, се губеше во шамијата (Б.В.); Си умираат луѓето ниту видени, ниту чуени на овој бел свет. (Ж.Ч.) 'Умирают люди, и никто их не видал и не слышал о них на белом свете'...

Особый тип определений, выраженных причастием в пассиве, составляют так называемые предикативные определения. Предикативные определения относятся непосредственно к сказуемому, но согласованы в роде и числе с подлежащим, если сказуемое выражено непереходным глаголом, или – с прямым дополнением, если сказуемое выражено переходным глаголом. В функции предикативного определения причастия с пассивным значением употребляются редко – в собранном материале они составляют 15% по отношению к числу примеров на пассивные причастия в рассматриваемых типах употребления. Примеры: Како да имаш заборавено дека оваа меница ја имаш потпишано отворена (Р.К.) 'Ты как будто забыл, что вексель подписал незаполненным'; Тој одеше подгробен и потклекнат од

тешкиот товар... (Б.В.) 'Он ходил согбенный и согнувший колени от тяжелого груза'; Така сега народот умираше незабележан (Ж.Ч.) 'Теперь народ умирал незамеченным'.

Глаголы несовершенного вида в форме пассивных причастий, употребленных в функции определений, встречаются значительно реже, чем глаголы совершенного вида, и составляют примерно 15% от причастий всех глаголов совершенного вида в рассмотренных типах употребления. В силу своего видового значения причастия несовершенного вида выражают признак предмета, связанный с действием, не достигшим предела и продолжающимся в момент, о котором идет речь. Временная отнесенность этого действия обозначена сказуемым предложением. Примеры: Но робот ја одина. Гонет од безумна страст по неа не ги виде раширените раце... (И.Т.) '...Гонимый безумной страстью он не видел ее распростертых объятий'; ...поткрепувана активно однадвор бутарската буржуазија почна... (В.Чаш.) '...поддерживаемая активно извне, болгарская буржуазия начала...'; Имаме полза да може една машина управувана од еден човек... (Р.К.) 'Нам полезно, чтобы машина, управляемая одним человеком, могла...'; Пак се изнапија сите топла ракија, служена од убава млада невеста (Ст.П.) 'Опять все напились теплой ракии, которую подавала (=подаваемой) красивая молодуха'. Как видим из переводов, в русском языке македонским пассивным причастиям на -н/-т несовершенного вида соответствуют по значению пассивные причастия настоящего времени. Но разумеется, точного совпадения быть не может, ср., например: Инфинитивите, употребувани некогаш во вакви и други контексти се замениле со глаголски именки... (Б.К.) 'Инфинитивы, когда-то употреблявшиеся (употребляемые) в подобных и иных контекстах, заменились отглагольными существительными...'; Во приписка во општ mine пишуван во Мешеиште (Охридско) наоѓаме... (Б.К.) 'В приписке к общей mine, написанной в М., находим...'

Во всех рассмотренных примерах на причастия со значением пассива бесспорно пассивом были случаи, в которых субъект причастия был выражен неодушевленным существительным или имелось дополнение с предлогом од, означающее *agens*, т.е. производителя действия, выраженного причастием. При отсутствии этих условий неясно, от какого – переходного или непереходного – глагола образовано причастие, и залоговое значение причастия нейтрализовано. Например: Колку е убава да имаш дечиња, да ги растеш, да ги учиш и да ги гледаш со секој изминат ден сè поголеми и познајни, и еден ден израстени и учени (Р.К.) 'Как хорошо иметь детей, растить их, учить и видеть с каждым днем все более знающими и в один прекрасный день выросшими (=или выращенными) и выученными (=выучившимися)'; Цвета преплашена отстапува назад (В.Черн.) 'Цвета отступает назад, испуганная'; Додека Јонче и Цара разговараат, останатите собрани во групи живо се расприкажувани (Р.К.) 'Пока Ионче

и Цара разговаривают, остальные, собранные (=собравшиеся) группами, живо увлечены разговором'; '[погибли от разных причин:]' П.Т. триго-дишен попарен со топла вода (от попари или от попари се-?), К.П. непознато умрен... (Ж.Ч.) '...П.Т. трех лет ошпаренный (=ошпарившийся) горячей водой, К.П., неизвестно умерший...'.

II. Рассмотрим, какое значение имеют в самостоятельном употреблении причастия от н е п е р е х о д н ы х глаголов. Как было отмечено, более половины причастий от непереходных глаголов являются формами от возвратных глаголов, часто соотносительных с переходными глаголами. Поскольку в форме причастия се опускается, формально причастия от возвратных глаголов не отличаются от причастий, образованных от переходных глаголов; выше уже приводились примеры на подобные случаи. Между тем контекст может показывать, что причастие образовано именно от непереходного, возвратного глагола, например: А си се распашала малце...ете ја некоа чанта ќе те затече распашана (Ст.П.) 'А ты растегнешься слегка..., вдруг тебя застанут растегнувшейся'; Се тој там долу засмеан, расприкажан (Ж.Ч.) Все он там внизу, смеющийся, разговорчивый (=разговорившийся?); '[погибли:]' '...А.П. самоубиен и Т.П. изгубен (Ж.Ч.) 'А.П. покончивший с собой (причастие от несоотносительного с переходным возвратного глагола се самоубие) и Т.П. пропавший (причастие от се изгуби)'. Причастия, образованные от возвратных глаголов, не выражают направленности действия на субъект, субъект в них сам является производителем действия, следовательно, причастия от этих глаголов не имеют значения пассива.

Не имеют залогового значения пассива и причастия от невозвратных непереходных глаголов: Воздухот гори од ѕвездата пламната над гратчето (И.Т.) 'Воздух сияет от звезды, вспыхнувшей над городком'; Се назагнаа сите излезени минери кон таа дупка (Ст.П.) 'Начали стогнать к входу всех вылезших шахтеров'; Магарчињата... се тресат, се виткаат. Изгладнети, доодени (Ж.Ч.) 'Ослы трясутся, мотают головами. Изголодавшиеся, дошедшие'; Ноќта се превиваше врз затврднатата земја (Ж.Ч.) 'Ночь извивалась по затвердевшей земле'; одамна изгниената буржоазија; ...промени, настанати од Берлинскиот договор до денеска (В.Чаш.) 'давно загнившая буржуазия; изменения, происшедшие со времени Берлинского договора'.

Большинство причастий от непереходных глаголов, употребляющихся самостоятельно в функции определений к имени, образованы от глаголов совершенного вида. Эти причастия, активные по залоговому значению, выражают свойство, признак, состояние определяемого предмета, возникшие в результате действия, которое совершил этот предмет. Отличие пассивного причастия от активного в данном случае состоит в том, что пассивное причастие выражает признак предмета, возникший в результате действия, которое этот предмет испытал на себе. Причем, как было по-

казано выше, сама по себе форма причастия зачастую никак не информирует нас о направленности действия на субъект, информацию о пассивном значении несет пассивная конструкция (страдательный оборот) или смысл контекста.

Рассмотрим пример: Петре загледаан божем во некого, зинат, поднасмеан и со подискривена уста (Р.К.) – активные причастия образованы от глаголов се загледа, зине, се поднасмее, причастие подискривена (уста) может быть образовано от глагола подискриви (уста): Петре подискриви уста – уста подискривена од Петре, но может быть и от глагола се подискриви: уста се подискриви – сама се подискриви; ...а тој тука качен на маса им држел говори (Р.К.) [Качен – от се качи (сам се качи) или от качи (некој го качи)] 'А он здесь, взобравшись на стол, держит речи перед ними'. Примеры, приведенные здесь, по нашему мнению, доказывают, что залоговое значение, которое выражается причастием, не является для этой формы главным. Залоговое значение причастия может быть либо активным, либо пассивным, либо невыраженным вообще, нейтрализованным (подискривена уста, израстени, учени деца и т.д.). Главное в значении причастия совершенного вида – признак предмета, возникший в результате действия, происшедшего с этим предметом.

На причастия от непереходных глаголов несовершенного вида в функции определения в нашем материале оказалось лишь четыре примера. Это: пастрма смрдена (Р.К.) 'бастурма вонючая', врениот здив (И.Т.) 'горячее дыхание'; буен и здрав, растен во природата (Ст.П) 'здоровый, выросший на природе (= выращенный природой)'; Таа го чекаше својот лубен (И.Т.) 'Она ждала своего любимого'. Причастия от глаголов несовершенного вида определяют признак предмета, связанный с процессом действия, развивающимся одновременно с моментом, о котором идет речь, обозначенным с помощью временной формы сказуемого. Следует признать, что в приведенных примерах причастия от глаголов несовершенного вида можно трактовать и как прилагательные.

Причастия от непереходных глаголов могут выступать в роли нераспространенных необособленных определений – например, загрижен зрак 'озабоченный взгляд', причастие от глагола загрижи се; разбеснето куче 'взбесившаяся собака' – причастие от глагола разбесни се; насмеано лице 'улыбающееся лицо' – причастие от глагола насмее се; испотената стројна снага 'вспотевшая стройная фигура' – от се испоти; згаснат поглед 'угасший взгляд' от глагола згасне; излезени минери 'вышедшие шахтеры' – от глагола излезе.

Причастия от непереходных глаголов могут выступать в функции обособленных определений (причастных оборотов): Воздухот гори од ѕвездата небесна, пламната над гратчето (И.Т.) 'Воздух светится от небесной звезды, вспыхнувшей над городком'. Изнемоштен и очаен пашата се за-

творил... (И.Т.) 'Изнемогши и отчаявшись, паша уединился...' Кој Гавол тогаш на Целката ќе му поверува и уште така затворен во куќата? (Ж.Ч.) 'Какой черт тогда ему поверит, да еще закрывшемуся в доме?'. При этом причастия в причастных оборотах, определяя предмет, выражают его признак, который возник в результате действия, второстепенного по отношению к главному действию предложения – сказуемому: Народот со задоволство им носеше храна, но избеган во планините ја имаше и сам малку (Мин. во сл.) 'Народ с удовольствием носил им пищу, но у него самого, убежавшего в горы, ее было мало'; Седната на еден камен, Јанка замислено гледала... (И.Т.) 'Сидя (= севшая) на камне, Янка задумчиво смотрела...'; Унесен во работата, тој не го чувствуваше времето (И.Т.) 'Увлечшись работой, он не чувствовал времени'; И стана да си кинисува напълно решен да купи чифлиг (Ст.П.) 'И встал, чтобы попрощаться, твердо решив (= решивший) купить поместье'.

Причастный оборот, в котором причастие передает второстепенное по отношению к сказуемому действие, может относиться ко всему предложению в целом, потому что субъект причастия-определения входит в состав причастного оборота и не связан с другими членами предложения: И уште Толе нефатен на танец, таа рипна и се најде зад Толета (Ст.П.) 'И не успел Толе присоединиться к хороводу, как она рванулась и оказалась рядом с ним', или, если причастие образовано от безличного глагола с местоимением се: Гледано од ваков аспект не претставува никакво изненадување ни појавувањето на брошурата, ниту пак редовните предавана... (Н.Мак.) 'Если рассматривать в этом аспекте, то появление брошюры и регулярные передачи не представляют ничего неожиданно-го...'

Наибольшее число примеров (около 30% примеров с причастиями от непереходных глаголов) представляют случаи, когда причастие выступает в функции предикативного определения к подлежащему, если сказуемое выражено непереходным глаголом, или к прямому дополнению, если сказуемое выражено переходным глаголом. Все причастия в этой функции – совершенного вида. Например: Како и порано, тој стои налактен на носете (Р.К.) 'Как и раньше, он сидит, опершись локтями о колени'; Жената сè така си лежи смолчана (И.Т.) 'Женщина все так же лежит, не говоря ни слова'; Нем и неподвижен остана испружен крај огништето (Ж.Ч.) 'Немой и недвижный, он лежал вытянувшийся около очага'; Пролетта го најде залепен на душмето (Ж.Ч.) 'Весна застала его прижавшимся к полу'; Влегува Коста. Георгија го затекнува закашлян од смеене (Р.К.) 'Входит Коста. Георгия он застаёт закашлявшимся от смеха'; Ете така сакам да ми те видам, расплакан за своето коње (Ж.Ч.) 'Вот таким я хочу тебя увидеть, расплакавшимся о своей лошади'; Приседнува дедо Кузман замислен зборувајќи сам со себе си (В.Черн.) 'Дед Кузман садится, задумавшийся, разговаривая сам с собой'; Лежеше ничкосан

аваледжията (Ст.П.) 'Лежал упавший ничком аваледжия'; Масука не оста-
на незаинтересиран (Р.К.) 'Масука не остался незаинтересованным'.

Итак, как видим, функциональное употребление причастия в неpassив-
ном залоговом значении не отличается от употребления причастий в пас-
сивном значении. Видовые и временные значения причастий как от пере-
ходных, так и от непереходных глаголов совпадают. Различие между при-
частием от переходного и от непереходного глагола состоит в залого-
вом значении. Passивное значение имеют причастия от переходных глаго-
лов, неpassивное значение — причастия от непереходных (возвратных и
невозвратных) глаголов. Напомним, что значение пассива подчеркивается
еще и средствами контекста.

Сравнение атрибутивного употребления македонского причастия с та-
кими же типами употребления болгарского причастия на -н/-т от воз-
вратных глаголов, по данным Е.Л.Захаревич⁶, показывает, что эта фор-
ма в обоих языках употребляется в одинаковых атрибутивных функциях,
причем на первом месте по числу примеров — функция предикативного
определения (у Захаревич 46%, по моим данным, у причастия от переход-
ных глаголов — 15% и от непереходных — 30%), причастие употребляется
также в функции согласованного обособленного и необособленного опре-
деления, причастного оборота, относящегося ко всему предложению в це-
лом, где причастие выражает второстепенное, неглавное действие.

В отличие от болгарского языка, которому известны причастия на -л,
имеющие значение действительного залога, в македонском широко употреб-
ляются причастия на -н/-т от невозвратных непереходных глаголов, рав-
ноценные по значению болгарским причастиям на -л.

Ср. макед.	<u>гровнат старец</u>	болг.	<u>грохнал старец</u>
	<u>врениот здив</u>		<u>вредият дъх</u>
	<u>изгладнети магарчина</u>		<u>изгладнели магарета</u>
	<u>згаснат поглед</u>		<u>угаснал поглед</u> и т.д.

Значения македонского причастия на -н/-т таковы, что их можно пере-
водить, например, на русский причастием прошедшего времени от совер-
шенных глаголов и причастием настоящего времени от несовершенных гла-
голов, как в активе, так и в пассиве. Как видим, причастие на -н/-т,
единственное, оставшееся в македонском языке, имеет разнообразные
функции и значения и способно выражать значения, присущие в других
славянских языках иным формам причастий.

Самая же важная особенность македонского причастия на -н/-т, кото-
рая и интересует нас в этом исследовании, состоит в том, что причас-
тие на -н/-т морфологически не выражает залоговых значений и не может
считаться формой страдательного залога (пассива).

⁶ Е.А. Захаревич. Указ. соч., 126—133.

Причастие в сочетании со вспомогательным

глаголом сум

Исходя из значений, которые выражает причастие в составе сочетания с глаголом сум, можно выделить два типа.

1. Пассивные конструкции с различными временными и модальными значениями. Причастие в них образовано от переходных глаголов.

2. Конструкции, не выражающие пассива. Причастия в них образованы от непереходных глаголов, а именно от возвратных, безличных и немаркированных непереходных глаголов со значением движения и состояния.

Сочетания причастия с глаголом сум, имеющие значение пассива.

Темпоральные и модальные значения в этих сочетаниях передаются, во-первых и главным образом, формой, в которой употреблен глагол сум. Примеры: Сполај му на бога што доживеавме и од наша рака сме убиени (Ж.Ч.) 'Слава богу, дожили, своими быть убитыми'; Мајко, тука ли ми било речено да умрам (В. Черн.) 'Мамочка, здесь, значит, суждено мне умереть'; Ех, си била откриена, па си сонувала (В.Черн.) 'Эх, раскрылась, наверное, вот тебе и снилось'; Да беше платено, ќе беше и бришано (Р.К.) 'Если бы было заплачено, было бы зачеркнуто'; Да не сте можеби потплатени криво да сведочите? (В.Черн.) 'Уж не подкуплены ли вы, может быть, чтобы давать ложные показания'; Со империалистички војни македонското прашање нема никогаш да биде решено. (В.Чаш.) 'С помощью империалистических войн македонский вопрос никогда не будет решен'; Горе споменатите сведоци ќе бидат пред вас распрашани (В.Черн.) 'Вышеупомянутые свидетели будут допрошены в вашем присутствии'; Авторов ќе биде заборавен и песните ќе се сметаат за народни (Р.К.) 'Автор будет забыт и песни будут считаться народными'; Другарот... ќе биде прогласен за народен херој (Ж.Ч.) 'Товарищ... будет провозглашен народным героем'; Тоа кај нас ќе биде дочекано како кај свои (Ж.Ч.) 'Это будет у нас встречено как среди своих'; Беа отворени курсеви... (В.Чаш.) 'Были открыты курсы...'; Беа примени за ученици... (В.Чаш.) 'Были приняты учениками...'; Беа одобрени 149 стипендии (В.Чаш.); 'Было одобрено 149 стипендий'; Беа одржувани курсеви (В.Чаш.); 'Работали курсы'.

⁷ Здесь не будут рассматриваться случаи такого, например, типа: Пловите... беа изгаснати гламни (С.Д.) 'Плетни были потухшими головнями', потому что изгаснати непосредственно не связано с сум, оно служит определением к гламни, хотя в целом сочетание изгаснати гламни является составной частью сказуемого с глаголом-связкой беа (имперфект от сум).

Конкретное значение времен, относящихся к плану прошедшего, выражается видовым значением глагола, от которого образовано причастие. Так, причастие совершенного вида передает однократное, законченное действие и указывает на его результат: ...беше формирана првата влада на Оф... (В.Чаш.) = ...се формира првата влада на Оф. 'Было сформировано (= сформировалось) первое правительство Отечественного фронта'; Кој ја почисти денес масава?... -Ти ја расправи, бре? Не беше расправена ти кога се врати од вода? (Р.К.) 'Кто убрал сегодня на столе? - Ты убрал, да? Разве не было убрано, когда ты вернулся с ведрами воды?'. Сочетание с причастием несовершенного вида выражает многократные действия и употребляется наряду с имперфектом: Тие книги служеа како учебници, а беа испраќани и до македонските исленици (В.Чаш.) 'Эти книги служили учебниками и рассылались македонским эмигрантам'; Германците често беа напаѓани од членовите на движењето на отпорот токму на оние пунктови на кои се надеваа (Н. Мак.) 'Немцы часто подвергались нападениям со стороны членов движения сопротивления как раз в тех пунктах, которые они считали надежными'.

Пассивные сочетания с сум синонимичны возвратным формам со значением пассива, поэтому возможно представить замену одной пассивной формы другой, например, во фразе Од сето тоа народот беше многу растревожен (Ж.Ч.) 'Всеим этим народ был очень встревожен' сказуемое с определенной степенью точности можно выразить и в форме аориста народот се растревожил, и в форме плюсквамперфекта народот беше се растревожил.

То же самое и в следующем предложении: Целото негово суштество беше исполнето со свечено блаженство (Ж.Ч.) 'Все его существо было исполнено святого блаженства'. Беше исполнето : се исполни : беше се исполнило.

Значение результата, актуального для прошедшего момента, о котором идет речь, передается пассивным сочетанием бев + причастие и в следующем контексте: Се побуни небото, се побунија луѓето, се изгуби сонцето... се живо и мртво се преврте ничкум, синот божји воскреснал, сета земја се растури. Не се знаеше веќе ниту небо ниту земја... Сета земја беше покриена со мраз (Ж.Ч.) '...Вся земля была покрыта морозом'. Беше покриена = беше се покрила или се покри. Еще пример на пассивное значение: Кулевица беше наскла сланина, што беа и ја донесле комшиите, и беше ја симнала тавата од гредата. За нивна среќа Адем дојде рано во мутрата, та тавата не беше кладена на оган (Ст.П.).

Как известно, в македонском языке в плюсквамперфекте иногда употребляется глагол совершенного вида для обобщенной передачи повторившихся неоднократно действий. Поэтому форма беше извадена в приво-

димом ниже контексте ни в коем случае не может быть заменена аористом: Секоја година излегуваше авалеџијата да собира арач. Тогаш беше извадена стоката од зимата и стопаните одделуваа и продаваа од неа да се платат и спасат од белата. И оваа година така стана (Ст.П.) 'Каждый год выезжал аваледжия собирать дань. Тогда вытаскивали (помакед. – сов. вид) зимние запасы и ...продавали, чтобы заплатить и спастись от беды. Так было и в тот год'.

Форма настоящего времени глагола сум информирует лишь об одновременности действия, передаваемого сочетанием в пассиве, по отношению к другим действиям, переданным в контексте в той или иной временной форме. Чаще же всего сум в настоящем времени связывает результат действия, выражаемый сочетанием, с настоящим моментом.

Причастия от глаголов совершенного вида, преимущественно употребляющиеся в пассивных сочетаниях, выражают результат совершившегося действия. Контекст показывает, с каким временным моментом связано значение результата. Если пассивные сочетания заменить возвратными формами с се, то в зависимости от значения контекста получим перфект и иногда аорист при сообщении об акте прошедшего действия без указания на актуальность его результата. Например: Веке на ништо не мислеше, чинеше се е веќе заборавено (Ж.Ч.) 'Он ни о чем больше не думал, казалось, все уже забыто'; Се е сторено (В.Черн.) 'Все сделано'; Јас сум испратен од селото мое (В.Черн.) 'Я послан моим селом'; Ќе влезеш, ами како, затоа си викнат (В.Черн.) 'Войдешь, конечно, затем ты и позван'; Целиот пролетариат страда од оваа криза, занаетчиите, дупри и малите фабриканти се потиснати (Р.К.) 'Весь пролетариат страдает от кризиса, ремесленники, даже мелкие фабриканты угнетены'; А и моите раце не се лоши, само што се искрставени од ножов (Р.К.) 'Мои руки тоже неплохие, разве что только изуродованы ножом'; Ако се погледне на словенските јазици како целост, ќе се констатира дека во оние во кои станало упростување на деклинацијата, се јавува сложен глаголки систем и обратно, во оние во кои е зачувана старата падежна промена се извршило упростување на глаголкиот систем (Б.К.) "Если посмотреть на славянские языки в целом, можно констатировать, что в тех, где произошло упрощение склонения, имеется сложная глагольная система и, наоборот, в тех, где сохранены старые падежные отношения, упростилась глагольная система".

Пассивные сочетания с причастием от глаголов несовершенного вида и связкой в настоящем времени имеют значения относительного настоящего. Встречаются они редко, в нашей картотеке всего три примера:

Нужно да се даде кус преглед на положбата во времето кога овие ставови се донесувани и спроведувани (В.Чаш.) 'Нужно дать краткий обзор того времени, когда эти положения высказывались и проводились в жизнь'. Се разбира, дека во овие... акции се содржани и еле-

менти... (Н.Мак.) 'Разумеется, в этих... действиях содержатся и элементы...'.

Итак, пассивные сочетания сум + причастие на -н/-т способны выражать различные временные значения. Эти сочетания, наряду с пассивными глагольными формами с местоимением се, служат для выражения пассива – направленности действия на субъект. В нашу задачу сейчас не входит искать различия между формами пассива с се и сочетанием причастия на -н/-т с глаголом сум. Мы не подсчитывали также, что чаще употребляется – пассив с се или же рассматриваемое сочетание со значением пассива. Важно другое: из всех собранных нами примеров на сочетания причастий на -н/-т с глаголом сум более половины имеют значение пассива. Разумеется, все причастия в рассмотренных пассивных сочетаниях образованы от переходных глаголов.

С о ч е т а н и я п р и ч а с т и я с г л а г о л о м
с у м, не выражающие пассива

Во-первых, следует выделить сочетания с причастиями от возвратных глаголов, имеющих различные семантические возвратные значения ("собственновозвратное", "взаимновозвратное" и т.д.). Эти сочетания не отличаются от пассивных, рассмотренных выше, в том смысле, что они также могут быть заменены временной глагольной формой с се. Между тем, в отличие от пассивных сочетаний предложения со сказуемым, представляющим образования от возвратных глаголов, не выражают направленности действия на субъект и не могут быть трансформированы в соответствующие по смыслу фразы со сказуемым в активе. Примеры: Беше при-
морен и ненаспан (Ж.Ч.) 'Он был усталым и невыспавшимся'. Ненаспан –
причастие от несоотносительного с переходным возвратного глагола (не)
се наспие. Па тие години има откако се земени, само не ти кажуваат
(Р.К.) 'Да они уж несколько лет как женаты между собой, только что
тебе не говорят'. Причастие земени образовано от "взаимновозвратного"
глагола. Тоа се исто така конструкции, својствени за западните и
југозападните говори... Тие се нотирани (от глагола се нотира) во Со-
лунско... овие конструкции се развиени (от се развие) во цела пара-
дигма... (Б.К.); Види ја што е дотерана (Р.К.) 'Посмотри, какая она
наряженная' – от се дотера; ...оти не сме преслечени брго (Ст.П.)
'...потому что мы давно не передевались' – причастие от се преслече.

С помощью возвратного местоимения се в македонском языке выражает-
ся и безличность действия. Причастия от безличных глаголов с се, не-
переходных по своему значению, не имеют значения пассива, и всё со-
четание причастие + сум тоже, естественно, пассива не выражает: Тат-
кото нареди да се запалат фенерите (пассив с се) на улицата... макар
што не беше стемнето и се гледаше (безличн. с се) добро од дневната
светлина (И.Т.) 'Отец распорядился, чтобы зажгли фонари на улице, хо-

тя еще не стемнело (причастие от безличного глагола се стемни) и было хорошо видно благодаря дневному свету'. Еднаш им е помогнато парично (Н.Мак.) 'Однажды им помогли деньгами'. Би сакал прво да ве потсетам дека на вториот Пленум на ЦК СКМ е разговарано за организацијата на СК во спроведувањето... (Н.Мак.) 'Я хотел бы, во-первых, напомнить, что на 2-м Пленуме ЦК СКМ говорилось об организации...'

Сочетания с причастием от возвратного глагола, соотносительного с переходным, кажутся близкими к пассивным потому, что иногда не ясно, от переходного или от возвратного глагола образовано причастие. Значение пассива или актива здесь можно считать нейтрализованным. Например:

А над сето и исплашени беа сите луѓе (Ж.Ч.) 'Кроме того и испуганы были все люди'. Причастие исплашени может быть образовано от глагола се исплаши (луѓето се исплашија или беа се исплашиле), или же от исплаши 'люди кем-то были напуганы'; Очите и на двајцата другари беа впиени далеку во патчето (Ст.П.) 'Глаза обоих друзей были устремлены вдаль на дорогу', впиени – форма причастия от глаголов се впие и впие. Аналогично и во фразах: Сите очи беа свртени кон другарот Р. (Ж.Ч.) 'Все глаза были устремлены на тов.Р.'. Пролетта беше запрена некаде над исвалдовите лозја (Ж.Ч.) 'Весна остановилась [или кто-то ее остановил, или она сама остановилась]...'; Зашто не си школуван. А да си барем малку од малку школуван или да читаш, ќе можеше... (Р.К.) 'Потому что ты не учился в школе (или 'тебя не учили')'. А если бы ты хоть немного в детстве учился или умел читать, ты бы мог...'. Исходя из значений, передаваемых в приведенных примерах, мы все же думаем, что причастия в них образованы от возвратных, а не от переходных глаголов, потому что субъект здесь сам является производителем действия, и значения действия, извне направленного на субъект, в этих сочетаниях нет.

Итак, возвратнопассивные формы глаголов, возвратные глаголы, безличные глаголы с се имеют синонимические конструкции сум в соответствующей временной форме + причастие на -н/-т. Формально одинаковые, эти конструкции выражают различные залоговые и семантические значения в зависимости от значения, выражаемого исходной глагольной формой с се.

Из невозвратных непереходных глаголов наибольшее число примеров представляют конструкции с причастием от глаголов движения, особенно от глагола дојде (30% всех примеров на конструкции с непереходным значением.). Например: Јас сум од Прилеп. – Одамна сте во Скопје? – Бевме дојдени во 1947 г., потоа се сместивме во друг град, а 1959 г. пак дојдовме во Скопје. (из записи, сделанной мною во время разговора в Скопье) 'Я из Прилепа. – Вы давно живете в Скопье? – Мы приехали в 1947 г., затем переселились в другой город, а в 1959 г. опять приеха-

ли в Скопле'. Колку дена не сте јале? – Откога сме дојдени во Гости-вар трошка в уста не сме клале (Ж.Ч.) 'Сколько дней вы не ели? – Как пришли в Г., крошки во рту не было'; И зачека да слушне зашто е дојден бегот вечерва (Ст.П.) 'И стал ждать, чтобы узнать, зачем бей пришел в этот вечер'; Кога му рече, дека е дојден за работа, Гузепо го изгледа Толета (Ст.П.) 'Когда он ему сказал, что пришел работать, Джузеппе посмотрел на Толе'. – Некој муштерија да ме побарал? – Јас откога сум дојден – не (Р.К.) 'Кто-нибудь из клиентов меня спрашивал? – С тех пор, как я пришел, нет'; – Јас сум дошол тука да учам. – Ти за чевлар ли си дојден да учиш овде или за даскал? (Р.К.) 'Я пришел сюда учиться. – Ты сюда пришел, чтобы выучиться на сапожника или на учителя?'; Јас сум дојден по заповед на султанот (В.Черн.) 'Я пришел по приказу султана'. ...И по други куки богатоки се приготвувало за строеви и свадби, но како што приготвуваша Попставреци за стројот – тоа не се ни видело ни чуло дотогај ...Старата анама, што на млади години сучела баклави за самиот Целадин – бег, таа беше дојдена уште од петокот... (И.Т.) '...В других богатых домах тоже готовились к помолвкам и свадьбам, но так, как готовились П. – не было видано и слышано ...Старуха-турчанка, готовившая в молодости самому бегу, пришла и находилась здесь уже с пятницы...' и т.д. Примеры с другими глаголами: Есента се враќаа печалбарите, што беа отидени на сезонска работа (И.Т.) 'Осенью возвращались крестьяне, уходившие на заработки на сезонные работы'; Тие биле познати и во македонскиот јазик. Но денеска тие форми се веќе излезени од употреба, заправо се среќаваат во ретки изрази (Б.К.); И пашата не беше уште ни пристигнат во Р., а таму веќе трепереа... (И.Т.) 'Паша еще не успел приехать в Р., а там уже дрожали...'; Сонцето веќе беше искочено високо над Перун и почна да припечува над главите... (Ст.П.) 'Солнце уже высоко взошло над Перуном и стало припекать...'.

Уже приведенные примеры показывают, что в конструкции сум + причастие от непереходного глагола совершенного вида причастия передают результат совершенного субъектом действия. Момент актуальности результата обозначен формой глагола сум: јас сум дојден 'Я пришел и сейчас нахожусь здесь'; јас бев дојден 'Я был здесь тогда-то, но потом ушел'. Или: Веќе дојде и зимата, насекаде наоколу беше паднат голем снег (Ж.Ч.) 'Пришла зима, везде вокруг выпал толстый слой снега'; Правете што знаете. Јас сум паднат в море и од дожд не се плашам (Р.К.) 'Делайте как знаете. Я упал в море и дождя не боюсь!'.

Это, в сущности, значение, свойственное перфекту.

Аналогично перфекту и плюсквамперфекту конструкция сум + причастие на -н/-т от непереходных глаголов может выражать обобщенное отрицание действия формой совершенного вида: ...Оти не сме преслечени бргу. – Арно ти текна. ... Ете одамна не дошол (Ст.П.) '...Мы давно не переодевались... Вот и он давно не приходил'.

Некоторые другие значения формы перфекта также могут передаваться конструкцией сум + причастие на -н/-т, например, логическое заключение, вывод говорящего о действиях, которых он не наблюдал: Аха – си рекоа старите. – Ете колку го ослободил судот. Море тој е избеган (Ст.П.) 'Ага, – сказали себе старики. – Вот как суд его освободил. Значит, он убежал.'

Кроме глаголов движения, в рассматриваемых сочетаниях употребительны и глаголы, выражающие состояние субъекта в результате совершенного им действия, актуальное в настоящий или прошедший момент (время этого момента обозначено формой глагола – связки): Гледаат во нас, неколку дечишта како дуци. Славе на стрика Симона, стрико Симон беше умрен, Климе на тетка Благуна, тетинот береше душа... (Ж.Ч.) 'Смотрят на нас детишки... Славе, сын дяди Симона, дядя Симон умер, Климе тетки Благуны, ее муж отдавал богу душу...'; Ако замрзнал твојот мозок, мојов уште не е замрзнат (Р.К.) 'Если твои мозги замерзли, мои еще нет'. Со полузатворени очи беше загледан кон градините. Беше преморен и ненаспан (Ж.Ч.) 'Полузакрыв глаза, он смотрел на сады. Он был усталый и невыспавшийся'; ...таа насила му беше дадена (пассив) на Трајка од нејзините роднини, бидејќи беше останата сирачиште уште од три години (Ст.П.) '...Ее силой отдали за Т. ее родственники, потому что она в три года осталась сиротой'; Ми падна железото на ногава и сега ми е отечена и ме боли (Р.К.) 'На ногу мне упало железо, теперь нога отекала и болит'; И да ме речеше дека сум побеснат и уште повеќе ќе побеснам... (Р.К.) 'Если бы ты и сказал мне, что я взбесился, я бы еще больше взбесился...'; И ватил барутот, сиромаси, не и видоте, Петре и Трајко убаво беа изгорени. – велеше Риза (Ст.П.) 'Взорвался порох... П. и Т. здорово обгорали – говорили Р.'; Е како, до толку си останат и без работа и без пари? (Р.К.) 'Как, ты до такой степени остался без работы и без денег?'; останат – форма от глагола остане.

Из всех примеров на сочетания причастий от непереходных – возвратных и невозвратных – глаголов с сум в нашем материале имеется лишь один пример на причастие от глагола несовершенного вида, причем имперфектированного: Додека Јонче и Цара разговараат, останатите собрани во групи живо се расприкажувани (Р.К.) 'Пока Ионче и Цара разговаривают, остальные, собравшись группами, живо увлечены разговором'. Расприкажувани – форма от се расприкажува. Се расприкажувани имеет значение состояния, в котором находится субъект во временной момент, обозначенный формой настоящего времени глагола разговараат.

Б.Конески⁸ в своей грамматике приводит примеры с причастиями от глаголов несовершенного вида: тој е шетан, тој е иден ваму повеќе

⁸ Б. К о н е с к и. Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1966, стр.278.

пати, јас сум доста седеи. Однако здесь представлено обобщенное сведение о действии; совершившемся в прошлом или совершавшемся некоторое время, но прекратившемся. В конструкции весьма ясно выражено, что действие закончено. В данном случае можно считать видовое значение этих глаголов совершенным, предельным⁹.

Итак, конструкции с причастиями от непереходных глаголов выражают активные залоговые отношения и передают значения результата действия, связанного с тем или иным временным моментом.

В нашу задачу не входит выявление инвариантного значения и всех частных значений форм сум + причастие на -н/-т и бев + причастие на -н/-т, так как для этого необходимо сначала рассмотреть всю темпоральную систему глагола в македонском языке. Объем работы не позволяет также исследовать детально, в каких именно значениях и в каких текстах эта конструкция конкурирует с перфектом и плюсквамперфектом, но приведенные примеры показывали, что они употребляются параллельно и выражают идентичные значения.

Появление такой конструкции с неактивным значением объясняется возможностью нормального образования причастия на -н/-т от непереходных глаголов совершенного и несовершенного вида и тем, что причастие на -н/-т само по себе не является формой с залоговым значением пассива.

Войдя в литературный македонский язык из тех говоров, где полностью или почти полностью отсутствуют причастия на -л и формы перфекта, плюсквамперфекта, пересказа, конструкция сум + причастие на -н/-т от непереходных глаголов является частью темпоральной системы македонского глагола, создавая внутри этой системы новые связи и взаимоотношения.

Та же конструкция, но с причастиями от переходных глаголов, имеющая значение пассива, входит еще и в другую, лежащую совсем в иной плоскости систему форм пассива, передающих отношение действия (или его результата) к субъекту действия. Пассивные конструкции конкурируют с пассивными формами глаголов с местоимением се.

Морфологически конструкции с пассивным и неактивным значением тождественны. Но широкое употребление конструкций с неактивным значением, в которых причастие образовано от непереходных глаголов, не позволяет считать пассивную конструкцию формой пассива. Точно так же не является формой пассива и само причастие на -н/-т, что было показано выше, несмотря на то, что при определенных условиях, лежащих вне морфологии, причастие может иметь значение пассива, как в самостоятельном употреблении, так и в составе сочетания с сум.

⁹ В македонском языке глаголы этого типа – первичные бессуффиксно-бесприставочные – способны развивать двойственное видовое значение.

Следует заметить, что хотя выражение пассивных значений с помощью конструкции сум + причастие на -н/-т переходного глагола является обычным, нормальным для македонского языка, эта "обычность" начинается, по-видимому, разрушаться. Об этом говорит такой важный, хотя и единственный в нашем материале, пример: Еве неколку дена децата касај леб не му се каснати (Р.К.) 'Вот уже несколько дней дети у него не съели ни куска хлеба', Причастие образовано от переходного глагола касне, но значения пассива нет, более того, в предложении имеется прямое дополнение, подтверждающее сохранение переходного значения глагола в форме причастия на -н/-т.

И все же в неактивном значении подобные конструкции употребительны только от непереходных глаголов (возвратных и невозвратных). Утверждение Б.Конеского¹⁰ об активном значении причастий от переходных глаголов, таких как јас сум јадена, вечеран сум, ручан сум, појаден сум, поручан сум, неточно в том смысле, что это глаголы непереходные: јас сум јаден 'я ел', ручан сум 'я обедал'. Но едва ли скажут "тој си го е јаден лебот".

Конструкция има + причастие на -н/-т

Эти конструкции давно привлекали внимание исследователей. Первое исследование этой конструкции как специфически македонской особенности было опубликовано Г.Поповой¹¹. В последнее время появились исследования о сочетании глагола има с причастием на -н/-т в болгарском литературном языке и болгарских говорах¹². В этих исследованиях, особенно у Г.Поповой, не всегда четко разграничены и определены различные типы сочетаний причастий на -н/-т с глаголом има. Так, Г.Попова рассматривает вместе 5 разных типов: 1) има запрян чилик – безличное употребление има, запрян – определение к сущ. чилик; 2) Имам бележани бележки – сказуемое имам в личной форме, бележани – определение к сущ. бележки; 3) и двата имаме сторено клетфа меѓу нас – причастие в форме ср. р. ед. числа, не согласовано ни с подлежащим, ни с прямым

¹⁰ Б. Конески. Граматика..., стр.280.

¹¹ Г. Попова. Употребата на минало страдателно причастие с глагола имам в българския език. – ИССФ, кн.УП, 1931.

¹² В. Георгиев. Възникване на нови сложни глаголни форми със спомогателен глагол имам. – ИИБЕ, кн.У, 1957; Т. Бояджиев. Аналитични форми с глагола имам в тракийските говори. – ИИБЕ, кн. XVI, 1967; Й. Пенчев. Конструкции с глагола имам. – Славистичен сборник по случай VI Международен конгрес на славистите в Прага. София, 1968.

дополнением, сказуемое имам сторено имеет при себе прямое дополнение, глагол има не имеет собственного лексического значения и выступает в роли связки, смысловой глагол в форме причастия сохраняет активное значение и является переходным; 4) Яска имам одено на моарабеа, — имам — связка, одено — несогласованное с другими членами предложения причастие от непереходного глагола, сказуемое в целом пассива не выражает; 5) имаш манастир..., скриен во големата кориа и даже... има конак, заобиколен от аскер, где причастие является обособленным распространенным определением, причем во второй фразе образованное от переходного глагола причастие выступает в значении пассива.

Из утверждения В. Георгиева, из материалов, представленных в исследовании Т.Бояджиева, следует, что в болгарском разговорном языке и в говорах почти не встречается тип 3 и 4, но широко употребляется сочетание типа 2 — имам бележани бележки, или имам изорани две ниви — с формой причастия, согласованной с субъектом или же объектом предложения. Анализ произведенный И.Пенчевым, убедительно доказал, что конструкция во фразе типа имам изорани две ниви есть составное сказуемое, а не глагольная форма, но что в зависимости от того, кто является производителем действия — субъект или объект, следует различать в подобной фразе две омонимичных конструкции, одна из которых, если производитель действия — субъект, представляет собой сочетание, находящееся на пути превращения в форму.

В нашем материале есть все 5 типов сочетаний причастия на -н/-т и глагола има, некоторые из них были анализированы в соответствующих разделах. Так, тип 2 (имам бележани бележки) был рассмотрен вместе со всеми остальными примерами на предикативное определение, ср.: ти ја имаш потпишано отворена, где отворена — предикативное определение. В данном разделе следует рассматривать два типа сочетаний — 3 и 4: имам сторено клетфа, ја имаш потпишано с причастием от переходного глагола и имам одено с причастием от непереходного глагола.

В грамматиках македонского языка конструкции типа 3 и 4 считаются темпоральными формами глагола со значением результата действия, причем вспомогательный глагол има может стоять в любой временной форме и, следовательно, вся форма в целом может иметь значения результата в будущем — ќе имаш потпишано, в настоящем — имам греано, в прошедших временах — имав потпишано, греано, сум имал потпишано и т.д. Роль причастия, стоящего в неизменяемой форме ср. р. ед. ч., сводится к указанию на результат действия.

В нашем материале в подавляющем числе примеров на формы има + причастие на -н/-т причастия образованы от переходных глаголов и имеют активное значение, в нескольких примерах причастия образованы от непереходных глаголов и имеют активное значение.

Большинство причастий в этих формах образовано от глаголов совершенного вида. В тех примерах, где причастие образовано от несовершен-

ного вида, вся форма имеет значение обобщенного факта, констатации действия, совершенного в прошлом (т.е. сходное со значением, выраженным перфектом): јас имам читано, например, статии... (из собственных наблюдений) 'Ја, например, читал статии...'; јаска имам одено на моарабеа да таму се научи јас (из статьи Г.Поповой); 'Ја ходил... и там научился' пример взят е у Мазона – один из немногих примеров на непереходный глагол. Згодна нога имам за чевли. И друг пат си ми правил (тоже обобщенная констатация факта, в перфекте) – Леде, како содеени ќе ти ги направам. – Од Илчета има носено Фанче, мајсторе, мене да ми ги дадеш... (Р.К.) 'У меня на ноге туфли хорошо сидят. Ты же мне делал. – Сделаю, как влитые будут сидеть. – Мастер, Фанче уже носила туфли, сшитые Илчо, дай я ей сделаю'.

Причастие от глаголов совершенного вида указывает на результат действия, совершенного субъектом. Неважно, когда происходило действие, важно, что результат его актуален для настоящего момента, если вспомогательный глагол има, нема употреблен в форме настоящего времени, или для прошедшего момента, если има стоит в форме имперфекта¹³. Примеры: Моиве раце... се искрставени од ножов што ме има исечено (Р.К.) 'Мои руки... изуродованы ножом, который меня порезал'; Да ти направам, бре, Славе, затоа го имам отворено дуќанов (Р.К.) 'Сделаю, Славе, для того и открыл мастерскую'; Добро, јас сум направил кај тебе неколку стотини илјади динари обрт, та зар ти малку имаш спечалено на тоа? (Р.К.) 'Ладно, я для тебя сделал оборот в несколько тысяч, так неужели ты мало заработал на мне?'; Сигурно некоја пастрма смрдна имаш донесено и сакаш за неа да земеш пари (Р.К.) 'Вероятно, какую-н. бастурму вонючую принес и хочешь за нее деньги взять' – действие, не наблюдавшееся говорящим, но предполагаемое им на основе его личных умозаключений. То же и в следующем примере: – А Сандре, иако е поголем од мене, и тоа не го знае. И тоа што му го говореше сега го има заборавено. Сите вие заборавате што е добро (Р.К.) 'А С., хоть старше меня, и того не знает. То, что ты ему сейчас говорил, он забыл'; Нашето разгледување ќе го поделиме на три дела, усвојувајќи ја притоа периодизацијата што самите бугарски историчари ја имаат направено на развојот на бугарската повоеана историографија (В.Чаш.) 'Наш обзор мы поделим на три раздела, с учетом той периодизации, которую сами болгарские историки создали в развитии болгарской послевоенной историографии'.

При отрицательной форме вспомогательного глагола выступает значение категорического отрицания результата: Толе врие од возбуда, но уште си ја нема слушнато пресудата (С.П.) 'Т. кипит от возбуждения,

¹³ В собранном материале, к сожалению, нет форм со вспомогательным глаголом в других временных формах.

но еще не слышал приговора'. Или же (в вопросительно-отрицательном предложении) утверждение факта: Да појде да провери дали нема дојдено некој од В. (Ст.П.) 'Пойти проверить, не пришел ли кто из В.; Разликувањето на свршени и несвршени глаголи е типична особеност на словенската јазична група, која не само што се зачувала во нашиот јазик, ами има пројавено посебна жизненост (Б.К.) 'Различение совершенных и несовершенных глаголов - славянская языковая типичная особенность, которая не только сохранилась в нашем языке, но и проявила особую жизнестойкость'; Не можеме веќе да чекаме, децина си имаме оставено дома сами со никого (Ж.Ч.) 'Не можем мы больше ждать, детей оставили дома одних'.

Анализ приведенных примеров показывает, что значения има + причастие на -н/-т весьма близки значению перфекта.

Плюсквамперфектное значение - констатацию факта действия или его результата, связанного с прошедшим моментом, - находим в примерах, где вспомогательный глагол употреблен в форме имперфекта: Утринското сонце ја имаше позлатено од крај на крај малата станица, кога тие застаана крај поставената композиција (И.Т.) 'Утреннее солнце озарило всю маленькую станцию, когда они остановились около вагона'; Пашата избезумено гледаше... Годиците имаа оставено длабоки траги во душата на пашата... Животот го имаше научено... (И.Т.) 'Паша смотрел, обезумев... Годы оставили глубокие следы в его душе. Жизнь его научила, что...'; Пријателите, харемот, ловот на срњи-се имаше изоставено и забораено. Само јанка му беше во срцето (И.Т.) 'Друзья, гарем, охота - все он забросил и забыл. Только Янка была у него в сердце'. Факт, о котором сообщает форма имаше + причастие, целиком относится к прошлому. Онаа иста партија која само пред две децении имаше изјавено дека... француската работничка класа нема да се бори против неа (Н.Мак.) 'Та самая партия, которая только два десятилетия назад заявила (или заявляла), что... французский рабочий класс не будет бороться против нее'; Својот мајстор случајно го виде во селото... Одамна го немаше видено. Веднаш штом го виде малку се збуни (Б.В.) 'Своего мастера он случайно увидел в селе. Он давно его не видал. Как только увидел, слегка смутился'; Дотогаш уште немав видено партизани. А во тие години кој не расправаше за нив (В.Мал.) 'До того времени я не видал партизан. А в те годы кто только не говорил о них'.

Подчеркнем, что почти везде причастия были образованы от переходных глаголов, и наличие прямого дополнения показывало сохранение значения переходности в форме има(ше) + причастие на -н/-т. Интересен следующий пример: И тој самиот одвај се држеше на нозе. Мразот целиот го имаше вкочането (Ж.Ч.) 'Он сам едва держался на ногах, от мороза он околечен (= мороз сделал его околеченными)'.

Формы с непереходными глаголами встречаются, как мы уже сказали, очень редко, например в грамматике Б.Конеского из 40 примеров на фор-

мы има + причастие лишь в 3 формах представлены причастия от непереходных глаголов. Выше были даны примеры с непереходным глаголом несовершенного вида – има носено и имам одено. Вот еще один, взятый у Г.Поповой: Нито пѝк имаше ядено от мой леп ("Книжици за прочит", Солун) 'Он не ел от моего хлеба'.

Приведем формы с причастиями от возвратных непереходных глаголов. Важно, что в отличие от конструкций с сум в формах с има возвратное местоимение сохраняется: Членот се има развиено од показни заменки во постпозиција (Б.К.) 'Член развился из указательных местоимений в постпозиции'; ...тоа е од мразот, Мороска Костоска... Мразот ти се има зафатено во очите. Штом ќе се растопи, ќе прогледаш. (Ж.Ч.) '...Это от холода, М.К... Холод вселился к тебе в очи, как только растает, прозреешь'; Основниот дел на македонскиот народ се има организирано државно и национално (В.Чаш.) 'Основная часть македонского народа организовалась в государственном и национальном смысле'. Выше в этом же тексте приводится та же фраза как перевод с болгарского на македонский; там употреблена форма се организирал. Самата интонација на говорот требаше да создаде впечаток дека ништо особено се нема случено и дека е непотребно... секое возбуждување... (Н.Мак.) 'Сама интонация речи должна была создать впечатление, что ничего особенного не случилось и не нужно никакого волнения...'; Минете во друга соба, видете јас се имам погрижено за све (Из спектакля Македонского народного театра "Дон Цезар од Базан") 'Пройдите в другую комнату, посмотрите, я позаботился обо всем'; Види, мајката, зар се има отпретано таа пушта гламца. (Ст.П.) '...Неужели оказалась незасыпанной эта проклятая головешка.'.

Сравнение значений формы има + причастие на -н/-т с конструкцией сум + причастие на -н/-т, показывает, что:

1. Конструкции сум + причастие от переходных глаголов, как правило, выражают значение пассива. Формы има + причастие от переходного глагола сохраняют значение переходности глагола, что оформлено синтаксически, и никакого пассива не выражают.

2. Конструкции сум + причастие непереходного глагола и формы има + причастие непереходного глагола не выражают пассива. При этом формы има + причастие очень редко употребляются. Возвратные глаголы сохраняют в форме с има местоимение се, а в конструкции с сум местоимение опускается.

3. Сочетания с сум поначалу были формами пассива (так и сейчас в других славянских языках). Под влиянием развившихся в македонском языке неpassивных значений у причастия на -н/-т и появившейся формальной возможности образования этого причастия от любого глагола появились конструкции сум + причастие со значением неpassива, которые характерны, однако, лишь для непереходных глаголов. Формы има + причастие

появились в македонских говорах сравнительно недавно (например, по данным Г.Поповой), вероятно, в результате контактов с другими балканскими языками. (Гавранек считает это романским влиянием, Малёцкий – албанским, Голомб – румынским и греческим, Ст.Младенов – арумынским, В.Георгиев предполагает македоно-румынское или меглено-румынское влияние.) С самого момента своего появления в македонских говорах эти формы никакого отношения к пассивному залогу не имели и не имеют. Форма причастия в составе этих форм никогда не была формой пассива.

4. Временные значения, выражаемые конструкцией с сум и формой с има, относящиеся к плану прошедших времен, сходны между собой: они передают значение результата действия, связанного с определенным моментом во времени, т.е. значения, свойственные перфекту и плюсквам-перфекту. Взаимодействие и место всех этих форм во временной системе македонского глагола представляется интереснейшей проблемой, ждущей своего исследователя.

Последний вывод, который можно сделать о функциях и значениях причастия на -н/-т в македонском языке:

Причастие на -н/-т, единственное в македонском языке, широко употребляется как самостоятельно, в роли определения к имени и к глаголу, так и в составе конструкций с глаголом сум¹⁴.

Причастие на -н/-т образуется преимущественно от глаголов совершенного вида, указывая на результат действия, являющийся признаком предмета, о котором сообщается в предложении.

Причастие регулярно образуется как от переходных глаголов, так и непереходных (возвратных и невозвратных). Столь широкое употребление причастий от непереходных, особенно невозвратных, глаголов является специфической особенностью македонского языка по сравнению с другими славянскими языками.

Обычное употребление причастий и конструкций с ним в неактивном значении привело к тому, что эти формы перестали восприниматься как формы пассивного залога. В современном македонском языке для выражения пассива недостаточно морфологических средств причастия на -н/-т, необходимы синтаксические или лексические условия контекста. Таким образом, причастие на -н/-т и конструкции с ним вряд ли можно считать формой пассивного залога. Что тогда считать формой пассивного залога и выражается ли пассив морфологически в македонском языке, вопрос другой, его решение не входило в задачу данного исследования.

¹⁴ Как было показано, в форме с има представлены особые значения причастия, отличающиеся в отношении залога от значений причастия в других типах употребления.

П р и н я т и е с о к р а щ е н и я

- Б.В. - Б о р и с В и ш и н с к и . Сенки и жед. Скопје, 1958
 (выборка произведена частично).
- Б.К. - Б л а ж е К о н е с к и . Граматика на македонскиот
 литературен јазик. Скопје, 1957 (выборка произведена
 частично); Б л а ж е К о н е с к и . Историја на маке-
 донскиот јазик. Скопје, 1965 (выборка произведена час-
 тично).
- В.Чаш. - В а н ђ а Ч а ш у л е . Бугарските историчари за ма-
 кедонското прашање, Скопје, 1968, 32 стр.; В а н ђ а
 Ч а ш у л е . БКП и македонското прашање. Скопје, 1968,
 30 стр.
- В.Черн. - В о ј д а н Ч е р н о д р и м с к и . Македонска крва-
 ва свадба. Ротапринт. Скопје, 79 стр.
- Ж.Ч. - Ж и в к о Ч и н г о . Нова Пасквилија. Скопје, 1965,
 стр.7-98.
- И.Т. - И в а н Т о ч к о . Вино за душите, Скопје, 1968, 46
 стр.; И в а н Т о ч к о . Прстен, Скопје, 1959 (выбор-
 ка произведена частично).
- Мин.во сл. - "Минатото во слики", превел од српски Б.Благовески. За-
 греб, 1958 (выборка произведена частично).
- Н.Мак. - "Нова Македонија", газета, отдельные номера за 1968.
- Р.К. - Р и с т о К р л е . Милиони маченици. Скопје, 1954.
- С.Д. - С и м о н Д р а к у л . Витли во поројот. Скопје, 1956
 (выборка произведена частично).
- Ст.П. - С т а л е П о п о в . Толе-паша. Скопје, 1956, стр.5-
 105.

О ПРЕДПОСЫЛКАХ ОБРАЗОВАНИЯ АЛБАНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Современный литературный албанский язык не относится к числу языков со старой письменной традицией. Он начал складываться лишь с середины XIX в., и основной этап его разработки приходится на период последних десятилетий XIX – первых десятилетий XX вв.

Этому не может противоречить факт появления первой печатной книги на албанском языке ("Missale" Гьона Бузука) в середине XVI в. Староалбанская религиозная письменность, существовавшая на севере Албании в XVI–XVIII вв., имела очень ограниченное распространение (в основном это была литература, служившая потребностям узкого круга католического духовенства); она не сохранила преемственности в культурной жизни страны и не могла оказать какого-либо влияния на образование новоалбанского литературного языка, происходившее в новых исторических условиях и являвшееся неотъемлемым элементом общего процесса становления, самоопределения и освободительной борьбы албанской нации.

Созданный в соответствии с состоянием народной речи нового времени, литературный язык Албании не имел в своем развитии тех ситуаций конфликта со старописьменной традицией, которые в той или иной степени определяли сложность процесса образования современных литературных языков в других странах Балканского полуострова, особенно в соседней Греции.

Лингвистической ситуации в Албании присуща сложность иного рода. Сложность обуславливается фактом существования двух региональных вариантов литературного языка – тоскского (южного) и гетского (северного), сложившихся в условиях турецкого владычества, при отсутствии в стране единого экономического и культурного центра. В течение ряда десятилетий тоскская и гетская формы литературного языка развивались параллельно, однако в постепенно возрастающем взаимодействии и с тенденцией ко все большему и большему сближению между собой.

Соотношение этих двух литературноязыковых вариантов, вызывавшее горячую полемику на протяжении почти ста лет, и сейчас еще продолжает оставаться основной лингвистической проблемой Албании, хотя преобладание тоскской формы за последние два десятилетия стало довольно очевидным^I.

^I См.: A. Kostallari. Sur les traits principaux de l'albanais littéraire contemporain. "Studia Albanica", N° 2. Tirana, 1966, стр. 10.

В связи с задачей изучения истории образования и развития албанского литературного языка привлекает внимание сравнение относительной быстроты и легкости процесса формирования южно-албанского варианта с большей сложностью перипетий образования и развития литературно-языковых норм в северной части страны.

На вопрос о причинах такого различия можно ответить, лишь обратившись к предпосылкам сложения обеих региональных форм албанского литературного языка, каждая из которых имеет в своей основе определенную территориальную разновидность народной речи.

При объяснении несомненно должен быть учтен факт относительно незначительной диалектной расчлененности южной части албаноязычного ареала, в то время как дифференциация говоров северной Албании довольно велика. Однако этот факт, сам по себе, еще не дает ответа на поставленный вопрос. Существенное значение должно, разумеется, иметь сравнительное изучение литературноязыковой деятельности писателей, пользовавшихся в своих сочинениях соответственно тосским и гетским диалектами, а также количества и характера издававшейся на обоих диалектах литературы. Но и этим полностью не разъясняется различие в условиях, оказавших влияние на процесс разработки каждого из литературноязыковых вариантов.

Для исследования этого вопроса, представляющего существенную важность для понимания лингвистической ситуации современной Албании, необходимо осветить еще целый ряд моментов: с чего начинали свою литературноязыковую деятельность албанские писатели периода так называемого *Rilindje kombetare* ("национального Возрождения")? Какое состояние народной речи они брали за основу при выработке литературноязыковых форм? Приходилось ли им начинать с обработки собственно диалектов (в обычном понимании этого термина) или же они имели перед собой уже обработанный и в известной степени обобщенный языковой материал? Сохраняли ли они какую-то связь с начатками региональных литературных традиций конца XVIII – первой половины XIX вв., не имевших старописьменного характера?

Есть основания полагать, что писатели *Rilindje*, положившие начало новоалбанской литературы, опирались на ранее сложившиеся и существовавшие в устном бытовании обобщенные типы речи, различные в функциональном и территориальном отношении. Иными словами, в их распоряжении были разновидности наддиалектных койне – народноразговорного и устнопоэтического характера. В виде этих койне живой народный язык и был использован в качестве основы при создании албанского литературного языка.

Вопрос этот является для албановедения новым и нуждается в специальных исследованиях. Ниже следуют некоторые предварительные сообра-

жения относительно обстоятельств сложения тоскского (кжноалбанского) варианта².

* * *

Хотя тоскская диалектная область подразделяется на два основных лингвистических района – севернотоскский, включающий большую часть территории ("собственно Тоскерия"), и кжнотоскский (Ляберия и Чамерия), и далее на ряд более мелких секторов³, общий тип тоскской речи отчетливо обнаруживает свое единство. Локальная вариантность, хотя и проявляется в ряде признаков фонетического, морфологического и лексического порядка, в сущности невелика и не доводит до резкого обособления отдельных диалектных единиц. Различия между говорами и подговорами на территории южной Албании очень незначительны. Иногда отклонения от общего типа имеют характер архаизмов, задержавшихся главным образом на окраинных участках, но в большинстве случаев они создаются инновациями, распространявшимися в разных направлениях, с постепенностью продвижения из района в район. В соответствии с этим изоглоссы отдельных явлений, хотя и выявляют общие очертания нескольких ареалов, не скапливаются на границах определенных участков территории и тем самым не создают диалектного обособления. Свободная и широкая сеть пересекающих одна другую изоглосс, обозначающих распространение относительно мало релевантных для диалектного типа в целом фонетических и морфологических признаков, является отражением исторических условий языкового общения на территории южной Албании на протяжении четырех столетий турецкого владычества.

При объяснении того, почему в этой части страны не получила развития тенденция к языковой дифференциации и не создались обособленные диалектные единицы, следует иметь в виду целый комплекс условий, определявших характер речевой коммуникации. В числе факторов, способствовавших сохранению территориальной непрерывности общения населения на всем протяжении тоскского диалектного ареала, известную роль мог играть характер географического ландшафта, который, несмотря на свою сложность, не создавал естественных предпосылок для изоляции отдельных областей. Но основное значение имели, конечно, исторически сложившиеся экономические и культурные связи населения отдельных районов. Военно-феодальный строй эпохи турецкого владычества не создавал

² Вопрос о том, как складывался тегский (северноалбанский) вариант литературного языка рассматривается в работе автора "Надиалектные формы устной речи и их роль в истории языка". Л., 1970.

³ Подробнее см.: А.В. Д е с н и ц к а я. Албанский язык и его диалекты. Л., 1968, стр.264.

в Албании условий для развития устойчивого диалектного дробления. Исторический процесс консолидации и внутреннего членения отдельных частей страны совершался в основном помимо временных административных делений и объединений турецкого режима, отражая прежде всего экономические условия жизни населения, его состав и уровень общественного развития, а также конфигурацию географического ландшафта. Одним из ярких отличий южноалбанского ареала, в сравнении с североалбанским, было существование относительно большого количества поселений городского типа, служивших центрами экономического и культурного притяжения для окружающих сельских районов. Посещение локальных торговых центров, ближних, а иногда и более дальних городов, с давних пор составляло один из важных моментов в жизни сельского населения южной Албании. Города в этой части страны связывались между собой дорогами или проезжими тропами. Через горные перевалы регулярно совершались сезонные передвижения скотоводов с их стадами, что в свою очередь, поддерживало постоянство связей между горными и равнинными областями. Следует отметить также традиционную подвижность сельского населения малоземельных горных краев, связанную с уходом на заработки целых артелей рабочих различных специальностей (каменщиков, плотников, лесорубов, резчиков по дереву, лудильщиков, строителей водопроводов), ежегодно растекавшихся по различным районам Албании и соседних стран Балканского полуострова. При такой экономически вынужденной подвижности населения естественно не создавалось условий для консервации локальных особенностей речи.

Социально-исторические и географические обстоятельства не только определяли инертность тенденций к территориально-диалектной дифференциации речи, но, наоборот, способствовали процессу консолидации и обобщения южноалбанского диалектного типа. Этот процесс в основном получил развитие в период заметного оживления жизни страны в XVII-XVIII вв., ознаменовавшийся ростом городов, расширением ремесленного производства и торговли, расширением экономических и культурных отношений между отдельными городами и областями. Для того, чтобы уяснить конкретные условия, в которых происходило сложение албанских народноразговорных койне (помимо общетоскского, также южногетского — с центром в Эльбасане), важно представить себе обстановку общественной и культурной жизни албанского города эпохи турецкого владычества. Оживленные базары, регулярно собиравшиеся как в больших городах, так и в мелких локальных центрах, захватывали в сферу своего влияния все сельские районы южной Албании и были местами постоянных скоплений населения различных общественных слоев, в том числе больших количеств крестьян из равнинных и горных деревень. Базарный квартал, с его мелкими лавочками и ремесленными мастерскими, был центром всякого рода встреч, имевших не только экономический, но и политический характер.

В экономической и общественно-культурной жизни городов важную роль играли ремесленники, объединявшиеся в эснафы – цеховые организации средневекового типа. Общественный быт эснафов включал целый ряд строго регламентированных ритуалов, например, ритуал посвящения в члены эснафа (*testirlik*), коллективные трапезы праздничного характера, а также различные формы совместного участия эснафов в экономической и политической жизни городов. Все это должно было способствовать развитию форм речевой коммуникации, выходивших за пределы элементарного повседневно-бытового общения, создавать условия для выработки обобщенного типа речи – народно-разговорного койне, приобретавшего наддиалектный характер.

Благодаря расширению экономических и культурных связей, в которые вовлекалось значительное количество городского и сельского населения, стимулировался процесс унификации речевых форм не только внутри городов, но и в пределах примыкавших к ним более или менее обширных краев. Говоря о связях городского населения с жителями ближних и дальних деревень, не приходится недооценивать также очень широко разветвленные отношения родства и свойства, искони игравшие большую роль в характерном для быта старой Албании патриархальном укладе. Несмотря на специфические формы городского быта, связанные в основном с организацией эснафов и торговлей, патриархальные традиции деревни неизменно оказывали сильнейшее влияние на жизнь горожан, поддерживая их связи с населением окружающих сельских районов. Большие скопления народа, связанные с разного рода празднествами (религиозными и семейными), создавали благоприятную обстановку для развития народнопоэтического творчества, имевшего огромное значение как фактор культурного объединения. Патриархально-семейная обрядность, с ее очень детально разработанной ритуально-словесной стороной (стандартность диалогов, традиционные формулы приветствий, пожеланий), играла определенную и довольно значительную роль в отработке и фиксации лексико-фразеологических норм народноразговорного койне. В подобного рода приподнятых над уровнем простого бытового общения типах коммуникации, требовавших внимательного и бережного отношения к произносимым словам, создавались условия для устранения наиболее резких особенностей местных говоров, которые могли сохраняться на низшем уровне разговорной речи. В частности, такого рода фонетические инновации, как явления эпентезы, афerezы, синкопы, метатезы, всевозможные ассимиляции и диссимиляции нерегулярного характера, спорадически возникающие в сущности во всех говорах и обычно не связанные с определенными ареалами, характерны главным образом для стилистически сниженной, небрежной речи бытового общения. Народноразговорное койне, особенно в его устнопоэтической форме, представляет собой язык более высокого уровня, обладающий признаком относительной регулярности и единообразия.

Процессы языковой конвергенции, получившие развитие на территории южной Албании, таким образом, должны были сыграть определенную роль в закреплении ситуации языкового единства, характерной для тоскского диалекта. Это единство носит характер народноразговорного койне, имеющего, однако, свои локальные варианты. По отношению к этим локальным вариантам, признаки которых в целом мало существенны для процесса коммуникации, система койне (в ее основных фонетических и морфологических характеристиках) выступает в качестве идеального инварианта, своего рода наддиалектной нормы.

При выделении фонетических признаков, характеризующих отдельные локальные разновидности кжноалбанской речи, система фонем народноразговорного койне представляется в качестве общетоскского типа, который может быть принят в качестве отправной точки сравнения⁴.

Расхождения в области морфологии, обнаруживающие известную пестроту вариантов образования отдельных форм, в основном сводятся к различиям в соотношении и распределении некоторых более или менее продуктивных морфологических моделей, к различиям в направлениях аналогического выравнивания парадигм. В отдельных случаях (например, соотношение старой и новой моделей образования некоторых форм в парадигме склонения, ср. модели вин. опред. падежа I) fshat-në, mik-në и 2) fshat-in, mik-un 'деревню', 'друга') можно говорить о вариантах внутри системы койне⁵.

* * *

С народноразговорным койне тесно связана его сублимированная форма — устнопоэтическое койне. О языке кжноалбанской народной поэзии — в том виде, каким он был в 50-е — 70-е годы XIX в., можно судить по записям того времени. Так как тогда еще не существовало выработанной письменно-литературной традиции и лингвистическое восприятие фольклористов было свободно от влияний, привнесенных извне, можно полагать, что в фольклорных текстах, собранных И.Г.Ханом⁶. Евф.Митко⁷ и О.До-

⁴ См.: А.В. Д е с н и ц к а я. Албанский язык..., стр.265 и сл.

⁵ Характерно, что в составленной на основе кжноалбанского койне грамматике К.Кристофориди формы miknë и mikunë даны в качестве равноправных вариантов (Γραμματικὴ τῆς ἀλβανικῆς γλώσσας 'ὑπὸ Κ.Χριστοφορίδου 'Εν Κωνσταντινουπόλει. 1882, стр.14).

⁶ J.G. Hahn, Albanesische Studien. Jena 1854.

⁷ 'Αλβανικὴ μέλλισα (Βηλίεττα Σεκιμπητᾶρε). Συντάχθεν ὑπὸ 'Ε.Μήτκου. 'Εν 'Αλεξάνδρειᾳ. 1878. (Большая часть текстов, собранных Е.Митко, вновь опубликована в сборнике "Mbledhës të hershëm të folklorit shqiptar, II. Tiranë, 1961).

зоном⁸, отражено реальное состояние устнопоэтической речи, звучавшей по селам и городам южной Албании в середине прошлого столетия.

Факт почти абсолютного единообразия этой речи (мелкие диалектные отклонения от общего типа не нарушают картины в целом) не может вызывать сомнений. Не только в стилистическом, но и в чисто языковом отношении, это одна и та же обобщенно-региональная разновидность албанского языка — токсское койне в его устнопоэтической форме.

Единство языка народной поэзии непосредственно отражает единство фольклорных традиций, характерное для южной Албании и неоднократно отмечавшееся исследователями⁹. Особенный интерес в связи с проблемой развития койне вызывает не только общность жанров и сюжетов, но и широкое распространение многих песенных и сказочных текстов по различным краям. Вместе с текстами распространялись и обобщались постоянные словесные формулы. В том, что унифицированная форма языка развивалась и обогащалась в непосредственной связи с развитием и распространением народнопоэтического творчества, выражалась зависимость процесса языковой конвергенции не только от общественно-экономических условий жизни населения, но и от исторически сложившейся на их основе культурной общности.

Албанский фольклор вообще богат и жанрово разнообразен. Фольклор южной Албании имеет свою специфику в сравнении с фольклором горных районов северной части страны. Если для последнего наиболее характерным жанром является эпическая поэзия, то у албанцев-жван (также и у населения центральных областей) этот архаический жанр отсутствует. Для южноалбанского песенного фольклора типичен жанр короткой песни, содержащей непосредственный отклик на событие, лаконичное описание ситуации, хвалебную, отрицательную или ироническую оценку того или иного лица. Как указывает К.Хаджихасани, народные песни этого типа представляют собой своего рода "хронику, регистрирующую в поэтической форме события местной жизни"¹⁰. По его словам, на юге, особенно в Лаберии, темой песен становятся не только боевые подвиги, но также и всякого рода события повседневной жизни, радостные или печальные. Другой албанский исследователь, сообщая о результатах фольклорной экспедиции в один из южноалбанских районов (Загори), подчеркивает динамический характер фольклора этих мест. "Так же как и ляд,

⁸ A. Dozon. Manuel de la langue chkiye ou albanaise. Paris, 1878.

⁹ Q. Naxhihasani. Kërkime dhe vëzhgime folklorike në rrethin e Permetit. — BUT, 1959, N 2, стр. 122; Q. N. ж. e. Ekspedita folklorike e Kolonjës". — Bul. Shk. Shoq., 1956, N 1, стр. 203; A. Fico. Kërkime folklorike në krahinën e Zagorisë. — BUT, 1961, N 2, стр. 134.

¹⁰ Q. Naxhihasani. Kërkime dhe vëzhgime..., стр. 126.

загориец импровизирует с остротой и алегантностью по поводу жизненных событий: о храбрых людях, о любви, о труде"¹¹.

Ситуативным характером этой песенной поэзии определяются ее формальные черты: подчеркнутый лаконизм, афористичность. Размер обычно составляет 5–10 строк¹². Песни исторического содержания (например, некоторые из песен об Али Паше Тепеленском), иногда более длинные, в основном имеют те же особенности.

Благодаря отсутствию такого архаического жанра, как эпическая поэзия, в южной Албании по-иному, чем на севере, выглядит соотношение между устнопоэтической формой языка и разговорной речью. В горных районах северной Албании (к северу от течения Большого Дрина) эпическое койне противостоит языку повседневного общения как особая наддиалектная форма речи, обладающая, помимо стилистического своеобразия, рядом архаических особенностей, в том числе фонетических¹³.

Южноалбанские исторические песни, подобно лирическим и, в особенности, шуточным – это в принципе не архаический жанр. Вся эта поэзия, так же как и ее специфическая городская разновидность – так называемые бейты¹⁴ (импровизированные четверостишия, часто сатирического содержания), всегда была непосредственно связана с жизнью общества и непрерывно создавалась и обновлялась в южной Албании на языке этого общества – на народноразговорном койне. Устнопоэтический язык не был, таким образом, обособлен от народного койне, но выступал в качестве его функциональной разновидности.

Южноалбанское устнопоэтическое койне, являющееся сублимированной формой общетоскского народноразговорного койне, отличается от него не лингвистическими признаками¹⁵, а в основном стилистически. Это выражается в некоторых особенностях отбора лексики (например, наличие в лирических песнях поэтических ориентализмов, не свойственных разговорной речи), а также в специфических приемах построения синтаксических единиц. Однако и в стилистическом аспекте мера отличий является довольно относительной, особенно когда с разговорной речью сравнивается язык народной прозы (сказок), лишенный черт архаизма, неотяжеленный иноязычными элементами, очень гибкий в синтаксическом отно-

¹¹ A. Fico. Kërkime folklorike..., стр. 155.

¹² Q. Naxhihasani. Kërkime dhe vëzhgime..., стр. 149.

¹³ См.: А. В. Десницкая. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка.

¹⁴ Из тур. beyit 'стих' (< араб. bajt).

¹⁵ С этой точки зрения более устойчивое, чем в разговорной речи, сохранение в поэтическом языке неударного ё, особенно в конце стиховой строки, может быть объяснено не как архаизм, но как элемент поэтической техники, связанный с ритмом стиха.

шении — словом, представляющий собой как бы модель народноразговорного койне. Фразеологизмы, характерные для прозаического фольклора, а также поговорки, выступающие как особый и очень важный его жанр, проносят собой тосское народноразговорное койне (также и южногетское в центральной Албании). Неслучайно во всех фольклерных коллекциях XIX и начала XX вв. большое место занимают списки так называемых "мудрых" (fjalë të urta) или "старинных слов" (fjalë të mocime, fjalë të lashta). Обильное употребление таких готовых единиц языка в значительной мере способствовало обобщению и стандартизации разговорной речи сельского и городского населения старой Албании, превращению ее в койне. Наборы речений, формул, приуроченных к определенным ситуациям общественной и патриархально-семейной жизни, афоризмов, содержащих оценки определенных, повторяющихся явлений, формул приветствий, пожеланий, соболезнования, — все это придавало разговорной речи характер литературной обработанности почти в той же мере, в какой это было свойственно языку устной поэзии. Многие из афоризмов, зарегистрированных в списках "мудрых слов", отличаются изяществом и даже изощренностью синтаксической формы, что показывает значительный уровень развития, достигнутый народноразговорным койне и его устолитературной разновидностью.

Высокая степень обработки и стандартизации речевых форм и характерная для южной Албании близость языка устной народной поэзии к народноразговорному койне создавали благоприятные условия для использования общетосского койне (с его разговорной и устолитературной разновидностями) в качестве основы для современного албанского литературного языка (в тосском варианте). Этим, несомненно, значительно облегчалась историческая задача, стоявшая перед культурными деятелями второй половины XIX в., закладывавшими фундамент новой албанской литературы и национальнолитературного албанского языка.

Периоду rinndje, с которым связывается начало сознательной деятельности по созданию норм литературного языка албанской нации, в южной Албании непосредственно предшествовал ряд интересных попыток письменнолитературного использования тосского койне.

Вряд ли следует недооценивать преемственность связей литературно-языковой деятельности классика новой албанской литературы Наима Фрашери с традициями бекташизма — религиозного вероучения, к которому поэт принадлежал до конца своих дней. Делавшиеся этой сектой попытки создания религиозной литературы на албанском языке — своего рода мусульманская "реформация", представляют несомненный интерес для истории албанской культуры. Принадлежность к дервишской секте бекташей

среди мусульман центральной и южной Албании издавна приобрела почти массовый характер, в особенности в некоторых краях Тоскении (Малакастра, Фрашер, Тепелена, Ѓирокастра). Ориентация бекташизма на народность и доступность религиозной пропаганды, причем с использованием родной речи населения, среди которого эта пропаганда велась, у албанских бекташей получила выражение в создании огромных по размеру поэм, в которых ранняя история Ислама излагалась с позиций секты. Эти поэмы, авторами которых были дервиши Далип Фрашери и Шахин Фрашери, предназначались для чтения вслух на собраниях членов секты в дни траура (*matem*) по имаму Хусейну, внуку Магомета¹⁶. Язык их тяжеловесен и перенасыщен ориентализмами – свидетельство книжно-мусульманской учености авторов; однако в основах своих он соответствовал неписанным нормам тосканского койне, хотя и сохранял некоторые специфические для говора краины Дангелы (центр – селение Фрашер) архаические особенности. Сам факт создания такого рода произведений на албанском языке именно в первой половине XIX в., конечно, не случаен. Это было время, когда в албанском народе уже начали созревать элементы национального самосознания. Проповедь бекташизма, проводившаяся на родном языке среди довольно широких кругов албанских мусульман, возможно, уже с XVII в.¹⁷, через посредство целой сети религиозных центров – *teqe* (тур. *tekke* 'обитель дервишей'), особенно многочисленных в южной Албании, по-видимому, может рассматриваться в числе факторов, способствовавших развитию явлений языковой конвергенции.

Еще далеко не освещена роль, которую играли в развитии национально-языковой культуры выдающиеся поэты из среды мусульман южной Албании – Незим Фракула, Хасан Зюко Камбери и Мухамед Кичук¹⁸.

Незим Фракула, живший в XVIII в., был связан с ориенталистически образованной средой города Берата – в то время одного из наиболее значительных экономических и культурных центров страны. Поэзия Незима, сатирически острая и глубоко лиричная по содержанию, в стилистическом отношении представляла собой контаминацию элементов восточной (арабско-персидской) поэтики с народноалбанской песенной традицией. Относившийся к числу так называемых бейтеджи, Незим усложнял и совершенствовал характерные для албанской городской поэзии жанры. Он пользо-

¹⁶ O. Myderrizi. *Letërsia fetare e bektashive*. – Bul. Shk. Shoq., 1955, № 3, стр. 70.

¹⁷ J.K. Birge. *The Bektashi Order of Dervishes*. – Hartford, 1937, стр. 70.

¹⁸ К сожалению, литературное наследие этих поэтов опубликовано лишь в небольших извлечениях. О некоторых произведениях можно судить лишь по маленьким отрывкам, даже по отдельным строчкам, приводимым в статьях албанских филологов.

вался общетоскским койне — в том виде, как оно существовало в ХУШ в. в северо-западной части тоскского ареала. Несмотря на отдельные архаизмы, в целом язык поэзии Незима не производит архаического впечатления. Впечатление производит большое количество ориентализмов в лексике. Многие из них были, по-видимому, достоянием разговорной речи городского населения того времени. Но некоторая часть ориентализмов имеет явно литературное происхождение.

Хасан Зыко Камбери, один из самых выдающихся албанских поэтов, жил во второй половине ХУШ в. Он был автором произведений с религиозной (первый "Мевлуд" на албанском языке) в светской тематикой, имевших большую популярность среди мусульманского населения южной Албании¹⁹. Для его оригинального творчества характерны острота социальной тематики, выразительность образов и языка, достигающие особенной силы в стихотворениях "Деньги" ("Paraja"), "Мучная похлебка" ("Trahani"), "Судьба моя" ("Bahti im").

В языке Хасана З. Камбери трудно уловить отклонения от общетоскского типа народноразговорного койне, конечно, если не считать такими некоторые архаизмы, имевшие в то время широкое распространение. Говор родины поэта, — крайны Колонья принадлежит к юго-восточному району севернотоскской диалектной зоны, а говор Берата — к северо-западному району. Однако диалектные различия между языком Хасана З. Камбери и языком Незима Фракулы в сущности минимальны. Правда, произведения обоих поэтов сохранились не в оригинальных рукописях, а в более поздних списках. Но это не имеет существенного значения. Важно то, что их поэзия была достоянием широкой популярности не в узколокальной языковой форме, а в форме общетоскского койне.

Значительная степень обобщенности присуща также языку поэм Мухамеда Кючука (первая половина XIX в.), несмотря на то, что автор происходил из чамерийского диалектного района (селение Конисполь на крайнем юге албанской территории). В авторской рукописи поэмы "Erveheja" отсутствуют некоторые яркие особенности чамерийского говора, в частности, не сохранены характерные сочетания *ki, gi*. Представленная в тексте делябиализация *y > i, ye > ie*, видимо, не воспринималась как релевантный диалектный признак.

Для всех этих поэтов культурная среда не замыкалась естественными границами отдельных районов; произведения их распространялись как в списках, так и в устной передаче, по всей территории южной Албании, вероятно, не только среди мусульман. С этим было связано и единство языка, который, при небольших различиях частного характера, в целом

¹⁹ Некоторые из его стихотворений, передававшиеся наизусть от поколения к поколению, до сих пор сохраняются в памяти стариков (см.:

O. Myderrizi. Hasan Zyko Kamberi. — Bul. Shk. Shoq., № 1, стр. 93.

представлял собой литературную обработку народноразговорного койне. Общими моментами были также, с одной стороны, связь с устной народной поэзией, откуда заимствовались не только размеры стиха, но и фразеология, с другой стороны – наличие ориентализмов в лексике.

В несколько большей степени особенности местного ляберийского говора были сохранены в переводе полного текста Евангелия, осуществленном Вангелем Мекси из Ляовы под редакцией епископа Григория Гьирокастрийского. Перевод был издан в 1827 г. на острове Корфу Британским Библейским обществом. Этот первый опыт перевода на южноалбанский диалект большого и сложного прозаического текста оказал влияние на дальнейшую разработку тоскского варианта литературного языка – главным образом в части синтаксиса и словаря. Наличие некоторых ляберизмов фонетического и морфологического характера в языке этого издания не могло служить препятствием, тем более что создававшееся ими отличие от общетоскского типа речи было в сущности незначительным.

Таким образом, ко времени начала национально-культурного движения, получившего название Rilindje ("Возрождение"), в южной Албании уже существовала унифицированная форма народноразговорной речи, получившая известную степень литературной обработки в устной народной поэзии, а также в произведениях поэтов из мусульманской среды, соединявших с албанской фольклорной традицией элементы ориентальной поэтики.

* . *

Одной из конкретных задач, поставленных деятелями Rilindje, было создание школы и письменности на родном языке. К этому призывал еще в 30 – 40-е годы XIX в. Наум Векильхарджи, пионер борьбы за культурное самоопределение албанского народа. Значительно более широкое общественное внимание к вопросу о развитии литературного языка было привлечено в период 70 – 90-х годов, в связи с разворачиванием албанского национального движения, когда, наряду с политическими требованиями, был поставлен ряд практических задач культурного характера (выработка единого алфавита, борьба за открытие школ на родном языке и создание для них учебников, первые шаги в развитии периодической печати). Формулируя программу албанского национального движения, идеолог его – выдающийся писатель и ученый Сами Фрашери (он же Шамседдин Сами, известный как один из основателей современного турецкого литературного языка) писал в 1899 г. в трактате "Албания, чем она была, какова она есть и какой она будет": "Признаком национальности (shënjë kombërisë) является язык; каждая нация (ç'do komb) поддерживает-

ся языком"²⁰. И далее: "Прежде всего язык: не может быть Албании без албанца; не может быть албанского языка без албанской письменности и без школ, в которых учили бы албанскому языку. Поэтому прежде всего — надо сохранить язык, надо заставить Турецкое правительство снять запрет с албанского языка, разрешить открытие албанских школ и беспрепятственное издание албанских книг и журналов"²¹.

В теоретическом плане С.Фрашери сформулировал также задачу развития общенационального албанского литературного языка в его соотношении с диалектами. Считая, что албанский народ имел и имеет единый язык, представляющий собой такое же древнее наследие, как и национальность (*kombëri*), он подчеркивал, что "между гегами и тосками нет какого-либо коренного различия. Все составляют одну нацию, говорят на одном языке с очень небольшими различиями, которые при построении языка (имеется в виду национальный литературный язык. — А.Д.) будут сняты совсем"²². Однако достижение единства литературного языка он считал возможным лишь после полного освобождения страны от турецкого владычества. При этом он полагал, что единство это будет осуществлено в результате смешения диалектов в будущей столице независимой Албании²³.

Другой выдающийся деятель албанского национально-культурного движения, Константин Кристофорили, также считал, что не следует преувеличивать значение различий между гегским и тоскским диалектами²⁴. И в своей практической работе над двумя вариантами литературного языка он старался по возможности приблизить их один к другому.

Демонстрацией единства языка и фольклорных традиций албанского народа явилось также издание "Албанской пчелы" Е.Митко. В этом сборнике, вышедшем в 1878 г. в Александрии, наряду с преобладающей массой фольклорных материалов из южной Албании, было представлено также некоторое количество песен на гегском диалекте. В предисловии Е.Митко указывал, что целью его труда было "спасти и сохранить для будущих поколений албанские слова и тексты", побудить албанцев "к изучению их родного языка"²⁵. Родной язык, в его исконном единстве, представлялся запечатленным в фольклоре.

²⁰ S. Frashëri. Shqipëria ç'ka qënë, ç'është dhe ç'do të jetë, изд. 6. Tiranë (без указания года), стр.19.

²¹ Там же, стр.64.

²² Там же, стр.28-29.

²³ Там же, стр.70.

²⁴ Dh.S. Shutëriqi. Konstandin Nelko-Kristoforidhi "Monografi mbi jetën dhe botimet e tij. — Bul. Inst. Shk. 1950, №1-2, стр.37).

²⁵ Mbledhës të hershëm të folklorit shqiptar, II. Tiranë, 1961, стр. 12.

Однако, несмотря на то, что передовые представители албанского "Возрождения" еще в конце прошлого века считали, что литературный язык нации в идеале должен быть единым, стоящим над диалектами, они не могли не понимать, что практическое осуществление этой оптимальной цели, при существовавших в то время исторических условиях, было нереальным. Поэтому единственно возможным путем для решения насущных вопросов создания письменности и школы на родном языке оставался путь развития двух региональных вариантов литературного языка — северного и южного. По этому пути в основном и направилась литературноязыковая активность албанских писателей конца XIX — начала XX вв., что и определило дальнейший путь развития албанского литературного языка, существующего и в настоящее время в двух диалектных формах. Что касается поисков сближения тоской и гегской литературноязыковых форм путем искусственного соединения признаков обоих диалектов (именно такой характер имело употребление отдельных гегских форм в произведениях братьев Фрашери и Яни Врето²⁶), то они не шли дальше экспериментов.

* * *

Для северной Албании вопрос о выборе основы литературного языка представлял значительную трудность в связи с тем, что, наряду с установившимся на протяжении XIX в. опытом использования городского говора Шкодры в клерикально-католической литературе, существовали: а) значительно ранее сложившаяся архаическая норма языка устной эпической поэзии североалбанских горцев, в своих основных признаках совпадавшая с отраженным в письменности XVII в. староалбанским состоянием, и б) народноразговорное койне, образовавшееся на южногегской диалектной основе. Эта трудность ранее всего нашла отражение в колебаниях и в изменении установок, проявившихся в работе К.Кристофориدي над оформлением гегской нормы литературного языка, которую он в конечном счете сконструировал в двух вариантах: северногегском, имевшем более консервативный характер, и южногегском (со стяженными формами дифтонгов *ue, ye, ie*). Совершавшееся помимо его экспериментов развитие североалбанской литературы отразило сложность лингвистической ситуации в этой части страны.

В южной Албании, где уже ранее сложилась обобщенная форма народноразговорной речи, обладавшая значительной степенью внутреннего единства, задача писателей периода *Rilindje* оказалась гораздо более ясной и простой. Сам факт наличия такого единства был наглядно проде-

²⁶ См.: Sh. Demiraj. Disa shënime rreth lëvrimt të gjuhës shqipe gjatë shekullit të XIX. — BUT, 1959, № I, стр. 50 и сл.

монстрирован изданием в 1878 г. богатой коллекции кжноалбанского фольклора, собранной Е.Митко²⁷.

В сущности уже сложившуюся основу будущего литературного языка (в его тоскокой форме) предстояло прежде всего нормализовать и письменно закрепить, иначе говоря, общетоскоское койне нуждалось в грамматической обработке. Поэтому не приходится удивляться, что уже в 80-е годы XIX в. появились одна за другой две грамматики, составленные выдающимися деятелями албанского просвещения — К.Кристофори²⁸ и Сами Фрашери²⁹.

К.Кристофори, исходя из традиционного для старой Албании деления кжноалбанского ареала на Тоскерию, Ляберию и Чамерию, выделил ляберийский и чамерийский говоры (очень мало отличающиеся от общетоскоского типа) в качестве ответвлений тоскокого диалекта. Описывая фонетический состав и грамматическую систему тоскокого койне, он отметил несколько случаев вариантности, не нарушающих, однако, общего единства типа речи. В части фонетики это: 1) различное распределение ударения между первым и вторым элементами дифтонгов, например, *shkrúaj*, *shkrúajmë* и *shkrúaí*, *shkrúaíjmë* 'пишу', 'пишем'³⁰; 2) различие форм с сохранением среднеязычного носового *nj* [ń] в конечной позиции и с переходом его в *i*. Характерно, что в таблице глагольных спряжений на первое место он ставит формы с *-j* (*shkrúaj* и *shkrúaíni* 'пишу', *kërkoj* и *kërkoni* 'ищу'³¹), поддерживая тем самым инновацию, утвердившуюся в последующем развитии литературного языка. В области морфологии он также отдает предпочтение более новым моделям образования некоторых форм в парадигме склонения. Так, например, он ставит на первое место форму определенного винительного падежа единственного числа от основ мужского рода с основой на согласный, образуемую с помощью элемента *-i-* (или *-u-*) между основой и окончанием, а более архаичную модель, образуемую путем непосредственного присоединения к основе окончания *-n(ë)*, он ставит на второе место (ср. *qeninë* или *qennë* 'собаку'³², *mikunë* или *miknë* 'друга'). Несколько диалектных вариантов отмечены им в разделе глагола (главным образом это относится

27 *Ἀλβανική μέλισσα (βηλιέττα Σακισπητᾶρε)*. — *Συντάχθεν* ὑπὸ Ἐ. Μήτκου. — *Ἐν Ἀλεξανδρείᾳ*.

28 *Γραμματική τῆς Ἀλβανικῆς γλώσσης κατὰ τὴν τосκικὴν διάλεκτον* συνταχθεῖσα ὑπὸ Κωνσταντίνου Χριστοφορίδου. — *Ἐν Κωνσταντινουπόλει*, 1882.

29 *"Shkronjëto e gjuhësë shqip"* prej S.H.F. — Bukuresht, 1886.

30 *Γραμματική...*, стр.3. Все примеры даны в современной албанской графике.

31 *Γραμματική...*, стр.135.

32 Там же, стр.14.

к образованию форм имперфекта). Для языкового стандарта, впервые подвергавшегося грамматической фиксации, это была в сущности очень незначительная вариантность, свидетельствующая о значительной степени его внутреннего единства.

Такое же соотношение вариантов формы определенного винительного падежа единственного числа мужского рода дано и в грамматике С.Фрашери, ср.:

вин.	{ -inë gurinë	•камень, ³³
	{ -në gurnë	
	{ -unë mikunë	•друга, ³⁴
	{ -në miknë	

Как и Кристофорици, С.Фрашери отмечает варианты глагольных форм с конечным -nj/-j, ставя, однако, на первое место более консервативный вариант (lanj, laj 'мою',³⁵).

Вообще тоскское койне в том виде, как оно представлено в грамматике С.Фрашери, имеет несколько более архаический облик, чем у К.Кристофорици. Но в целом (если не считать различий в образовании форм имперфекта, который во всей южноалбанской диалектной области обнаруживает наибольшее количество расхождений), тип речи, описанный в грамматиках Кристофорици и С.Фрашери, характерен своим единством. Таким образом, тоскская форма литературного языка уже в самом начале своего развития получила грамматическую обработку.

Вторым важным моментом в разработке новоалбанского литературного языка на базе тоскского койне явилась задача модернизации словарного состава. В литературноязыковой деятельности братьев Фрашери создание новых слов в связи с необходимостью обозначения множества новых понятий естественно должно было играть очень большую роль. Следуя примеру К.Кристофорици, который конструировал неологизмы как для гегского, так и для тоскского вариантов литературного языка, исходя из существующих в народной речи словообразовательных моделей и широко пользуясь приемом калькирования, Сами Фрашери, Наим Фрашери и Яни Врего значительно обогатили словарный состав тоскской формы литературного языка разного рода терминами и обозначениями абстрактных понятий — по сравнению с состоянием народноразговорного койне, легшим в ее основу³⁶.

³³ "Shkronjëto...", стр. II.

³⁴ "Shkronjëto...", стр. I2.

³⁵ Там же, стр. 73.

³⁶ О словотворчестве писателей албанского "Возрождения" см.: N. JOKI Naim Be Frashëri e pasunimi i gjuhës shqipe (в сборнике "Naim Frashërit!", Graz, 1925); Sh. Demiraj. Gjuha e Sami Frashërit. - Bul. Shk. Shoq., 1955, стр. 3; Disa Shënime rreth lëvrimt të gjuhës shqipe gjatë shekullit të XIX. - BUT, 1958, стр. 4.

Таким образом, ранее сложившаяся основа общетоскской нормы получила свое первое грамматическое закрепление, а работой писателей над словарем было обозначено направление ее дальнейшего развития. Для достижения решающих успехов на пути литературной обработки этой нормы необходимо было создание художественной литературы национального значения. В этом отношении определяющую роль сыграл талант родоначальника новой албанской поэзии Найма Фрашери, патриотическая лирика которого, а также поэма "История Скандербег" ("Histori e Skënderbeut", 1898) завоевали огромную популярность.

Общетоскское койне в произведениях Найма Фрашери сохраняло некоторые консервативные черты, что было связано, по-видимому, не только с относительным архаизмом говора крайины Дангелы, откуда происходили братья Фрашери (характерно, что язык Сами Фрашери производит менее архаическое впечатление), но и с непосредственной зависимостью поэта от предшествующей традиции. От литературы бекташизма Найм Фрашери унаследовал не только религиозную тематику некоторых своих произведений, но в известной мере и элементы художественной формы и языковые средства. Его поэма "Кербела" ("Qerbelaja"), посвященная истории гибели имама Хусейна, внука Магомета, продолжала линию религиозной поэзии бекташизма. Хотя и очищенный от ориентализмов, язык этой поэмы обнаруживает преемственную связь с языком поэм "Hadikaja" и "Myhtarnameja", читавшихся вслух в молельне бекташей селения Фрашер.

Выросший в культурной мусульманской среде, Найм Фрашери был хорошо знаком не только с восточной (арабской, персидской, турецкой) поэзией, но и с творчеством албанских поэтов-бейтеджи. Он высоко оценивал их значение для албанской литературы, подчеркивая, что "среди поэтов Албании первое место занимает Хасан Зюко Камбери"³⁷. Вслед за ним он поставил Незима и других поэтов того же круга. Но тут же он отчетливо определил принципиальное отличие своего подхода к албанскому литературному языку от подхода своих предшественников: "Все они виновны в том, чего нельзя простить. Они смешали прекрасный албанский язык с чужими словами. Писать на нашем языке следует чисто по-албански, ибо чужие слова его обезображивают. Наш язык широк и прекрасен, он имеет много хороших слов, которыми можно заменить чужие слова"³⁸.

В этой формулировке выражена вся сущность языковой позиции Найма Фрашери. Как поэт, признававший значение творчества своих предшественников, он признавал себя продолжателем их традиции в отношении языка. В то же время как один из главных вдохновителей борьбы за на-

³⁷ Iliadhë e Omirit. Këngë e parë. Kthyerë prej Naim Be Frashërit. Korçe, 1924 (изд. I - 1896 г.), стр. II.

³⁸ Там же, стр. II-12.

циональное самоопределение албанского народа, он объявлял беспощадную борьбу ориентализмам в языке, как наследию турецкого господства над албанской нацией. Он требовал полного очищения и обновления лексики литературного албанского языка путем удаления из нее иноязычных элементов и замены их старыми исконно албанскими или новыми словами. Эта линия последовательного пуризма, разделявшаяся и другими деятелями албанского просвещения, на длительное время стала определяющей в развитии литературного албанского языка. В конце XIX – нач. XX вв. у некоторых авторов, продолжавших традиции братьев Фрашери, но не обладавших их талантом и языковым чутьем, страсть к нагромождению неологизмов и синтаксическая беспомощность стала приводить к искусственным и тяжеловесным построениям, грозившим отдалить литературный язык от живой народной основы – народноразговорного койне. И на этом этапе развития судьба литературного языка в основном все еще зависела от появления более или менее талантливых писателей, содействовавших его подлинному развитию, обогащению и модернизации. Творчество Антона З. Чаупи (1866–1930), талантливого поэта, опиравшегося на южноалбанский фольклор, внесло живую струю народной речи в несколько архаизированный язык албанской поэзии начала XX в. Чаупи высказался также против чрезмерного пуризма по отношению к иноязычным лексическим элементам, продолжавшим в той или иной степени бытовать в живой разговорной речи.

Модернизация языка прозы и его дальнейшая разработка были связаны с литературно-языковой деятельностью широко образованных литераторов – Ф. Коницы и Ф. Ноли, которые использовали в своих переводных и оригинальных произведениях все ту же основу – живое и развивающееся койне южной Албании.

Широкое развитие периодической печати и вообще увеличение количества печатных изданий, ставшее возможным в самой Албании после освобождения страны от турецкого владычества, и в особенности распространение школьного обучения на родном языке способствовали быстрой дальнейшей разработке литературного албанского языка в его обеих формах. Преимущество тоскской формы было в относительно большей степени внутреннего единства, исторически обусловленной всем предшествующим путем развития.

П р и н я т ы е с о к р а щ е н и я

- Bul.Shk.Shoq. – Buletin për Shkencat Shoqërore. Tiranë.
 Bul.Inst.Shk. – Buletin i Institutit të Shkëncave. Tiranë.
 BUT – Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës. Seria Shkencat Shqërore. Tiranë.

СООТНОШЕНИЕ ГЕНИТИВНЫХ И АБЛАТИВНЫХ АТРИБУТИВНЫХ СОЧЕТАНИЙ В АЛБАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Генитив и аблатив являются двумя самостоятельными членами падежной парадигмы имени существительного в албанском языке. Омонимичность падежных флексий в единственном числе определенной и неопределенной формы (ген. опр. ф. — *djalit* 'юноши'; абл. — *djalit* ген. неопр. ф. — *djali*; абл. — *djali* и множественного числа определенной формы (ген. *djemvet*; абл. *djemvet* легко доказывается наличием формально противопоставленной в падежной парадигме множественного числа неопределенной формы флексии — *sh* (ген. *djemve* абл. *djemsh*)¹.

Аблативная падежная структура, характеризующаяся синтаксической полифункциональностью, в современном албанском может быть членом и группы глагола, и группы существительного², может выступать как в предложной форме, так и без предлогов³.

Напротив, генитив является падежом беспредложным, а его употребление не выходит за пределы группы существительного⁴.

Генитив и аблатив в приименном употреблении образуют с ядром группы атрибутивные сочетания (генитивные и аблативные), в которых обе падежные формы являются несогласующимися определениями.

Атрибутивные сочетания обоих типов характеризуются строгим порядком расположения компонентов. Ядро группы занимает позицию начального компонента; несогласующиеся определения в генитиве и аблативе расположены постпозитивно по отношению к ядру: ... *bën pjesë në radhën e shkrintareve tanë*... (ген.) (Sterm. Std., 3) '...стоит в ряду писателей наших...'; ... *mandej një breshen lotsh shperthyen nga syt*... (абл.) (Sterm. Std., 55) '...потом град слез посыпался из глаз...'.

¹ Ньмарк в своей грамматике (L.Nevmark. *Struktural grammer of Albanian*. IJAL, 23, 1957), в отличие от других грамматик албанского языка, не рассматривает эти падежи дискретно и классифицирует *-sh* как алломорф генитива.

² Подробно об этом см.: L.Mulaku. *Rasa rrjedhore (ablativi) - Përparimi*, стр. 406-416.

³ В данной статье речь пойдет о беспредложном аблативе в приименном употреблении.

⁴ Приглагольное употребление генитива ограничивается его употреблением при глаголе *jam* (быть). По своему значению он выражает принадлежность. Например: *Të tre ishin të një mendimi* (Gjat. Kën., 104). 'Трое были одного мнения'.

В тех случаях, когда генитивное и аблативное сочетания перестают быть двучленными, т.е. когда ядро группы определяется еще и согласующимися определениями, несогласующиеся определения в генитиве и аблативе пропускают согласующиеся члены вперед себя, располагаясь, таким образом, дистантно по отношению к ядру группы. *Zëmra i rrahu fort kur vështroi përpara turmën e madhe të punëtorëve, vullnetarëve dhe të mysafireve* (ген.) (Gjat. Kën., I64) 'Сердце сильно забилося, когда она увидела впереди толпу большую рабочих, добровольцев и гостей'; *Do të dergojmë komision të posaçëm ekspertesh...* (абл.) (Gjat. Kën., 384) 'Направим специальную комиссию экспертов...'.

Круг значений генитива и аблатива в приименном употреблении очень широк. В данной работе мы не ставим задачи дать полную классификацию семантических оттенков несогласующихся определений. Приведем лишь некоторые из типов, чтобы показать параллелизм форм аблатива и генитива в атрибутивном сочетании.

Несогласованные определения могут иметь: 1) семантику принадлежности: *Dija ngel jetime që e vogël dhe bije në duart e një njerke* (ген.) (Sterm. Std., 35) 'Дия совсем маленькой осталась сиротой и попала в руки матежи'; *...dukeshin shami lara lara dhe koke të zbuluara të rinjsh e të rejash* (абл.) (Gjat. Kën., 352) 'Были видны пестрые платки и непокрытые головы юношей и девушек'; 2) объектную семантику: *Po ashtu për forcim kuptimi kjo parafjalë shoqnohet shpesh me parafjalë "rrrotull"* (абл.) (Përparimi, 4II) 'Так для усиления значения этот предлог часто сопровождается предлогом "rrrotull"; *...kurrë s'mund të jetë i nevojshëm për mbrojtjen e nderit të femrës* (Sterm. Std., 39) '...Никогда не может быть необходимой для защиты чести женщины'; 3) семантику материала: *Me suallën kuklla, sheqerka, topa llastiku dhe një mace të vogël* (абл.) (Sterm. Std., 28) 'Мне принесли куклы, сладости, резиновые мячи и маленькую кошку'; *I ishte shqy sot topi i llastikut dhe s'kishte më se me luejtë* (ген.) (Sterm. Std., IO7) 'У него лопнул резиновый мяч и нечем было играть'; 4) несогласованные определения бывают объяснительные, конкретизирующие: *U shemb e u gremis pallati i lumris sem* (ген.) (Sterm. Std., I43) 'Рухнул и разрушился дворец счастья моего'; *Ai sigurisht nga ata që kërkojnë të kenë një pallat lumrije në këtë botë...* (абл.) (Sterm. Std., 7I) 'Конечно, он из тех, кто хочет иметь дворец счастья в этом мире...'. Приведенные примеры показывают, что албанский язык располагает двумя способами оформления существительного-определения в атрибутивной синтагме. Возникает вопрос, чем в языке регулируется употребление генитива и аблатива в системе выражения несогласованного определения. Грамматики албанского языка отмечают параллелизм форм генитива и аблатива в приименном употреблении, но не определяют условий, в которых возможно функционирование каждой из указанных падежных форм. В албанской час-

ти исследования Т.В.Цивьян, посвященного имени существительному в балканских языках, высказывается мысль о том, что выбор формы зависимого компонента определяется на содержательном уровне⁵.

Анализ многочисленных примеров позволяет утверждать, что реализация каждого из двух возможных способов выражения несогласующихся определений зависит от грамматической формы ядра атрибутивной группы.

Именно грамматическая форма ядра группы "диктует" определению-существительному, в какой падежной форме оно будет выступать в составе атрибутивного сочетания. Решающую роль при этом играют способы актуализации⁶ главного члена группы.

Генитивная структура оказывается возможной при условии актуализации ядра группы постпозитивным суффиксированным артиклем: *leximi i librit* 'чтение книги'.

Зависимый член генитивного сочетания также актуализирован либо (чаще всего) постпозитивным артиклем (*tharja e kënetës* 'осушение бочла'), либо неопределенным артиклем *një* (для множественного числа *ca, disa*) (*këmbët e një njeriu* 'ноги какого-то человека'), либо дейктическими словами (*kopja e asaj fotografije* 'экземпляр этой фотографии').

При актуализированном ядре группы обнаруживается несовместимость с ним определения в аблативе. Структура с аблативом оказывается возможной лишь при условии неоформленности ядра группы определенным артиклем: *antar partije* 'член партии'; *ndihmës ministri* 'помощник министра'.

Между двумя способами выражения отношений в группе существительного, вследствие наличия в генитивных сочетаниях и отсутствия в аблативных актуализаторов, существует распределение функций по линии большей или меньшей конкретизации. Структура с генитивом выражает отношения более конкретизированные, с аблативом — более общие: *zëvendës ministri* 'заместитель министра вообще' (понятие не конкретизированно), *zëvendësi i minitrit* 'определенный, конкретный помощник министра'.

В результате отсутствия артиклей у обоих компонентов аблативного сочетания несогласованное определение в аблативе с семантикой принадлежности, владения, материала может выполнять функцию прилагательного⁷. В аблативных сочетаниях *zë djali, dorë-gruaje* и т.д. чисто пред-

⁵ Т.В. Ц и в ъ я н. Имя существительное в балканских языках. М., 1965, стр.141.

⁶ Об актуализации см.: Ш. Б а л л и. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, стр.87.

⁷ Вопрос о функциональном транспонировании и условиях, в которых оно возможно (из них главным нам представляется неартикулированность компонентов синтагмы), мог бы быть предметом самостоятельного исследования.

метные отношения уступают место отношениям, осложненным оттенком качества, ср.: *zëri i djalit* (генитивное сочетание) – 'голос юноши' и *zë djalit* (аблативное сочетание) – 'голос, характеризующийся особенностями голоса юношей, юношеский голос'.

Итак, если предмет мысли, обозначаемый ядром группы, актуализирован, т.е. выделен из класса однородных с ним предметов, то в качестве зависимого члена группы может быть существительное в генитиве. Если ядро группы – существительное неконкретизированное, лишенное постпозитивного артикля, то в качестве зависимого члена может выступать существительное в аблативе. Можно утверждать поэтому, что между двумя падежными конструкциями в системе выражения несогласующихся определений существует отношение дополнительной дистрибуции.

Языковой материал показывает, что обе падежные конструкции приходят в состояние равновесия при определении ядра группы, сопровождаемого неопределенным актуализатором *një*, который ведет свое происхождение от числительного 'один' или слов, выступающих в роли неопределенных актуализаторов для форм множественного числа *ca, disa* ('несколько', 'некоторые'). Ср.:

Аблативные сочетания

një dorë baltë Shqiprije

një grumbull të rinjsh

ca hije njerëzish

Генитивные сочетания

një dorë e baltës së Shqiprisë

një grumbull i të rinjve

ca hije të njerëzve

'горсть земли Албании'

'группа юношей'

'тени людей'

В атрибутивных сочетаниях такого рода обе падежные конструкции находятся в отношении свободного варьирования.

Глубокое различие между генитивными и аблативными атрибутивными сочетаниями состоит в способе выражения синтаксической зависимости. Единственным средством выражения синтаксической зависимости определения от определяемого в аблативном сочетании является местоположение определения. Ничем, кроме своей позиции, определение не выражает связи с определяемым (место приименного отложительного падежа, как уже отмечалось, фиксировано в атрибутивном сочетании на позиции после ядра группы). Поэтому, вероятно в сравнении с генитивными определениями, определение в аблативе характеризуется меньшей подвижностью в группе существительного. Мы имеем в виду трехчленные атрибутивные сочетания, в которых обычным для албанского языка является следующее расположение компонентов: ядро группы – согласованное определение – несогласованное определение: ... *një listë të gjatë materialesh* (*Gjat. Kën.*, 168) 'список длинный материалов'; *Ra telefoni më tingëllim të çjerrë këmbore* (*Gjat. Kën.*, 69) 'Позвонил телефон со звучанием хриплым колокола'.

Нередко в аблативных сочетаниях такого рода несогласованное определение стремится сохранить контактное расположение по отношению к ядру

группы, а согласованное определение располагается дистантно. Stavri u gëzua që ra telefoni përsëri po me atë tingëllim këmbore të çjerrë (Gjat. Ken., 69) 'Ставри обрадовался, что опять прозвонил телефон с тем же звучанием колокола хриплым'.

Синтаксическая связь между определяемым и определением в генитивном сочетании находит свое выражение в особом члене. Из многочисленных терминов, закрепленных за этим особым членом – "изолированный артикль", "атрибутивный", "препозитивный артикль" и т.д. – наиболее удачным представляется термин "атрибутивная связка"⁸, как выражающий основное назначение этого члена в генитивном сочетании – средство связи определяемого с определением.

Атрибутивная связка в генитивном сочетании характеризуется сложной двусторонней связью. С одной стороны, атрибутивная связка (исторически она восходит к простому указательному местоимению), хотя она и утратила соотносительные связи с указательным местоимением, находится в прямой зависимости от определяемого, а именно, употребляется в том же роде, числе и падеже, что и определяемое – ядро группы, т.е. в ней грамматические категории ядра группы как бы повторяются, воспроизводятся: zëri i popullit 'голос (м.р.) народа'; prona e popullit 'собственность (ж.р.) народа'.

Автор одной из албанских грамматик К.Ципо, называя этот элемент "përemërth" (përemër – местоимение, -th – уменьшительный суффикс) и учитывая его связь с ядром группы, дает следующую парадигму склонения имени, функционирующего в атрибутивном сочетании в качестве его главного члена⁹:

Им.п. druri i ('дерево' + атрибутивная связка)

Ген. drurit të

Вин.п. drurin e и т.д.

С другой стороны, грамматики отмечают фиксированность атрибутивной связки на позиции перед определением в генитиве. Фиксированность атрибутивной связки перед несогласованным определением составляет одну из причин, в силу которой оказывается возможным разъединение членов синтагмы. Известно, что в случае, если в состав атрибутивного сочетания, помимо несогласованного определения, входит согласованное или предложное определение и даже целое предложение, конкретизирующее главный член, атрибутивная связка вместе с определением в генитиве становится замыкающим членом всей группы существительного. Генитивное несогласующееся определение, сопровождаемое препозитивно расположен-

⁸ А.В. Д е с н и ц к а я. Два типа прилагательных в современном албанском языке. – В сб.: "Вопросы грамматики". М.-Л., 1960, стр. 291.

⁹ К.Ципо. Gramatika shqipe. Tiranë, 1949, стр. 69.

ной по отношению к нему атрибутивной связкой, в которой, как отмечалось, воспроизводятся грамматические характеристики определяемого, обладает большей подвижностью в группе существительного¹⁰: ...fytyrën e zbehtë, të parruar me mustaqe të varura të Stavrit (Gjat. Kën., 17)

'...лицо бледное, небритое с усами, обвисшими Ставри'.

Таким образом, атрибутивная связка вместе с формой генитива образует в составе сочетания известное структурное единство. Без атрибутивного члена генитив не может функционировать в атрибутивной группе как несогласованное определение.

Вот почему в ряде грамматик албанского языка, например, в грамматике Демирай¹¹, в парадигме склонения имени перед существительным в генитиве помещается одна из форм атрибутивной связки:

Им. п. mal 'гора'

Ген. i mali

Дат.п. mali

Абл. mali

В грамматике Фрашери¹² находим парадигму склонения атрибутивной связки вместе с существительным в форме родительного падежа:

Им.п. i malit

Ген. të malit

Находясь на позициях авторов этих грамматик, мы должны признать атрибутивную связку частью грамматической формы генитива, своеобразной, дистантно расположенной склоняющейся морфемой, и включить в его словоформу весь набор возможных в атрибутивной синтагме форм связки. Это значит признать изменяемость формы родительного падежа существительного в зависимости от рода, числа, падежа предшествующего имени. Мы должны были бы констатировать, что существительное в генитиве, выступая в качестве несогласованного определения, изменяет характер грамматических категорий, т.е. несинтаксичные категории рода и числа переходят в разряд синтаксичных. А так как существительное и прилагательное в албанском языке различаются не составом, а характером грамматических категорий, то мы должны прийти к выводу об адъектива-

¹⁰ Предметом самостоятельного исследования мог бы быть вопрос о реакции атрибутивного члена на отдаление несогласованного определения от ядра группы, т.е. на дистантное его положение. Отмечается, что при расширении группы существительного, как это произошло в нашем примере, вместо ожидаемой формы атрибутивной связки e, которая является единственно возможной в бинарной синтагме ядро которой оформлено существительным в вин.п. опр.ф.: fytyrën e Stavrit 'лицо Ставри', атрибутивная связка выступает в форме të.

¹¹ Sh.Demiraj. Morfologjia e gjuhës së sotme shqipe (1). Tiranë, 1960, стр. 45.

¹² S.Fraseri. Shkronjëto e gjuhës shqip prej S.H.F. Bukuresht, 1886, стр. 30.

ции существительного в генитиве. Однако существительное в генитиве не обнаруживает признаков адъективности, но сохраняет все показатели субстантивности.

Обладая сложной двусторонней связью, двойной зависимостью, атрибутивная связка выражает отношение между двумя членами атрибутивного сочетания. Не являясь частью ни того, ни другого (ни главного члена, ни зависимого), она одновременно принадлежит им обоим.

Трудность в прослеживании эволюции синтаксической группы с родительным определением связана с отсутствием древнеалбанских памятников. Первые из известных албанских языковых памятников относятся к XVI-XVII вв. В них модель генитивного сочетания представлена как уже сложившаяся. "Материал для реконструкций пройденных состояний языковой структуры оказывается, таким образом, ограниченным"¹³.

Синхронно атрибутивное генитивное сочетание рассматривается как синтагма, состоящая из двух лексически полнозначных членов, один из которых – определение – находится в отношении синтаксического подчинения. Определяемое с определением связано особым атрибутивным членом, синхронно являющимся служебным словом. Грамматический дублет ядра группы – атрибутивная связка, как уже отмечалось, структурно связана с формой родительного падежа. Эта связь проявляется в том, что при разъединении членов группы атрибутивная связка вместе с существительным в генитиве передвигается в пределах синтагмы, отступает, пропуская вперед согласованное определение и даже целые предложения, конкретизирующие содержание ядра группы. На эту структурную особенность следует обратить особое внимание¹⁴.

Нет оснований ставить под сомнение местоименный характер происхождения атрибутивной связки. К.Ципо¹⁵ рассматривает единство "атрибутивная связка + генитив" как разложимое на местоимение и существительное в генитиве.

Большой и интересный материал содержит исследование С.Ризы¹⁶ об артиклях в албанском языке.

¹³ В.А. Д е с н и ц к а я. Албанский язык и его диалекты. Л., 1968, стр. 3.

¹⁴ Интересный материал дают в этом смысле тексты диалектологических экспедиций в албанские поселения Украины. В говоре албанцев Украины произошло передвижение согласованных и несогласованных определений в генитиве в препозицию по отношению к ядру группы. Атрибутивная связка в генитивных сочетаниях передвинулась вместе с формой родительного падежа и сохранила с ним структурное единство *i cupes tatij* 'девушки отец'.

¹⁵ K. Cipo, *Sintaksa*, Tiranë, 1952, стр. 32.

¹⁶ S. Riza, *Nyjet e shqipërisë*. – BUT, 1958, стр. 3-59.

Факт местоименного происхождения атрибутивной связки автор считает несомненным. По мнению Ризы, даже в современном албанском в некоторых конструкциях ясно чувствуется, что за атрибутивной связкой диахронически стоит местоимение. Местоименная природа связки очевидна, по Ризе, в предложениях типа: *Pali bleu një kal të mirë por i Petritit më pëqeu më shumë* 'Пали купил хорошего коня, но Петрита (= конь Петрита) мне нравится больше'.

Связку в структурном единстве *i Petritit*, по мнению Ризы, следует анализировать как форму простого указательного местоимения в функции субъекта.

Известно, что ряд лингвистов (в их числе Г.Пауль, В.А.Богородицкий, А.М.Пешковский) видят в синхронической атрибутивности диахроническую предикативность. "Атрибутивность возникла из предикативности через ряд ослабленных форм последней", отмечает, например, Д.Н.Овсяннико-Куликовский¹⁷.

В синтаксической модели "определяемое + атрибутивная связка + определение в генитиве" (*kali i fshatarit*) 'конь крестьянина', как кажется, скрывается целая цепочка предикативных отношений.

Если учесть, что "актуализаторы являются бывшими членами предложения"¹⁸, то можно считать, что форма *kali* (как и *fshatarit*) восходит к предложению с нулевой связкой (ср. у Ш.Балли: *ce livre*). Источником происхождения постпозитивного артикля является, как известно, указательное местоимение¹⁹.

Структура *i fshatarit*, вероятно, исторически представляет собой предикативное отношение, где *i* — эквивалент существительного, местоимение, употребленное вместо уже актуализированного понятия. Очевидно, что *i fshatarit* с заместителем существительного могло существовать только на фоне другого высказывания, каким является, вероятно, акт соотнесения виртуального понятия 'конь' с конкретным.

Обратим внимание на два предложения, сознательно изменив порядок их следования: *Ishte i Irenës. 5 (Sterm. Std., 140)* 'Он был Ирэнэ'.

¹⁷ Д.Н. О в с я н н и к о - К у л и к о в с к и й. Синтаксис русского языка. СПб., 1912, стр.347.

¹⁸ Ш. Б а л л и. Указ. соч., стр.246.

¹⁹ Для албанского языка еще не решен вопрос о причинах перехода указательного местоимения в постпозицию. Однако и в современном албанском есть случаи инверсионного употребления указательного местоимения. *Në ditarin e Dijes nota e revoltës, revolte kjo jo vetëm kundër ambientit fanatik por indirekt dhe kundër në fuqi (Sterm. Std., 10)* 'В дневнике Дийи чувствуется нотка возмущения, возмущение это направлено не только против существующих условий, но косвенным образом и против власти'.

В глагольной форме *ishte* нет указания на род субъекта — 'он был' или 'она была'. Однако благодаря форме атрибутивной связи *i* ясно, что Ирена — обладатель какого-то предмета (в широком смысле), обозначенного существительным мужского рода единственного числа²⁰. В приведенном примере *i* употреблено вместо существительного, т.е. предложению *ishte i Irenës* должно предшествовать другое высказывание, представляющее собой акт актуализации существительного. Таким предложением является: *E njoha zanin* 'Узнал голос'.

Можно предположить, таким образом, что албанская модель генитивного сочетания представляет собой конечный этап развития от предикативности к атрибутивности, результат "сжатия", по Ш.Балли, целых предложений в члены предложения, результат смещения синтаксических границ²¹.

Приведенный здесь языковой материал и его интерпретация позволяют нам сделать вывод о том, что аблативные и генитивные атрибутивные сочетания в албанском языке характеризуются только им присущими структурными особенностями, одинаковыми в отношении порядка следования компонентов и различными в способе выражения синтаксической зависимости определения от определяемого.

Обе падежные конструкции по своей синтаксической функции совпадают, что дает основание рассматривать несогласованные определения в генитиве и аблативе в качестве синонимов на уровне синтаксиса албанского языка.

П р и н я т ы е с о к р а щ е н и я

Përparimi	-	Përparimi. Prishtinë, 1959, N 6.
Sterm.Std.	-	H.Stermilli. Sikur t'isha djat, Tiranë, 1959.
Gjat. Kën.	-	F.Gjata. Këneta, Tiranë, 1959.
BUT	-	Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës. Seria shkencat shoqërore (Tiranë).
IJAL	-	International Journal of American Linguists (Bloomington).

²⁰ Не случайным нам кажется факт, что в албанском языке нет ни одного глагола, который управлял бы генитивом. Существительное в генитиве употребляется только с глаголом 'быть' и, как уже отмечалось, имеет значение принадлежности.

²¹ Высказанную здесь мысль об эволюции генитивного сочетания албанского языка от предикативности мы рассматриваем как гипотезу и не исключаем возможности решения этого вопроса при какой-либо иной точке зрения на генитивное сочетание в албанском языке. Однако при данном подходе нам представляется ясной причина двуплановой зависимости атрибутивной связи в генитивном сочетании.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СТАРОГО АЛБАНСКОГО ИНФИНИТИВА
(тип me ba/me bërë)

I

Сущность обосновываемого ниже взгляда на предисторию албанского инфинитива типа me ba/me bërë сводится, как уже сообщалось¹, к следующему. В дописменном (пра)албанском языке фонокомплекс типа me ba первоначально был сочетанием me (еще как предлога) и отричающего имени² (еще без проклитического артикля), где комитативной ролью имени действия была создана герундиальность. В свою очередь, употребление герундия в некоторых конструкциях (позже равнодоступных ему и синонимичному ему там инфинитиву) привело к переосмыслению герундия в инфинитив и возникновению новых функций, герундию не свойственных.

Не представляется возможным привести в настоящей работе всю совокупность фактов, связанных с подтверждением такого хода эволюции. Поэтому здесь рассматривается прежде всего переход фонокомплекса типа me ba от прединфинитивного качества к инфинитивному (разделы II-III). Основные же смежные положения (подробно развиваемые автором в других работах), полное отсутствие которых снизило бы убедительность аргументации, излагаются более кратко в настоящем разделе.

Так, прежде всего для письменного периода инфинитивность форм типа me ba принимается здесь за данное в полном соответствии с нормативной албанской грамматикой, отражающей интуицию говорящих (ср. слит-

¹ М.А. Г а б и н с к и й. О безличных формах албанского глагола. "Тезисы докладов II конференции молодых ученых Молдавии". Кишинев, 1960, стр.49-50; О н ж е. Об инфинитивности в албанском языке. "Уч. зап. Ин-та языка и литературы АН МССР", т.X. Кишинев, 1961, стр.62-63; О н ж е. Возникновение инфинитива как вторичный балканский языковой процесс (На материале албанского языка). Л., 1967, стр.47, 77-79.

² Не исключен тут, впрочем, и абсолютный причастный оборот, вводимый предлогом, примеры чего дают романские языки, ср. ит. dopo. исп. después de + причастие. Комитативный предлог представлен в подобной ситуации также в греческом типе με συμπερι το κεφάλι. Поскольку, тем не менее, нет уверенности, что в (пра)албанском абсолютный причастный оборот мог вводиться при помощи me, предпочтительна версия о типе ba как об имени действия (в любом из двух случаев сущность предполагаемого ниже не меняется).

ное написание еще у Ф.Барди, например, Amare. Medashunë. Amari. Meudashunë³ и под.). Правда, та же грамматика непоследовательна — ср. нередко синхронную трактовку me как "предлога" и пр. Эту точку зрения отстаивали, например, И.Бачинский, К.Тогебу и др., пытаясь в своих целях представить албанский язык как permanently безинфинитивный. Противоречивость такой трактовки очевидна⁴, тем не менее теоретически безупречное доказательство инфинитивности me ba невозможно без выработки строгих определений ряда общеязыковых понятий, что выходит далеко за пределы непосредственных задач настоящей работы.

Важно, далее, помнить, что инфинитивация me ba/me bërë (и даже утрата в собственно тоскском этой грамматической формы) полностью завершилась в дописменное время (ср. уже у А. фон Гарффа megarune, т.е. me ngranë и многочисленные примеры у Г.Бузуку), в связи с чем излагаемое ниже представляет собой гипотезу, обосновываемую исключительно косвенными данными.

Доказательство исконно общеалбанского характера форм типа me ba/me bërë не ограничивается более привлечением традиционного в балканистике do me thënë, единичность которого заставляла сомневаться еще К.Сандфельда (не использовавшего арберешский материал, несмотря на то, что уже в 1870 г. Дж. де Рада давал в своей грамматике формы типа më-ljaar и их дериваты⁵). Хотя серьезные сомнения в общеалбанском происхождении me ba (и вариантов) выражаются до сих пор⁶ и даже служат основой взгляда на me ba как на экзогенную в гегском инновацию⁷, однако в данной связи приведено уже достаточно доказательств исконности me bënë и под. в тоскском⁸. Можно выделить по меньшей мере сле-

³ См.: F. Blanchus, *Dictionarium latino-epiroticum*. Romae, 1635, ed. cr. M. Roques, Paris, 1932, стр. 4.

⁴ Критику этого взгляда см.: М. Г а б и н с к и й. Ку привире ла по-лиженеза супримэрий инфинитивулуй ын Балкань. "Лимба ши литература молдовеняскэ", № 2. Кишинэу, 1964, стр. 47-55.

⁵ J. Kastrati. Zef de Rada dhe Gramatika e tij. "Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës. Seria Shkencat shoqërore", I, Tiranë, 1959, стр. 95. (далее: BUT).

⁶ E. Çabej. Betrachtungen über die rumänisch-albanischen Sprachbeziehungen. "Revue roumaine de linguistique", N 1-3. București, 1965, стр. 107-108.

⁷ V. Polák. Les origines de la différenciation dialectale en Albanie. "Orbis", N 2. Louvain, 1963, стр. 391-392.

⁸ См. хотя бы: М. А. Г а б и н с к и й. Инфинитивул секундар да коромын. "Анале штиинцифиче але Институтулуй де лимба ши литература", в. IX. Кишинэу, 1959, стр. II3; A. Xhuvani. L'infinifit en albanais. "Lingua posnaniensis", t. VIII. Poznań, 1960, стр. 69 (далее: LP);

дующие типы тоскских пережитков инфинитивности: 1) бывшие инфинитивы отдельных глаголов, лексикализованные обычно вместе с другим элементом, ср. 'do me thënë, si me thënë, vjen me thënë; me qënë, si me qënë, me qënë se/që, sido me qënë; vjen me rarë и т.п.; 2) отынфинитивные глагольные формы в некоторых говорах – таково арберешское будущее типа pasha me ljaar⁹ или, например, фьерское деепричастие типа tuk me bërë; обычное в текстах О.Дозона, у П.Луараси и др.; 3) свободное, хоть и редкое, употребление инфинитива в арберешском – так, на 500 стр. текстов нами встречен 41 инфинитив от 32 глаголов (не сводимых в какую-либо семантическую группу и не гегизмов; чаще других попадались me bërë, me martuar, me pietur).

Одновременно анализ высказываний Д.Камарды, Л.Банлë, К.Кристофори-ди, Х.Педерсена, Г.Пекмези, Г.Вейганда, Н.Йокля, А.Филиппиде, А.Варфи, А.Джувани, Ш.Демирая, Г.Брынкуша, Э.Чабея и др. о "старом" албанском инфинитиве, будто бы предшествовавшем "новому" me ba, заставляет отвергнуть эту версию как передаваемую по традиции. Следов "старого" инфинитива не удалось обнаружить ни в работах названных авторов, ни среди других, не привлекавшихся до сих пор, внешне напоминающих "старый" инфинитив конструкций типа nuk mundkan pa¹⁰, вследствие чего подлинно старым (в сравнении со вторичными për të bërë и së bëri) и является сам тип me ba.

Доинфинитивная природа обоих компонентов me ba еще как разных частей речи выясняется в свете следующего.

Во-первых, как давно уже отмечено^{II} (ср. и факты в арберешском) и как теперь бесспорно установлено С.Ризой¹² и особенно Э.Чабеем¹³, проклитический (ныне рудиментарный) артикль есть недавнее явление, стабилизирующееся по мере приближения к нашему времени. В дописменную эпоху тип të bërë/të ba(mun) должен был иметь вид bërë/ba(mun), пережитками чего предстает факты вроде e mos nah leshoh neue endee ten-

"Materiale mbi morfologjinë historike". Tiranë (s.a.), стр.16-17;

М.А. Г а б и н с к и й. Об инфинитивности..., стр.62-63.

⁹ J. Kastrati. Указ. соч., стр.95.

¹⁰ См. объяснение: М.А. Г а б и н с к и й. Возникновение..., стр. 78 - 79. Подробный критический обзор по истории вопроса находится в печати.

^{II} H. Pedersen. Albanische Texte mit Glossar. Leipzig, 1895, стр.6, 134-135.

¹² S. Riza. Nyjat e shqipes. — BUT, N 4, 1958, стр.3-72; см. также: M. Durante. Sulla declinazione albanese. "Atti della Accademia Nazionale dei Lincei", Serie 8, Rendiconti. Classe di Scienze morali, storiche e filologiche, v.XVII, fasc. 3-4. Roma, 1962, стр.135.

¹³ E. Çabej. Unele probleme ale istoriei limbii albaneze. "Studii și cercetări lingvistice", v. X, N 4. București, 1959, стр.531-552.

tuom teh shpirtit¹⁴, Ahi kto shpuar, kto furnuar/U kam t'i shoh (Variboba, 262), edhe kanë të mirë sosur¹⁵, Gjegjën, ndrikull, një këntuome atej aljartaz (Santori, 34), ka dhëmbura ne bark¹⁶ и т.д., вплоть до современных выражений типа më vien pështrë (имена на -m, -me, -ime, -im, также отпричастного происхождения)¹⁷, в свете более поздних данных С.Ризы и Э.Чабея оказываются не результатами эллипса артикля¹⁸, а следами его первичного отсутствия, как и me zi¹⁹ и под.). Таким образом, некогда отпричастные имена не имели проклитического артикля, причем их удельный вес в языке был выше нынешнего²⁰.

Во-вторых, происхождение всех албанских отпричастных образований, не содержащих рудимента артикля, охватывается единым объяснением их как бывших предложных сочетаний. Прозрачнее всего приватив (тип ra ba), легко объяснимый и через нынешний тип ra pushim, и как отрицание абсолютного причастного оборота, и теперь употребительного. Сложнее обстоит с герундием, чьи форманты не имеют в общеалбанском языке и в большинстве говоров самостоятельных служебных слов-омонимов²¹, но и тут уже верно указано на tu ke²². К последнему фонетически сводимы и диалектные разновидности (нами встречено их 24), за исключением арбер. kute²³, также выводимого из ku te. Все это подтверждается узко-

- I4 Г.Бузуку, цит. по: S. E. Mann. A short Albanian grammar. London, 1932, стр.128.
- I5 Д.Мосхополит, цит. по: P.Papahagi. Scriitorii aromânii în secolul al XVIII-lea (Cavalioti, Ucuta, Daniil). Bucuresti, 1909, стр. 273-274.
- I6 A. Dozon. Manuel de la langue chkiye ou albanaise. Paris, 1878, словарь, стр.19
- I7 A. Xhuvani. Prapashtesat -me, -ime, -im. - "Buletin për shkencat shoqërore", N 3. Tiranë, 1952, стр.6-8 (далее: BshSh).
- I8 S.Riza. Указ. соч., стр.72; E.Çabej. Указ. соч., стр.550.
- I9 A. Xhuvani. Studime gjuhësore. Tiranë, 1956, стр.30.
- 20 О том же для типа të bërë см.: Sh. Demiraj. Morfologjia e gjuhës së sotme shqipe, I. Tiranë, 1960, стр.29-30.
- 21 Разумеется, нельзя согласиться с отнесением duke/tue в грамматиках к "предлогам", "союзам" и т.п.
- 22 E.Çabej. Указ. соч., стр.532-535. Объяснение через tuk e, ty e восходит к стихийному написанию у Г.Гьирокастрита, воспроизведенному у Й.Ксиландера, который повлиял на Й.Г.Гана, чье объяснение допускал, наряду со своим собственным, Х.Педерсен (см.: H.Pedersen. Указ. соч., стр.190). Версия о tuk e не объясняет отсутствия постпозитивного артикля при e bërë, а также не совпадает с объяснением для инфинитива и приватива.
- 23 G. Meyer. Указ. соч., стр.451.

диалектным внегерундиальным tuke/duke: таковы арголидское tuke çë duali, tuke ç'e panë²⁴, гирокастритское duke që je protare²⁵ (ср. об-щие me që, nga që). В свете всего этого исходная предложность me в me ba окажется обычной. Еще раз напомним, однако, что для современно-го языка не допустима синхронная трактовка me как предлога. В против-ном случае это приводит к тому, что например, Й.Ган переводит тоск-ские реликты ç'do me thënë? и ç'do me qënë? как 'Was will das mit der Re- de, mit dem Sein'²⁶. (Характерно, что при переводе избылиующих инфини-тивами гегских текстов этот метод автором не применяется – иначе пе-ревод оказался бы нагромождением бессмыслиц).

Отметим, что первые осмысления me ba в инфинитив могли иметь место и вне герундиальности – при глаголах, управляющих теперь и существи-тельным (при помощи me) и инфинитивом, ср. filloj, vazhdoj, mjaftohem, kënaqem, mbaroj и др. Обороты вроде ke fillue me shikue punën tande (Migjeni, I32) некогда могли иметь ту же природу, какую теперь имеет, например, Filloni në radhë të parë me verifikimin e co-pëzës së "Hostenit" (Frashëri, НК, 50). Однако, даже если такое переос-мысление me имело место, число глаголов, управляющих с помощью me слишком ограничено, чтобы обусловить существенные сдвиги в системе глагола в целом. Гораздо большие перспективы грамматикализации су-ществовали у me ba в значении, в котором этот тип мог сопровождать глаголы независимо от их семантики. В такой роли me ba мог выступать в оборотах типа современных E hapa me trëmbje e me lebetitje (Noli, 209), I përkujdeste si sytë e ballit: me krasitje, me shartim, me spërkatje (Pasko, 17), Tubat hyjnë poshtë ngadalë, me kërcitje (LBP, 86) и под., т.е. в комитативном значении, основном для герундия (ср. хотя бы лег-кость замены приведенных me trëmbje и др. соответственно на duke u trëmbur [lebetitur], duke i krasitur [shartuar, spërkatur], duke kërcitur).

Итак, следы былой герундиальности форм типа me ba усматриваются в следующем:

II

I. Уже некоторые неосновные значения me ba позволяют составить для современного гегского пропорцию типа me një gjë: pa një gjë – me

24 G. Meyer. Albanesische Studien, V. Beiträge zur Kenntnis der in Grie-chenland gesprochenen albanesischen Mundarten. Wien, 1896, стр.37, I40.

25 M. Lambertz. Zur albanischen Umgangssprache (Gjirokastra). – LP, t. VII, 1958, стр.98.

26 J.G.Hahn. Albanesische Studien. II. Jena, 1854, стр.88.

ba: pa ba, что может включить в такие отношения, как в Keq me burrë, keq pa burrë (Митко, 20), бытое основное значение me ba. В свою очередь, синхронная предположность me предполагает для какого-то времени антонимию me ba и pa ba в их основных значениях. Теперь отношениям между pa një gjë; me një gjë изоморфны отношения между pa ba в его основном (если не единственном) значении и me ba — хотя бы в условном и повелительном. См. примеры условности также ниже в другой связи, антонимию же с ним ср. в Gjallë s'po lidhet pa lftue/T'tanë Tirana me m'rrethue (КРН, 322). Антонимию прогитивности (равнозначной отрицательному повелению) и императивности ср. в Kurr ju gjum, -tha-n'sy mos me çue! / Buk as uj, ju, kurr për pa kërkue! / Mbi Tefter, ju, gjith ditën me çkrue²⁷. Эволюция приватива к прогитивности подсказывает, что изоморфным могло быть и семантическое развитие форм типа me ba через повелительное употребление герундия, хотя типологически и менее обычное, чем у инфинитива, но также не раз отмечавшееся (например, в разных романских языках, в первую очередь в сефардском²⁸, в салоницком говоре которого герундий превратился в единственно возможную форму императива 2 лица множественного числа).

2. Среди собственно тоскских реликтов типа me bërë резко преобладает герундиальность²⁹. Так, из встреченных реликтовых me qënë 18 выражают причинность (например, ujku e çqyen delen me qënë m'i fortë - Luarasi, 190), 2 — условность (например, me qënë ju gjallë në jetë, kurrë s'mundet Shqipëria - Frashëri, HS, 110) и лишь один случай приходится на отынфитивное будущее: Emri yt në istoritë / kryekëndes ka me qënë (Luarasi, 122). Из таких же me patur/me pasir 9 выражают условность (как в Zëmëra s'thuhet zëmërë me mos pasurë mëshirë - Frashëri, BB, 17) и только один — назначение (i percolli, duke thënë që s'ka vënt me patur haramet brenda - Grameno, 173). Все прочие глаголы в том же аспекте представлены здесь причинным значением Edhe ay, me mos duruarë dot gjithë këtë barrë, një ditë ndë syt e atij, e preu atë gllisht - Mitko, 250), а также po ay, s'qe memund të të bindetë (Mitko, 274), где me mundë стало словом "категории состояния".

²⁷ Цит. по: A.C etta. Edhe një motërzim i kangës popullore shqiptare mbi Luftën e Kosovës. "Gjurmime albanologjike", I. Prishtinë, 1962, стр. 263.

²⁸ L.S pitzer. Das Gerundium als Imperativ im Spaniolischen. "Zeitschrift für romanische Philologie", Bd. XLII, Hf. 2. Halle, 1922, стр. 207-210.

²⁹ Герундиальностью в настоящей работе именуется причинное, условное или уступительное значение, типологически обычное для герундия (реже свойственное и инфинитиву, в частности гетскому, о котором см. ниже).

То, что реликтовые формы типа me bèrè в собственно тосском, как правило, герундиальны, подтверждается и данными исследователей (независимо от их воли), привлекающих факты типа вышеописанных совсем в других аспектах. Так, в статье о языке Н.Фрашери, в разделе "Гегизм-³⁰", А.Джувани приводит восемь тосских "me+ причастие", из которых лишь одно (për me mos mbetur) инфинитивно, а 7 (4 от jam и по одной от kam, dua и lë) – герундиально; характерно при этом, что три глагола из четырех – вспомогательные. Сам А.Джувани, отмечая там же выражение причины формами на me, вопроса об их герундиальности не ставит. Говоря о возможных следах большей близости двух диалектов в прошлом, автор, конечно, прав, но в случае принадлежности к этим следам форм на me речь идет, вопреки заглавию, не о гегизмах. Ш.Демирай говорит, что встречаемые в условном, причинном и уступительном значениях тосские "me + причастие" синонимичны герундию³¹ (там же автор предполагает, без каких-либо подтверждений, что налицо возможный результат отпадения duk). Из 26 приводимых форм на me (не считая гегизмов, опознаваемых фонетически) II образовано от jam, 5 – от kam и 10 – от других глаголов. Из II me qènè 2 однородные в предложении инфинитивы, одно – вводное выражение и 8 – герундии; из 5 me pasur (и вариантов) – одно инфинитивно, одно грамматически двусмысленно и 3 – герундии. С другой стороны, из 10 глаголов 3 формы на me неясны вне контекста, две образуют будущее на kam и 5 – достоверные инфинитивы. Квалифицируя ряд приведенных фактов как литературные гегизмы, Ш.Демирай, судя по всему, прав в той мере, в какой речь идет о глаголах разной морфологической и семантической принадлежности. Для остальных же 16 случаев неизбежен вопрос, почему старые тосские писатели оказывали такое предпочтение гегскому инфинитиву от двух вспомогательных, аномальных глаголов, причем именно в тех герундиальных значениях, которые для него в самом гегском не характерны (это отмечает и сам Ш.Демирай). Наконец, в недавней статье А.Джувани об инфинитиве³² фигурирует (кроме традиционного, приводимого по К.Сандфельду, do me thënë) 14 тосских "me+ причастие". Из них 4 арберешских, 4 герундия узкодиалектного употребления на duk me, 2 взяты из "Миреветия" Я.Врето (злоупотреблявшего гегизмами), но остальные 4 (3 me qènè и одно me mos dashur) собственно тосские средства выражения условности.

И до знакомства с архаическими и диалектными текстами к изложенной выше мысли могут подвести наблюдения над стилистически нейтраль-

³⁰ A. Xhuvani. Studime..., стр. 140.

³¹ Sh. Demiraj. Disa shënime rreth lëvrimet të gjuhës shqipe gjatë shekullit të XIX-të - BUT, 1959, № I, стр. 50-51.

³² A. Xhuvani, L'infinitif..., стр. 69.

ным союзом me qënë se/që³³ в сопоставлении с равнозначными алб. duke qënë se/që, tue qënë se/që (ср. арбер. tue klënë se), ср. также дакорум. hındca (молд. финдкэ), макед. бидејки, сефардск. сиендо(ке), реже естандо(ке) и т.п.

Лучшую сохранность герундиальных me qënë, me pasur, me dashur и др., чем типично инфинитивных, следует объяснять неподверженностью герундия (черты которого сочетались в тосском "me + причастие" с инфинитивными чертами – ср. современное së bëri) вытеснению конъюнктивом по греческому образцу³⁴.

3. В пользу былой деепричастности me ba говорит, далее, при типологически обычном для герундия выражении условности, характерное для гегского использование чистого инфинитива для ее выражения без лексических ограничений. О.Дозон квалифицировал обороты вроде te cilat me ungjallun të gjitha, s'kishin me i nxanë ufnat как "*des constructions très singulières*"³⁵. См. также случаи вроде: Me e dijtë, vashë, sa fort të due, / Shet duvakun, më merr mue (KPLI, 85), nesër, me m'mungue puna, kam nevojë me shkue njetë në Tyrqi (Shiroka, 8), nuk u bje në skjep / me ju ba, po, dhambi, sa i kallt (Gurakuqi, 136) и т.п. Отметим превращение конкретной словоформы me ba в союз условности, предвещающий любой другой инфинитив, например, и me ba me e çli, ne na gjen një rrezik (PPSh, 32).

4. Следует отметить наличие герундиальных черт у форм типа me të bërë³⁶, ныне синхронно разложимых на предлог me и отрицательное имя

33 Его архаичный вариант – me qënë.

34 Упоминавшийся выше, неоднократно описывавшийся албанистами узкодиалектный архаичный герундий на duke me (и варианты) может быть либо новообразованием на основе готового "me + причастие", либо результатом колебаний в первоначальном выборе между комитативным и инессивным формантами герундия (ср. его перифразы – типы me të bërë и në të bërë). В пользу первого предположения говорит наличие отинфинитивного, также узкодиалектного приватива типа арберешского pa me ba и борго-эрицского po me ba. Вторая возможность подсказывается первоначально комбинированным характером как самого duke и его многочисленных разновидностей (<tu ke, ср. выше), так и его редкого синонима kute (<ku te). Ср. и в этой сфере не раз отмечавшуюся тенденцию албанского языка к воспроизведению и гиперхарактеризации, например: Atje te ku gjithë horëshit po klan – Schird, 76. О полигенезе герундия могли бы свидетельствовать и узкодиалектные гегские факты вроде ne himi (A. Xhuvani Selectae. – BUT, № 4, 1960, стр. 5), природу которых, однако, А.Джувани не успел выяснить.

35 A. Dozon. Указ. соч., стр. 333.

36 Это явление можно рассматривать как проявление отмечавшейся тенденции албанского языка к воспроизведению процессов, ранее уже в нем

действия, т.е. на то, на что, по предполагаемой гипотезе, когда-то было разложимым и me ba. В пользу такой преемственности me ba/ me bë-rë и me të ba/ me të bërrë говорят как отсутствие рудиментарного артикля в образованиях, где он теперь обычен (ср. Delj kopilja për martuar - Rada, 62; për luftuar luftën e re - 3. Серембе, LV, 218; çë tërmoi tagjësuri - Rada, 78), так и спорадические введения его в приватив (ср. Paa te kujtuem e bana - F. Bardhi. Указ. соч., стр.35; s'ecën pa të shtyrë - FU, 103; e puthi si pa të ngopur - Mara, 38), тем более при стабильности тë в типе pa të keq, pa të veshtirë. Сам тип me të bërrë, при его господствующей антецессивности, может быть равнозначным герундию (ср. Kartëse me të kënduar/ Mbreti trim me parësinë, / dhe përgjegjë duke shkruar/ prap'e ktheu njërinë - Frashëri, HS, 240) и, в частности, полностью заменим на него в инструментальном значении (ср. Është zakon i keq të rrolmë me të marrë hua - NJESH, 34) и в лексикализованных выражениях вроде me të qeshur, ср. i përgjigjej ai me të qeshur и (там же) thoshte Stavri duke qeshur (Gjata, 224). Отдельные выражения того же типа (me të butë, me të mirë и под.) включают и редкую инновацию me të zi, воспроизводящую пережиток прошлой эпохи me zi (ср. более редкие me drejtë, me shpejtë). Сопоставление me zi: me të butë - me bërrë: me të bërrë очередной раз подсказывает реальность предполагаемой вторичной эволюции. Отметим, наконец, что формы на me të именно от глаголов jam и kam (ср. выше) чаще других имеют в архаичных текстах обычное общее значение герундия (а следовательно, архаичного me bërrë) (как в: Me të qënë më trima e më të zotë se Tyrrqit, shkonin edhe nëpër më të mbëdhenjtë e më të nderçmtë vende³⁷, где me të qënë выступает наряду с архаичным me qënë). Отсюда случаи синтаксической однородности вроде me qënë nën ujë e me të pasur një dhë pëllor, do të bëhet një Egjipt e dytë³⁸ - факт совмещения в одном акте речи предполагаемых первичного и вторичного способов комитативного выражения дееспричастности.

5. Заслуживают внимания сравнительные обороты типа si me ba (реже si kur se me ba). Вне этих оборотов вводимый при помощи si морфокомплекс имеет то же значение, какое он имел бы и без si, поэтому опущение si там, где это возможно без ущерба для связности текста, устранит не более как элемент сравнения. Ср., например, hapin një si odë të gjërë (Shuteriqi, 83), далее приватив в: bërtiti si pa qënë në vetë (Piri, 121), далее предложные конструкции отпричастного имени действия

происходивших. См. подробнее: E. Çabej. Unele probleme ale istorie të librit albanезе. - SCL, v. X, № 4, 1959, стр.531.

37 С.Фрашери, цит. по: M. Lambertz. Albanisches Lesebuch, Bd. I, 1948, стр.123.

38 С.Фрашери, цит. по: Sh. Demiraj. Указ. соч., стр.51.

на për, në, më и др., и, что важно в данном случае, на me (как в ja kthente si me të qarë - Kacori, 6), что обычно и при прочих комитативных оборотах, ср. Plaka përshëndeti si me ndrojtje mysafirin (Dushi, UV, 183). В некоторых случаях значение типа si me ba не является суммой значений si и остальной части оборота: иногда с опущением si тип me ba, вместо образа действия, начинает обозначать его цель, например, В: Dhe flyra e Osos mori një dukje tjetër, si me ju shkundë një barrës së rëndë (Migjeni, 176); для выражения сравнения с указанием цели гегский пользуется конструкциями si për me ba, si për të ba. Если же допустить, что значение me ba в si me ba является обычным для герундия (комитативным), то тип si me ba окажется разложимым на части тем же способом, что и все прочие обороты на si в том числе si me të bëjë.

Этот симптом былой герундиальности me ba подтверждается следующим: синонимичное приведенному si me ba, образуемое от современного герундия, si tue ba/si duke bërë есть инновация, встречающаяся гораздо реже, чем гегск. si me ba (в тосском господствует конъюнктив). Обороты вроде doli nga përroi si duke kërcyer (Buxheli, 31), ставшие обычными теперь, отсутствуют и в ряде описаний албанских средств сравнения, среди которых неизменно фигурирует тип si (kurse) me ba³⁹. Предполагаемая эволюция в свете сказанного такова: me ba/me bëjë образовывало сравнительные обороты на si, в которых в гегском (si me ba), как и в тосских реликтах (ср. si me thënë), сохранилась герундиальность, утраченная me ba в других конструкциях и начавшая недавно выражаться и в сравнительных оборотах по господствующему теперь образцу (si tue ba).

Итак, ряд признаков me ba характеризует его как вероятный былой герундий и, для более позднего времени - образование с чертами герундия и инфинитива⁴⁰. Эти черты были подавлены в тосском вследствие подсознательного моделирования речи по греческому образцу, почему среди реликтов me bëjë преобладает герундиальность. В гегском, где развитие инфинитивных черт me ba зашло очень далеко, признаки вероятной былой герундиальности также сохранились.

³⁹ См., например: G. Weigand. Albanesische Grammatik im südgeglischen Dialekt (Durazzo, Elbasan, Tirana). Leipzig, 1913, СТР. 136; M. Lambertz. Die hypothetische Periode im Albanischen. - IF, Bd. XXXIV, Hf. 1-2 (1914), СТР. 189-191; M. Lambertz. Albanisches Lesebuch. I. Leipzig, 1948, СТР. 69-70; M. Lambertz. Lehrgang des Albanischen, III. Halle (Saale), 1959, СТР. 164-165; W. C. Imochowski. Le dialecte du Dushmani. Description de l'un des parlers de l'Albanie du Nord. Poznań, 1951, СТР. 209.

⁴⁰ О сходном процессе у десубстантивировавшегося позднее së bëri см.: М. А. Г а б и н с к и й. Возникновение..., стр. 80-160.

Предполагаемый переход от герундиальности к инфинитивности мог произойти во многих контекстах, легко идентифицируемых как в свете общей типологии, так и на самом албанском материале. Равнодоступность ряда положений обоим образованиям подсказывается уже выражениями вроде русск. по правде говоря и по правде сказать. Из фактов языков, типологически более близких к албанскому, приведем, например, итальянские длительные времена типа star facendo, сосуществующего с равнозначным stare a fare. То же характерно для португальского (ср. estar fazendo и estar a fazer), в котором, как и в испанском, эта взаимозаменяемость свойственна оборотам *Accusativus cum Infinitivo, resp. cum gerundio*⁴¹. Такое состояние неизбежно должен был пережить (пра)дако-румынский, так как в нем в дописьменный период был полностью вытеснен герундиальным построением приаккузативный инфинитив, хорошо известный латинскому языку⁴², и т.д.

В албанском позиций рассматриваемой взаимозаменяемости достаточно, причем ими охватывается ряд очень частых ситуаций. Так, по аналогии с приаккузативным герундием тут обычен и герундий приноминативный, сопровождаемый пассивом глагола восприятия (как в Zoga shifet tue ardhë - Gjyl, 40), однако налицо и факты вроде As djelmt s'po duken me ardhë (Sejko, 72).

Наряду с более распространенным инфинитивом степени (ср. In ngri trimat me sharrue-KPLe, I54), встречаются и синонимичный герундий: Jam i ligë tue vdekë (Shiroka, 29).

Ср. далее длительные времена (как в итальянском и португальском — см. выше), образуемые при помощи вспомогательных jam (или rri) и инфинитива (или герундия) спрягаемого глагола, например, kam ken me gjue sot (MH, 349) и asht tue gabue (Migjeni, I48) или то же при rrë: kush rrin me ndigjue dokrrat e kllj при mos rrini tue folë aty (Vaqari, 9).

Об условном инфинитиве шла речь выше. То же подробно проиллюстрировано в указанном труде М.Ламбертца о гипотетическом периоде, где приводятся и случаи герундия в идентичной функции (стр.179).

⁴¹ См. об этом, например: Е.М. Вольф. Сопоставительное изучение синонимических рядов. — НДВШ, Филол. науки, 1963, № I, стр. 91-98.

⁴² Возможно, это еще одна черта подробно описанной в литературе дако-румынско-албанской языковой общности, так как гетскому, несмотря на чрезвычайно разнообразное и очень частое использование инфинитива, его приаккузативное употребление неизвестно.

На герундий, далее, заменимы: инфинитив цели (как в Dy anmiqt konkurojnë me m'i ofru qefinet e vdekjes - Migjeni, 48) и средства (как kishte me ba mirë me t'dhanë me hangër - КРВ, 99); ср. возможность tue m'i ofru и соотв. tue t'dhanë.

Чаще, чем в других положениях, взаимозаменяемость целевых инфинитива и герундия встречается при глаголах движения, например, erdhi tue pamë (Kristoforidhi, 194) и ka ardhë me të pvetë (PPSh, 136) или dola tue korë (KPLI, 333) и duelën me e kërkue (PPSh, 32). Это охватывает даже сферу сохранения инфинитива в арберешском, ср. Dil nga dera m'e mbudhepsur (IV, 103) и Dili mb'udhë ture e mbudhepsur (KPLI, 239; МН, 161).

Особо важно сопровождение фазовых и ближайших к ним по значению глаголов.

Так, рассматриваемое чередование при инхотативном глаголе удалось отметить уже в указ. соч. Ф.Барди: prashu hina tue kujtue⁴³ (стр. VI) и hina me e lanë, e me mos votë paret me ta (стр. X). В современном языке то же обычно при частом filloj: Po fillon vera tue na ardhë / Fillon në lulet tue na dalë, Fillon qyqja tue këndue / Nanë zeza tue vajtue (KPLI, 283) и ke fillue me shikue punën tande (Migjeni, 132). Ср. далее nis: Edhe nlsi dyke qarë (Vreto, 273) и bylbyli nis me këndue (KPSH, 9).

Из дуративных глаголов отметим vazhdoj: ср. vazhdonte tue përtypë mezen (Migjeni, 181) и vazhdon me hangër e me çue ndonjë gotë raki (SHQI, 63).

Из прединфинитивных глаголов ср. lodhem - как в s'lodhet kurrë duke i rënë fizarmonikës (LS, 140) и as ish lodhë hiç me na ndjekë (Dushi, BSH, 60); ср., далее, mjafohem: u mjaftua vetëm duke i shtrënguar dorën (Prifti, 127) и mjafohet me rrjestue në më pak se tri faqe korrelacionet (BUT, 1958, 2, стр. 193).

Наконец, из финитивных глаголов герундий и инфинитив наиболее часто сопровождают pushoj и mbaroj, например, s'po pushon tue bamun vore (KPH, 146) и Mos pushoft-e me i ra-e (KPLI, 108) или kur mbaroj tue porositunë (Kristoforidhi, 19) и çeni ko mbarua me fol⁴⁴ и т.д. Обе

⁴³ Ср. также старое zë fill (zuna filli tue këthyem këtë Dicionar - там же, стр. VI) или арбер. vihem (e u vu ture pensuar - МН, 183).

⁴⁴ Цит. по: С. Tagliavini. L'albanese di Dalmazia. Contributi alla conoscenza del dialetto ghego di Borgo Erizzo presso Zara. Firenze, 137, стр. 58. Трудно найти литературный пример на mbaroj me ba; это обусловливается тем, что при mbaroj (как и при pushoj, rresht, përfundoj, ndalohem и других финитивных глаголах) формой управляемого глагола в общеалбанском языке теперь, как правило, является тип së bëri.

рассматриваемые формы встречаются при глаголах: vijoj, mërzitem, ras-
kapitem, kënaqem, ngorem, ngijnem и под. Из приведенного ясно, как
могло произойти переосмысление герундия в инфинитив и почему (благодаря
высокой частотности управляющих глаголов рассмотренных семанти-
ческих групп) этот сдвиг мог иметь серьезные последствия для системы
албанского глагола в целом. Дополнительное свидетельство о том же —
природа недавно, уже с рудиментом артикля, вербализованного së bëri
соединяющего черты герундия и инфинитива, при явном вытеснении первых
вторыми.

Таковы факты, говорящие в пользу правдоподобия гипотезы, сформули-
рованной в начале статьи. Разумеется, автор учитывает, что, судя по
известным до сих пор случаям инфинитивации, предположенный выше сдвиг
дает пример типологически редкой эволюции, возможно, пока не имеющей
вне албанского языка (где отчасти аналогичные изменения происходят в
настоящее время с së bëri) достоверных параллелей. Тем не менее, ни-
чего нереального, как показано выше, не предполагается. Факты албан-
ского языка позволяют обогатить наши сведения по типологии инфинити-
вации.

Если в будущем окажется, что главная роль приведенных выше данных
сводится к мобилизации контраргументов⁴⁵, то и в этом случае кажется
целесообразным представить обоснованную выше гипотезу на рассмотре-
ние албанистов, поскольку в современной албанистике, как известно,
не существует какого-либо другого, последовательно отстаиваемого
взгляда на доинфинитивное прошлое форм типа me ba/me bëre.

СОКРАЩЕНИЯ В НАЗВАНИЯХ ИСТОЧНИКОВ

Buxhell — Q. Buxhell. *Kali i mbretit dhe kalorës të rinj*. T., 1960;
Dushi, BSh — K. Dushi. *Banorët e shkallës nr. 6*. T., 1958; Dushi, UV —
K. Dushi. *Udha e Velanit*. T., 1955; Frashëri, BB — N. Frashëri. *Bagëti e
bujqësisja*. T., 1956; Frashëri, HS — N. Frashëri. *Histori e Skënderbeut*.
T., 1953; Frashëri, NK — Th. Frashëri. *Në ndjekje të një krimi*. T., 1960;
FU — Fjalë të urta të popullit tonë. T., 1957; Grameno — M. Grameno.
Kryengritja shqiptare. T., 1959; Gurakuqi — M. Gurakuqi. *Në udhët e je-
tës*. T., 1960; Gjata — F. Gjata. *Kënetë*. T., 1959; Gjyll — T. Gjyll. *Veriu*

⁴⁵ Имеется в виду объективный эффект, обусловленный в более общей
проблематике, например, широко обсуждавшейся гипотезой Сепира-Вор-
фа или генеалогическими соображениями типа, высказанными в:
Н.С.Трубецкой. Мысли об индоевропейской проблеме. — ВЯ,
1958, № I, стр. 65–77 или: A. Griera. *El vasco lengua románica*.

"Omăgiu lui Alexandru Rosetti la 70 de ani." București, 1966, стр. 325–336.

dhe bora. T., 1960; Kacorl - Th. Kacorl. Ditë që s'harrohen. T., 1959; KPB - Kallin' pa bukë (Antologji), I. T., 1955; KPH - Këngë popullore historike. T., 1956; KPLe - Këngë popullore legjendare. T., 1955; KPLi - Këngë popullore lirike. T., 1955; KPSh - Këngë popullore shqiptare. MOCKBA, 1953; Kristoforidhi - K. Kristoforidhi. Dhjata e re. Konstantinopol, 1872; LBP - Lëvizja e brigadave të punës socialiste. T., 1960; LS - Lufta e Spanjës. T., 1959; Luarasi - P. Luarasi. Jeta dhe vepra. T., 1958; LV - Letërsija e vjetër shqipe dhe arbëreshe. T., 1954; Mara - A.N. Mara. Shtëpia e xha Mili. T., 1955; MH - Mbledhës të hershëm të folklorit shqiptar, I. T., 1961; Migjeni - Migjeni. Veprat. T., 1957; Mitko - Th. Mitko. Bëleta shqypëtare. T., 1961; Noli - M. de Cervantes Saavedra. Don Kishoti i Mançës, I, 1, E shqipëroi F.S. Noli. T., 1956; NJESh - Njohuri mbi ekonominë shtëpiake. T., 1957; Pasko - Dh. Pasko, Pylli i gështenjave, T., 1957; PPSH - Pralla popullore shqiptare. T., 1954; Prifti - N.R. Prifti. Çezma e floririt. T., 1960; Rada - J. de Rada. Milosao. T., 1956; Santori - F.A. Santori. Emira. T., 1959; Schiro - G. Schiro. Canti tradizionali ed altri saggi delle colonie albanesi di Sicilia. Napoli, 1923; Sejko - V. Sejko. Ngjarje të zakonëshme. T., 1958; Siliqi - Ll. Siliqi. Mrika. T., 1958; Shiroka - F. Shiroka, Zani i zemrës. T., 1958; Shuteriqi - Dh. S. Shuteriqi. Gumecka. T., 1957; Vaqari - S. Vaqari. Zemra të ndezuna. T., 1953; Variboba - V. Librandi. Grammatica albanese con le poesie rare di Variboba, 2-a ed. Milano, 1928; Vreto - J. Vreto. Erveheja ed cr. O. Myderrizi, BShSh, 1957, I, CTP. 253-258.

К ВОПРОСУ О ДВУХ ТИПАХ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В ЛИТЕРАТУРНОМ АЛБАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Албанский литературный язык сложился и существует в двух вариантах, каждый из которых имеет свою диалектную базу – гегский (северный) или тоскский (южный) диалект. Хотя обе эти диалектные формы литературного языка довольно близки друг к другу, между ними существуют различия как фонетического, так и морфологического характера. Одно из таких морфологических различий обнаруживается в образовании форм будущего времени. В гегском диалекте будущее время образуется путем сочетания личных форм настоящего времени вспомогательного глагола *kam* 'имею' с инфинитивом знаменательного глагола. Это так называемый романский тип футурума. В тоскском диалекте представлен другой тип будущего времени, образуемый с помощью неизменяемой частицы *do* (этимологически восходящей к глаголу *dua* 'хочу') и форм конъюнктива знаменательного глагола. Этот тип считается одним из балканизмов и называется обычно балканским типом будущего времени. Но это различие двух диалектных форм литературного языка не является абсолютным, так как в гегском диалекте в настоящее время¹ широко употребляется и тоскский тип будущего времени.

Специальных исследований по вопросу будущего времени в албанском языке еще не проводилось. В данной статье предлагается сравнение гегского и тоскского типов будущего времени с точки зрения их структуры, значения и употребления.

* * *

Различия двух типов албанского будущего времени касаются не только материального состава рассматриваемых глагольных форм, но и их структуры. Сравним парадигмы этих двух типов:

Ед. ч.

1 Л. *kam me këndue do të këndoj*

2 Л. *ke me këndue do të këndosh*

3 Л. *ka me këndue do të këndojë*

Прежде всего отметим неодинаковое распределение грамматических категорий, свойственных албанскому футуруму, между вспомогательным и

¹ По-видимому, тоскский тип футурума проник в гегский диалект относительно недавно, так как в гегских текстах XVI–XVII вв. тоскские формы будущего времени встречаются чрезвычайно редко.

главным элементами форм гегского и тоскского типов. В гегском типе категории лица и числа выражаются флексией вспомогательного глагола, а в тоскском — флексией знаменательного глагола. Иными словами, вспомогательный глагол в гегском типе сохраняет некоторую долю самостоятельности, тогда как в тоскском он стал своего рода футуральным префиксом.

Таким неодинаковым распределением "служебных обязанностей" в формах будущего времени гегского и тоскского типов объясняются, по-видимому, и некоторые другие их отличия.

Одним из таких отличий является следующее. Перестановка элементов формы будущего времени гегского типа, хотя и редко, и главным образом в поэзии, но возможна.

Të deshta sà askush s'të deshi,

As kurr me t'dasht' nuk ka! (Mosi, 168)

'Я любил тебя так, как никто не любил,
и никогда не будет любить'.

Кроме того, между элементами гегской формы возможна постановка других, лексически полнозначных слов, выполняющих в предложении функции подлежащего, обстоятельства, дополнения.

Jetë e re do zbardhi ndër kto ana,

ktu uri ja s'ka ma kamb me ba,

.....
me t'pi gjakun ma kurrkush nuk ka,

do e bajm' jetën t'bukur si n'Rusi! (Gur., 94)

'Новая жизнь взойдет в этих краях,
здесь голод больше не ступит ногой

.....
пить твою кровь больше никто не будет,
сделаем жизнь красивой, как в России'.

Напротив, о тоскской форме подобного сказать нельзя. В ней не возможна ни перестановка элементов, ни разрыв их контактного местоположения с помощью других полнозначных слов (в последнем случае конструкция теряет свое футуральное значение). Для тоскского типа характерна возможность опустить приконъюнктивную частицу *të* структурно участвующую в образовании форм будущего времени, но не несущую при этом никакой функциональной нагрузки, т.е. *do të këndoj > do këndoj* (ср. болг. ще пиша < ще да пиша).

* . *

Значения двух типов будущего времени в албанском языке еще не стали предметом специального исследования. Свидетельства грамматик в этом отношении обычно ограничиваются констатацией того, что формы бу-

дущего времени обозначают действие, которое совершается в будущем, т.е. после момента речи. Попытки определить отличия, существующие в значении разных типов будущего времени, встречаются очень редко.

Как отмечают албанские филологи², оба типа будущего времени, хотя и произошли из разных модальных конструкций (гегский по происхождению — *futurum necessitatis*, тоскский — *futurum voluntatis*), в настоящее время достигли значения нейтрального будущего. В некоторых исследованиях³, однако, указывается, что модальный оттенок необходимости можно иногда обнаружить в гегском типе *kam me këndue*.

Попытка определить различие в семантике разных типов будущего времени содержится в грамматике Г.Пекмези⁴, который полагал, что это различие связано со значением аспектности, что оно носит видовой характер. Тоскский футурум, по мнению Г.Пекмези, выражает скорее завершенность, обязательность будущего действия, а гегский — его длительность в будущем⁵.

В отличие от традиции, возводящей современный гегский тип будущего времени к *futurum necessitatis*, а современный тоскский — к *futurum voluntatis*, у некоторых авторов албанских грамматик и диалектных описаний находим прямо противоположные высказывания.

Одной из первых в этом отношении следует назвать "Албанскую грамматику" А.Дзанони⁶. В качестве форм будущего времени в ней называется лишь гегский тип *kam me këndue*. Однако в параграфе, посвященном частицам *a*, *po*, *do t'*, *mund t'*, указывается, что частица *do* в сочетании с глаголом в форме конъюнктива может обозначать долженствование, обязанность (*detyrë*), а также необходимость, принуждение (*nevoj' o shterngim*). Сходное мнение находим у К.Тальявини⁷, который в описании изолированного гегского говора Борго Ериццо определяет как *futuro volitivo* будущее типа *kam me këndue* и, напротив, как *futuro di necessita*, — редко употребляемое в этом говоре будущее тоскского типа, например, *dua të punoin*.

² M.Domì, L'albanais et sa structure grammaticale, — RĚSì, t.65, p.30;

Sh.Demiraj, Morfologjia e gjuhës së sotme shqipe, (II). Tiranë, 1961 (ротапринт).

³ M.Çeliku, Tëgjilësja të qëndrueshëm foljorë në shqipen e sotme (sipas materialeve të të folmeve të Shqipërisë së mesme). — BUT, 1962, N 2, f.194–225.

⁴ G.Pekmezi, Grammatik der albanesischen Sprache (Laut- und Formenlehre) Wien, 1908.

⁵ G.Pekmezi. Указ. соч., стр.74.

⁶ A.Xanoni, Grammatika shqyp. Shkodër, 1909.

⁷ C.Tagliavini, L'albanese di Dalmazia. Contributi alla conoscenza del dialetto ghego di Borgo Erizzo presso Zara. Firenze, 1937, p.36.

Своеобразное употребление тоскского типа будущего времени у шкодранских авторов XIX в. отмечает и Ш.Демирай⁸. Он пишет, что шкодранские писатели использовали гегское будущее как обычный футурум без какого-либо оттенка необходимости, а тоскский тип — как *futurum necessitatis* в отличие от того, что наблюдаем в произведениях писателей из других районов Албании.

Языковой материал показывает, что, несмотря на отличия в структуре, оба типа футурума представляют собой вполне сформировавшиеся и высоко грамматизованные глагольные формы, и оба обладают значением нейтрального будущего. Më 17 të këtij mueji, m'ora nandë mbas dreke, thotë Shpendi se ka me më pritë në cep të rrugës sonë me një automobil që ka me na çue në Durrës (Stërm., 160) 'Шпенд говорит, что 17-го числа этого месяца в 9 часов вечера он будет ждать меня на углу нашей улицы с автомобилем, который отвезет нас в Дуррес'; Duhet me shpnesue qi këto studime... kanë me interesue organet kompetente ... (H.Dr., 1940, 334) 'Нужно надеяться, что эти исследования ... заинтересуют компетентные органы'; Inaugurimi i punimeve do të bëhet me pesë Maj (Gjata) 'Торжественное открытие работ состоится 5-го мая'; Ne kemi besim se do ta kryesh mirë këtë detyrë të vështirë (Gjata, 69) 'Мы верим, что ты хорошо выполнишь это трудное задание'.

Значение чистой футуральности рассматриваемых форм довольно часто осложняется различными модальными оттенками. При этом гегские формы характеризуются модальностью субъективного плана, т.е. выражают не только будущие действия, но и отношение действующего лица к выполняемому действию (возможность, долженствование, намерение, желание). В противоположность гегскому, тоскский тип футурума выражает, наряду с идеей будущего, объективную уверенность говорящего лица в осуществлении действия, либо необходимость совершения этого действия. Dielli asht në prenim e edhe unë do të kthehem në shtëpi. Në dëshirofshi kam me ju përcjellë (Hel., 69) 'Солнце на закате, и я тоже буду возвращаться домой. Если хотите, я вас провожу (= я могу вас проводить)'; Katundarët buzëqeshën me sherri. U erdh mirë që një mendje katundare ka me ia kalue ndoshta mendjes së një qytetari (J.re., 1966, 497) 'Крестьяне хитро улыбнулись. Им понравилось, что ум крестьянина превзойдет (= может превзойти), может быть, ум горожанина'; Ti je një patriot i vërtetë dhe do të vijë dita kur populli shqiptar do të ta shpërbëje (Gjata, 354) 'Ты настоящий патриот, и придет день, когда албанский народ воздаст тебе должное'; Po të shtojmë dhe këtë që merë-n Bashkimi e përkthen me "idea", do të pranojmë që ... (St. fil., 1966, № 2, 83) 'Если добавим еще, что слово merë словарь Bashkimi переводит 'идея', то признаем (= должны признать), что...'.

⁸ Sh.Demiraj. Disa shënime rreth lëvrimit të shqipes gjatë shekullit XIX.-
- BUT, N 1, 1959, 158.

Это различие двух типов будущего времени можно объяснить следующими обстоятельствами. Во-первых, вспомогательный глагол в гегском типе сохраняет свою парадигму, что позволяет ему быть носителем указанного модального значения, т.е. выражать отношение действующего лица к действию. Способность эту глагол *kam* обнаруживает особенно ярко при наличии определенных условий, например, в вопросительных и отрицательных предложениях и др. В тосском типе, как уже указывалось, вспомогательный глагол превратился в формообразующую частицу.

Во-вторых, глагол *kam* в албанском языке обладает более широким диапазоном значений, чем элемент *do*. В сочетании с инфинитивом другого глагола глагол *kam* образует перифразу, послужившую базой возникновения гегского будущего и имевшую модальное значение необходимости, долженствования. Это значение, хотя и редко, можно обнаружить у форм типа *kam me këndue* в современном языке. *Besa, moj nanë, edhe mue asht tue më rrekë gjumi mjaft, por ç'ti baj punës, se për nesër kam me mësuë 30 faqe përmendësh* (Mosi, 298) 'Поверь, мама, и меня очень клонит ко сну, но что поделать, если к завтрашнему дню я должен выучить 30 страниц наизусть'.

Глагол *kam* способен выражать также модальное значение невозможности. Это значение приобретает им в конструкции, образуемой по схеме — глагол *kam* в отрицательной форме + союз *si* 'как' + глагол в инфинитиве, конъюнктиве или индикативе. ... *të varfërit si ne s'kanë si 'ti dërgojnë djemtë në lice* (Kok., 85) '...бедняки, подобные нам, не могут (= не имеют как) посылать сыновей в лицей'.оборот *s'kam si* выражает невозможность для субъекта совершить действие, обозначенное последующим глаголом: "не могу, не имею возможности"⁹. Если конструкцию "*s'kam si* + инфинитив" употребить в вопросительном предложении, то ее структура и семантика несколько изменяется: глагол *kam* будет стоять в положительной форме и иметь значение возможности. *Morë, a e dini mirë 'qi s'ka dalë përtej deri tash? - E si 'ka pasë me e kapë kufinin në një natë?* (Feizi, 223) 'Эй, а точно ли вы знаете, что он до сих пор не ушел отсюда? - А как же он мог перейти границу за одну ночь?'; *Si ka me kenë e mundur?* (Kok., 209) 'Как это может быть возможно?'

⁹ Так как глагол *kam* ни в своем исходном значении 'иметь'; ни в модальном значении 'мочь' не может сочетаться непосредственно с союзом *si* 'как', то можно предположить, что здесь прежде имелось прямое дополнение (*s'kam mjetë, mënyrë, mundësi*), но позднее, через ступень эллипсиса, конструкция достигла современного вида. Интенсивности этого процесса и быстрому распространению возникшего оборота *s'kam si* способствовал, возможно, и тот факт, что сам глагол 'мочь' (*mund*) в албанском языке является дефективным.

Иначе обстоит дело с тоскским типом будущего времени. Способность элемента *do* выступать в роли формообразующей частицы возникла на основе определенных значений глагола *dua*, точнее, его безличной формы *do*. В настоящее время формообразующая частица *do* омонимична, во-первых, формам 2 и 3 л. ед.ч. глагола *dua* 'хотеть, любить, нуждаться', во-вторых, безличному *do* в значении 'нужно, необходимо' в конструкции "do + причастие". Kjo është vështirë të thuhet a do shqiptuar tje apo të (St. fil., 1966, № 2, 74) 'Трудно сказать, tje или të нужно произносить'.

Итак, глагол *kam* в определенных конструкциях теряет свое исходное значение 'иметь' и приобретает модальные значения необходимости и возможности/невозможности. Элемент *do* в сочетании с причастием выражает модальное значение необходимости, а значение возможности/невозможности у него отсутствует. По-видимому, различная модальная окрашенность гегского и тоскского типов футурума связана с различием значений, присущих глаголу *kam* и элементу *do* в целом ряде модальных конструкций, соотносительных с формами будущего времени.

Реализация указанных модальных значений зависит от целого ряда условий: типа предложения, наличия отрицания, лица глагола, присутствия определенных наречий. Следует учитывать также семантику спрягаемого глагола и факт одушевленности или неодушевленности субъекта действия. Эта зависимость могла бы быть предметом специального исследования. Проиллюстрируем лишь некоторые из перечисленных условий. Например, модальные значения возможности и долженствования, присущие формам гегского типа, обнаруживаются особенно ярко в вопросительных предложениях: E tash të shofim si ke me i thanë nanës, kur t'i apish lulet? (Mjeda-Xan., I2) 'А теперь посмотрим, что ты скажешь (= что ты должен сказать) маме, когда будешь отдавать ей цветы?'; Çka ka me ba tjetër, motër? At zanat e ka - ia ktheu tjetra (J. re., 1966, 495) 'А что он еще сделает (= что может сделать)? Такова у него работа. - ответила ей другая'; ... por a thue ke me i mbajtë në mend do vjersha? (Mjeda-Xan., I2) '...но скажи, запомнишь ли (= можешь ли запомнить) несколько стихотворных строк?'. В последнем примере сочетается несколько факторов: вопросительный тип предложения, одушевленный субъект действия, а сам знаменательный глагол (точнее, глагольный фразеологизм) *me i mbajtë në mend* 'запомнить' относится к числу субъективно-активных глаголов, т.е. обозначает действие, сознательно совершаемое субъектом, зависящее от его воли и способностей.

Что касается тоскского, то укажем на модальный оттенок долженствования, проявляющийся в аналогичных синтаксических построениях (т.е. в вопросительных предложениях). Nga do të nisemi ne për të caktuar raportin kohor ndërmjet fjalisë kohore dhe asaj nga varet? (St. fil., 1966, № 2, 176) 'Из чего мы будем (= должны) исходить при определении ха-

рактера временной связи между придаточным временным предложением и главным?»; E pse të mos i pas? Pse frikë nga ai do të kem? (Prifti, 108) 'А почему мне с ним так не разговаривать? Зачем я буду его бояться? (должен его бояться)'; më thuej: A do të pres shumë? (Pit., 77) 'Скажи мне, долго ли я еще буду ждать? (мне придется ждать)'.

Гегские формы выражают и такие будущие действия, возможность осуществления которых вытекает из наличия в момент речи необходимых условий. Отсюда способность этих форм употребляться в предложениях с причинно-следственной связью. Je bij' malesh, s'ke me na tradhtue! (Gur., 58) 'Ты дочь гор, ты не предашь нас (не можешь предать нас)'; Kështu që lexuesi italian s'ka me e shijue sall bukuriñ e artit të poetit të Makit, por ka me u njoftë edhe me vendlindjen e tij... (J. re., 1967, 157) 'Так что итальянский читатель может не только насладиться художественным мастерством поэта Маки, но и познакомиться с его родиной...'

Итак, оба типа будущего времени обладают значением нейтрального будущего, а различия обнаруживаются в характере модальных оттенков.

* * *

Анализ употребления форм гегского и тосского будущего времени позволяет выявить некоторые сходные функции этих типов футурума:

а) первая и основная функция обоих типов будущего времени состоит в обозначении ими действий, которые произойдут после момента речи, т.е. в будущем. При минимальном контексте обе формы представляют действие как предстоящее — kam me këndue u do të këndoј 'я буду петь';

б) как одну из особенностей употребления гегского и тосского типов будущего времени можно назвать их способность выражать императив. Об императивном употреблении форм будущего времени в албанском языке у Ш.Демирая¹⁰ находим следующее: футурум употребляется иногда для передачи коротких, резких приказов, относящихся к будущему. Иллюстрируется это положение у Ш.Демирая тосской формой без каких-либо оговорок в отношении гегских форм будущего времени. На возможность употребления форм будущего времени гегского типа в значении императива обращал внимание в своей грамматике Ю.Рота¹¹. При этом он отмечал, что приказ, выражаемый формой футурум, звучит несколько мягче и спокойнее.

Языковой материал показывает, что оба типа будущего времени могут употребляться в императивной функции, при этом формы будущего време-

¹⁰ Sh.Demiraj. Morfollogjia.... f.207.

¹¹ J.Rota. Libër Shteti për shkollë të mjesme. Sintaksi i shqipes për klasën të-II, III, IV të shkollave të mjesme. Shkodër, 1942.

ни передают различные оттенки приказа, например, робкая или вежливая просьба, резкое категоричное требование. *Zojë, do të më falish sot se kam gabue* (Jak., 38) 'Госпожа, прости меня сегодня, я ошибся'; *Ajo asht jot amë. Mbas sudit atë ke me e thirrë nane - tha Hallë Hati-xheja* (Stërm., 27) 'Это твоя мать. С сегодняшнего дня будешь называть ее мамой - сказала тетя Хатиджей'; *Fronti i punës është këtu! Këtu jini caktuar dhe këtu do të punoni!* - u përgjigj vajza ashpër... (Gjata, 294) 'Фронт работы здесь. Сюда вы назначены, и здесь вы будете работать. - резко ответила девушка...'.
 ... buza e njomë iu dridhe,

Kur i foli: Gjën, s'ke me m'harrue! (Gur., 104)

'...нежные губы дрожали, когда она сказала ему:

Гьин, ты не забудь меня!'.
 Будущее императивное, как правило, относит выполнение требуемого действия к моменту более отдаленному от настоящего, чем при императиве.

Особенно ясно различие между формами императива и будущего обнаруживается при их одновременном употреблении: все приказы, выполнение которых ориентировано на более отдаленный срок, выражаются формой будущего времени, напротив, приказы, выполнение которых требуется немедленно, передаются формой повелительного наклонения. *Do të hyjsh në Shqipni si zavendës adjutant i kampit. Do të rrijsh pranë Moisi Golemit. Do të jesh kudo që do të jetë ai. Kush prek Mojsiun, të ka prek ty. Merre këtë myhyr dhe rroje si sytë!* (Pit., 73) 'Войдешь в Албанию как заместитель адъютанта лагеря. Будешь находиться при Моиси Големи. Будешь везде, где будет он. Кто тронет Моиса, тот тронет тебя. Возьми это кольцо и храни его, как зеницу ока';

в) формы будущего времени в албанском, как и во многих других языках, могут использоваться также для выражения предположения, относящегося к моменту речи. В этих случаях формы будущего времени фактически теряют свое значение футуральности и используются для передачи предполагаемых действий. Такое употребление бывает свойственно лишь определенному кругу глаголов, т.е. ограничено лексически. В албанском языке это глаголы *jam* 'быть, существовать', *kam* 'иметь' (в 3-м лице также со значением 'иметься'), *di* 'знать', *them* 'говорить'. Подобное употребление встречается как в научных текстах, так и в живой, разговорной речи. *Kush e di sa frikë do të ketë Sofika atje në internat!* (Kok., 305) 'Кто знает, как страшно Софике там в интернате!'; *Un s'e dij. As gratë t'ona moderne nuk do të dijnë ndoshta sod se dikur nanat e gjyshet e tyne shkojshin me u lutë tu "vorri i Fratit"* (H. Dr., 1940, 546) 'Я не знаю этого. И наши нынешние женщины не знают, наверное, сейчас, что когда-то их матери и бабушки ходили молиться к "могиле Монаха"'; *Mund të thohet, pa drashtë, se i a teprohet, se kanë me kenë pak ndër shqyptarët vetë, ashtu edhe ndër të huej ata që mund*

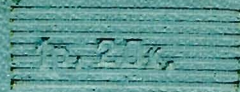
të thonë... (H.Dr., 1940, II0) 'Можно сказать, не боясь преувеличить, что как среди самих албанцев, так и среди иностранцев мало (= имеется, найдется) таких, которые могут сказать...'; Lipi ja priti: Do të jesh një fëmijë e keqe! (Mjeda-Xan., 25) 'Липи ответил ему: - Ты, должно быть, плохой ребенок.'; Do të kem zjarr, - tha Ismaili dhe vuri dorën në ballë. (Kok., 97) 'У меня, наверное, жар, - сказал Исмаил и положил руку на лоб'.

* * *

Итак, гегский и тоский типы будущего времени, характеризуясь присущими каждому из них структурными особенностями, обладают значением нейтрального будущего, но отличаются друг от друга модальными оттенками. Гегская форма способна выражать значение возможности/невозможности со стороны субъекта выполнить действие, реже - значение необходимости, долженствования; тоской форме свойственно выражать лишь значение необходимости, долженствования. Оба типа форм употребляются в значении императива, а также для выражения предполагаемых в момент речи событий.

П р и н я т ы е с о к р а щ е н и я

BUT.	-	Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës, seria shkencat shoqërore.
Gur.	-	M.Gurakuqi. Në udhët e jetës. Tiranë, 1960.
Feizi.	-	A.Feizi. Grammatika albanese. Roma, 1939.
Gjata.	-	F.Gjata. Kënetat. Tiranë, 1959.
Jak.	-	K.Jakova. Halli e Hajrija. Tiranë, 1959.
J.re.	-	Jeta e re. Prishtinë.
Hel.	-	Helenau. Trandafila që s'çelin për ne. Tiranë, 1959.
H.Dr.	-	Hylli i Dritës. Shkodër.
Kok.	-	V.Kokona. Me valet e jetës. Tiranë, 1961.
Mjeda-Xan.	-	N.Mjeda, A.Xanoni. Agimi. Tirane, 1962.
Mosi.	-	H.Mosi. Zani i atdheut. Tiranë, 1960.
Pit.	-	S.Pitarka. Trimi i mirë me shokë shumë (Gjergj Kastrioti Tiranë, 1958.
Prifti.	-	N.Prifti. Çezma e floririt. Tiranë, 1960.
RËSI.	-	Revue des études slaves. Paris.
Stërm.	-	H.Stërmilli. Sikur t'isha djallë. Tiranë, 1959.
St.fil.	-	Studime filologjike. Tiranë.

12.237

БАЛКАНСКОЕ языкознание

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА